

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

В номере:

Смутное время в России

О времени начала и завершения Смуты

Террор на начальном этапе Смутного времени

Фискальные механизмы в условиях государственного кризиса

Московское дворянство в водовороте событий начала XVII в.

Смута в Нижнем Поволжье

Иноземцы в русской Смуте

Правда и вымысел о Нижегородском ополчении

Князь Пожарский и Шуйские

**Царство Польское в стратегических взглядах
И.Ф. Паскевича**

Судьбы русского крестьянства в XIX–XX вв.

Дипломатия Советской России в 1917–1918 гг.

«Русский след» в американской интервенции

МОСКВА
НАУКА

5 сентябрь
октябрь
2012

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

С.С. СЕКИРИНСКИЙ

Ответственный секретарь М.А. Новикова

Тел. 8-499 723-69-10

Адрес редакции:

117036 Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Наша электронная почта:

otech_ist@mail.ru

otech_ist1@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF

S.S. SEKIRINSKY

Managing Editor M.A. Novikova

Tel. 8-499 723-69-10

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Смутное время в России начала XVII века

© 2012 г. А. В. МОРОХИН, А. А. КУЗНЕЦОВ*

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1611–1612 ГОДОВ

История Нижегородского ополчения под руководством Кузьмы Минина и кн. Д. М. Пожарского с XVII в. привлекает внимание общества и исследователей. Следствием повышенного интереса к событиям 1611–1612 гг. стало переиздание сборника, подготовленного в 1911–1912 гг. содружеством нижегородских архивистов и ученых-историков под руководством С. Ф. Платонова¹, а также вышедшего в 1917 г. фундаментального исследования П. Г. Любомирова², до сих пор не потерявших своей значимости. Период формирования Ополчения в Нижнем Новгороде также нашел отражение в трудах С. М. Соловьева, И. Е. Забелина, Н. И. Костомарова, Платонова и др.³ В советское время и в 1990-х гг. к истории Нижегородского ополчения обращались Р. Г. Скрынников, В. П. Макарихин и др.⁴ Однако их исследования по отношению к этому сюжету в значительной степени вторили трудам Любомирова, Платонова, Забелина, нижегородских архивистов начала XX в. Новацией можно было бы считать версию о личном знакомстве Минина и Пожарского до 1611 г., однако предположение о балахнинском происхождении Минина⁵, на котором основывалась эта гипотеза, недавно было подвергнуто сомнению в работах Б. М. Пудалова, С. В. Сироткина и А. В. Морохина⁶. Отсутствие историографической динамики в изучении Нижегородского ополчения почти за столетний период объясняется состоянием источниковой базы. По словам Любомирова, зарождение, начальный период истории, структура Ополчения и время его пребывания в Нижнем Новгороде скудно освещены источниками, в результате чего во всех этих вопросах «остается еще много неясного, спорного»⁷. Подлинных свидетельств о нижегородских событиях конца 1611 – начала 1612 г. практически не сохранилось. Известные летописные свидетельства и актовый материал весьма скупо и сжато характеризуют мероприятия по организации Ополчения.

В последнее время исследователи вновь обратились к изучению истории Ополчения в связи с другими событиями Смутного времени. Период, предшествовавший образованию Ополчения, борьбу властей Нижнего Новгорода с тушинцами с опорой на введенные им в научный оборот документы подробно исследовал А. В. Антонов⁸. Ряд интересных наблюдений по начальной истории Ополчения Минина и Пожарского, его связи с Ополчением Прокопия Ляпунова привел В. Н. Козляков⁹; сделанные им выводы подтверждены и дополнены Пудаловым¹⁰. О взаимоотношениях Ляпунова и кн. Пожарского пишет Ю. М. Эскин¹¹. Информацию для размышлений относительно Ниже-

* **Морохин Алексей Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии и источниковедения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

городского ополчения поставляют исследования приказной системы России Д.В. Лисейцева и Н.В. Рыбалко¹² и работы А.Ю. Хачко, А.Л. Мусихина, Морохина, Пудалова и др., освещающие историю Нижнего Новгорода в начале XVII в.¹³

Традиционно считается, что начало Ополчению положило знаменитое воззвание Минина к нижегородцам. Однако патриотический пафос данного факта, освоенного и в императорской России, и в Советском Союзе, и в Российской Федерации, препятствует постановке и исследованию научных проблем. Долгое время исследователи не проявляли интереса к тому, почему нижегородцы быстро откликнулись на зов Минина, почему его призыв упал на подготовленную почву? Вследствие этого ученые редко обращали внимание на содержание речи Минина. Между тем, в историографии ее текст существует не в одном варианте.

Речь нижегородского земского старосты известна по нескольким источникам. Так, в «Повести о победах Московского государства», созданной в конце 1620-х – начале 1630-х гг., указывается, что Минин предложил пригласить в Нижний Новгород смоленских дворян и детей боярских, находившихся в то время под Арзамасом: «Лутче бо есть нам имения своя им отдать, а самим от иноверных поругания свободным быти, и в вере правой жити, ...нежели от иноверных наития и разорения на себе ждати, и себе, и жены, и детей своих неволею отстати»¹⁴. Согласно «Новому летописцу», созданному, как считается, в окружении патриарха Филарета в 1630 г.¹⁵, Минин сказал: «Будет нам похотеть помочи Московскому государству, ино нам не пожелети животов своих; да не токмо животов своих, ино не пожелеть и дворы свои продавать и жены и дети закладывать, и бити челом, хто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником»¹⁶. По наблюдениям В.Г. Воиной-Лебедевой, эти слова, с которых начиналась речь Минина, «были, возможно, приписаны позднее к рассказу о Пожарском, чтобы немного усилить роль Минина»¹⁷. Третий вариант речи земского старосты содержится в «Книге о чудесах преподобного Сергия», составленной монахом Троице-Сергиевой лавры Симоном Азарьиним в середине XVII в. В сочинении говорится: «Козьма... глаголя перед всеми в земской избе и идеже аще обреташеся со слезами плача и рыдая: Московское, рече, государство и прочие гради большия и меньшия все разорени быша от безбожных, и людие благороднии от вельмож и до простых все посечени быша, жены их и дщери пред лицом их опозорени и в плен ведоми быша, и не мочно тоя беды изглаголити. Яко же слышим, и ныне Москва и прочие гради одержими от еретик, одолеша погани мало не всю землю Русскую. Толико благодатию Божию град наш един Богом храним, и пребываем яко в безбоязнии; а враги наши поляки и литва, с ними ж и рустии крестопреступники, яко свирепии волпы, зияюще усты своими, хотяще разхитити нас, яко овца, неимущих пастыря, и град наш разорению предати; мы же о сем ни мало пекущися и промыслу не чиним»¹⁸.

Все версии «мининского призыва» были созданы через несколько десятилетий после описываемых событий и разнятся между собой. Это обстоятельство вызывает сомнения в их достоверности. Между тем источником информации, зафиксированной в летописных памятниках, являются грамоты, рассылавшиеся руководством II Ополчения в российские города с призывом поддержать инициативу Нижнего Новгорода. Так, в одной из грамот начала 1612 г. писалось, что «всякие люди Нижнего Новагорода, посоветовав меж себя, приговорили животы свои и дома с ними (смолянами, дорогобужанами, вязьмичами. – *А.М., А.К.*) разделить, жалованье им и подмогу дати». В другой грамоте, отправленной в Яренск 4 октября 1612 г., отмечалось, что нижегородцы «сами себя ни в чем не пощадили»¹⁹. В окружной грамоте кн. Пожарского, датированной июнем 1612 г., также говорилось, что «в Нижнем Новгороде гости и посадские люди и выборный человек Косма Минин, ревнуя пользе, не пощадя своего имения, учали ратных людей сподоблять денежным жалованьем»²⁰.

Вероятнее всего, сведения о призыве Кузьмы Минина к нижегородцам, содержащиеся в летописных памятниках, и в первую очередь – в «Новом летописце», были собраны и соединены в единый нарратив в XVIII в. историком И.И. Голиковым. Благодаря ему «речь» Минина в дальнейшем стала популяризироваться и даже развиваться

последующими поколениями историков²¹. Так широкой публике и стали известны призывы земского старосты Нижнего Новгорода отдать последнюю рубашку на создание Ополчения и даже заложить в случае необходимости жен и детей, хотя Любомиров справедливо считал эти ярко расписанные пожертвования поздней легендой²².

Несомненно, патриотические настроения в Нижнем Новгороде начала XVII в. существовали, подогревались борьбой с теми, кто, в случае победы, разграбил бы город и его обитателей, и отразились в некоторых источниках. Так, в «Повести о разорении Московского государства» говорится, что нижегородцы «воскорбеша душами, да никак оодолеют поляки и литва православных и благодатию Божиею положиша межю собою совет благ: избраша мужа житием благоговейна посадцкого человека Козьму Минина, и собравше казну многу, и ратным людем начаша давати, на то же смотря и во всех градах казну собирающе и к Кузьме привозяще, и избраша воеводою себе благоизрядного боярина князь Дмитрея Михайловича Пожарского. И когда уже осия благодать Божия вся люди, подвигнушася вси отовсюду честныя люди, боярская и велможская роду, и дворяне, и дети боярския и всяких чинов люди, собравшася вси купно за едино, и бысть велико войско, Козма же им денги на корм дая комуждо по достоянию»²³. Естественно, что на эти настроения должны были повлиять борьба нижегородцев против болотниковцев и тушинцев при защите города и походы против них на сопредельные земли (об этом писали А.В. Антонов и Б.М. Пудалов). К сожалению, имя Кузьмы Минина ни разу не упоминается в связи с нижегородскими событиями 1606–1610 гг. Однако для того, чтобы в 1611 г. он воззвал к нижегородцам и чтобы его речь произвела эффект, нужны были какие-либо предпосылки, условия (авторитет, заслуги). В «Книге о новоявленных чудесах...» Симона Азарьина сообщается, что Кузьма Минин вышел с призывом к народу после явления ему Сергия Радонежского. Это объясняло бы, как представитель народа возглавил организацию Ополчения, проникнувшись явлением святого и вдохновив этим нижегородцев. Однако полностью принять такую трактовку мешает то, что сочинение Симона Азарьина относится к текстам, где важная роль в идеологии и создании Ополчения в Нижнем Новгороде отводится Троице-Сергиеву монастырю. Рассказ о явлении преподобного Сергия помещается после сообщения о рассылке из обители грамот, в том числе и в Нижний Новгород. Но еще в начале XX в. было доказано, что сборы средств на Ополчение начались после получения грамоты патриарха Гермогена.

Привычные в историографии и краеведении представления о месте выступления Минина и выхода Ополчения на освобождение Москвы при внимательном рассмотрении также оказываются сомнительными. Считается, что Минин воззвал к народу у храма Иоанна Предтечи, у подножия Ивановской башни нижегородского кремля. Этот «факт» увековечен картиной К. Маковского и другими произведениями его коллег. Отсюда, якобы, Ополчение двинулось в ратный путь. Эти реалии не отражены в источниках и фиксируются лишь в трудах нижегородцев XIX в. Важное место среди них занимает П.И. Мельников (Андрей Печерский). Ему принадлежит произвольная вставка имени *Минин* в купчую 1602 г. в состав имени *Кузьма Захарьев Сухорук*. Эта вставка позволила локализовать дом Кузьмы Минина в приходе храма Иоанна Предтечи. Там же – ближе к Волге – находилась земская изба. В нее логично было бы поместить земского старосту Кузьму Минина. Там же, со ступеней храма, логично было бы призывать к народу. Так было создано «место памяти» призыва Минина и выхода Ополчения. Однако в основе этого, повторимся, лежит вставка-фальсификация, сделанная Мельниковым для прояснения картины создания Ополчения.

Не менее сомнителен и сюжет, связанный с погребением Кузьмы Минина. До сего времени считалось, что он был похоронен в кафедральном Спасо-Преображенском соборе. В источниках же говорится только, что Минина «не стало» на пути из Казани. Первые сведения о его погребении появились лишь в конце XVIII в., когда прибывший в Нижний Новгород литератор Н.С. Ильинский велел показать могилу Минина в соборе. Он узнал о ней из труда Голикова, описавшего сцену поклонения Петра I останкам Минина. Ильинскому было указано погребение, лишенное каких-либо атрибутов.

Возмущение Ильинского побудило нижегородские власти в начале XIX в. обустроить могилу «спасителя Отечества». Затем в 1830–1840-е гг. под пером Мельникова и его ученика, будущего крупного историка, а тогда еще гимназиста С.В. Ешевского был создан классический текст о поклонении Петра I могиле Минина. Он утвердил «факт» погребения Минина в Спасо-Преображенском соборе.

Не все ясно и с обстоятельствами появления в Нижнем Новгороде в качестве военного лидера кн. Д.М. Пожарского. До сих пор нет единого мнения о том, в какой из своих вотчин князь находился в момент обращения к нему с предложением возглавить формирующееся Ополчение – в Мугрееве, Пурехе или Нижнем Ландехе²⁴. «Новый летописец» сообщает, что Пожарский, получив приглашение приехать в Нижний Новгород, «рад бысть и хотяше ехати в тот час»²⁵. В разрядных записях также отмечено, что князь «прошение их (нижегородцев. – *А.М., А.К.*) с радостию приемлет»²⁶. Между тем сам он в окружной грамоте всероссийским городам, направленной в июне 1612 г., признавался, что «присылали по меня, князя Дмитрия, из Нижняго многажды, чтоб мне ехати в Нижний для земскаго совета»²⁷. Вопрос о том, почему нижегородцы пригласили возглавить Ополчение кн. Пожарского – человека со стороны, а не воспользовались услугами местного второго воеводы Андрея Семеновича Алябьева, проявившего талант военачальника в боях со сторонниками Лжедмитрия II в Поволжье в 1608–1610 гг., или первого воеводы кн. Василия Андреевича Звенигородского, остается открытым.

Источники отмечают, что основу Нижегородского ополчения составили смоленские дворяне, оказавшиеся под Арзамасом после захвата Смоленска польским королем Сигизмундом III. Обстоятельства и время появления в Нижнем Новгороде отрядов смоленских дворян и детей боярских остаются до конца не выясненными. Согласно «Новому летописцу», они отправили челобитчиков, «чтоб их приняли к себе в Нижний» (видимо, на службу за жалованье), после чего кн. Пожарский пригласил их вместе с дворянами Дорогобужа и Вязьмы и «нача давати жалованье, что збираху в Нижнем»²⁸. По другим источникам, с инициативой призвания смолян выступили сами нижегородцы. «Повесть о победах Московского государства» говорит о том, что смоляне получили приглашение от Минина, который «обеща им дати денежные оброки, кормовья запасы, еже есть годно им на потребу». После этого они 6 января 1612 г. прибыли в Нижний Новгород, где «бысть... о пришествии смоленского воинства радость велия»²⁹. Симон Азарьин сообщает, что сначала в Нижнем Новгороде был составлен «приговор всего града за руками». После этого нижегородцы «с молением» отправили делегацию к смолянам, «да придут в Нижней, обеща им корм и казну на подмогу давати»³⁰. «Карамзинский хронограф» также отмечает, что жители Нижнего Новгорода сами «присылали» к смолянам, чтобы те «в Нижний пришли». Этот же источник называет и дату отправления смолян в Нижний Новгород – «о Дмитриев день», т.е. 26 октября³¹. По расчетам Любомирова, прибыть в город они могли уже 28 октября³². Приходится признать, что последовательность событий при организации Ополчения остается неясной.

Согласно предположению В.Н. Козлякова, «не исключено, что был предпринят найм ратных людей для обороны города». Именно в защите города и заключалась изначальная цель действий Минина и других нижегородцев, заинтересованных в сохранении порядка и организации отрядов самообороны – население опасалось возможности захвата и разграбления города польско-литовскими отрядами или не подчинявшимися никому казаками. Таким образом, «земский центр спротивления подмосковным казакам и самообороны создавался в Нижнем Новгороде исподволь», а приглашенные смоляне первоначально должны были решать исключительно локальные задачи. Отписка кн. Пожарского на Курмыш, составленная в 20-х числах декабря 1611 г., целью сбора ратных людей в Нижнем Новгороде называла «итьти... под Москву против литовских и польских людей». Это, по мнению Козлякова, означало, что нижегородцы в 1611 г. хотели оказать поддержку Подмосковному ополчению – «такой политический жест был жизненно необходим, пока в Нижнем Новгороде не выяснили общее земское настроение по отношению к “боярам”, стоявшим с полками под Москвой». И лишь после

этого в городе задумались о судьбе всего Московского государства и стали рассылать «программные» грамоты от имени земского совета во главе с воеводами Д.М. Пожарским и И. Биркиным³³.

На какие же средства нижегородцы собирали Ополчение? Источники, по словам Любомирова, дают «недостаточно отчетливую в деталях картину сбора»³⁴. Сам Минин, по свидетельству «Повести о победах», разделил свое имущество на три части и «взяв две части имения своего, и со многую радости принесе на собрание казны ратным людем, себе же на потребу едину часть имения своего остави». По примеру Минина поступили и «все граждане» Нижнего Новгорода³⁵. Карамзинский хронограф сообщает, что Минин «нижегородских посадских торговых и всяких людей окладывал, с ково что денег взять, смотря по пожитком и по промыслом, и в городы на Болохну и в Гороховец послал же окладывать»³⁶. Приговор распространялся не только на город, но и на уезд. «Нижегородский летописец» зафиксировал, что в городе «с посацких людей... имали пятую денгу ратным людем на жалованье»³⁷. «Пискаревский летописец» отметил, что Минин «почал в Новегороде казну збирати з гостей, и с торговых людей, и со всяких тамошних житейских людей, хто чего стоен: с ыного рубль, с ыного пять и шесть, с ыного десять, и двадцать, и пятьдесят, и сто, и двести, и триста, и пятьсот, и тысячу, и больши. И свою казну дал тут же всю»³⁸. Симон Азарьин писал, что Минин «мало себе нечто в дому своем оставив, а то все житие свое положив пред всеми на строение ратных людей. И тако же и прочии гости и торговые люди приносяще казну многу. Инии же аще и не хотяще скуности ради своя, но и с нужоу приносяще». Он также отмечает, что и «уездные люди не единого Нижнего Новаграда, но и прочих градов, везуа казну, колико кто можаше»³⁹. Разрядные записи зафиксировали, что Минин «многие поборы денежные собирает»⁴⁰.

В декабре 1611 г. в послании к воеводе Курмыша С.В. Елагину Пожарский и дяк В. Юдин просили выдать сполна жалование местным дворянам, детям боярским, стрельцам и казакам, которым после этого предписывалось «со всею службою идти в Нижний тот час; а из Нижнева идти вам... под Москву против литовских и польских людей»⁴¹. Елагину предписывалось прислать в Нижний денежные доходы с Княгининской и Шахмановской волостей и доставить сведения о собранных денежных доходах, которые и прислать в Нижний на жалованье служилым людем. Известно, что тогда же из Нижнего Новгорода посылались для сбора денежных доходов «ратным людем на жалованье» сборщики в Мурашкино, а также, что уже в декабре «все городы согласились с Нижним, понизовые и поволские, и Рязань, и всякие доходы посылают в Нижней Новгород и хотят... поборать и умирать за благочестивую веру и за свои души»⁴². В феврале 1612 г. Пожарский и Юдин просили курмышан выслать в Нижний «на земскую службу» ратных людей – «дворян и детей боярских, и сотников стрелецких с стрельцы, и тарханов, и чувашу, и черемису»⁴³. В грамоте кн. Д.Т. Трубецкого и кн. Пожарского в Яренск от 4 октября 1612 г. говорилось, что в Нижнем Новгороде и «в иных городах» население «сбирая с себя денги, сверх окладных денег, давали ратным людем в жалованье»⁴⁴. Значительная часть средств из неокладных доходов была взята и у «всяких людей» Нижнего Новгорода⁴⁵. Известный предприниматель Г. Строганов свидетельствовал в 1672 г., что руководители Ополчения «имали у прадедов и у дедов моих многие денги... и в тех денгах... отписи давали за своими руками». Он же отметил, что как только Ополчение покинуло Нижний Новгород, «посацкие люди те свои денги из таможенных и из кабацких доходов взяли назад»⁴⁶. Надо полагать, большая часть средств на сбор Ополчения представляла собой добровольные пожертвования. Одновременно с этим имел место и принудительный заем с богатых торговцев с последующей выплатой из казенных доходов.

Каким образом распределялись собранные деньги? «Пискаревский летописец» отметил, что Минин «почал жалованье давати: хто чего достоин»⁴⁷. «Повесть о разорении» также говорит о том, что он «денги на корм дая комуждо по достоянию»⁴⁸.

«Бельский летописец» зафиксировал, что Пожарский и Минин давали «многие столовые запасы и денежное великое жалованье по тридцати по пяти рублей, смотря по человеку и по службе своим презреньем»⁴⁹. По сообщению «Повести о победах» Минин, «разобрав же дворян града Смоленска против их дворянской чести на три стати, учинив первую статью, и среднюю, и меньшую, и вместо государева жалованья даде им по 15 рублей, потом же даде им по статьям: первой статье по 30 рублей, средней же статье по 20 рублей, меньшей же статье по 15 рублей»⁵⁰. Карамзинский хронограф говорит, что Пожарского, Минина и смолян «пожаловали денежным жалованьем болшим, первой статье давали по 50 рублей, а другой по 45 рублей, третьей по 40 рублей, а менши 30 рублей не было, и пожаловав всех ратных людей и козаков, и стрелцов, и пошли в Великой пост в Ярославль»⁵¹.

Состав Ополчения к февралю–марту 1612 г. помогает выяснить отписка его руководства на Вологду. Она написана от имени «дворян и детей боярских Нижнего Новгорода, и смолян и дорогобужан и вязмичей и иных многих городов дворян и детей боярских и голов литовских и стрелецких, и литвы, и немци, и земских старост, и таможенных голов, и всех посадских людей Нижнего Новгорода, стрельцов и пушкарей, и затинщиков, и всяких служилых людей, и жилецтех людей». В отписке говорится, что в Нижнем находятся «многих розных городов ратные люди, и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки». Из нее же следует, что в Нижний Новгород из Арзамаса вместе со смолянами прибыли дорогобужане и вязмичи»⁵².

Надо отметить и слабую проработанность вопроса об отношениях городских властей Нижнего Новгорода и сформированного Ополчения. Платонов отмечал наличие в городе «приказа» – «особого от городского административного штага», которым и руководили кн. Пожарский, Биркин, Юдин и Минин»⁵³. Известно, что руководство города в лице воевод кн. В.А. Звенигородского, А.С. Алябьева и дьяка В. Семенова заключало «приговор» с Биркиным, Кузьмой Мининым и посадскими людьми о взятии неокладных доходов «у всяких людей» города «ратным людем на жалованье... покаместа нижегородские денежные доходы в зборе будут»⁵⁴. Согласно известному, но редко используемому документу, Нижегородской платежнице, 1 марта 1612 г., когда Ополчение было на марше, нижегородцы на общем сходе решили имеющийся у них воск (108 пудов) продать москвичу Федору Замошникову, дабы он его перепродал с целью покупки для Нижнего Новгорода в Вологде пороха и свинца, которых в городе не хватало. Вся эта коммерческая операция была завершена к 10 апреля 1612 г.⁵⁵ Из этого следует, что структуры Ополчения и городские власти Нижнего Новгорода были в определенной степени автономны друг от друга. О том, что в Нижнем Новгороде «зелья и свинца мало», говорилось и в отписке руководства Ополчения на Вологду. Руководители Ополчения даже просили жителей Вологды «зелья и свинцу к нам в Нижней прислать тотчас»⁵⁶.

Приходится констатировать, что ни один из нижегородских воевод не принял участия в организации Ополчения; мы не знаем о большом количестве представителей нижегородского служилого города в составе воинства Пожарского и Минина. Таким образом, Ополчение представляло собой нечто внешнее по отношению к городским структурам Нижнего Новгорода. Оно более связывается с движением тех сил, которые действовали вне города. Лишь наличие опытных смоленских дворян заставляло власти города мириться с организацией движения сопротивления. Выход же Ополчения из Нижнего Новгорода вернул его жителей к прежним заботам, в том числе и к налаживанию обороны.

История Ополчения 1612 г. при тщательном изучении комплекса разнородных источников представляет собой не до конца изученный социокультурный феномен из прошлого России. Намеченные проблемы имеют перспективы решения. Дальнейшие исследования истории Нижегородского ополчения позволят отказаться от устоявшихся стереотипов и представить одну из страниц истории Смутного времени интересной, яркой и соответствующей современным требованиям научной реконструкции.

Примечания

¹ Памятники истории Нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. // Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Т. 11. Нижний Новгород, 1912. Переиздание: Подвиг нижегородского ополчения. Т. 1–2. Нижний Новгород, 2011.

² *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917. Изд. 2. М., 1939 (далее цитируется изд. 2).

³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 5–6, 7–8. М., 1989; *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. СПб., 2005; *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства начала XVII века. М., 1994; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 340–351.

⁴ *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981; *Макарихин В.И.* День гражданина Минина. Научно-методическое пособие в помощь преподавателю истории. Нижний Новгород, 1999; *он же.* Князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Научное пособие для проведения Дня славы Нижегородского ополчения 1611–1612 гг. Нижний Новгород, 1999; *Соколов А.Н.* Князя Пожарские и Нижегородское ополчение. Саранск, 2005.

⁵ *Кучкин В.А.* О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. № 2. С. 209–211; *Кирьянов И.А.* О Кузьме Минине (Новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1. С. 144–146.

⁶ *Морохин А.В., Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина // Российская история. 2009. № 6. С. 204–206; *Сироткин С.В.* «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 138–151.

⁷ *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 47.

⁸ *Антонов А.В.* К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатари. Вып. 6. М., 2000. С. 196–240.

⁹ *Козляков В.Н.* Развитие земской идеи в Нижегородском ополчении // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 163–179; *он же.* Первое ополчение в истории Смутного времени // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. Рязань, 2011. С. 3–10.

¹⁰ *Пудалов Б.М.* «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг. Историографический очерк. Нижний Новгород, 2011. С. 34–41.

¹¹ *Эскин Ю.М.* Пожарский и Ляпунов // Смутное время и земские ополчения... С. 11–18.

¹² *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009; *Рыбалко Н.В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время. М., 2011.

¹³ *Хачко А.Ю.* Как звали Минина. Купчая 1602 г. // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2003. С. 7–11; *Морохин А.В.* Нижегородское духовенство и формирование ополчения 1612 года // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 145–152; *Пудалов Б.М.* Дьяк нижегородского ополчения (Новые данные к биографии) // Мининские чтения. Материалы докладов научных конференций, проводившихся в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского 22 мая 1998 г., 21 мая 1999 г. и 21 мая 2000 г. Нижний Новгород, 2001. С. 20–21; *он же.* Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611–1612 гг.) // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. С. 125–137; *Мусихин А.Л.* Доможировы – участники событий Смутного времени в Нижегородском крае // Мининские чтения. Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 113–125.

¹⁴ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 29–30. О времени создания этого памятника см.: *Енин Г.П.* Повесть о победах Московского государства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3. СПб., 1998. С. 165.

¹⁵ *Солодкин Я.Г.* Летописец Новый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII век). Ч. 2. СПб., 1993. С. 258.

¹⁶ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 116.

¹⁷ *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 306.

¹⁸ *Азарьин С.* Книга о чудесах преподобного Сергия // Памятники древней письменности. Вып. 70. СПб., 1888. С. 34–35. О времени написания сочинения см.: *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 378.

¹⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографического экспедицией Императорской Академии Наук (далее – ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. № 201. С. 339; № 213. С. 272.

- ²⁰ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). Ч. 2. М., 1819. № 281. С. 594.
- ²¹ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 12. М., 1840. С. 445; *Ильинский Н.* Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина. СПб., 1799. С. 21–22; Похвальное слово князю Пожарскому и Кузьме Минину. СПб., 1807. С. 11; *Львов П.* Пожарской и Минин, Спасители Отечества. СПб., 1810. С. 101–102; *Корецкий Ф.* Краткое изображение бессмертных подвигов нижегородского гражданина Козьмы Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, взятое из исторических преданий тогдашних времен. М., 1817. С. 42–44; *Малиновский А.Ф.* Биографические сведения о князе Димитрии Михайловиче Пожарском. М., 1817. С. 29–30; *Мельников П.И.* Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. 1843. № 7. С. 32; *Глухарев И.* Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин. М., 1848. С. 98–100; *Чичагов Н.* Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина. СПб., 1848. С. 70; *Парийский С.М.* Кузьма Минин. Нижний Новгород, 1916. С. 6.
- ²² *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 54.
- ²³ Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли // Чтения в обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1881. Кн. 2. Отд. 9. С. 38.
- ²⁴ См.: *Бутурлин М.Д.* О месте погребения князя Дмитрия Михайловича Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 г. // ЧОИДР. 1875. Кн. 4. С. 15–35.
- ²⁵ Новый летописец. С. 116.
- ²⁶ *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 60.
- ²⁷ СГГД. Ч. 2. № 281. С. 595.
- ²⁸ Новый летописец. С. 117.
- ²⁹ Повесть о победах... С. 30–31.
- ³⁰ *Азарьин С.* Книга о чудесах преподобного Сергия // Памятники древней письменности. Вып. 70. СПб., 1888. С. 35–36.
- ³¹ *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 353.
- ³² *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 64.
- ³³ *Козляков В.Н.* Развитие земской идеи в Нижегородском ополчении // Мининские чтения. Труды научной конференции. С. 167–169.
- ³⁴ *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 55.
- ³⁵ Повесть о победах... С. 31.
- ³⁶ *Попов А.* Указ. соч. С. 353.
- ³⁷ *Шайдакова М.Я.* Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. С. 158, 176, 190, 204, 219, 232, 244, 254–255, 264.
- ³⁸ Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. Т. 2. М., 1955. С. 136.
- ³⁹ *Азарьин С.* Указ. соч. С. 35–36.
- ⁴⁰ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 60.
- ⁴¹ Летопись занятий Археографической Комиссии. Вып. 1. СПб., 1862. С. 8–9.
- ⁴² Там же. С. 9–10, 11–13.
- ⁴³ Там же. С. 23–24.
- ⁴⁴ ААЭ. Т. 2. № 213. С. 272.
- ⁴⁵ Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. М., 1910. С. 151–152.
- ⁴⁶ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 6. СПб., 1857. № 67. С. 262.
- ⁴⁷ Пискаревский летописец. С. 138.
- ⁴⁸ Повесть о разорении... С. 38.
- ⁴⁹ Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 259.
- ⁵⁰ Повесть о победах... С. 3.
- ⁵¹ *Попов А.* Указ. соч. С. 353.
- ⁵² ААЭ. Т. 2. № 201. С. 338–339.
- ⁵³ *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 348; Речь профессора С.Ф. Платонова на торжественном заседании Нижегородской Ученой Архивной Комиссии 25 августа 1911 года // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2005. С. 12.
- ⁵⁴ Выписка из приходной книги Нижегородского уезда о сборе денег на жалование ратным людям, отправлявшимся с князем Д.М. Пожарским для освобождения Москвы в 1612 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 17. М., 1853. Смесь. С. 1–2; Нижегородские платежницы... С. 151–152.
- ⁵⁵ Нижегородские платежницы... С. 121–122.
- ⁵⁶ ААЭ. Т. 2. № 201. С. 338–341.

СМУТА В ПОНИЗОВЫХ ГОРОДАХ В 1604–1614 ГОДАХ

Во второй половине 1580-х – начале 1590-х гг., после строительства каменного кремля в Астрахани, основания новых крепостей на Волге (Царицына, Саратов, Самара), Уфы на р. Белой и Терской крепости, Койского и Сунженского острогов на Тереке в России появилось новое административно территориальное образование – Понизовые города.

Собственно городом с каменными крепостными сооружениями, возведенными в 1588–1591 гг., была лишь Астрахань, где, по оценкам современников, проживало около 10 тыс. человек. Русский гарнизон состоял из местных городских детей боярских, служилых иноземцев, пушкарей и затынщиков, стрельцов и казаков, а также «летовавших» здесь детей боярских из Казани, Чебоксар, Свияжска, иноземцев из Нижнего Новгорода и казанских стрельцов. В городе жило черное и белое духовенство, астраханские торговые, посадские, земские люди, а также выходцы из «верховых городов», гиланские, бухарские и армянские купцы, работные и гулящие люди¹. Царицын, Саратов, Самара, Уфа и Терки были новопостроенными деревянными крепостями и постоянных сложившихся посадов или торговых слобод не имели. Гарнизоны этих крепостей численностью по 300–500 человек также состояли из местных городских детей боярских и иноземцев, стрельцов и служилых казаков, которые могли быть усилены стрельцами – летовальщиками из «верховых городов». В каждой крепости имелись церковь, воеводская изба, кабак и таможенный двор – всего, как, например, в Царицыне, не более ста домов².

Расстояние между городами по рекам составляло в среднем не менее 300–400 км, поэтому по водным путям в местах, удобных для переправ кочевников или нападений разбойников, власти строили острожки, в которых летовали государевы служилые люди – сторожа. Между Астраханью и Царицыным таких острожков было шесть³. Имелись острожки между Царицыным и Саратовом⁴, «заставы ниже Самары» до Саратова⁵. На Тереке в конце XVI в. упоминаются Койский и Сунженский остроги. Располагавшиеся в острогах служилые люди следили за поддержанием порядка на реках и перевозах и при необходимости извещали воевод в городах об опасности нападений степняков или «воровских казаков». Некоторые из этих острогов со временем превращались в новые «города». В Койском остроге, например, в начале XVII в. уже постоянно сидел царский воевода с небольшим гарнизоном, который на летние месяцы усиливался головой и ратными людьми из Терок⁶. Накануне Смуты, как видно из описи архива Посольского приказа, был создан чертеж и подготовлена прочая документация для строительства новой Черноярской крепости, которое было осуществлено лишь в 1627 г.⁷ В летние месяцы на пристанях и в ближайших окрестностях крепостей и острожков скапливалось большое число работных и гулящих людей, трудившихся на рыбных ловлях, добывавших соль, нанимавшихся в бурлаки и т.п.

В 1550-х гг. на Нижней Волге появились «зимовья» – городки вольных казаков. Станичники помогли московским властям завоевать и удержать за собой Нижнее Поволжье, но время первоначального освоения новых территорий уходило в прошлое. С 1580-х гг. московские власти стали постепенно вытеснять с Волги вольных казаков, поскольку практика показывала, что они в любой момент могли превратиться в «воровских» и учинить разбой на водных и степных путях. Наиболее горячие казацкие головы ушли с Ермаком в Сибирь, другие с атаманом Б. Барабошей построили новые городки на Яике на Кош-Яицком острове и в иных местах, третьи освоили «гребни»

* Тюменцев Игорь Олегович, доктор исторических наук, профессор, директор Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

между Терекон и Сунжей, но бóльшая часть перешла на Дон. Однако к началу Смуты этот процесс не был завершен. В случае войны власти по-прежнему могли набрать до 2 тыс. донских, 1 тыс. волжских, 500 яицких и 600 терских казаков⁸.

Русское население и вольные казаки селились по поймам больших рек Волги, Дона, Терека, Яика и др. Огромные степные пространства между этими реками по-прежнему населяли кочевники – ногаи. С 1580-х гг., после строительства нижеволжских городов, кочевья Большой Ногайской Орды в Приуралье и в Нижнем Поволжье оказались под контролем московских властей, и ее князья и мурзы были вынуждены признать вассальную зависимость от царя. В русских войсках широко использовались отряды иррегулярной конницы из ногаев. Постоянную угрозу России на юге представляло Крымское ханство и его вассал – Малая Ногайская Орда, кочевавшая в Северном Причерноморье, а на Восточном Кавказе – другой вассал Крыма – Тарковский шамхал и кумыки. Кочевья степняков в то время не давали возможностей для развития земледелия в Нижнем Поволжье. Именно поэтому русское население Понизовья было вынуждено завозить хлеб и другие привычные им продукты земледелия из центральных районов России.

В 1601–1603 гг. Россию постигли неурожай и небывалый голод. На Волгу и Дон хлынул поток беглых людей, умноживший численность населения городов и вольных казачьих станиц. Одновременно поставки хлебопродуктов в Астрахань и крепости Нижнего Поволжья резко сократились. Местные жители оказались на грани разорения и голода. Дворяне и стрельцы из центральных городов России жадно внимали вестям и слухам, доходившим из родных мест, и под любым предлогом стремились вернуться к своим очагам. Недовольство властями среди населения Нижнего Поволжья, как и во всей России, достигло предела. Достаточно было искры, чтобы вспыхнул народный бунт. Этой искрой явилось вторжение в Россию самозванца – Григория Отрепьева, объявившего себя «царевичем Дмитрием Углицким – сыном Ивана Грозного»⁹. Самозванцу и его окружению легко удалось убедить народ, недавно переживший страшный голод, в том, что это была Божья кара за злодеяния Бориса Годунова и за его избрание царем в обход «законного наследника». Зазывал самозванец под свои знамена и вольных казаков Дона, Волги, Терека и Яика. «И, – как позднее отмечали русские послы, – донские казаки, воры, к нему пошли, а волженские и терские к нему не пошли»¹⁰.

В 1604 г. московские власти попытались овладеть Восточным Кавказом и закрепить сюзеренитет над кахетинскими владетелями в Закавказье. Русские войска должны были разгромить шамхала Тарковского и овладеть горными перевалами в районе современной Военно-Грузинской дороги, чтобы обеспечить безопасный проход в Грузию. Вольные волжские и терские казаки приняли широкое участие в боевых действиях и, по обычаю, получили у царских властей государево жалование. Яицкие казаки, как установил Р.Г. Скрынников, в это время ходили за зипунами в Среднюю Азию, захватили Ургенч, но были там перебиты. Военная акция царских войск на Кавказе закончилась полным провалом. Горские владетели, опираясь на турецкую помощь, разгромили русские войска и пленили многих воевод и воинов. Спасшиеся служилые люди, прежде всего вольные казаки, были разорены и ограблены до нитки, многим из них пришлось идти в холопы. Яркий пример тому – Илейка Коровин – впоследствии ставший самозванным царевичем Петром Федоровичем. Именно поэтому волна казачьих разбоев захлестнула Нижнее Поволжье.

Лжедмитрий I обратился с призывами собираться под его знамена одновременно к казакам и к их врагам ногаям, чем оттолкнул от себя казачью вольницу¹¹. Терцы, судя по расспросным речам Лжепетра, в начале 1605 г. разделились. Некоторые казаки, например, Нагиба и Наметка, участвовали в неудачной попытке самозванца захватить Астрахань, другие, в частности, Неустройко, сохраняли верность Борису Годунову¹².

Весной 1605 г. «от казаков смута стала великая». Астрахань и другие города фактически оказались в осаде. Первый астраханский воевода Михаил Богданович Сабуров был шурином царевича Ивана Ивановича и однородцем Годуновых. Он прекрасно знал реальную ситуацию в царской семье и смог удержать положение в Астрахани под кон-

тролем, убедив астраханцев и служилых людей «служить царю, который на Москве будет»¹³. Таким образом, он первым в самом начале Смуты сформулировал принцип служения не личности, а Российскому государству; принцип, которым впоследствии будут руководствоваться многие русские патриоты, в том числе и кн. Д.М. Пожарский.

Только в Царицыне воровским казакам удалось добиться успеха. В местническом деле Пушкиных с Плещеевыми, изложенном в частной разрядной книге XVII в., сохранился рассказ, как начиналась Смута в этом городе: «как вор Расстрига пришел в Путивль во 113 году (ноябрь 1604 г. – *И.Т.*), а в Низовых городах Расстриге крест целовали, и в те поры Наума Плещеева царицынские казаки, связав, привели к Расстриге под Одоев, как Расстрига шол под Москву». Далее автор разрядной книги повествует о «героическом» поведении Н.М. Плещеева в стане самозванца. Царицынский воевода якобы отказался выполнить приказ Лжедмитрия I ехать с прелестными грамотами к Москве. Его будто бы связали и отвезли в столицу силой. На самом деле, как свидетельствуют очевидцы, Плещеев быстро добился «прощения» у самозванца и с помощью своего родственника Петра Басманова получил это ответственное поручение¹⁴.

Гаврила Пушкин и Наум Плещеев в окружении казаков атамана Корелы появились в Москве 1 июня 1605 г. Толпа москвичей проводила их на Лобное место, откуда посланцы самозванца зачитали прелестные грамоты. В этот момент посланцев Лжедмитрия I неожиданно поддержал окольный Богдан Бельский, заявивший народу, что он и есть тот «воспитатель», который «спас царевича». Это решило исход дела. Москвичи восстали и свергли Годуновых. Вскоре Григорий Отрепьев торжественно въехал в столицу и был венчан шапкой Мономаха¹⁵.

Взойдя на «огчий» престол, Лжедмитрий I отправил в ссылку Годуновых и их однородцев Вельяминовых и Сабуровых. Будучи астраханским воеводой, Михаил Сабуров летом 1605 г. принял у приставов «свою братию» Петра и Ивана Сабуровых и выделил им по двору¹⁶. В сентябре 1605 г., в соответствии с традицией, Лжедмитрий I произвел смену воевод в понизовых городах. М.Б. Сабуров был с честью принят при дворе и пожалован в бояре¹⁷. Правда, в Москве он не задержался и вскоре был назначен самозванцем на воеводство в Царев-Борисов¹⁸. Фактически это была почетная ссылка. В позднем, второй половины XVII в., «Житии первого астраханского архиепископа Феодосия» сообщается, что после отъезда М.Б. Сабурова владыка будто бы возглавил астраханцев и впоследствии стал соратником казанского митрополита Гермогена в борьбе против самозванца и его последователей¹⁹. Документальные источники, современные событиям, не содержат каких-либо данных на этот счет. Предположение В.И. Ульяновского, что Феодосий в это время находился в Москве, представляется вполне правдоподобным²⁰. Скорее всего, в житии изложена местная благочестивая легенда.

В начале 1606 г. в понизовых городах на Тереке появился «свой» самозванец – Лжепетр – мнимый сын царя Федора Иоанновича. На допросе в царском застенке в Москве Лжепетр рассказал, как родилась самозванческая интрига, возложив всю вину за происшедшее на терских казаков, которые будто бы заставили его играть роль «царевича». Казаки, по словам Илейки Коровина, в конце 1605 г. начали готовиться в поход в Закавказье на Куру против турецких людей. Эти приготовления, по всей видимости, не были случайными. Лжедмитрий I намеревался в 1606 г. предпринять широкомасштабную войну против «неверных» турок и крымчаков, и казаки могли рассчитывать на получение жалования. Но самозванец терским казакам никакого жалования не прислал. Казаки, как указывает Илейка Коровин, решили, что в их бедах повинны «лихие бояре», обманувшие царя. На войсковом круге возобладало предложение атамана Федора Бодырина и его товарищей, которые убедили казаков идти к царю в Москву искать справедливости²¹. В то время любое продвижение по Тереку и Волге мимо городов и крепостей со значительными гарнизонами было невозможно без специального разрешения царя²². Воеводы из «лихих бояр» наверняка воспрепятствовали бы казакам пройти в столицу. Потому-то терцы и придумали выдвинуть из своей среды нового самозванца – «царевича Петра Федоровича»²³. Сопровождение «принца крови», пусть мнимого, давало весьма удобный повод для похода на Москву и открывало широкие

возможности для оправданий перед «царем Дмитрием»²⁴. В конце концов выбор пал на Илейку Коровина, потому что он бывал в столице²⁵. Лжепетр, в отличие от Лжедмитрия I, был не инициатором и вождем нового движения, а лишь его символом²⁶.

После принятого на круге решения казаки отправили в Москву гонца к Лжедмитрию с известиями о «царевиче Петре». Судя по последующей реакции на грамоту, они ограничились сообщением о нем и попросили разрешения прибыть в Москву. Не дожидаясь ответа, станичники выступили в поход. Отряд Федора Бодырина, по словам самозванца, двинулся вниз по Тереку к Астрахани. Терский воевода П.П. Головин едва уговорил часть терских казаков остаться для обороны российской пограничья на Восточном Кавказе. Новый астраханский воевода окольныйчик кн. И.Д. Хворостинин не пустил казаков в город, но и не пытался их остановить. Повстанцы двинулись вверх по Волге, пополняя свои отряды волжскими и донскими казаками и беглым людом²⁷. Автор «Нового летописца» обвинил «казацкого царевича» в убийстве царицынского воеводы Ф.П. Чудинова-Акинфова и русского посла в Персию кн. И.П. Ромодановского²⁸, но этот рассказ недостоверен. Источники разного происхождения свидетельствуют, что воевода и посол погибли позднее – летом 1607 г.²⁹ Казаки, препровождая Лжепетра к Лжедмитрию I, по-видимому, старались не давать «лихим боярам» повода для обвинений в измене «царю Дмитрию». Это, судя по всему, и помогло им беспрепятственно миновать недавно построенные волжские крепости Царицын и Саратов и получить в Самаре у посланца Лжедмитрия I, Третьяка Юрлова, проездные грамоты с приказом идти в Москву «наспех»³⁰. Лжедмитрий I, вероятно, понял, что репрессии властей против казаков на Волге могут привести к непоправимым последствиям. В Москве же Лжепетра легко можно было разоблачить и устранить, а его казаков использовать против назревающего боярского заговора³¹.

Грамоты Лжедмитрия I убрали последние формальные препятствия на пути в Москву и, вероятно, убедили казаков в успехе затеянного дела. Повстанцы поплыли к Казани³². Благодаря грамотам они смогли избежать столкновения с правительственным войском боярина Ф.И. Шереметева, которое, как установил И.И. Смирнов, Лжедмитрий I отправил из Казани в Астрахань в связи с намечавшейся войной с Турцией³³. Встреча, по-видимому, произошла где-то между Казанью и Самарой, до прибытия правительственного войска в Самару, где 25 июня (5 июля) 1606 г. Шереметев узнал о гибели Лжедмитрия I³⁴. Казаки к тому времени смогли беспрепятственно миновать Казань, Свияжск и достигли Вязовых гор, где получили весть о том, что в Москве «лихие бояре» убили доброго царя Дмитрия³⁵. До этого момента Лжепетр и его товарищи неизменно выступали за «царя Дмитрия» и проявляли лояльность к местным властям. Перемены, происшедшие в столице, поставили Лжепетра и казаков в чрезвычайно затруднительное положение. Все прежние планы добиться справедливости у Лжедмитрия I рухнули. Казаки оказались перед выбором: смириться со своей долей и выдать Лжепетра или вступить в открытый конфликт с правительством в чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах. Ф. Бодырин и его товарищи не желали отказаться от борьбы с «лихими боярами», погубившими «царя Дмитрия», но они прекрасно понимали, что, в случае открытого неповиновения властям, обречены на гибель. Казаки решили пойти на хитрость. Они вернулись к Казани и отправили в город Т. Юрлова с известием, что готовы выдать Лжепетра властям. Усыпив бдительность воевод, отряд казаков темной летней ночью, прикрываясь горным (правым) берегом Волги, миновал Казань³⁶. Вырвавшись из западни, казаки, вместо «препровождения», начали «служить» Лжепетру.

В августе 1606 г., как отмечали польские авторы, до Москвы дошли вести о разбоях, учиненных Лжепетром и казаками в Поволжье³⁷. Баим Болтин свидетельствует, что на обратном пути казаки, «едучи Волгою на встрече всяких служивых людей побивали до смерти и грабили»³⁸. Аналогичные сведения приводит Иссак Масса, записавший, что Лжепетр «причинял много вреда, грабя нагруженные товарами корабли шедшие из Астрахани, и творя убытки на миллионы»³⁹. Жак Маржерет отметил в своих записках, что «казаки захватили и разграбили три замка вдоль Волги»⁴⁰. Илейка Коровин позднее в своих показаниях ничего не сообщил о захвате Самары, Саратова и Царицына.

Казаки, по его словам, не доходя Царицына, свернули с Волги и поднялись вверх по р. Камышинке, переволоклись на р. Иловлю, а затем ушли на Дон. Его показания полностью подтвердил Б. Болтин, засвидетельствовавший, что Самару и Саратов казаки просто «проехали»⁴¹. Таким образом, потеряв надежду добиться справедливости мирным путем, казаки перешли к разбою.

Источники позволяют выяснить причину ухода казаков на Дон. Царь Василий Шуйский, как видно из материалов Посольского приказа, известив боярина Ф.И. Шереметева о смерти Лжедмитрия I, приказал ему продолжить движение к Астрахани. 24 июля 1606 г. правительственное войско прибыло в Царицын. Путь Лжепетру и «воровским» казакам на Астрахань и Терек по Волге был закрыт. О возвращении в Казань не могло быть и речи. Бегство на Дон было единственной возможностью для «воровских» казаков избежать столкновения с правительственными отрядами. Вероятно, Лжепетр и его товарищи покинули Волгу к 24 июля 1606 г., когда казанские воеводы, видимо, узнав о бегстве разбойников, рискнули отпустить в Астрахань караван с персидским и русским посольствами, которые беспрепятственно достигли Царицына 20 августа 1607 г.⁴²

В первой половине июня 1606 г. жители понизовых городов, подобно населению других городов и уездов России, получили грамоты с известием об убийстве Лжедмитрия I и воцарении Василия Шуйского⁴³. Одновременно поползли слухи, что царь Дмитрий спасся и скоро свергнет узурпатора, поэтому во время присяги новому царю многие астраханцы уклонились от крестного целования. Масла в огонь подлило то обстоятельство, что к Астрахани приближался назначенный воеводой еще Лжедмитрием I боярин Шереметев, чьи полномочия были подтверждены новым царем, но вся сопроводительная документация, судя по всему, была написана от имени самозванца⁴⁴. 17 июня 1606 г. в городе появился стрелец В. Еремеев из каравана Шереметева с проезжей грамотой самозванца. Этого оказалось достаточно, чтобы астраханцы, не посмотрев на дату отправки грамоты, подняли восстание против Василия Шуйского и убили организаторов присяги новому царю дьяка А. Карпова и посла к ногаям Т. Кашкарова, а других приверженцев нового царя посадили в тюрьму⁴⁵.

Говоря об участии в июньских событиях окольного кн. И.Д. Хворостинина, Смирнов высказал предположение, что воевода сыграл в Астрахани ту же роль, что кн. Г.П. Шаховский в Путивле⁴⁶. Но источники молчат об участии кн. Хворостинина в этих событиях; даже его враги ограничиваются скудным замечанием, что он «в те поры» был астраханским воеводой⁴⁷. Говорить о кн. Хворостинине как организаторе восстания в Астрахани на том основании, что он впоследствии стал «воровским» боярином, нет достаточных оснований.

Новый воевода боярин Ф.И. Шереметев со своим небольшим войском был вынужден остановиться в Царицыне⁴⁸, откуда безуспешно убеждал астраханцев в том, что они допустили ошибку, целовав крест мертвецу. Ситуация не изменилась, когда воевода и его войско прибыли к стенам Астрахани. Волей-неволей Шереметеву пришлось стать лагерем на острове Балчике в 15 верстах от Астрахани и заняться организацией осады города⁴⁹. Примечательно, что к нему из Астрахани и из других «мест по берегам Каспийского моря» бежало около 1.5 тыс. купцов⁵⁰. Если учесть, что основной движущей силой астраханского восстания источники называют «мелких многих людей» астраханцев⁵¹, то можно высказать осторожное предположение, что в Астрахани произошел открытый конфликт между «большими» и «меньшими» людьми. Источники также зафиксировали столкновения горожан с «воровскими» казаками: «рознь и бой был у астраханских людей меж себя с воровскими казаки, и астраханские люди казаков пограбили и суды у них поймали»⁵². Наличие в восставшем городе трех противоборствующих сил (больших, меньших людей и казаков) и появление «своих» самозванцев наводит на мысль об аналогии процессов, протекавших в Астрахани, с событиями во Пскове и Новгороде Великом в 1606–1613 гг.⁵³

Серьезной проблемой для астраханских повстанцев как и для «болотниковцев», стало отсутствие «чудом спасшегося царя Дмитрия». Выход был найден уже летом

1606 г., когда в главном городе Нижнего Поволжья водворились сразу три самозванца – казахи «царевичи» Иван-Август, Лавр и Осиновик⁵⁴. Лжеиван-Август заявил астраханцам, что якобы является сыном царя Ивана Грозного и Анны Колтовской, Лжелавр, судя по грамоте Лжедмитрия II в Смоленск 24 апреля 1608 г., называл себя внуком Ивана Грозного, сыном царевича Ивана Ивановича и Елены Шереметевой. «Новый летописец» утверждает, что Лжеосиновик объявил себя внуком Грозного, а Лжелавр – сыном царя Федора Иоановича. Подлинные имена самозванцев неизвестны, хотя современники прекрасно знали, кем они были до того, как стали казаками: «иной боярский человек (холоп. – *И.Т.*), а иной мужик пашенной (крестьянин. – *И.Т.*)»⁵⁵.

Утвердившись в Астрахани, Лжеиван-Август, Лжелавр и Лжеосиновик, как заметил Смирнов, стали судить и миловать пленных, содержавшихся в астраханских застенках, как «принцы крови». Те, кто принес присягу «царю Дмитрию и его племяннику», получили у самозванцев воеводские чины, те же, кто отказался им служить – были казнены. Смирнов видел в этом полную аналогию путивльским событиям при Лжепетре и усиление классовой борьбы в повстанческом лагере⁵⁶. Скрынников обратил внимание на то, что как только повстанцы выдвигали из своей среды самозванца, при нем тотчас появлялись «воровские» бояре и воеводы из представителей знатных родов⁵⁷. Не были исключением и понизовые города. После появления самозванцев кн. И.Д. Хворостинин обрел чин «боярина и воеводы»⁵⁸. Вероятно, получил «воровской» думный чин и воевода захваченных повстанцами Терок П.П. Головин-Меньшой⁵⁹. Скрынников полагал, что налицо тенденция к созданию в повстанческом лагере институтов государственной власти, аналогичных существовавшим в Москве и свидетельствующим о перерождении повстанческого движения⁶⁰. На наш взгляд, о перерождении повстанческого движения можно было бы говорить, если бы восставшие имели революционную программу, а затем от нее отказались в корыстных интересах. Повстанцы же изначально ставили перед собой цель посадить на престол «своего» царя Дмитрия и с его помощью вернуть себе статус служилого человека или занять более высокое место в служебной иерархии в соответствии с личными заслугами. Ни о каком социальном переустройстве Московского царства речи не было.

Противостояние правительственных и повстанческих сил в Астрахани затянулось почти на два года. Русские послы в Речи Посполитой в конце 1606 г. прямо заявили, что волжские и терские казаки, действуя именем «царя Дмитрия», многих торговых людей «побивали, и пограбили, и многие товары и деньги и несчетную казну взяли – больше десяти сот тысяч золотых польских, а русским числом больше 300 000 рублей»⁶¹. Торговое судоходство по Волге было фактически парализовано. Постепенно инициатива перешла от правительственных сил к повстанцам. 6 сентября 1606 г. астраханские люди, терские, волжские, донские и яицкие казаки «з большим верховым нарядом» атаковали укрепленный лагерь Ф.И. Шереметева на острове Балчик, но разгромить его не смогли⁶².

Тем временем в Царицыне, в ожидании, когда Астрахань «добьет царю Василию челом», находился огромный караван персидского посла, возвращавшегося из России, русское посольство в Персию, свита направляющегося в Астрахань архиепископа Феодосия, монахи-кармелиты, купцы из разных стран и городов. Все они были вынуждены зимовать в Царицыне в ожидании, чем закончится противоборство правительственного войска и восставших астраханцев. Кармелиты красочно описали в своих посланиях лишения и напасти, которые они пережили в маленьком волжском городке. В частности, они жаловались, что из-за отсутствия в городе достаточного жилья им пришлось вместе с переводчиками (всего восемь человек) жить в одной-единственной комнате. Действительно, зимовка столь значительного каравана была настоящим бедствием не только для кармелитов, но и для жителей города. В мирное время зимой 1600–1601 гг. в Саратове стоял гораздо меньший караван с персидскими послами. Воеводские отписки свидетельствуют, что уже через несколько недель все запасы в крепости были на исходе, и население оказалось на грани голода. Пришлось принимать срочные меры, чтобы не допустить народного бунта⁶³. В Царицыне ситуация была еще более тяжелой.

В мае 1607 г. обстановка в городе накалилась до предела. Воевода Ф.П. Чудинов-Акинфов, первый посол кн. И.П. Ромодановский и дворяне твердо настаивали на сохранении верности Василию Шуйскому. Второй посол, сын боярский Иванис Есипов, возглавил заговорщиков. 24 мая (3 июня) 1607 г. в Царицын из Астрахани гонцы привезли отписку, к которой была приложена скрепленная красной государевой печатью грамота «царя Дмитрия». Историки установили, что эти грамоты рассылал скрывшийся в Самборе бывший любимец Лжедмитрия I М.А. Молчанов⁶⁴. Воеводе и первому послу с трудом удалось успокоить народ. Но два дня спустя посреди ночи удары колокола и звуки труб подняли на ноги жителей Царицына. Когда народ собрался на городской площади, заговорщики во главе с Есиповым повели толпу к воеводской избе и на подворье, где стоял первый московский посол. Сохранившие верность царю Василию Чудинов-Акинфов и кн. Ромодановский с сыновьями были схвачены. Горожане целовали крест «царю Дмитрию». Есипов стал воеводой в восставшем городе. В Астрахань были отправлены послы с известием о происшедшем и челобитьем «царским племянникам» – самозванцам Лжеивану-Августу, Лжелавру и Лжеосиновичу⁶⁵. Лжеиван-Август прислал в город своих чиновников, которые провели следствие. Пленных приверженцев Василия Шуйского подвергли порке и казням. Самозванец приказал доставить воеводу Чудинова-Акинфова в Астрахань, где он был сброшен с «раската» – одной из крепостных башен Астрахани⁶⁶, а его сын Архип заключен в тюрьму⁶⁷.

Восстание в Царицыне резко изменило ситуацию в Нижнем Поволжье в пользу повстанцев. Гарнизон крепости, усиленный отрядом казаков, нанес серьезное поражение правительственному отряду, который вез снаряжение и продовольствие правительственному войску, и захватил богатые трофеи. Боярин Шереметев, узнав, что пути снабжения его войска перерезаны, попытался добиться перехода на свою сторону Царицынской крепости, организовав заговор среди жителей. Однако повстанцам удалось его раскрыть. Все участники заговора были казнены. Тогда воевода отправил против мятежных жителей волжского городка крупный отряд правительственных войск. На помощь жителям Царицына из Астрахани во главе семитысячного войска выступил самозванец Иван-Август. Караван с персидским посольством и кармелитами повстречал его на волжском острове Ичкиборе. Повстанцы учинили суд и расправу над плененным в Царицыне послом кн. Ромодановским и его сыном, наотрез отказавшимися целовать крест «царю Дмитрию» и его «племяннику». Монахи-кармелиты просили Ивана-Августа помиловать кн. Ромодановского, но самозванец заявил им, что не может совладать со своими казаками, и осужденные были казнены⁶⁸.

Советские историки полагали, что движение «казацких царевичей» явилось ярким проявлением антифеодальной борьбы на завершающей стадии восстания И. Болотникова, о чем, по их мнению, свидетельствуют социальное происхождение казаков и казни дворян. Но при этом не учитывается, что астраханцы подняли восстание против Василия Шуйского именем «царя Дмитрия», и местные самозванцы, как и Лжепетр, никогда не претендовали на то, чтобы занять место «дяди». В охваченных восстанием Астрахани, Терках и Царицыне действовали в «воровских» чинах воеводы – члены Государева двора. Персидскому послу и кармелитам Лжеиван-Август разрешил уехать в Персию⁶⁹.

Появление в Царицыне войска Ивана-Августа, по всей видимости, помогло его жителям отбить нападение правительственного отряда. Развивая достигнутый успех, самозванец попытался захватить Саратовскую крепость, но, потерпев неудачу, был вынужден отступить и вернулся в Астрахань⁷⁰. Ответственность за неудачу Иван-Август, по-видимому, возложил на самозванца Осиновика, который был повешен на Волге⁷¹.

Восстание против Василия Шуйского и расправа над воеводой, послом и дворянами дорого стоили жителям Царицына. Вначале осени 1607 г. воевода Шереметев снял осаду Астрахани и двинулся вверх по Волге. Отряды правительственных войск окружили Царицын и 24 октября (3 ноября) 1607 г. штурмом овладели городом⁷². Захватив Царицын, Шереметев смог восстановить снабжение правительственного войска и зимовал в городе в надежде весной 1608 г., получив помощь от ногайцев, возобновить

наступление на Астрахань⁷³. В конце 1607 – начале 1608 г. он предпринял еще одну попытку убедить астраханцев подчиниться царю Василию. В Астрахань и на Терек были направлены плененные в Туле астраханские стрельцы и терские казаки Костька Матвеев и Ивашка Симанов с товарищами. В окрестностях Астрахани они были встречены «воровским» атаманом Федотом Болдырем и отведены в Астрахань. Выслушав царскую грамоту и рассказы земляков – бывших «тульских» сидельцев, астраханцы стали склоняться к тому, чтобы принести повинную Шуйскому. В это время в Астрахани появились казаки Ясай Юрьев и Ивашка Анисимов с товарищами, которые заявили, что Тула действительно пала, но сам «царь Дмитрий» в настоящее время зимует и собирается с силами в Орле. Настроение астраханцев резко изменилось. Посланцы Шереметева были вынуждены бежать в Царицын, куда явились 12 января 1608 г. Астраханцы решили направить к Лжедмитрию II стрелецкого голову Петра Уварова, а с ним астраханских стрельцов и 150 человек юртовских татар⁷⁴. Вместе с ними уехали прожившие три года в Астрахани персидские послы в Речь Посполитую и нахичеванский католический архиепископ Августин Баджеци, оставившие описания этого путешествия. Поскольку по Волге проезд был невозможен, отряд Уварова отправился к Москве степью, переправился через Дон и достиг Калуги⁷⁵.

Весной 1608 г. отряды Лжедмитрия II нанесли тяжелое поражение правительственным войскам под Болховым, в начале июня подошли к Москве и стали лагерем в Тушино. Сюда-то и прибыли астраханцы, персидские послы и нахичеванский архиепископ. Послы были приняты с честью гетманом Р. Ружинским и отправлены в Речь Посполитую с посланиями самозванца к королю⁷⁶. Уваров и его товарищи, по всей видимости, вернулись в Астрахань и уверили повстанцев, что «царь Дмитрий» действительно жив и вот-вот возьмет Москву.

Попытки Василия Шуйского и его братьев летом–осенью 1608 г. разгромить повстанцев в ходе Ходынского и Рахманцевского сражений закончились неудачей и фактическим распадом правительственного войска. Большая часть страны оказалась в руках приверженцев самозванца. Немногие сторонники Шуйского были осаждены в Москве, Новгороде Великом, Смоленске, Казани, Нижнем Новгороде, Коломне, Троице-Сергиевом и Иосифо-Волоколамском монастырях. В сложившихся условиях царь Василий отдал приказ боярину Шереметеву срочно идти к Москве на помощь разгромленным правительственным силам. Воевода приказал сжечь Царицын, чтобы не оставить его врагам, и повел войско вверх по Волге. С боями ему удалось пробиться в Казань на исходе осени 1608 г.⁷⁷ Видимо, получив через П. Уварова и его товарищей приказ Лжедмитрия II, следом за войском Шереметева к Москве выступил отряд астраханских и царицынских стрельцов и вольных казаков, возглавляемый самозванцами Иваном-Августом и Лавром. Летом 1608 г. астраханские ратники, судя по всему, соединились с отрядом тушинского полковника А.И. Лисовского и вместе с ним прибыли под Москву в Тушино. «Царик» не стал перемониться со своими мнимыми родственниками и приказал повесить Лжеивана-Августа и Лжелавра у Московской дороги⁷⁸. Сопровождавшие их воины влились в состав отряда Лисовского и приняли активное участие в боях между тушинцами и земцами в Замосковье в 1608–1609 гг.⁷⁹ В конце 1609 – начале 1610 г. многие из них, разочаровавшись в самозванце и окружавших его наемниках, вернулись в Понизовье⁸⁰.

Источники содержат мало сведений о том, что происходило в понизовых городах после ухода отсюда войска Ф.И. Шереметева и отряда Ивана-Августа. В феврале 1609 г. гетман Я. Сапега принял в лагере у Троице-Сергиева монастыря посольство саратовцев, которые ехали в Тушино бить от всего города челом Лжедмитрию II⁸¹. Видимо, получив короткую передышку, население Понизовья попыталось наладить мирную жизнь. Во второй половине 1610 г. Лжедмитрий II после двух неудачных походов на Москву уверился, что сможет добиться своего с помощью татар и турок, и даже сделал некоторые практические шаги в этом направлении. Он приказал воеводе кн. И.М. Барятинскому собрать отряды своих приверженцев из Рязани, Арзамаса, Шацка в Воронеже и подготовить в этой крепости свою новую столицу⁸². Одновременно он отправил в Астрахань

полковника Я. Кернозицкого с приказом боярину кн. Хворостинину подготовить город на случай отступления сюда своих войск. Как отнеслись к этим планам жители Астрахани и других городов Понизовья – неизвестно. Волна репрессий, захлестнувшая города и уезды, контролируемые приверженцами самозванца⁸³, в строгом соответствии с законами террора погубила самого Лжедмитрия II, павшего 11(21) декабря 1610 г. от сабли кн. П. Урусова.

В начале 1611 г. Прокопий Ляпунов, призывая русских людей создать земское ополчение и изгнать из Москвы иноземцев, обратился к жителям Понизовья и вольным казакам с просьбой прийти на помощь земщине центральных уездов⁸⁴. Источники не содержат данных об участии в I или II Ополчениях отрядов служилых людей из понизовых городов или вольных казаков с Дона, Волги, Терека и Яика. Понизовье явно жило своей отдельной от всей страны жизнью. В январе 1612 г. «седмочисленные бояре» отметили в своей окружной грамоте появление в Астрахани Лжедмитрия IV⁸⁵. Видимо, по этой причине астраханцы и жители других понизовых городов не принимали участия в работе Земского собора 1613 г.

В конце марта 1613 г. Земский собор направил к бывшему вождю I Ополчения «боярину» И.М. Заруцкому, контролировавшему рязанские пригороды, украинные и полевые города и поддерживавшему тесные отношения с понизовыми городами, авторитетных казачьих атаманов В. Медведя, Т. Иванова и Б. Твердикова с предложением целовать крест новому царю. На казачьем круге, созванном в Епифани весной 1613 г., «боярину»-атаману удалось одержать победу и настоять на сохранении верности «царице» Марине Мнишек и «Воренку». Московские власти направили против Заруцкого войско во главе с боярином кн. И.Н. Одоевским, которое вытеснило мятежников с Рязанщины. Атаман попытался закрепиться в Воронеже и запросил помощи у Войска Донского, но войсковые атаманы С. Чертенский и Е. Радилев, получившие жалование от царя Михаила, ответили решительным отказом. В ходе решающего сражения между правительственным войском и отрядами Заруцкого у Воронежа 29 июня – 3 июля 1613 г. мятежный атаман потерпел сокрушительное поражение. Большая часть казачьего войска (2 250 человек) перешла на сторону правительства. Сам Заруцкий с небольшим отрядом ушел в Астрахань⁸⁶.

В 1613 г. в Самару, признавшую власть царя М.Ф. Романова, неожиданно «прибежали душой и телом» около 200 саратовцев и сообщили, что внезапно их город подвергся нападению и сожжен врагами. Кто был этим врагом, в источниках не говорится⁸⁷. По времени это совпадает с походом отряда Заруцкого из-под Воронежа в Астрахань. Вероятно, саратовцы, как и жители Самары, присягнули Михаилу Федоровичу, за что и получились⁸⁸. Водворившийся в Астрахани Заруцкий, видимо, отнюдь не был хозяином положения. Об этом красноречиво свидетельствует единственная дошедшая до нас челобитная, адресованная «царю Дмитрию Ивановичу, царице Марине Юрьевне и царевичу Ивану Дмитриевичу»⁸⁹. М. Мнишек и ее фавориту Заруцкому, как и в случае с Лжедмитрием III, вновь пришлось признать в местном самозванце «царя и мужа». В сентябре 1613 г. Лжедмитрий IV по слухам, полученным вольными казаками на Дону, будто бы находился в Персии⁹⁰. Со временем Заруцкому удалось подготовить переворот и отстранить местных повстанцев от власти. Воевода кн. И.Д. Хворостинин и его сторонники были казнены. Устранение конкурента, как и в случае с Псковским воеводой, не спасло положение. Астраханцы возненавидели Заруцкого за расправу над своим воеводой и за то, что он отдал детей и жен видных астраханцев в заложники ногайскому князю Иштереку⁹¹. В свою очередь Иштерек не мог простить Заруцкому того, что он потребовал отдать детей князя в аманаты в Астрахань⁹². Узнав о приближении к городу правительственного войска кн. Одоевского, астраханцы более не захотели сопротивляться московским властям. Заруцкий, М. Мнишек с «Воренком» и несколькими сотнями казаков бежали на Яик, где 24 июня 1614 г. были схвачены на Межевьем острове и выданы царю. В Москве Заруцкий и «Воренок» были казнены, а М. Мнишек умерла «с тоски» в тюрьме.

Смута дорого стоила жителям Понизовья. Саратов и Царицын лежали в пепле. Сторожевая служба на Волге и Тереке пришла в упадок. Повсеместно на речных и

степных путях бесчинствовали разбойники. Рыбные ловли и соляные промыслы были заброшены. Население края, как оседлое, так и кочевое, резко сократилось. В Приуралье появились кочевья калмыков, которые во второй четверти XVII в. вытеснят ослабленных ногаев из Нижнего Поволжья в Кубанские степи. Предстояла большая созидательная работа по преодолению разрухи, царившей в крае. В 1614 г. на правом берегу Волги был заново построен Царицын. В 1617 г., также на новом месте, на левом берегу Волги, был возведен Саратов. В начале 1620-х гг. удалось восстановить сторожевую службу и навести порядок на Волге. Волжские казаки были окончательно вытеснены на Дон, Терек и Яик, где из них стали складываться Донское, Терское и Яицкое вольные казачьи войска.

Примечания

- ¹ *Смирнов И.И.* Восстание И.И. Болотникова 1606–1607 гг. М.; Л., 1951. С. 231.
- ² *Berthold-Ignace de Sainte-Anne, Reverend Pere.* Histoire de L'Etablissement de la Mission de Perse par les Peres Carmes-Dechausses (de l'année 1604 à 1612). Brussel, 1886. P. 150–151.
- ³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С. 253–254.
- ⁴ Хождение купца Федора Котова в Персию. М., 1958. С. 9.
- ⁵ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – АСПБИИ РАН), ф. 178 (Астраханская приказная палата), оп. 1, ч. 1, д. 64.
- ⁶ Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 151.
- ⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 2. М., 1977. С. 414.
- ⁸ *Дубман Э.* Князь Григорий Засекин. Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов. Самара, 1995. С. 70; *Козлов С.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 12.
- ⁹ *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 87–88.
- ¹⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 137. М., 1912. С. 352.
- ¹¹ *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба... С. 238.
- ¹² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (далее – ААЭ). Ч. 2. СПб., 1836. № 81.2. С. 173–175; *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. СПб., 1889. С. 446.
- ¹³ *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 109.
- ¹⁴ Счетное дело В.Н. Пушкина с А.О. Плещеевым // *Временник Московского общества истории и древностей Российских.* Т. 14. М., 1851. С. 64–65, 140–141.
- ¹⁵ *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 127–128.
- ¹⁶ *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 202.
- ¹⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее – СГД). Ч. 2. СПб., 1819. С. 96.
- ¹⁸ *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 6, 8, 30.
- ¹⁹ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 219.
- ²⁰ *Ульяновский В.И.* Смутное время. М., 2006. С. 111.
- ²¹ ААЭ. Ч. 2. № 81.2. С. 173–175.
- ²² Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией (далее – ПДС). Т. 2. СПб., 1892. С. 56 и др.
- ²³ ААЭ. Ч. 2. № 81.2. С. 173–175.
- ²⁴ Там же; *Болтин Б.* Записки // *Попов А.* Изборник славянских русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 330.
- ²⁵ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975. С. 318–319.
- ²⁶ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; *Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета.* М., 1982. С. 180–181.
- ²⁷ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; *Россия начала XVII в. ...* С. 222.
- ²⁸ *Новый летописец // ПСРЛ.* Т. 14. СПб., 1910. С. 74.
- ²⁹ *Герасимов А.А.* Материалы по истории Саратовского Поволжья // *Труды Саратовской ученой архивной комиссии.* Вып. 29. Саратов, 1912. С. 63; *A chronicle of the carmelites in Persia*

and the Papal mission of XVII-th and XVIII-th centuries. London. 1939. Vol. 1. P. 111–112; Синодик убиенных во брани // *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 185.

³⁰ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; Россия начала XVII в. ... С. 222.

³¹ Новый летописец. С. 78.

³² ААЭ. Ч. 2. № 81.2.

³³ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 224–226.

³⁴ Акты времени правления царя Василия Шуйского 1606–1610 гг. (далее – Акты Шуйского). М., 1915. С. 201–202.

³⁵ Новый летописец. С. 71; *Болтин Б.* Указ. соч. С. 330–331.

³⁶ *Болтин Б.* Указ. соч. С. 330–331.

³⁷ Дневник польских послов // Сказание современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 2. СПб., 1859. С. 177; *Рожнятовский А.* Дневник М. Мнишек. СПб., 1995. С. 71; *Немоевский С.* Памятник // *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Вып. 6. М., 1907. С. 119–120.

³⁸ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; *Болтин Б.* Указ. соч. С. 330–331.

³⁹ *Масса И.* Указ. соч. С. 150.

⁴⁰ Россия начала XVII в. ... С. 222.

⁴¹ ААЭ. Ч. 2. № 81.2; *Болтин Б.* Указ. соч. С. 30–31.

⁴² Акты Шуйского. С. 202.

⁴³ Там же; Новый летописец. С. 69.

⁴⁴ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 225–229.

⁴⁵ Акты Шуйского. С. 202–203; Новый летописец. С. 69.

⁴⁶ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 229.

⁴⁷ *Болтин Б.* Указ. соч. С. 330.

⁴⁸ Акты Шуйского. С. 157.

⁴⁹ Там же. С. 203; Новый летописец. С. 72.

⁵⁰ *Масса И.* Указ. соч. С. 153.

⁵¹ Новый летописец. С. 72.

⁵² Акты Шуйского. С. 161–162.

⁵³ *Тюменцев И.О.* Смутное время в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 264–273.

⁵⁴ *Скрынников Р.Г.* Смута в России... С. 74–162.

⁵⁵ *Бутурлин Д.* История Смутного времени. Т. 2. СПб., 1841. Приложение 7; Новый летописец. С. 78; *Болтин Б.* Указ. соч. С. 339.

⁵⁶ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 234–237.

⁵⁷ *Скрынников Р.Г.* Смута в России... С. 156–160.

⁵⁸ СГД. Ч. 2. № 155.

⁵⁹ Акты Шуйского. С. 169.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Сб. РИО. Т. 137. С. 351–352.

⁶² Акты Шуйского. С. 161, 203.

⁶³ ПДС. Т. 2. С. 75–76, 107–120 и др.

⁶⁴ *Скрынников Р.Г.* Смута в России... С. 65–68.

⁶⁵ *Berthold-Ignace.* Op. cit. P. 182–186.

⁶⁶ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 244–245, 253.

⁶⁷ *Герасимов А.А.* Материалы... С. 63; *Berthold-Ignace.* Op. cit. P. 182–186.

⁶⁸ *Berthold-Ignace.* Op. cit. P. 182–186.

⁶⁹ Синодик убиенных во бранех. С. 185; *Berthold-Ignace.* Op. cit. P. 193–195.

⁷⁰ *Болтин Б.* Указ. соч. С. 339.

⁷¹ Новый летописец. С. 89.

⁷² Акты Шуйского. № 93. С. 163, 177.

⁷³ Там же. С. 163–177.

⁷⁴ Там же. С. 180–181.

⁷⁵ ПДС. С. 209–217; *Баджеци А.* Жизнь фра Августина священника // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. № 11. С. 35–43.

⁷⁶ ПДС. С. 209–217; *Баджеци А.* Указ. соч. С. 35–43.

⁷⁷ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Казань, 1982. С. 79.

⁷⁸ Новый летописец. С. 89.

- ⁷⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841, № 239. С. 281–282.
- ⁸⁰ Там же; АСПБИН РАН, ф. 124 (Коллекция С.В. Соловьева), оп. 2, д. 472.
- ⁸¹ *Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII.* Łwów, 1901. T. 1. S. 205.
- ⁸² *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования при царе Владиславе. М., 1911. С. XXIII–XXV.
- ⁸³ *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. М.; Л., 1961. С. 177.
- ⁸⁴ ААЭ. Т. 2. С. 326–327.
- ⁸⁵ СГГД. Ч. 2. № 277. С. 585.
- ⁸⁶ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 72–77.
- ⁸⁷ *Осипов В.А.* Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI–XVII вв. Саратов, 1976. С. 32.
- ⁸⁸ АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, д. 109.
- ⁸⁹ РГАДА, ф. 89, д. 1 (1613 г.), л. 161–162; АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, д. 234, л. 1 об.
- ⁹⁰ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 78.
- ⁹¹ АСПБИН РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 1, д. 109.
- ⁹² Там же, д. 485.

© 2012 г. В. А. АРАКЧЕЕВ *

ЗЕМСКАЯ ИНИЦИАТИВА И ФИСКАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В РОССИИ В 1606–1616 ГОДАХ

Патриотический порыв, охвативший русское общество в 1609–1612 гг., оказался возможен в первую очередь по причине наличия в северо-восточных посадах и уездах России мощной организации земского управления. Несомненно, однако, что успех земского движения был также тесно связан с репрессивной фискальной политикой различных правительств, изымавших налоги для ведения войны. Мы будем называть такую политику фискальным принуждением в соответствии с определением Ч. Тилли, понимавшего под принуждением «осознанное обращение к действиям, которые обычно причиняют вред или вызывают потери в людях или их имуществе, причем потерпевшие осознают как само направленное против них действие, так и потенциальный ущерб»¹. Настоящая статья посвящена изучению взаимовлияния двух обозначенных феноменов (патриотического движения и фискального принуждения) в 1606–1616 гг.

Первый опыт изучения земского движения на Севере России принадлежит перу публициста П. Голохвостова, исследовавшего события конца 1608 – первой половины 1609 г., связанные с борьбой против тушинцев². С.Ф. Платонов изложил историю земского движения согласно своей концепции выхода из Смуты благодаря инициативе и самоотверженности «среднего класса», представленного посадскими и служилыми людьми³. Он упоминал осуществлявшиеся тушинцами и поляками поборы с городов и уездов, но налоговую политику московского правительства и ополчений систематически не изучал. С.Б. Веселовский обратил внимание на полную неизученность фискальной политики времени Смуты. «Представляло бы огромный интерес сравнение финансовых приемов, к которым прибегали различные правительства, сменявшиеся последовательно во время Смуты, с приемами правительства Михаила Федоровича, –

* **Аракчеев Владимир Анатольевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и музеологии Псковского государственного университета.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Псковская земля в эпоху Смутного времени (начало XVII в.)», проект № 12-11-60002.

писал он. – К сожалению, вопрос этот в литературе совсем не разработан». Сам Веселовский сделал ряд точных наблюдений, касающихся сборов запросных денег, указав на запрос кн. М.В. Скопина-Шуйского 1609 г.⁴ Указанный пробел попытался восполнить П.Г. Любомиров, проанализировавший денежное обеспечение II Ополчения в период его формирования⁵, но в целом историография XX в. в финансовую историю Смутного времени внесла мало нового. Показательно, что в единственной статье, в которой были системно изучены налоги в России XVII – начала XVIII в., Смута так и осталась белым пятном: Г.В. Абрамович лишь констатировал, что в 1614 г. «подати сразу увеличились в два с лишним раза по сравнению с началом XVII в.»⁶. Такая ситуация легко объяснима, ибо источники по истории финансов средневековой Руси до начала XVIII в. позволяют делать лишь опосредованные выводы, что продемонстрировала известная монография С.М. Каштанова, фактически посвященная истории иммунитета в России до 1584 г.⁷

Между тем источниковая база для исследования обозначенной проблемы имеется. А.В. Антоновым недавно введены в научный оборот ценные источники по истории борьбы за Нижний Новгород в 1609 г., среди которых указные грамоты Василия Шуйского и «сказки» служилых людей⁸. Помимо опубликованных документов, финансовая история Смуты отражена в архивных источниках, среди которых особое значение имеет столбец фонда «Приказных дел старых лет» РГАДА. Столбец, введенный в научный оборот М.М. Богословским, содержит документы, на которые ни он, ни другие исследователи не обращали должного внимания. Это 6 указных грамот царя Василия Шуйского земским старостам Устьянских волостей Устюжского уезда 1608–1610 гг., в которых описана фискальная история этого округа, начиная с лета 1606 г.⁹ Их информация дополняется документами, опубликованными в «Актах археографической экспедиции» и «Актах подмосковных ополчений и земского собора 1613 г.»¹⁰.

Воцарение Василия Шуйского сопровождалось введением чрезвычайных налогов. В царской грамоте Устьянским волостям содержатся сведения о том, что «в прошлом во 114-м году взято с них в польский поход за ратных людей по 25 рублей с сохи..., и тех де денег, что взято с них в польской поход за ратные люди, по нашему указу велено зачести половину в оброк вперед во 115 год»¹¹. Аналогичные данные содержатся в царской грамоте, направленной 2 мая 1610 г. в Устюг Великий, об освобождении вотчины Архангельского монастыря от налогов: «в прошлом де во 114-м году июля в 1 день платили они в нашу службу в польской поход 89 рублей 22 алтына 4 деньги»¹². Судя по «зачету» сумм, взятых в счет дани и оброка следующего года, действиям правительства Шуйского изначально, с 1606 г., были присущи черты конфискационной фискальной политики.

Следующий год, на который пришлась борьба с повстанцами Болотникова, также принес новые сборы: с Устьянских волостей «взято во 115 году на два месяца наемных денег ратным людям, которые были на нашей службе под Колугою»¹³. В грамоте 15 апреля 1608 г. описан механизм этого сбора: «от даточных людей были им убытки великие, конные у них имали по договору на месяц рублей по пяти и по шти, а до отстою даточные люди с волостных крестьян имали себе многие лишние деньги за посмех»¹⁴. Поскольку в 1608 г., как и в последующем 1609 г., с волостей было взято 44 человека даточных, то сумма изъятых с волостей денег на два месяца составляла не менее 440 руб. Данные о сборах с вотчин Архангельского монастыря более конкретны: «в прошлом во 115 году платили по нашему указу Василью Жеребцову по два человека с сохи на три месяца, и того де дано найму в тое службу ратным людям 145 рублей, да в том же во 115 году платили они с монастырския вотчины по нашему указу Панкрату Чулкову по 2 человека с сохи с лошадьми на три месяца, а дано де ратным людям найму 225 рублей, да прошлого ж 115 году платили они по нашей грамоте и по наказу... тем же ратным конным людям в переход на 2 месяца 150 рублей»¹⁵. Как видим, чрезвычайные сборы на ведение войны в 1606/07 г. по сравнению с предыдущим годом выросли более чем в 5 раз.

Следующий год ознаменовался борьбой уже с Лжедмитрием II, чье наступление на Москву летом 1608 г. потребовало новых наборов даточных людей и экстраорди-

нарных денежных взысканий. С Устьянских волостей вместо даточных людей в 1608 г. взяли «деньгами в нынешнем во 116 году декабря с 25 числа на три месяца месячного найму по два рубли за человека в месяц, всего 264 рубля»¹⁶. В то же время в отношении монастырей правительство прибегло к прямому изъятию округленных денежных сумм, не связанных ни с количеством даточных, ни с цифрами сошного письма. Как говорилось в царской грамоте 1610 г., с вотчин Архангельского монастыря «в прошлом де во 116 году дали они из монастырския же казны нам в запрос 500 рублей, да в том же году платили они по нашему указу подьячому Пятому Григорьеву с монастырские вотчины служивым людям на жалованье 132 рубли 8 алтын 2 деньги, да они ж де в те годы платили ямским старостам и ямским откупщиком с монастырския вотчины 289 рублей 25 алтын»¹⁷.

Наиболее трудным для правительства Шуйского оказался 117 (1608/09) г. Как показал И.О. Тюменцев, в сентябре 1608 г. войска тушинского вора предприняли попытку отрезать Москву от Замосковья и Поморья, и уже 18 октября 1608 г. присягу Лжедмитрию II принесли жители Ярославля¹⁸. Установив связь с крупными посадами Среднего Поволжья, правительство Шуйского немедленно требовало у местных властей войск и денег (как, например, у нижегородского воеводы А.А. Репнина 17 февраля 1609 г.)¹⁹. Однако доставить денежные сборы в столицу в условиях блокады не представлялось возможным. 1 января 1609 г. великопермские старосты и целовальники запрашивали у устюжан, «мочно ли из Перми... государева денежная казна и сметной список прошлого 116-го году к Москве устюжскою дорогою послати». Устюжане убеждали своих адресатов денежную казну не отправлять, «потому что наша устюжская дорога до Вологды чиста, а дале ныне ехать нельзе»²⁰. Антонов обратил внимание на тот факт, что сохранившиеся в архиве гетмана Я.П. Сапеги царские грамоты в Суздаль, Владимир, Муром, а также воеводам Ф.И. Шереметеву и И.Н. Салтыкову за апрель–май 1609 г. не дошли до своих адресатов²¹. Это, несомненно, свидетельствует о продолжении полной блокады Москвы тушинцами весной 1609 г., делавшей невозможным даже обмен информацией между столицей и северо-восточными уездами. В составе комплекса платежных отписок посадов и волостей Галичского уезда отсутствуют отписки за 117 г., что также свидетельствует о том, что правительством Шуйского налоги с галичских волостей не получались²². Территория Устюжского уезда в течение 1608/09 г. находилась вне пределов власти как правительства Шуйского, так и тушинцев, поэтому в этом году устюжане тоже налогов не платили, однако вынуждены были нести расходы на оборону своего уезда.

Эти оборонные мероприятия были инициативой исключительно земских властей, о чем определенно говорится в отписке пермскому воеводе из Сольвычегодска от 6 декабря 1608 г. Земский староста П. Извольский извещал о совместной с устюжанами, галичанами и жителями других заволжских посадов инициативе по сбору ратных людей «с малой сошки по десяти человек»²³. Как следует из царской грамоты Архангельскому монастырю, «во 115 (по-видимому, ошибка, должно быть – 117. – В.А.) году отпустили они без нашего указа ратных людей с Устюжских и с Усольских монастырских сошек с подьячим с Шестым Копниным 12 человек в Даниловское, и дано де им найму тем ратным людям на три месяца 54 рубли, да в том же году отпустили они без нашего ж указа ратных людей с Дмитрием Седловым к Вологде с Устюжских и с Усольских монастырских сошек 17 человек, и того де найму тем ратным людям на 3 месяца 79 рублей 26 алтын 4 деньги»²⁴. Кроме названных в цитированном фрагменте двух отрядов, в 1608/09 г. устюжане наняли и оплатили содержание еще четырех групп ратников, отправленных в Галич, к Костроме, на заставу в Брусенск и в Ярославль. На финансирование этих шести отрядов в общей сложности было израсходовано 253 рубля 26 алтын и 4 деньги, что сопоставимо с размером чрезвычайных налогов с монастырской вотчины в 1606/07 г.

В 118 (1609/10) г. М.В. Скопин-Шуйский, опираясь на силы заволжских городов, начинает решительную борьбу с тушинцами за Москву²⁵. Александрова слобода была занята войсками Скопина-Шуйского в октябре 1609 г.; туда же был направлен первый

отряд ратных людей из Устюга, набранных в том числе с вотчины Архангельского монастыря: «послали они ратных людей в Олександрову слободу к бояром нашим и воеводам ко князю Михаилу Васильевичу Шуйскому с товарищи в полки нынешняго 118-го году с выборщиком с Алексеем Полозовым по 3 человека с сохи, а найму им дано с Архангельского монастыря на три месяца 51 рубль 32 алтына»²⁶. Спустя два месяца возникла серьезная угроза для городов Вятской земли, когда волжские казаки с отрядами стрельцов и «луговой черемисы» внезапно захватили Котельнич, укрепив его за собой. Устюжский воевода И. Стрешнев, находившийся в момент получения этого известия в Соли Вычегодской, на совещании с усольцами решил «наймывати поголовно на государевы деньги, а не с сох, многих людей, а что на те люди выйдет деньги из государевы казны, и те деньги приговорили собрати с сох опосле и отдати в государеву казну»²⁷. В грамоте Архангельскому монастырю эта инициатива земских властей Устюга и Соли Вычегодской описана так: «да нынешнего де 118 году отпустили они ратных людей без нашего указа к Вятке по человеку с сохи на два месяца, а дано им найму с монастырских сошек по 13 рублев 7 алтын 3 денги»²⁸.

Вслед за отправкой отряда к Котельничу для северорусских земств возникли новые вызовы: «Да они ж де нынешняго 118-го году отпустили ратных людей без нашего указа на заставу на Юг и на Молому для черемисского и воровских людей приходу, и тем де ратным людем дано найму и с додачею, что идет с монастырских костей, 7 рублев 10 алтын; да в нынешнем же де во 118-м году послали с Архангельского монастыря к бояром нашим и воеводам ко князю Михаилу Васильевичу Шуйскому с товарищи в запрос 10 рублев». Общая сумма изъятых властями и истраченных самовольно без царского указа с монастырской вотчины денег «опроче данных и оброчных» за 1605–1610 гг. составила 2 620 рублей 7 алтын и 4 денги²⁹.

Черносошные крестьяне Устьянских волостей в 118 г. оказались перед необходимостью погашать недоимки по налогам за 1607/08 г. в объеме 167 рублей, выплачивать 388 рублей оброчных денег и посылать в сибирские города хлебные запасы. Кроме того, устьянцы указывали в челобитных, что «их же де Устьянских волостей ратные люди стоят на нашей службе и по ся места, а на наем им дают мирские деньги, да на них же де ныне правят по нашему указу запасы служивым нашим людем и иноземцом на корм». Выход был найден в феврале 1610 г., когда хлебные запасы для сибирских городов были заменены сбором фиксированной суммы в 700 руб. «служивым людем на жалованье.., а те деньги велели есмя Устьянских волостей крестьяном зачести вперед в оброчные деньги»³⁰. Кроме того, уже в мае 1610 г. последовало распоряжение правительства Шуйского взять с московских городов посошно ополчение из расчета по три человека с лошадыю с сохи. Устьянские волости должны были немедленно прислать 45 руб. вместо набора посохи³¹.

Особый интерес представляет практика взимания запросных денег и особых сборов на служилых людей с Устюжского уезда. Как уже указывалось, в 116 (1607/08) г. Архангельский монастырь выплатил в запрос 500 руб. и одновременно выдал «служивым людем на жалованье 132 рубли 8 алтын 2 денги». В 1609/10 г. в запрос Скопину-Шуйскому было передано 10 руб., а в качестве денег «служилым людем на жалованье» устьянцы должны были дать казне 700 руб. с зачетом этих денег в будущие оброчные платежи. Можно ли считать деньги служилым людем на жалованье разновидностью запросных денег, или это особый вид фискальных сборов? Веселовский установил, что «слова запрос и запросные деньги употреблялись в нескольких смыслах»: в смысле «чрезвычайных налогов независимо от их формы и объекта», либо в смысле займа «с обещанием вернуть долг или зачесть его в налоги»³². Как видим, выплата устьянцами 700 руб. с зачетом этой суммы в оброк будущего года вполне может быть названа запросными деньгами. Все чрезвычайные налоги взимались помимо ординарных. Доходные списки двух станов Каргопольского уезда 1606 г. и 1607 г. свидетельствуют о сборе всех видов налогов, существовавших в Русском государстве: «дани.., и ямские и приметные денги, и за горностаи, и за городовое, и за засечное, и за емчужное дело, и пищальные денги, и за посыпной хлеб, и мелкие оброки по писцовым книгам»³³.

Рассмотренная нами фискальная практика правительства Шуйского, выражавшаяся в росте чрезвычайных налогов, взимании недоимок и введении запросов, наглядно показывает масштаб ресурсного напряжения, которое должно было выдержать русское общество в 1606–1610 гг. Непрерывная борьба с неповинуящимися окраинами, повстанцами Болотникова, кондотьерами Лжедмитрия II, наконец, с регулярными войсками Речи Посполитой подорвала способность государства сохранять контроль над территорией страны. Тем не менее, северо-восточные посады и уезды продолжали поддерживать правительство Шуйского как войсками, так и финансами вплоть до момента его падения. В высшей степени показательным является факт пребывания даточных людей из Соли Вычегодской в Москве в сентябре 1610 г., когда от имени королевича Владислава было отправлено уведомление воеводе П.С. Нащокину об отпуске 70 сольвычегодских даточных по домам и распоряжение выплатить «на перестойные месяцы... наемные деньги посадским и сошным людям»³⁴.

Веселовский крайне скептически отзывался о фискальных мерах правительства Василия Шуйского, заявив, что оно прибегало «к беспорядочным займам у частных лиц и монастырей, большей частью безвозвратным» и не установило «ни одного сколько-нибудь значительного нового налога»³⁵. Однако установление новых налогов вообще представляет собой меру, принятие которой возможно лишь в условиях социальной стабильности; судьба налога на соль, установленного правительством царя Алексея Михайловича в 1646 г. и отмененного в декабре 1647 г., демонстрирует, что и спустя 30 лет после Смуты фискальные нововведения не приживались. В условиях же гражданской войны начала XVII в. фискальное принуждение могло осуществляться лишь путем повышения ставок существующих налогов, либо взимания экстраординарных платежей, подобных запросным деньгам. С нашей точки зрения, практика запросов, которой правительство Михаила Федоровича предпочло сбор пятинных денег, была дискредитирована не правительством Шуйского, а его свержением. Очевидно, что объявляя о сборе запросных денег, Шуйский рассчитывал расплатиться с налогоплательщиками в случае своей победы.

Финансовая политика правительства Шуйского выглядит адекватной стоящим перед ним целям, особенно в сравнении с фискальным принуждением, осуществлявшимся его главным противником – Лжедмитрием II. Даже немногие сохранившиеся документы из архива гетмана Сапеги свидетельствуют о крайней хаотичности мероприятий тушинцев по изъятию налогов. Так, Сапега уже в ноябре 1608 г. от своего имени отправлял людей собирать «кормы на рать» в Белозерском уезде и «сошные, и престольные, и монастырские деньги на роты польским людем» в Угличе. Это вызвало недовольство тушинского правительства, запретившего сапежинцу пану Очковскому взимать вытные деньги в Угличе³⁶. Конфликт Лжедмитрия II с гетманом на почве обеспечения войск произошел летом 1609 г. и в дворцовых селах Суздальского уезда, которые должны были готовить столовые запасы и курить вино для тушинского двора и одновременно были «розданы литовским людем на десять рот в кормлень»³⁷. После распада тушинского лагеря и перемещения Лжедмитрия II в Калугу его попытки получить деньги с подданных стали напоминать неприкрытый грабеж. 4 июля 1610 г. Сапега направил в Великие Луки грамоту Лжедмитрия II с требованием немедленной отправки гетману «таможных и кабацких денег или каких доходов ни буди», сопроводив ее своим «запросом» о выдаче ему лично из этой суммы 15 тысяч золотых. Абсурдность ситуации состояла в крайне тяжелом экономическом положении пограничного города, в казне которого отсутствовали какие-либо денежные доходы³⁸.

Ключевым вопросом в контексте обозначенной проблематики является выяснение сквозь призму фискальной политики пределов распада государственных институтов в России в 1610–1612 гг. В российской историографии XIX–XX вв. традиционно считалось, что в период междуцарствия центральный аппарат управления был разрушен, а на местах царили беззаконие и произвол. В работах А.Л. Станиславского показано, что в оккупированных тушинцами и поляками регионах ситуация была крайне тяжелой, характеризовалась грабежами казаков и наемников. Однако проблема разрушения

государственного аппарата в 1610–1611 гг. в значительной степени была пересмотрена в новейших исследованиях Б.Н. Флори и Д.В. Лисейцева, выявивших континуитет в правительственной политике Шуйского и «семибоярщины»³⁹. Лисейцев справедливо интерпретировал известный в науке список бояр и дьяков, рекомендованных королю Сигизмунду для продолжения службы в московских приказах, не как полный перечень приказных судей. В список попали лишь кандидатуры бояр и дьяков, чья преданность королю была важна для контроля ключевых отраслей государственного управления и хозяйства⁴⁰.

Основная же масса дьяков и подьячих первоначально сохранила свои должности, что подтверждается документами по истории управления галицкими землями. 20 ноября 1610 г. от имени Владислава IV был дан наказ С.А. Левшину, назначенному «на приказ» для управления посадом Чухломы и черными волостями Чухломского уезда. Одной из основных задач Левшина было закрепление черносошных крестьян на их тяглых жеребьях и сыск беглых, в чем он был подотчетен дьяку Галицкой чети А. Подлесову⁴¹. По-видимому, Левшин приступил к выполнению своих обязанностей в Чухломе, поскольку в комплексе платежных отписей посадов и волостей Галицкого уезда сохранилась отпись 119 (1610/11) г., согласно которой ямские деньги с посада Чухломы были переданы по грамоте Владислава подьячему Большого прихода П. Насонову⁴². Если в январе 1609 г. оказывалось невозможно доставить денежные доходы через Устюг в Москву, то к началу ноября 1610 г. проехать к столице с денежной казной было можно, о чем устюжане писали в Пермь: «К нам, господа, в Москву от государя царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всяя Руси многия грамоты присланы для денежных доходов, и у нас сколько денег в сборе есть, и мы отпускаем к Москве»⁴³.

Однако господство правительства Владислава в посадах и уездах Замосковского края оказалось кратковременным; несмотря на то, что еще 24 февраля 1611 г. костромское ополчение во главе с воеводой кн. Ф. Волконским выступило к Владимиру на соединение с другими «городами», Сапега в апреле того же года укорял костромского воеводу в том, что костромичи «всею землею» государю Владиславу изменили⁴⁴. В марте земский староста и целовальники Соли Вычегодской писали в Пермь, что они «ратных людей наняли со всяким с боевым оружием с малые сошки по три человека и послали в Ярославль и в иные города, где пригож, в сход к воеводам и под Москву со всех московских городов к ратным людям в сход»⁴⁵. Служилые люди Костромы и Галича весной 1611 г. «всем городом» оказались в составе I Ополчения, материальное обеспечение которого по причине скудости источников до настоящего времени остается неизученным.

Исследователями многократно подвергалась анализу ст. 20 приговора Земского собора I Ополчения 30 июня 1611 г. Ее, однако, следует рассматривать в контексте других актов собора, длившегося несколько дней. Результатом его работы стали указные грамоты, рассылавшиеся по уездам по мере их принятия, как, например, грамота от 29 июня 1611 г. из Владимирской чети во Владимир о немедленном сборе и присылке доходов и фискальной документации. Содержание начальной части грамоты вызывает недоумение, поскольку владимирскому воеводе Г.И. Окинфову еще «прежним наказом» предписывалось собрать и прислать «четвертные и Большому приходу окладные и неокладные всякие денежные доходы», которые воевода «в полки августа по... число не присылывал»⁴⁶. Как известно, в августе предыдущего 1610 г. I Ополчения не существовало даже в проекте, однако дело заключалось, видимо, в правопреемстве Ополчения вооруженным формированиям, вошедшим в его состав. В 1609–1610 гг. в Суздале стояли войска А. Просовецкого, неоднократно атаковавшие Владимир и наверняка организовывавшие «приставства» в волостях Владимирского уезда. Видимо, кормы за 118 (1609/10) г. ими получены не были, и когда на исходе зимы 1610/11 г. отряды Просовецкого влились в состав I Ополчения, его руководство предписало владимирскому воеводе прислать в полки недоимки по кормам «пахолкам» Просовецкого⁴⁷. В грамоте от 29 июня констатировалось: «Вы ныне всякие окладные и неокладные деньги, збирая мимо Розряду присылаете к бояром по полком, и те деньги емлют бояре

без мирского ведома и дают их неведомо на какие розходы, и те деньги пропадают меж рук»⁴⁸. В ней содержалось предписание о том, чтобы деньги из городов привозить в Большой Разряд или в четверть, и лишь оттуда отдавать по мирскому приговору на расходы, а также знаменитый ультиматум Ляпунова: «И будет ваши посыльщики вперед деньги учнут привозити мимо Большого Розряда или Володимерские четверти, и я, Прокофей, ото всего дела и от земсково промыслу отступлюся»⁴⁹. Очевидно, что ст. 20 приговора Земского собора 1611 г. преследовала своей целью прекратить порочную практику бесконтрольного присвоения собранных налогов воеводами и атаманами с единственным отличием от грамоты 29 июня: в приговоре вместо Большого Разряда в качестве приходной и расходной кассы упомянут Большой приход⁵⁰.

Сохранившиеся платежные отписи посадов и волостей Галицкого уезда за 1611 г. дают возможность проверить, выполнялось ли это постановление на практике. 6 из 9 отписей, датированных 20 июня и 12 июля 1611 г., даны по приказу боярина и воеводы кн. Д.Т. Трубецкого дяками Д. Хвицким и М. Огарковым⁵¹. Веселовский уверенно утверждал, что Огарков до августа 1611 г. служил дяком в Галицкой четверти, но воздержался от предположений по поводу места службы Хвицкого⁵². Пять отписей о взимании четвертных доходов, данных Хвицким, позволяют предположить, что он также служил в Галицкой четверти, одновременно с Огарковым. Изъятие налогов четвертными дяками с несомненностью свидетельствует, что, по крайней мере, в течение месяца вплоть до убийства Ляпунова постановления собора о регламентации фискальной практики выполнялись.

Однако три отписи, датированных 15 августа 1611 г., позволяют уже предположить, что после гибели Ляпунова руководство I Ополчения вернулось к старой практике изъятия налогов непосредственно атаманами станиц и воеводами полков: «Лета 7119-го августа в 15 день взято в полк боярина и воеводы Дмитрея Тимофеевича Трубитцково на корм атаманом и казаком с Усней с Воскресенского приходу четвертных денег у целовальника у Симанка Денисова 9 рублей и 21 алтын 2 деньги. А деньги у него взял на свою станицу атаман Булат Чермного»⁵³. Платонов, анализируя последствия распада I Ополчения, писал, что «правительственная организация, созданная усилиями земщины, теперь стала служить казачеству», и что «казацко-воровское правительство... овладело только что созданным в рати 1611 года правительственным устройством»⁵⁴. Если исходить из практики сбора налогов ополченцами, следует признать, что от созданного «советом всея земли» правительственного устройства дуумвират И.М. Заруцкого и кн. Трубецкого унаследовал лишь фискальный аппарат, в то время как правильная организация сборов и распределения налогов в ополчении была утрачена. Входившие в его состав вооруженные формирования присвоили себе право на принуждение и насилие, легитимность которых была сомнительна.

В отличие от I Ополчения, нижегородская инициатива изначально строилась на принципах, укорененных в особенностях тяглого строя Русского государства. Еще Платонов показал недостоверность «басен» о введенной Кузьмой Мининым «торговле людьми», под которой в источниках понимался широко распространенный обычай личного найма по жилым записям⁵⁵. В исследованиях Платонова, Любомирова и Веселовского были выяснены основы материально-финансового обеспечения II Ополчения в 1611 – начале 1612 г., в период пребывания в Нижнем Новгороде. Веселовский показал, что основные средства Ополчением были получены путем введения принудительного займа с посадских людей – пятой доли их «животов» и промыслов⁵⁶. Гораздо хуже изучена административно-фискальная практика периода пребывания Ополчения в Ярославле, хотя освещающие ее источники были введены в научный оборот еще в начале XX в. В составе комплекса платежных отписей галицких волостей и посадов имеются 23 документа, относящиеся как раз к «ярославскому» периоду истории II Ополчения; они содержат представительный материал для суждений по этой проблеме.

Главные силы Ополчения кн. Д.М. Пожарского вошли в Ярославль в конце марта – начале апреля, а покинули город 27 июля 1612 г.⁵⁷ Уже в апреле фискальный аппарат Ополчения начал свою работу с взимания ямских денег: 9 апреля датирована отпись

об их взятии с галицкой вотчины Симонова монастыря, данная И.Я. Горихвостовым и заверенная его печатью. С 12 мая таможенные, кабацкие, оброчные сборы взимал дьяк Василий Юдин по отпискам И.Я. Горихвостова и подьячего Ю. Лихачева. Из этого можно заключить, что Горихвостов занимал некую ответственную должность в Соли Галицкой, возможно, находился там на воеводстве. Следует предположить, что процесс складывания приказного аппарата Ополчения в Ярославле потребовал некоторого времени; факт выдачи отписи о сборе ямских денег с монастырской вотчины местным воеводой или губным старостой говорит об отсутствии в правительстве II Ополчения в первой половине апреля 1612 г. Галицкой четверти⁵⁸. Руководивший в дальнейшем этим приказом дьяк Юдин собирал налоги с галицких посадов и волостей уже в мае, как следует из данных им в этом месяце отписей.

Однако впервые Галицкая четверть упомянута в платежной отписи от 20 июня 1612 г., когда Юдин брал в земскую казну оброчные деньги «по отписке Гордия Пальчикова да подьячево Богдана Кондратьева»⁵⁹. Последняя отпись, данная Юдиным как главой Галицкой четверти, датирована 29 июля 1612 г., когда главные силы Ополчения во главе с Пожарским уже покинули Ярославль, а земское правительство и его приказы еще некоторое время, видимо, оставались в городе. Сбором налогов для Ополчения занимались не только приказы, но и другие должностные лица. Отписи о сборе оброчных денег за пользование сенокосами и рыболовецкими угодьями от 9, 12 и 13 июля были даны «по совету всей земли» Гордеем Афанасьевичем Пальчиковым и подьячим Богданом Кондратьевым. Пальчиков – болховский помещик, отец которого прославился тем, что в 1604 г. был отправлен в Польшу для изобличения в самозванстве Григория Отрепьева, а в 1606 г. был казнен по приказу Болотникова: «распял к городской стене, и стоял прикован до вечерни, а потом... велел с башни убить». Г.А. Пальчиков в 1614 г. в должности стрелецкого головы участвовал в походе И.Н. Одоевского на Астрахань и руководил операцией по захвату Заруцкого, Марины Мнишек и «воренка»⁶⁰. Осуществлявшаяся Пальчиковым в июле 1612 г. под руководством «совета всей земли» деятельность убеждает в том, что он, подобно Горихвостову, выполнял обязанности воеводы или губного старосты в Галицком уезде.

Наибольший интерес вызывает номенклатура и размеры взимавшихся с галицких посадов и волостей налогов. Уже власти I Ополчения брали с тяглого населения как косвенные, так и прямые налоги: оброчные четвертные деньги, ямские деньги и таможенные сборы. Отсутствие в перечне налогов данных и полоняничных денег, скорее всего, объясняется недостаточной репрезентативностью дошедших до нас отписей за 1611 г.; как следует из отписи Пальчикова от 10 июля, руководство II Ополчения получало данные и полоняничные деньги с волости Верхняя пустынь⁶¹. Правительства Ополчений с крайней осторожностью осуществляли свои фискальные мероприятия: в доступных сравнению случаях размеры взимаемых налогов в 1612 г. совпадали с налогами за 1611 г. Например, четвертные оброчные деньги и в 1611, и в 1612 г. взимались с Конявинской волости в размере 18 руб., с Васютинской – 27 руб.⁶² Как и предшествующие правительства, «совет всея земли» прибегал к двум апробированным способам поддержки войска (помимо ординарных налогов): сбору запросных денег в счет будущих налогов (например, из кабацких доходов с посада Чухломы в размере 70 руб.) и набору даточных людей⁶³. Однако значительного развития эти формы фискального принуждения не получили. Зададимся вопросом: только ли несовершенство налогового аппарата и быстротечность кампании 1612 г. препятствовали применению этой практики? Почему Ополчения не прибегали к чрезвычайным налогам, например, запросам, а правительства Шуйского и Романова активно их использовали? Причиной этого была меньшая легитимность ополченских правительств, особенно I Ополчения, представлявшего собой плохо сплоченный конгломерат вооруженных формирований, верных своим вождям. Не следует сбрасывать со счета и большую эффективность ополченских правительств, не перегруженных избыточным штатом чиновников и не обязанных нести расходы на содержание царского Двора. По подсчетам П.Н. Милюко-

ва, в 1616 г. на содержание Государева Двора даже без учета жильцов пошло не менее 26 тыс. руб.⁶⁴

Интронизация Михаила Федоровича привела к активизации фискальной политики, и весной–летом 1613 г. на посадах начался сбор «запросных денег», носивший добровольный характер. До настоящего времени наиболее обстоятельным исследованием чрезвычайных налогов второго десятилетия XVII в. является труд Веселовского. Исследователь обоснованно предположил, что правительство не могло сделать этот заем принудительным по причине слабости государственного аппарата, а также выяснил незначительность собранных средств⁶⁵. Как показывает изучение платежных отписей галицких волостей и посадов, внимание ординарных налогов также не давало должного эффекта. Суммы оброчных денег, взимавшихся в 1613 г., в сопоставимых случаях равны величине оброчных денег за 1611–1612 гг., как, например, с волости Вага, где на протяжении трех лет их величина составляла 19 руб.⁶⁶ Неудивительно поэтому, что зимой 1613/14 г. правительство попыталось компенсировать недостаток средств введением нового налога – хлебных запасов и денег за них ратным людям на жалованье. Веселовский предположительно высчитал оклад этого налога, составивший за 1613/14 г. около 115 тыс. руб., что было совершенно недостаточно для нужд поместной армии и переходивших на сторону правительства казаков⁶⁷.

Разрушение сошного письма и отсутствие новых данных о платежеспособных силах населения заставили правительство перейти к новой системе взимания налогов⁶⁸. Первый сбор пятинных денег был введен по постановлению Земского собора в апреле 1614 г. Теоретически пятинные деньги подпадают под категорию квотативных налогов, «когда фикс определяет лишь долю, которую должен заплатить тот или иной объект обложения, не назначая заранее суммы налога»⁶⁹. Первая пятина была наложена в основном на имущество торгово-промышленного класса, пятая доля которого должна была взиматься государством. Посадские и торговые крестьяне, имевшие имущества и промыслов менее чем на 10 руб., от налога освобождались. Веселовский показал, что первая пятина не для всех категорий плательщиков была налогом в полном смысле этого слова, так как для одних она была зачтена в недоимки по налогам, а для других – в будущие налоги. В 1614 г. правительство Романовых контролировало меньшую часть страны, и сумма сборов первой пятины была мизерной, не превышая 75 тыс. руб.⁷⁰ Второй сбор пятинных денег был назначен в апреле 1615 г. и представлял собой комбинированный налог, взимавшийся с торгово-промышленного населения в форме пятой части движимого имущества и с сельского населения в размере 120 руб. с сохи⁷¹. Введенная в марте 1616 г. третья пятина практически отступала от квотативного принципа: сборщики первых пятин получили задание привезти в Москву окладные книги и росписи сбора, и правительство к началу 1616 г. могло с большой точностью определить оклады крупнейших посадов. Так, посад Соли Вычегодской был положен в оклад 5 тыс. руб., а с тяглого населения, не занимавшегося торговлей, как и в 1615 г., взимался налог в размере 120 руб. с сохи. Третья пятина дала в казну около 190 тыс. руб. В то же время, как указывал Веселовский, сборы пятинных денег не только не покрывали всех текущих потребностей государства, но и не являлись основными в его бюджете. По его подсчетам, даже третья, самая тяжелая для населения пятина, дала не более 25% всех поступлений в казну⁷².

Одновременно с фискальным принуждением, осуществлявшимся правительством Романовых, свою систему взимания налогов выстраивает шведская администрация в Новгороде и его землях. Репрезентативные данные содержатся в широко известном в науке документальном комплексе – материалах Новгородского оккупационного архива⁷³. Объем и номенклатуру собираемых с посадского населения Новгорода налогов установить затруднительно. Из дела Новгородской четверти 1676 г. известна выпись из дозорной книги В. Овцына 1606/07 г., согласно которой с сохи на Торговой стороне Новгорода взималась сумма в 41 рубль 23 алтына и 5 денег⁷⁴. Она сопоставима с данными о пососном обложении других посадов в конце XVI – начале XVII в.: так, например, с посада Вологды взималось от 33 до 42 руб. с сохи. Однако в эту сумму

входили данные, ямские, приметные, полоняничные, пищальные деньги⁷⁵. Детальный анализ документов Новгородского оккупационного архива позволяет выявить особенности фискальной системы в Новгороде 1611–1616 гг., в частности, ответить на вопрос, заменяли ли «солдатские деньги» другие налоги или же они вводились в дополнение к уже существующим.

Наиболее спорным в силу состояния источников является вопрос о номенклатуре и способах взимания прямых налогов. В составе оккупационного архива находятся недатированная «Книга сбора денег» и «Книга сбора солдатских денег» 1614–1616 гг.⁷⁶, в которых зафиксирован порядок взимания прямых налогов с посадского населения Новгорода. Как и в других русских городах, ответственными за сбор денег были руководители земского управления – пятиконецкие старосты. В книге 1614–1616 гг. зафиксирован также институт денежных сборщиков, на должности которых выдвигались поочередно посадские люди.

Рассмотрение порядка сбора налогов целесообразно начать с анализа и датировки «Книги сбора денег». Недатированный фрагмент фискального кадастра охватывает период с 1 января по 15 февраля, когда 6 групп из 13 сборщиков налогов должны были через день или ежедневно собирать деньги с непоименованных тяглецов. Некоторые из тяглецов самостоятельно приносили деньги в съезжую избу. Поскольку они были названы посадскими людьми, а упоминаемые в том же документе Федор Одинцов с Константином Лазаревым должны были собирать деньги с Софийской стороны, полагаем, что в источнике идет речь о сборе денег с посада Великого Новгорода. Количество ежедневно собираемых каждой группой «борцев» денег колебалось от 9 до 200 руб., что в течение 1–1.5 месяцев составляло суммы от 1 450 до 3 630 руб. Итоговая сумма собранных налогов в сохранившемся фрагменте книги составляет 12 580.5 руб. Главный вопрос состоит в определении сущности исчисленных в книге налогов и их сопоставлении с известными из других источников цифрами. По данным Д. Флетчера, в 1580-х гг. в Новгороде собирали 35 тыс. руб. четвертных сборов⁷⁷. Сумма в 12.5 тыс. руб. предположительно может быть определена как треть годовой суммы основного прямого налога, до оккупации поступавшего в Новгородскую четверть.

Датировка «Книги сбора денег» 1613 годом была осуществлена К. Якубовым субъекто предположительно и без убедительной аргументации⁷⁸. Полагаем, что она может быть уточнена. Среди сборщиков налогов упомянуты Овсей Резанов и подьячий Иван Заденский, которым было «велено собрати 1 658 рублей 25 алтын»⁷⁹. Резанов и Заденский собирали налоги в период с 1 по 31 января, когда у них по частям забирали деньги в съезжую избу. Между тем, среди документов второй серии оккупационного архива имеется подборка челобитных и памятей 1612–1615 гг., в числе которых датированная 2 января 1614 г. память упомянутым сборщикам – Овсею Дмитриевичу Резанову и подьячему Ивану Заденскому⁸⁰. В памяти сборщикам предписано «взяти с Первого детей Прокофьева с Степана да с Ивана» «по боярскому приказу» половину ординарного налога по причине отсутствия их отца, отправленного «для государева дела в Свею»⁸¹. Полагаем, что с высокой степенью вероятности «Книга сбора денег» может быть датирована январем–февралем 1614 г.

Второй источник известен как «Книга сбора солдатских денег» 1614–1616 гг. Книга состоит из трех разделов, соответствующих календарным годам: до 19 апреля 1614 г., 26 сентября 1614 г. – 2 сентября 1615 г., 12 сентября 1615 г. – 8 августа 1616 г. Задачи составления книги предельно точно оговаривались в преамбуле к росписи сбора денег 28 декабря 1614 г.: «Лета 7123-го декабря в 28 день по выбору пятиконецких ноугородцких старост Кирилла Молодожника с товарищи посадские тяглые люди салдатцких денег зборщики Третьяк Молоков серебряник да Иван Офонасьев колачник збирали по окладным книгам гостя Первого Прокофьева с товарищи по разкладу пятиконецких старост Кирилла Молодожника с товарищи с ноугородки по 26 алтын по 4 деньги. И что взято у прежних зборщиков, и что с Софейские стороны и с Торговые улитцкие зборщики салдатцких денег своих зборов собрав приносили, и тому книги»⁸². Собранные деньги передавались «в государеву казну» на имя Я. Деллагарди.

Известные суммы сборов с посада Новгорода в 1613–1616 гг. (руб.)

Виды налогов	Годы	1613/14	1614/15	1615/16
	Четвертные доходы Деньги на солдатский корм		12 580.5* 2200**	– 13 387

* Вероятно, треть годовой суммы.

** Вероятно, сумма сбора за 1 месяц.

Технология сборов денег на протяжении трех лет менялась. Два первых «бора», последний из которых датирован 19 апреля 1614 г., охватывали, видимо, месячный период, поскольку за один «бор» собирали более 1 100 рублей. С сентября 1614 г. сбор денег производился три раза в месяц, причем до 7 марта 1615 г. за один «бор» собирали по 400 руб., а с 17 марта – по 350. С 13 августа 1615 г. к сборам с посада прибавились сборы с новгородских монастырей в размере 89 руб. (к маю 1616 г. они выросли до суммы в 350 руб.). Всего с посада Новгорода и монастырей за 1614/15 г. было собрано 13 387 руб. солдатских денег, а за 1615/16 г. – 18 050 руб. (см. табл.).

Анализ «Книг сбора денег» показывает различие методов фискального принуждения, применявшихся на северо-западе России шведами, а в центре страны – правительствами Ополчений и Романовых. Шведские власти не ставили своей целью стимулировать восстановление хозяйства на оккупированных территориях. В Новгороде и его земле последовательно взимались налоги, основанные на равномерной подворной или пососной раскладке. При наличии разветвленной земской организации самоуправления все налогоплательщики тяглых общин контролировали друг друга, чтобы избежать уклонения от налогов. Результатом стало прогрессирующее разорение Новгородской земли, выраженное в убедительных цифрах описи 1617 г.⁸³

Правительство Романовых использовало другие способы фиска, основанные на сборе запросных и пятинных денег. Веселовский крайне скептически отзывался о методах фискальной политики правительства царя Михаила Федоровича, указывая, что пятинные деньги парализовали торгово-промышленную активность посадского населения⁸⁴. Однако объективно оценить результативность налоговой политики возможно лишь путем сравнения платежеспособности населения после завершения ее цикла. Милюков подсчитал сборы всех видов налогов в 1620 г. в двух крупных административных центрах страны: Великом Новгороде и Нижнем Новгороде с уездом. В то время как Великий Новгород с учетом сбора хлеба на жалованье ратным людям дал в казну всего 6 670 руб., Нижний Новгород, переживший к этому времени семь сборов запросных и пятинных денег, дал 30 548 руб.⁸⁵ По-видимому, не будет преувеличенным вывод о том, что фискальная политика правительства Романовых оказалась адекватна задачам восстановления платежеспособных сил страны. Таковую плату за социальный мир не следует считать чрезмерной, в особенности в сопоставлении с высокой ценой, уплаченной народом в годы Смуты за восстановление государственного порядка.

Примечания

¹ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 46.

² Голохвастов П. Земское дело в Смутное время // Русь. 1883. № 1, 2, 4, 6.

³ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 258–355.

⁴ Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 5, 10.

⁵ Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения. М., 1939. С. 54–58.

- ⁶ *Абрамович Г.В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-западной Руси в XVI – первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 76.
- ⁷ *Капитанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.
- ⁸ *Антонов А.В.* К начальной истории Нижегородского ополчения // Русский дипломатари. Вып. 6. М., 2000. С. 196–240.
- ⁹ РГАДА. ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 43–58.
- ¹⁰ Акты Археографической экспедиции (далее – ААЭ). Т. 2. СПб., 1836; Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. (далее – АПО). М., 1911.
- ¹¹ РГАДА. ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 47.
- ¹² ААЭ. Т. 2. № 158. С. 269.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ РГАДА. ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 47, 49.
- ¹⁵ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 269.
- ¹⁶ РГАДА. ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 49.
- ¹⁷ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 270.
- ¹⁸ *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII в. М., 2008. С. 284, 303.
- ¹⁹ *Антонов А.В.* Указ. соч. С. 216.
- ²⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). Т. 2. СПб., 1841. № 141. С. 163.
- ²¹ Там же. С. 199.
- ²² АПО. С. 161.
- ²³ АИ. Т. 2. № 109. С. 139.
- ²⁴ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 271.
- ²⁵ *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 260–261.
- ²⁶ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 271.
- ²⁷ АИ. Т. 2. № 271, IV. С. 324.
- ²⁸ ААЭ. Т. 2. № 158. С. 271.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ РГАДА. ф. 141, оп. 2, д. 30 (1647 г.), л. 55–56.
- ³¹ Там же, л. 57–58.
- ³² *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 9.
- ³³ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606–1610 гг.). М., 1914. № 105. С. 357–358.
- ³⁴ АИ. Т. 2. № 292. С. 352.
- ³⁵ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 6.
- ³⁶ АИ. Т. 2. № 102. С. 134; № 105. С. 135.
- ³⁷ Там же. № 234. С. 276–277.
- ³⁸ Там же. № 285. С. 343–344.
- ³⁹ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М., 2005. С. 320–369.
- ⁴⁰ *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 476–517.
- ⁴¹ Древняя российская вивлиофика. Ч. XI. М., 1790. С. 368–369.
- ⁴² АПО. С. 163–164.
- ⁴³ Акты времени междоусобия (1610–1613 гг.) М., 1915. (далее – АВМ). С. 5.
- ⁴⁴ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 344; АИ. Т. 2. № 327. С. 394.
- ⁴⁵ АВМ. С. 7.
- ⁴⁶ АПО. № 1. С. 3.
- ⁴⁷ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 337–338.
- ⁴⁸ АПО. № 1. С. 3.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 49.
- ⁵¹ АПО. С. 162–163.
- ⁵² *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 382, 554.
- ⁵³ АПО. С. 163.
- ⁵⁴ *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 333.
- ⁵⁵ Там же. С. 344–345.
- ⁵⁶ *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 54–58; *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 52.
- ⁵⁷ Там же. С. 93, 147.

⁵⁸ АПО. С. 164.

⁵⁹ Там же. С. 165.

⁶⁰ *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 270–271; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 76–78.

⁶¹ АПО. С. 168.

⁶² Там же. С. 162, 166, 168.

⁶³ Там же. С. 178; АИ. Т. 2. № 336. С. 402.

⁶⁴ *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 35–36.

⁶⁵ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 11–12.

⁶⁶ АПО. С. 162, 168, 186.

⁶⁷ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 23.

⁶⁸ Там же. С. 18–25.

⁶⁹ Там же. С. 34.

⁷⁰ Там же. С. 51.

⁷¹ Там же. С. 59–60.

⁷² Там же. С. 61–62, 77–78.

⁷³ Детальная характеристика этого собрания дана в каталоге: *Lofstrand E., Nordquist L.* Accounts of an Occupied City. V. I–II. Stockholm, 2005.

⁷⁴ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. СПб., 2003. С. 59.

⁷⁵ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. 1. М., 1915. С. 146–152.

⁷⁶ Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet fran Novgorod (далее – RA, NOA). Serie 1:2, 1:35.

⁷⁷ *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 334.

⁷⁸ *Якубов К.* Русские рукописи Стокгольмского государственного архива // ЧОИДР. 1890. Кн. 1. С. 1–38.

⁷⁹ RA, NOA. Serie 1:35. Л. 4.

⁸⁰ *Lofstrand E., Nordquist L.* Op. cit. V. II. P. 56.

⁸¹ RA, NOA. Serie 2:23. Л. 4.

⁸² RA, NOA. Serie 1:35. № 21. Л. 154.

⁸³ Опись Новгорода 1617 г. Ч. 1. М., 1984. С. 153–168.

⁸⁴ *Веселовский С.Б.* Семь сборов... С. 87–88.

⁸⁵ *Милоков П.Н.* Указ. соч. С. 17–18.

© 2012 г. Ч. ДАНИНГ*

ТЕРРОР КАК СРЕДСТВО ВОЗМЕЗДИЯ И НАКАЗАНИЯ ВО ВРЕМЯ СМУТЫ В РОССИИ (1604–1607 гг.)

Советские историки, изучавшие Смутное время, описывали его как масштабную крестьянскую войну. Они часто изображали жестокие расправы мятежников над знатью (например, сбрасывание с высоких башен богатых и знатных особ под радостные крики толпы)¹. Такие события действительно имели место, но они были ошибочно интерпретированы в работах историков. Рассматривая акты возмездия и наказания через призму социальной революции, историки шли в неверном направлении и в значительной степени исказили образ самозванцев. Мне уже приходилось писать ранее, что в России в начале XVII в. не было крестьянской войны. Страна пережила свою

* **Данинг Честер**, доктор исторических наук, профессор Техасского университета A&M (США).

Перевод с английского Д.А. Ляпина (Елец).

первую гражданскую войну – чрезвычайно сложный и масштабный конфликт, который разделил российское общество по вертикали, а не по горизонтали². Традиционные и устаревшие интерпретации террора и репрессий в годы Смутного времени нуждаются в пересмотре. Очевидно, понять и объяснить их старыми методами, основанными, по сути, на классовом подходе, невозможно. В данной статье анализируется влияние на общество решений Василия Шуйского в годы его борьбы с Лжедмитрием II. Рассматривая реакцию восставших на политику этого царя-узурпатора, я надеюсь пролить свет на специфику общественного создания русских людей начала XVII в.

Первую гражданскую войну в России условно можно разделить на два периода. Первый приходится на 1604–1605 гг., а второй – на 1606–1612 гг. Во время первого периода человек, выдававший себя за Дмитрия, сына Ивана Грозного, вторгся в Россию и, поддержанный народным восстанием, оказался на троне. Столетиями этого человека выставляли одиозным самозванцем (Лжедмитрием I), хотя он действительно считал себя царским сыном, а его популярность позволила восстановить порядок в стране, объединив самые разные элементы российского общества. Нет никаких доказательств того, что «царевича» поддержали низы российского общества, боровшиеся с крепостничеством. Его сторонники никогда не выступали против крепостного режима. Некоторые историки писали о восставших как о людях, наивно веривших в «доброе царя», который может освободить их от крепостного рабства. На самом деле эти мятежники были, прежде всего, набожными православными людьми и поддержали Дмитрия как «истинного царя» именно в силу своих религиозно-политических взглядов. Одной из основных причин отречения народа от Бориса Годунова и массового перехода людей на сторону Дмитрия, на мой взгляд, была сакрализация власти правящей династии в XVI в. Именно поэтому в народном сознании возникла вера в чудесное спасение царевича Дмитрия от смерти и в его возвращение для освобождения народа от злого узурпатора Бориса Годунова (а вовсе не от крепостничества, как писали советские историки)³.

Когда Дмитрий начал свою военную кампанию в 1604 г., он сразу получил поддержку среди всех слоев русского общества. Десятки тысяч людей были готовы рискнуть всем ради «истинного царя». Этот массовый энтузиазм сторонников Дмитрия, который потряс современников, не может быть интерпретирован как результат восстаний угнетенных слоев общества или как «наивный монархизм». Их связывали более глубокие причины. Благодаря исследованиям Д. Роуланда и В. Кивельсон мы можем высказать некоторые предположения о том, что происходило в умах сторонников Дмитрия⁴. В XVII в. сознание большинства русских людей было совершенно не секулярным. Традиционное и религиозное по своей сути, русское общество не могло оставаться лояльным к правителю, который терял божественную поддержку и сбивался с «истинного пути». Именно так и случилось с Годуновым. В умах русских людей всех слоев четко обозначилось противостояние злого царя-мучителя и того, кто считал себя истинным царем, представителем освященной династии. Секрет успеха Дмитрия заключался в том, что он сумел воспользоваться огромной волной энтузиазма, тем, что в сознании народа только он был способен вернуть России божественное заступничество⁵.

Придя к власти, царь Дмитрий быстро восстановил внутренний порядок и умело управлял страной примерно год. Вопреки закрепившемуся за ним в историографии негативному имиджу, он являлся сторонником консервативной политики и был удивительно популярен в народе. В 1606 г. он был убит небольшой группой заговорщиков, и кн. Василий Шуйский захватил трон. Это преступление немедленно разожгло гражданскую войну. Утверждая, что любимый ими царь Дмитрий избежал смерти, мятежники (среди них многие участники военного похода 1604–1605 гг.) быстро заняли почти половину России. Война бушевала еще много лет и произвела на свет примерно дюжину претендентов, выдававших себя за царя Дмитрия или других членов правившей династии. Важно помнить, что восставшие боролись, прежде всего, от имени «истинного царя». Это позволит нам лучше понять причины столь яростного противостояния и жестокостей участников гражданской войны.

Прежде всего, необходимо рассмотреть процесс вторжения Дмитрия в Россию: с самого начала этой кампании он сознательно избегал использования чрезмерного политического насилия – к удивлению современников и к радости жителей захваченных областей. Он постоянно держал в узде свое войско, запрещая грабить города и деревни, что вызывало недовольство польских наемников, которые вскоре оставили эту нерентабельную для них кампанию. Но популярность Дмитрия среди пограничного населения от этого только возросла⁶. Он также старался всегда платить за поставки в его армию продовольствия с занятых территорий, вместо того чтобы просто отбирать его, как было принято в те годы⁷. Удивленные такой заботой, жители пограничных областей стекались под его знамена целыми группами⁸. Захваченных в плен не казнили, а только допрашивали⁹. Некоторые воеводы, сторонники Годунова, ненавистные местным жителям, были убиты собственными подчиненными прежде, чем ворота были открыты армии Дмитрия¹⁰. Только несколько захваченных в плен воевод были казнены с целью запугать тех, кто отказывался признать право Дмитрия на трон. Большинство пограничных воевод присягнули Дмитрию и сразу были приняты на службу. Информация о том, что перешедшие на сторону «царевича» пользуются почетом и уважением, а также сохранили свой ранг, распространилась молниеносно и побудила к измене Годунову некоторые колеблющиеся города¹¹.

Во время военных действий обе стороны периодически применяли насилие, но сохранившиеся документы ясно показывают, что армия царя Бориса первой обратилась к масштабному террору. После того как в январе 1605 г. войска Дмитрия были побеждены в сражении при Добрыничах, разгневанные воеводы Годунова безжалостно наказали захваченных в плен мятежников. Несколько тысяч из них (включая мелкое дворянство, казаков, стрельцов, горожан и крестьян) были после сражения немедленно казнены¹². Не удовлетворившись этим, главный воевода кн. Василий Шуйский начал карательный поход на Северщину, чтобы устрасить восставших¹³. Вместе с войсками Шуйского на мирное население нападали около 450 касимовских татар, которых современники описывали как «больших специалистов в области насилия», они «разорили страну до такой степени, что не оставили стоять ни стены, ни стебля»¹⁴. Область была полностью разграблена, дома и сараи разрушены, поля выжжены, домашний скот и тысячи людей убиты. Их вешали на деревьях, затем поджигали или использовали как мишени для учебной стрельбы. Женщин насиловали, мучили, сажали на колья. Маленьких детей топили, тех, кто постарше, продавали в рабство. Учитывая богатство области и тот факт, что Дмитрий ничего здесь не захватывал, можно сказать, что добыча Шуйского была огромна¹⁵.

Карательная кампания Шуйского должна была усилить фанатичную поддержку Дмитрия на юго-западе России. Население пограничных областей теперь открыто отказывалось признавать Бориса Годунова законным царем и обратилось к «истинному царю» Дмитрию как к единственному защитнику¹⁶. На его сторону встали и те, кто раньше оставался «вне игры». Даже среди замученных людьми Шуйского никто не отрекся от Дмитрия и не признал его самозванцем: они с радостью принимали пытки ради Дмитрия, которого никогда не видели, рассматривая свою смерть как акт мученичества¹⁷. Вести о злодеяниях армии царя Бориса быстро распространились за пределами юго-западной России. Население соседних областей, узнав об этих ужасах, решило, что никаких надежд на помилование нет, и им остается только до последнего защищать своего претендента. По словам современника, «все те, кто мог достигнуть Дмитрия или присоединиться к его армии, торопились принести ему клятву верности»¹⁸. Вскоре фактически все население южнорусского пограничья объединилось для поддержки «истинного царя»¹⁹. Это привело в замешательство противников Дмитрия.

Имея на своей стороне половину страны, мнимый сын Ивана Грозного вскоре двинулся на Москву. Показательно, что мятеж в армии молодого царя Федора Борисовича и народное восстание в Москве, свергнувшее Годуновых, прошли почти без кровопролития²⁰. Сегодня нам трудно понять, почему Дмитрий выбрал именно такую стратегию борьбы за престол, необычную для Средневековья и Нового времени. И оказавшись на

троне, он наивно прощал своих врагов и пытался управлять страной без использования насилия²¹. Вопреки пропагандистским рассказам о «злом самозванце», не было никаких репрессивных мер, массовых казней или тайных убийств во время короткого правления этого народного государя²². Царь Дмитрий был мягким правителем, и при этом смелым на грани глупости: столь велика была его уверенность в преданности подданных²³. Он допустил роковую ошибку, игнорируя предупреждения о заговоре. В мае 1606 г. царь Дмитрий был убит во время празднования собственной свадьбы небольшой группой представителей знати во главе с Василием Шуйским, который через несколько дней объявил себя царем, разжигая этим актом пожар гражданской войны²⁴.

Известие о государственном перевороте и слухи о чудесном спасении царя Дмитрия быстро достигли юго-западной России. Как и во время первого этапа гражданской войны, именно эта область стала основной базой восстания, поставляя для него людей, оружие, продовольствие и деньги. Путивль вновь стал столицей мятежников. Причины этого очевидны. Жители этих мест не только помнили о милостивом Дмитрии, но и хорошо знали, что узурпатор Василий Шуйский был тем самым командующим, который устроил кровавый террор в Северской земле в 1605 г.²⁵ В течение второй половины 1606 г. два крупных войска повстанцев продвинулись из юго-западных окраин к Москве. Многие города сдавались им без боя, другие после небольшой борьбы. Некоторые воеводы были убиты подчиненными или горожанами еще до занятия городов мятежниками²⁶, иные присягали Дмитрию. Лишь немногие отказались и были убиты. Так же, как и в первый период войны, с пленными обращались довольно хорошо²⁷. Традиционно историки усматривают большую разницу между двумя группами мятежников. Войско Ивана Болотникова якобы состояло из крестьян, выступавших против власти помещиков. Они убивали и грабили богатых и помогали бедным. Другая группа восставших, во главе с дворянином Истомой Пашковым, симпатизировала знати²⁸. Реально же между ними не было никакой разницы в социальном составе, поведении или в отношении к пленным²⁹. Захваченных в плен знатных сторонников Шуйского и Болотников, и Пашков отправляли в Путивль, чтобы разобраться с ними позже³⁰.

Двухмесячная осада Москвы закончилась поражением мятежников в начале декабря 1606 г. Царь Василий, победив, вновь демонстрировал все те ужасы насилия, что и ранее. Он приказал своим войскам уничтожить тысячи восставших. Согласно сведениям современника, пленники были выстроены в линию около реки Яузы и «забиты как рогатый скот ударами дубины по лбу, а затем брошены под лед»³¹. Сотни мятежников были посланы в Новгород, но по прибытии туда их постигла такая же участь³². Всего после осады Москвы были казнены около 15 тыс. мятежников³³. Каковы были причины столь жестокого обращения с пленными? Сторонники Шуйского утверждали, что все казненные были ворами и холопами, восставшими против своих хозяев³⁴. Вероятно, царь пытался внушить колеблющимся, что его враги опасны для всей правящей элиты. С другой стороны, он хотел запугать мятежников, охладить их пыл. Однако кровавый террор Шуйского не вызвал желаемого результата. Напротив, массовые казни только озлобили мятежников, особенно казаков, которые стали бороться за «царя Дмитрия» еще более ожесточенно, прибегая при этом к крайне жестоким мерам против сторонников «кроважного узурпатора».

После прекращения осады Москвы восставшие во главе с Болотниковым отступили к Калуге. Здесь весной 1607 г. силы повстанцев объединились и успешно сопротивлялись осаждавшей город армии царя Василия. Первое время Болотников и его полководцы (возможно, подражая поведению Дмитрия) не решались платить той же монетой за террор, устроенный Шуйским.

В Путивле местные лидеры вступили в переговоры с находившимися на южной границе казаками, среди которых был «царевич Петр», мнимый сын Федора Ивановича. Этот самозванец поспешил к Путивлю с многочисленными казачьими войсками с Терека, Волги и Дона³⁵. Вопреки советской интерпретации Смутного времени, все эти казаки были ворами, авантюристами и наемниками, а никак не социальными революционерами³⁶. Большинство жителей южнорусского региона приветствовали Петра, как

когда-то Дмитрия, и клялись ему в верности³⁷. Традиционно историки характеризовали прибытие Петра в Путивль как переворот в ходе восстания, считая, что городские низы и казаки стали новыми его лидерами, оттеснив знатных руководителей. Казаки считались более радикально настроенными в политическом и социальном плане³⁸. Однако это было не так, хотя Петр действительно дал толчок новой волне гражданской войны, увеличив число казаков в лагере противников Шуйского. Фактически казаки стали основной силой в борьбе с ним³⁹. Вопреки утверждениям некоторых советских историков, нет никаких доказательств того, что Петр намеревался провести социальные реформы. С другой стороны, он быстро показал себя не очень похожим на Дмитрия. Это был типичный представитель низов, который не умел вести себя и даже говорить как знатный человек; он не прощал обид, был жестоким и злопамятным. Некоторые историки утверждали, что в Путивле Петр «начал массовый террор», направленный против дворянства⁴⁰. В действительности репрессии были направлены равно на всех сторонников Шуйского: знатных, богатых и представителей социальных низов.

Вскоре после прибытия Петра в Путивль настоятель местного монастыря, пытавшийся обличать самозванца, был сброшен толпой горожан с высокой башни⁴¹. Вскоре после этого, согласно враждебному Петру летописцу, он «пролил много крови» воевод и дворян (источник сообщает о казни 70 человек в один день)⁴². Эта цифра вызывает сомнения, но факт, что казни пленных дворян в Путивле имели место, очевиден⁴³. К сожалению, многие историки смешивают убитых в Путивле при Петре с теми, которые погибли там в самом начале восстания против Шуйского. Казненных представителей знати при Лжепетре было не так уж много⁴⁴. Некоторые историки утверждают, что массовый террор Шуйского после победы под Москвой был ответом на террор Петра в Путивле⁴⁵. Более вероятно, что вести о резне, устроенной Шуйским, подвигли восставших на казнь упрямых его сторонников⁴⁶ (похожим способом украинские казаки ответили на террор польского правительства, казнив пленных чиновников⁴⁷). Дмитрий был милостив к пленным, и Петр Федорович старался подражать ему в этом. Казнили только тех, кто отказывался перейти на сторону самозванца⁴⁸.

Казни захваченных сторонников Шуйского в Путивле, вероятно, преследовали целью напоминание времен борьбы Ивана Грозного с изменниками. Иван Грозный почти всегда спрашивал у собравшейся толпы, заслуживает ли приведенный на казнь смерти. Если в ответ кричали «да», то царь отдавал приказ казнить его самым жестоким образом на глазах у народа. Некоторые историки считают, что такие зрелища были призваны усилить связь между народом и царем⁴⁹. Нечто похожее происходило и в Путивле. Нераскаявшиеся сторонники Шуйского были осуждены толпой народа и подверглись ужасным казням (избиты до смерти, замучены, сброшены с башен и мостов или сварены в кипятке, посажены на кол, и т.п.)⁵⁰. Особенно часто подобным образом казнили тех, кто обличал Петра как самозванца⁵¹. Совпадение в формах казни, применяемых при Иване Грозном и в Смутное время, не было случайным. Иван Грозный и разбойники-казаки остались в народной памяти, судя по фольклору, как справедливые, но жестокие борцы с изменниками, очищающие Русскую землю от зла. Казаки намеренно поддерживали такую репутацию, добываясь уважения и страха⁵². Как и другие мятежники, они казнили сторонников Шуйского еще до появления Петра Федоровича; подобного рода казни совершались и позднее в годы гражданской войны⁵³. Кроме того, происходившее в Путивле было весьма похоже на репрессии, совершенные по приказу Василия Шуйского в Северщине в 1605 г. Вероятно, это не было простым совпадением.

Эскалация террора была связана со сменой лидера в лагере восставших и хаосом в руководстве. Новый самозванец, Лжедмитрий II, не спешил появиться среди мятежников. Большинство из них одобрительно относились к казням в Путивле. Однако рост террора и насилия в сочетании с умелой пропагандой Шуйского сумели вызвать негодование и страх среди русского дворянства. В результате царевич Петр Федорович в глазах сторонников царя Василия приобрел образ кровожадного и жестокого врага⁵⁴.

Многие сочувствующие восставшим, особенно дворяне, были напуганы историями о зверских убийствах в Путивле.

Весной 1607 г. царевич Петр со своим войском двинулся к Туле, где к нему присоединилась армия Болотникова. Тем временем царь Василий лично выступил против восставших во главе огромного войска. Царская армия нанесла поражение мятежникам в начале июня. В плен было захвачено по крайней мере 1 700 человек⁵⁵. 700 из них были заключены в тюрьму, а потом отданы в холопы сторонникам Шуйских⁵⁶. Большинство были повешены. Семерым была оставлена жизнь по ходатайству нескольких дворян, которые узнали в спасенных ими людях тех, кто просил помиловать их годом ранее в Путивле⁵⁷. Армия царя Василия осаждала Тулу в течение четырех месяцев. Осажденные защищались так энергично, что войска Шуйского несли громадные потери. Сказывался также моральный упадок и дезертирство среди подчиненных царя⁵⁸. Раздраженный упорством восставших и тяготами похода, царь Василий поклялся замучить и казнить всех жителей города⁵⁹, пока же он разрешил своим войскам грабить мирное население областей, поддерживавших повстанцев. Для этой карательной акции были специально отобраны отряды татар⁶⁰. Энтузиазм мятежников в Туле угасал по мере того, как заканчивалось продовольствие; не прекращалась бомбардировка города артиллерией Шуйского. Оказавшийся в ловушке царевич Петр вновь обратился к кровавому террору, как ранее в Путивле. Его кровожадность, доходившая до садизма, оттолкнула от него часть восставших. Бессмысленным террором он показывал, что не является достойным преемником Дмитрия⁶¹.

Сложно понять, зачем он применял репрессии в Туле. Советские историки указывали на классовую сущность террора, направленного против помещиков и богатых горожан⁶². Факты свидетельствуют о том, что Петр казнил людей, отказавшихся присягнуть ему, не взирая на их социальную принадлежность⁶³. Трудно отделить реальность от вымысла, ведь пропаганда Шуйского сознательно демонизировала образ самозванца⁶⁴. Террор в Туле во многом был связан с отчаянием восставших. Разгневанные затянувшейся войной, обе стороны вымещали злость в казнях и убийствах. Кроме того, решение Шуйского начать разорение мирных областей, оказавшихся на стороне восставших, способствовало росту насилия в осажденной Туле⁶⁵. Гнев Петра обратился, прежде всего, на пленников, захваченных в начале мая 1607 г. Десятки человек были замучены до смерти⁶⁶. Если мы вспомним о казаках в лагере восставших, которые перешли на службу к Шуйскому в ходе осады Москвы, а затем вернувшихся к мятежникам, то легко представить их рассказы о массовых казнях, устроенных Шуйским в декабре 1606 г. Без сомнения, они разжигали страсти среди мятежников. Как и в Путивле, толпе народа перед казнью давали возможность спасти пленника. Чаще всего народ одобрительно относился к жестокому убийству, но, по крайней мере, одному пленнику повезло: толпа выкрикнула «нет» на вопрос о том, стоит ли его казнить⁶⁷. Некоторых пленников избивали и бросали в тюрьму, где они умирали от голода⁶⁸. Пыткам также подвергали крестьян, которых обвиняли в сокрытии зерна. Царевич Петр, подобно Ивану Грозному, старался сделать из массового террора развлечение; больше всего он любил смотреть на травлю людей медведем⁶⁹. Трудно понять, что толкало Петра Федоровича на такие жестокие развлечения: собственные садистские наклонности, необузданный гнев или просто скука сидящего без дела и пойманного в ловушку человека.

После затопления Тулы мятежники были вынуждены сдаться. Иван Болотников пошел на это добровольно, а Петра Федоровича пришлось связать, прежде чем доставить в лагерь Шуйского⁷⁰. Самозванного царевича публично оскорбляли, били и мучили, а затем повесили. Никто не возмущался против этого, никто не оплакивал его страшную смерть. Напротив, коварное убийство Болотникова Шуйским, в нарушение данного обещания, вызвало бурный протест в народе. Болотников был популярен, так как редко использовал пытки и не одобрял террора. Обман Шуйского вызвал резкое отвращение у народа, авторитет царя окончательно упал, а энергия мятежников, направленная на отстаивание «истинного царя», возросла⁷¹.

Подводя итоги, мы можем сделать одно очевидное заключение. В 1604 г. мятежников толкнула на выступление против власти искренняя вера в то, что они обязаны бороться против ложных царей и поддерживать законных правителей, власть которых дана от Бога. Именно с этих позиций мы должны изучать террор – как средство возмездия и наказания в годы Смуты. Даже казаки оправдывали свою жестокость мстостью за истинного царя Дмитрия⁷². Гибель Дмитрия вызвала новый этап гражданской войны, затянувшийся на много лет⁷³. Наконец, стоит вспомнить, как часто от конкретных людей зависит ход истории. Если бы Василий Шуйский был менее кровожадным, мстительным и жестоким, то террор с обеих сторон не достиг бы такого размаха. Именно образ хитрого узурпатора и кровавого тирана Шуйского служил предметом ненависти восставших. Безумная жажда власти погубила самого царя Василия и поставила на край пропасти страну.

Примечания

¹ *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607 гг. Л., 1951. С. 250–252; *Perry M.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 124–125, 131, 136–139; ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 72, 74, 105.

² *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. Pennsylvania, 2001.

³ Там же. См. также: *Tilly Ch.* Does Modernization Breed Revolution? // *Comparative Politics*. 1973. № 5. P. 447; *Kimmell M.* Revolution: A Sociological Interpretation. Philadelphia, 1990. P. 11.

⁴ *Rowland D.* Did Muscovite Litrerary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s)? // *The Russian Review* 49 (April 1990). P. 125–155; *Kivelson V.* «The Devil Stole His Mind»: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // *The American Historical Review* 98. June, 1993. P. 733–756.

⁵ Историческое и правдивое повествование о том, как московский князь Дмитрий Иоаннович достиг отцовского престола // *Старина и новизна*. 1911. № 15. С. 24; *Материалы по Смутному времени на Руси в XVII в.* // Там же. № 14. С. 398–399, 533.

⁶ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 144, 162; *Русская историческая библиотека* (далее – РИБ). Т. 39. Л., 1927. С. 369–370.

⁷ *Massa I.* A Short History of the Beginnings and Origins of These Present Wars in Moscow under the Reigns of Various Sovereigns down to the Year 1610. Toronto, 1982. P. 76; *Святский Д.* Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел, 1908. С. 37–38.

⁸ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 145, 163; *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии иностранных дел* (далее – СГГД). Ч. 2. М., 1819. № 139; *Пясецкий Г.* Исторические очерки города Севска и его уезда // *Сборник Орловского церковно-археологического общества*. Орел, 1906. С. 22.

⁹ РИБ. Т. 1. СПб., 1872. С. 367; СГГД. Ч. 2. С. 169; *Сборник Императорского Русского исторического общества*. Вып. 137. М., 1912. С. 260; *Московская трагедия или рассказ о жизни и смерти Дмитрия*. СПб., 1901. С. 22.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 61–62; Т. 31. М., 1968. С. 150; РИБ. Т. 1. С. 369; Т. 13. СПб., 1891. С. 571–572, 724; СГГД. Т. 2. № 80; *Margeret J.* The Russian Empire and Grand Duchy of Muscovy: A Seventeenth-Century French Account. Pittsburgh, 1983. P. 61; *Massa I.* Op. cit. P. 73; *Bussow C.* The Disturbed State of the Russian Realm. Montreal, 1994. P. 37; *Purchas S.* Hakluytus Posthumus, or Purchas His Pilgrimes, 20 vols. Glasgow, 1905–1907. Vol. 14. P. 159–160; *Сказания современников о Дмитрии Самозванце*. Ч. 1. СПб., 1859. С. 156–157; *Разрядные записи в Смутное время (7113–7121)*. М., 1907. С. 1, 5, 191; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 146–150, 164–169; *Платонов С.Ф.* Очерки истории Смутного времени в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1910. С. 255.

¹¹ *Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г.* Ч. 1. М., 1979. С. 159, 203; ПСРЛ. Т. 14. С. 62; *Разрядные записи...* С. 84, 204; *Разрядные книги 1598–1638 гг.* Ч. 2. М., 1974; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. ... С. 150–151, 179.

¹² *Разрядные записи...* С. 238; *Margeret J.* Op. cit. P. 63; *Massa I.* Op. cit. P. 85.

¹³ *Святский Д.* Указ. соч. С. 41.

¹⁴ *Massa I.* Op. cit. P. 76–77; *Margeret J.* Op. cit. P. 124; *Berry Cf.L., Crummey E., Robert O.* Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. Madison, 1968. С. 180, 286–287. В XVI в. использование татарских войск для карательных походов наблюдал

Жан Мартин. См.: *Lohr E., Poe M. Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War // The Military and Society in Russia 1450–1917. Leiden; Boston, 2002. P. 380–382.*

¹⁵ РИБ. Т. 13. С. 34–35; *Bussow C.* Op. cit. P. 41; *Massa I.* Op. cit. P. 77; *Понов А.А.* Изборник славянский и русский сочинений и статей, внесенных в хронограф русской редакции. М., 1869. С. 265–266.

¹⁶ *Massa I.* Op. cit. P. 77, 90–91; *Пясецкий Г.М.* Указ. соч. С. 22; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. ... С. 161.

¹⁷ Сказания современников... Ч. 1. С. 167.

¹⁸ *Massa I.* Op. cit. P. 77, 90–91.

¹⁹ РИБ. Т. 1. С. 369; Т. 13. С. 571–572; ПСРЛ. Т. 14. С. 61–62; ПСРЛ. Т. 31. С. 150; Разрядные записи... С. 1; *Purchas S.* Op. cit. Vol. 14. P. 160; *Пясецкий Г.М.* Указ. соч. С. 22; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. ... С. 161, 165–169; *Perrie M.* Pretenders... P. 63.

²⁰ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 183–190, 193–198.

²¹ СГД. Т. 2. С. 26; *Margeret J.* Op. cit. P. 69; *Скрынников Р.Г.* Смутное время в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 13–14; *Perrie M.* Pretenders... P. 87.

²² *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... Chapter 12.

²³ *Палицын А.* Сказание. М.; Л., 1955. С. 115; *Massa I.* Op. cit. P. 117–118, 135, 138; *Bussow C.* Op. cit. P. 55–56; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 14–15, 32, 37–39; *Perrie M.* Pretenders... P. 103.

²⁴ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... Chapters 13–14.

²⁵ Ibid. Chapter 15.

²⁶ Разрядные записи... С. 7, 12, 46, 79, 83, 91, 118, 139, 158; *Понов А.А.* Указ. соч. С. 331, 334; *Massa I.* Op. cit. P. 167; ПСРЛ. Т. 14. С. 72, 74; Восстание Болотникова: документы и материалы. М., 1959. С. 110; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 268–271; *Perrie M.* Pretenders... P. 124; См. также: *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 225–226.

²⁷ Разрядные записи... С. 156; *Немоевский С.* Записки (1606–1608) // Рукописи славянские и русские, принадлежащие А. Вахрамееву. Ч. 6. М., 1907. С. 178–179; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 93, 109–110; *Bussow C.* Op. cit. P. 91; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 508; *Корецкий В.И.* Формирование... С. 268–269.

²⁸ *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 267, 308–309; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 138–140, 165–189, 255–324; *Корецкий В.И.* Формирование... С. 257–262, 266–280, 282–283, 290, 309–310.

²⁹ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 284–285; *Морозов Б.Н.* Важный документ по истории восстания Болотникова // История СССР. 1985. № 2. С. 166; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 112–113, 130–132, 250–251. См. также: *Hughes L.* The Civil War in Russia at the Beginning of the Seventeenth Century (1603–1607): Its Character and Motive Forces // *New Perspectives on Muscovite History.* N.Y. 1993. P. 64–66.

³⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 72, 74; *Понов А.А.* Указ. соч. С. 331–332; Разрядные записи... С. 7, 79, 83, 139; Восстание И. Болотникова... С. 110.

³¹ *Massa I.* Op. cit. P. 163.

³² ПСРЛ. Т. 14. С. 323.

³³ *La Ville P.* Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis le règne de Juan Vassilyvich Empereur, jusques a Vassily Juanovits Sousky. Paris, 1859. P. 7; *Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. 1951. № 6. С. 116–117.

³⁴ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 159.

³⁵ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 330–335.

³⁶ *Dunning Ch.S.L.* Cossacks and the Southern Frontier in the Time of Troubles // *Russian History.* 1992. № 19. С. 57–74.

³⁷ *La Ville P.* Op. cit. P. 8; *Корецкий В.И.* Актовые и летописные материалы о восстании И.И. Болотникова // Советские архивы. 1976. № 5. С. 57.

³⁸ См., например: *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 153–154; *The Time of Troubles: Russia in Crisis, 1604–1618.* Gulf Breeze, 1988. P. 56–57.

³⁹ *Dunning Ch.S.L.* Cossacks... P. 66–68.

⁴⁰ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 157–158; *Perrie M.* Pretenders... P. 136–138.

⁴¹ *Корецкий В.И.* Актовые и летописные материалы... С. 57.

⁴² ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 211.

⁴³ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 337.

⁴⁴ Восстание И. Болотникова... С. 104; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 158–159; Списки, сделанные, предположительно, в Путивле, см.: Восстание И. Болотникова... С. 119, 131–132, 243; ПСРЛ. Т. 14. С. 74; Т. 34. С. 211, 214; *Понов А.А.* Указ. соч. С. 331; Акты времени правления

царя Василия Шуйского. М., 1915. (Далее – Акты Шуйского). С. 243–244; Разрядные записи... С. 8; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 97–98.

⁴⁵ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 159.

⁴⁶ *Dunning Ch.S.L.* Cossacks... P. 67.

⁴⁷ См.: *Cordon L.* Cossack Rebellions: Social Turmoil in Sixteenth-Century Ukraine. New York, 1983. P. 198, 201.

⁴⁸ Разрядные записи... С. 84.

⁴⁹ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 158; *Perrie M.* Pretenders... P. 136–138; См. также: *idem.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge, 1987. С. 31–32, 60–65.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 74; Т. 34. С. 211; Восстание И. Болотникова... С. 104, 243; *Попов А.А.* Указ. соч. С. 331; *Станиславский А.Л.* Новые документы о восстании Болотникова // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 80–81; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 220–221.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 74; Т. 34. С. 214; Восстание И. Болотникова... С. 132; *Perrie M.* Pretenders... P. 136.

⁵² *Росоветский С.К.* Устная проза XVI–XVII вв. об Иване Грозном – правителе // Русский фольклор. 1981. № 20. С. 90–93; *Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible... С. 62–65; См. также: *Perrie M.* Pretenders... P. 125, 137–138.

⁵³ См., например: *Попов А.А.* Указ. соч. С. 331; *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617). М., 1912. С. 266; Восстание И. Болотникова... С. 250–252; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 220–221, 225–226.

⁵⁴ Акты Шуйского. С. 262; *Станиславский А.Л.* Новые документы... С. 80–81; См. также: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России в XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 22–23; *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И. Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 334; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 159.

⁵⁵ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 357–359.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 215; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 415; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 214–215.

⁵⁷ *Попов А.А.* Указ. соч. С. 336; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 214–215.

⁵⁸ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 364–368; Восстание И. Болотникова... С. 117, 170–171; *Попов А.А.* Указ. соч. С. 337; *Massa I.* Op. cit. P. 173.

⁵⁹ Разрядные записи... С. 158; *Bussow C.* Op. cit. P. 103.

⁶⁰ *Попов А.А.* Указ. соч. С. 336–337; Восстание И. Болотникова... С. 116–117; Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1898. С. 270; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 226.

⁶¹ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 161, 253.

⁶² *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 395, 463–464.

⁶³ *Станиславский А.Л.* Новые документы... С. 77–78, 82.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 74; Т. 34. С. 211, 214; Восстание И. Болотникова... С. 104, 110, 131–132, 243; Акты Шуйского. С. 262; *Станиславский А.Л.* Новые документы... С. 80–81; См. также: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России... С. 22–23.

⁶⁵ *Попов А.А.* Указ. соч. С. 336; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 374; *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 214–215.

⁶⁶ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 118; Восстание И. Болотникова... С. 106.

⁶⁷ *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 220–221.

⁶⁸ *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 541–542.

⁶⁹ *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы по истории первой крестьянской войны в России // Советские архивы. 1982. № 1. С. 38–39; Восстание И. Болотникова... С. 106; *Perrie M.* Pretenders... P. 137–138; См. также: *Скрынников Р.Г.* Смутное время... С. 221; *Berry Cf., Crumme E., Robert O.* Op. cit. P. 283–284.

⁷⁰ *Dunning Ch.S.L.* Russia's First Civil War... P. 378–388; Акты Шуйского. С. 171–172, 181; СГД. Т. 2. С. 154; Восстание И. Болотникова... С. 182, 222; *La Ville P.* Op. cit. P. 9; РИБ. Т. 13. С. 587, 665; *Немоевский С.* Указ. соч. С. 217–218.

⁷¹ *La Ville P.* Op. cit. P. 6–7; *Bussow C.* Op. cit. P. 104; Архиепископ Елассонский Арсений и его записки о русской истории. Киев, 1899. С. 138–139.

⁷² *Dunning Ch.S.L.* Cossacks... P. 57–74.

⁷³ *Stone D.* Causal Stories and the Formation of Policy Agendas // Political Science Quarterly. № 104. 1989. С. 281–300.

ВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ СМУТЫ

События Смуты начала XVII в., а также их предпосылки и последствия на протяжении длительного времени волнуют ученых. Их драматизм около двух веков привлекает внимание писателей и публицистов, а интерес широких слоев российского общества время от времени подогревается пропагандой юбилеев поворотных моментов Смутного времени политиками и журналистами. Так, в 1913 г. власти Российской империи широко праздновали 300-летие воцарения династии Романовых, с которым связывалось тогда и завершение Смуты¹. Популяризации ее истории способствовало и недавнее учреждение нового государственного праздника – Дня народного единства и согласия², вызвавшее не только публикацию научных трудов разного уровня глубины, но и появление самых разных произведений искусства – от литературы и живописи до кинематографа. При этом повышенное внимание средств массовой информации неизбежно приводит к публицистичности, а порой и политической ангажированности при изложении событий начала XVII в. Ученым же остается терпеливо ожидать, когда стихнут юбилейные торжества и история Смутного времени вновь станет достоянием науки.

Именно вопрос о хронологических рамках Смутного времени является темой настоящей статьи. Определение момента начала Смуты вызывает дискуссию между учеными: некоторые исследователи ищут ее корни едва ли не в опричнине Ивана Грозного, другие точкой отсчета полагают пресечение царской династии Рюриковичей, третьи предлагают считать началом кризиса голод 1601–1603 гг. или вторжение в пределы Московского царства войск Лжедмитрия I. Столь же разнообразны и мнения ученых относительно того, когда именно завершилась Смута, точку в которой многие авторы склонны ставить в октябре 1612 г., в момент капитуляции польско-литовского гарнизона Кремля. Наряду с этим немало сторонников у версии о завершении Смутного времени в феврале 1613 г. (избрание на престол Михаила Федоровича Романова). Ряд исследователей доводят цепочку событий Смуты до конца второго десятилетия XVII в., связывая ее прекращение с заключением Деулинского перемирия с Речью Посполитой в декабре 1618 г.³ Достичь «единства и согласия» здесь чрезвычайно сложно, поскольку каждый исследователь исходит из своей собственной концепции Смуты, по-своему ранжируя ее эпизоды по степени важности. Представляется, однако, что ответ на вопрос о датировке начала и прекращения Смуты следует искать не в логических построениях современных историков, а в оценках и высказываниях участников и современников событий начала XVII в., сохранившихся на страницах исторических источников той эпохи.

В исторической литературе бытует мнение о том, что началом Смуты стало воцарение Бориса Годунова⁴. Бесспорно, многие источники начала XVII в. характеризуют царя Бориса негативно, приписывая ему самые разные прегрешения, в частности, убийство царевича Дмитрия и преследование знатных боярских фамилий⁵. Однако ни в одном из литературных памятников XVII столетия не обнаруживается утверждения о том, что Смута в России началась сразу вслед за избранием на престол Бориса Годунова. Даже Авраамий Палицын, стремившийся своим сочинением угодить возвратившемуся из польского плена патриарху Филарету Никитичу, пострадавшему от царя Бориса, не был столь категоричен. Утверждая, что Бог обрушил на Московское царство голод и мор «сих ради Никитичев (т.е. опальных Романовых. – Д.Л.)», Палицын констатировал, что первые два года царствования Годунова были вполне благополучны: «Двоелетному же времени прешедше, и всеми благами Росиа цветяше. Царь же Борис о всяком

* Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашася... И таковых ради строений всенародных всем любезен бысть»⁶. Пространный рассказ о бедствиях Русского государства в первые годы XVII столетия, подкрепленный перечислением многочисленных грехов царя и его подданных, Палицын завершает словами: «рекохом мир и утверждение о управлении Бориса». Прерваны же были «мир и утверждение» лишь с появлением в России Лжедмитрия I⁷.

Дьяк Иван Тимофеев также связал наказание греховному царю с пришествием Лжедмитрия I – «до этого времени праведный гнев терпел Борисову дерзость»⁸. Равным образом и автор «Нового летописца», не обходя молчанием грехов и преступлений Бориса Годунова, тем не менее «настоящую беду Московскому государству» увидел в персоне самозванца⁹. Применительно к тому же времени впервые употребил слово «смута» как обозначение глубокого политического кризиса автор «Бельского летописца»: «О московской смуте. Тое же весны тот вор Рострига Гришка Отрепьев пришел на Орел с польскими и с литовскими людми и с северскими со всеми людми»¹⁰. Кн. Иван Хворостинин, подобно прочим авторам обличавший прегрешения Бориса Годунова, начало Божьей кары за них отнес к концу царствования Бориса и короткому периоду пребывания на престоле его сына Федора: «Во времена же его (Федора Борисовича. – Д.Л.) и пред смертию отца его быша знамени многа, комитнаго указания... и тако разумехом, яко присещение Божие отъяся от них и власть милости Божия отъиде от дому их». Само слово «смута» (точнее, произведенный от него глагол) кн. Хворостинин впервые употребил именно в связи с этим моментом: «и тако многим бедством неукротимый зверь инок Григорий царским именем облече себе и беззаконно заповедию мучительскою всех людей поколеба; и смятошася от ополчения его все»¹¹.

Живший в России греческий архиепископ Арсений Елассонский внимания на грехах царя Бориса не акцентировал, лишь вскользь упомянув о слухах, связывавших смерть царевича Дмитрия со злой волей Годунова. Начало бед Русского государства архиепископ Арсений связал с деятельностью самозванца: «Но демон, всему завидующий и не могущий выносить созерцать добро и многочисленные превосходные деяния и добродетели прекрасного и благочестивого царя, – или по грехам нашим, или по иным причинам, Бог знает, – возбудил против него молодого человечешку и убогого монаха иеродиакона, по имени Григория»¹². Зарубежные авторы, описывавшие русскую Смуту, тоже были далеки от того, чтобы связывать ее начало с воцарением Бориса Годунова. В польской литературе повествование о Смутном времени начинается с рассказа о Лжедмитрии¹³. Французский капитан Жак Маржерет, непосредственный участник событий начального этапа Смуты, не был склонен видеть в воцарении Годунова трагедию национального масштаба, заметив, что тот мирно вкушал власть «в большем благоденствии, чем любой из его предшественников»¹⁴. Маржерету вторит шведский очевидец событий, Петр Петрей, заметивший, что Годунов «старался своим правлением приобрести себе великую славу и имя у иноземных народов и заботился о пользе и благосостоянии подданных... и искренно расположен был ко всей стране». Повествование о бедствиях Московского царства Петрей начинает с рассказа о Лжедмитрии: даже рассказ о голоде 1601–1603 гг., в нарушение хронологии, он помещает после сообщения о появлении самозванца¹⁵. Немецкий наемник Конрад Буссов о правлении Бориса Годунова пишет в тех же выражениях, замечая, правда, что над его правлением «не было благословения Божия, ибо он достиг царства убийством и хитростью... Что он содеял, то случилось с ним самим и с его близкими». Орудием божественного возмездия опять-таки выступает самозванец¹⁶.

Голландец Элиас Геркман, писавший о Смуте постфактум и с чужих слов, уверял читателей, что Борис Годунов царствовал так, «что никто из его подданных не мог на него жаловаться». Конец благополучного правления Бориса Федоровича, как и прочие авторы, Геркман связывал с появлением «царевича Димитрия»¹⁷. В середине XVII в. ту же самую мысль повторил голштинiec Адам Олеарий, который от изложения обстоятельств воцарения Бориса Годунова сразу перешел к рассказу о Лжедмитрии: «В правление его устроил возмущение русский монах по имени Григорий Отрепьев»¹⁸.

Шведский историограф Юхан Видекинд, описывая русско-шведские отношения начала XVII в., также связал начало Смуты в России с деятельностью самозванца: «дела московитские повернулись к худшему. ...пополз легкий слушок, что Димитрий не убит, а хитростью спасен от свирепости Годунова... Между тем король польский Сигизмунд... увидел, что если поднята будет смута в Московитском государстве, то ему представится редкий случай устроить свое дело»¹⁹.

Итак, даже авторы, писавшие о событиях Смуты на исходе второго десятилетия XVII в. и позднее, не относили начало Смутного времени к 1598 г., т.е. к моменту пресечения царской династии и избрания Бориса Федоровича царем. Не связывали с ним начало Смуты и люди, далекие от литературного творчества. В 1616 г. на переговорах с английским послом в ответ на просьбу последнего разрешить построить в Москве протестантский храм, бояре возразили: «была поставлена ропата в Кокуе при царе Борисе для датцково королевича, как ево здесь не стало, и в той ропате тело ево положили на время, а вести было тело ево за море в Дацкую землю вскоре, а ропата сломать. Да позашли смутные времена, и ропаты сломати не успели»²⁰. «Ропата» для погребения датского принца Ханса была построена после его кончины в сентябре 1602 г. Борис Годунов на тот момент царствовал уже пятый год, в стране второй год свирепствовал голод, который авторы второго десятилетия XVII в. столь убедительно трактовали как наказание за грехи царя Бориса. Тем не менее, согласно мнению бояр, «смутные времена позашли» позднее: воцарение Бориса Годунова, равно как и голодные годы начала XVII в. в их понимании Смутой еще не являлись. В челобитной, поданной рязанскими посадскими людьми в августе 1611 г. руководителям I Ополчения, начало Смуты увязывалось с событиями, последовавшими уже после смерти Бориса Федоровича: «Грех ради, государи, наших [зача]лась межюусобная брань со ста четвертаго на десять году»²¹. Следовательно, по представлениям посадского люда Переславля-Рязанского, Смута началась в 1605/06 г., т.е. со времени царствования Лжедмитрия I или, возможно, с начала восстания Болотникова. Любопытно также слова из челобитной, поданной в 1641 г. детьми боярскими Клешиными. В ответ на выдвинутое недоброжелателями обвинение в адрес их деда, которого подозревали в убийстве царевича Дмитрия («бутьто умыслом деда нашего кровь крестьянская лилась»), Клешины возражали: «А то, государь, и скончался дед наш в вашей государской милости безо всякого пороку во 107-м году (1598 г. – Д.Л.), а кровопролитие, государь, учинилось во 113-м году, как пришел на Северу вор Рострига»²². Как видно, начало «кровопролития» связывается с приходом в Северские земли Лжедмитрия I, а не с воцарением Бориса Годунова и даже не с гибелью царевича Дмитрия.

В документальных источниках, синхронных событиям Смутного времени, первые случаи упоминания термина «Смута» для обозначения охватившего страну кризиса обнаруживаются в документах, возникших во время торжества Лжедмитрия I или в материалах, эти события описывающих. В конце мая – начале июня 1605 г. послы Бориса Годунова, возвращавшиеся из Грузии, получили отписку от астраханских воевод: «А писали к ним, что у них в Асторохани от воров от казаков стала смута великая»²³. Переворот в Астрахани, в результате которого горожане присягнули «царю Димитрию Ивановичу», со слов очевидцев был охарактеризован в приказном делопроизводстве словами: «в Астарахани... смутились на Ростригино имя»²⁴. В разрядных записях первое обращение к этому понятию обнаруживаем при описании перехода годуновского войска на сторону самозванца в мае 1605 г.: «вору Ростриге крест втайне целовали..., и вся рать от того смутилась»²⁵.

Со времени Лжедмитрия I вели отсчет событиям Смуты московские власти и в начале царствования Василия Шуйского. В грамоте патриарха Гермогена, датированной 29 ноября 1606 г., участники восстания Болотникова были уподоблены змеям и волкам, желающим «устрашити люди Божия и смутити Московским государством, так же, как и прежде сего при злом и проклятом Ростриге смутили»²⁶. Эту идею правительство Василия Шуйского озвучивало и на международной арене. В частности, в 1606 г. русские посланники в Польше обвиняли подданных короля Сигизмунда в том,

что они «в Московском государстве смуту и кроворозлитие учинили»²⁷. Та же версия событий была преподнесена в апреле 1608 г. на переговорах ногайскому бию Иште-реку. Русский посланник сообщил, что «Божиим праведным гневом учинилась смута в Московском государстве: дьявольскими коварствы богоотступник чернец Гришка Отрепьев збежал от смертныи казни в Литву, и бесовским учением ростригся, и назвал себя сыном великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца... И король польской и паны, хотечи в Московском государстве смуту и кроволитие учинить, помогали ему людьми и казноу»²⁸.

Первые случаи употребления выражения «смута» в отношении кризисных событий в Российском царстве зафиксированы, таким образом, весной 1605 г. Анализ контекста, в котором их употребляли, свидетельствует о том, что для русского человека той эпохи Смута в первую очередь ассоциировалась с самозванством, а началом Смутного времени полагали поход Лжедмитрия I на Москву. В этой связи совершенно неправомерным представляется распространять «смутные годы» на все царствование Бориса Годунова и вести отчет Смутному времени с момента его избрания на престол.

Следует ли считать финалом Смуты избрание на престол Михаила Федоровича Романова? В поддержку этой версии можно привести официальные высказывания российских властей, последовавшие вскоре по воцарении Михаила Романова и адресованные зарубежным монархам и дипломатам: «А которая была в Росийском государстве до него, государя (Михаила Федоровича. – Д.Л.), смута, и рознь, и в людех скорбь, того в радости забыл, кабы ничего не бывало»²⁹. Но стоит ли безоглядно доверять подобного рода высказываниям? Нет сомнений в том, что российская дипломатия была заинтересована именно в такой трактовке ситуации внутри страны. Такой же линии придерживалось российское правительство и на предыдущих этапах Смутного времени.

Избрание на престол Михаила Федоровича ничего коренным образом не меняло во внутривластной обстановке и не прекращало конфликтных отношений с соседними державами. На тот момент поляками были оккупированы западные территории страны: Северская и Смоленская земли вплоть до Вязьмы и Волоколамска; шведские войска держали под контролем северо-запад: Новгородскую землю до Тихвина и Старой Русы. Попытки освободить указанные территории закончились поражением русских войск. Шведская и польская стороны выдвигали своих претендентов на российский престол. Отказывалось подчиняться московскому правительству Астраханское царство, где атаман Иван Заруцкий и Марина Мнишек провозгласили царем еще одного претендента на обладание шапкой Мономаха – трехлетнего «Воренка» Ивана Дмитриевича. Мятёж Заруцкого был подавлен лишь в середине 1614 г.; на исходе того же года атаман и «Воренок» были публично казнены в Москве.

Однако и расправа над тенью Лжедмитрия не означала еще успокоения страны: в то самое время, когда в столице решалась участь Заруцкого, в северных уездах страны разгорелось восстание казаков, покинувших войско кн. Д.Т. Трубецкого после поражения последнего в боях со шведами под Бронницами. Остановить мятежных казаков царские войска, скованные военными действиями на польском и шведском фронтах, не сумели. Весной 1615 г. ногайцы Казыева улуса (Малой Орды) совершили набег в самое сердце русских земель, разграбив Боровский, Серпуховской и Коломенский уезды, дойдя к концу мая до Домодедова³⁰. В сложившейся обстановке атаман Михаил Баловень беспрепятственно пришел со своими отрядами к самой столице. Замечу, что это казацье выступление имело ярко выраженную социальную базу и направленность. Один из пленных казаков позднее показывал: «А будет государь их пожалует, вины им отдаст и жалованье даст, и им было итти под Смоленск, а будет деи государь велел бы розбирати, которые были в казаках боярские люди или крестьяня, и им деи было за то помереть всем заодин, и итти по городом, а иным на Дон, а приговор деи у казаков был в Пушкине, которые боярские люди были в казаках, а учнут отъезжати к государю к Москве, и тех деи казаков вешати». У самого же атамана Баловня на случай, если «вины ему не отдадут», имелось намерение идти на соединение с польским полковни-

ком Александром Лисовским³¹. Разгромить повстанческие отряды царским воеводам удалось лишь в июле 1615 г., схватив казачьих предводителей во время переговоров³².

Едва справившись с отрядами Баловня, правительство Михаила Федоровича было вынуждено сосредоточить внимание на действиях Лисовского, отряды которого в начале июля 1615 г. осадили Брянск, а на исходе августа появились под Болховом, начав продолжавшийся 4 месяца рейд, известный как «война Лисовского». Разорению подверглись верхневолжские уезды, суздальские, муромские, рязанские и тульские земли. В походе Лисовского участвовали не только «литовские люди», как указывает «Новый летописец», но и большое количество «русских воров» и казаков, перебежавших на сторону неприятеля из войска кн. Д.М. Пожарского. Одних только заволжских казаков в отряде Лисовского, насчитывавшем около 2 тыс. человек, было не менее 400³³.

Параллельно «войне Лисовского» на территории Казанского царства и прилегающих к нему уездов с татарским населением разворачивалось так называемое Еналеевское восстание, спровоцированное сбором на этих территориях экстраординарного налога – «пятой деньги». Масштаб событий настолько встревожил московское правительство, что в начале февраля 1616 г. «по казанским вестям» на Волгу была отправлена рать во главе с кн. Ю.Я. Сулешевым. Впрочем, казанские воеводы сумели обойтись собственными силами: предводитель восставших Еналей Еммаметев Шугуров был схвачен и казнен, а казанские дети боярские, доставившие известие об этом в столицу, получили награду за «сеунч» (известие о победе) уже 27 февраля 1616 г.³⁴ Однако отдельные очаги Еналеевского восстания сохранились вплоть до 1619 г.

Только с 1616 г. для правительства Михаила Романова стала складываться относительно спокойная ситуация: власть нового царя была признана на большей части территории страны, бунты социальных низов и национальных окраин были подавлены. С февраля 1616 г. практически прекратились военные действия против шведов: начались переговоры, завершившиеся год спустя подписанием Столбовского мира. Крупной проблемой оставалось продолжение войны с Речью Посполитой. Польский сейм санкционировал поход королевича Владислава на Москву в июле 1616 г., и в апреле 1617 г. его армия выступила к Смоленску³⁵. Опасность со стороны польского претендента на российский престол заставила правительство Михаила Романова поторопиться с оформлением утвержденной грамоты, являвшейся юридическим обоснованием прав Михаила Федоровича на царский венец. Этот важный документ, которому придали форму соборного решения, был составлен лишь на исходе 1616 г., скорее всего – в декабре³⁶.

Войну с Речью Посполитой можно было бы вынести в разряд внешнеполитических проблем, не имеющих отношения к внутренним потрясениям, которые были характерны для Смутного времени, если бы не одно важное обстоятельство. В составе войск претендовавшего на российский престол королевича было слишком много «русских воров». По данным, полученным Разрядным приказом от польских военнопленных, сама идея похода на Москву была подсказана польским властям русскими изменниками, бежавшими в Речь Посполитую: «А король де и королевич о том не думали, что итти было королевичю на Московское государство, и о том де били челом королевичю московские бояре и рузские люди все, которые в Литве у короля, чтоб королевич шол на Московское государство, а как де королевич придет, и Москва ему дабьет челом тотчас»³⁷. В апреле 1617 г., к началу похода, силы, которыми располагал польский принц, едва превосходили 5 тыс. человек³⁸. Постоянная нехватка средств для уплаты жалования войскам исключала возможность значительного пополнения войска за счет новоприбывающих поляков. Тем не менее, к июню 1618 г. в распоряжении Владислава находилось войско численностью от 9 до 11 тыс. человек³⁹. За счет кого произошло удвоение военных сил претендента? Материалы, отложившиеся в архиве Разрядного приказа, указывают на то, что к 1618 г. в распоряжении польского принца были довольно значительные силы его российских сторонников, именуемых в документах «русскими ворами».

Отметим также низкий уровень дисциплины в русских войсках, которые в значительной степени состояли из казаков. Не лучший пример подавали и сами воеводы. Так, кн. Ю.Я. Сулешев, стоявший во главе войска в Дорогобуже, в начале осени 1617 г. отступил к Москве «без государева указа». Вслед за этим также самовольно покинули позиции под Смоленском воеводы М. Бутурлин и И. Погожий (за что на обоих государь «положил опалу»). В октябре 1617 г. оставленный в Дорогобуже воевода И. Одадуров сдал крепость королевичу Владиславу; гарнизон и посадское население города присягнули польскому принцу. Это известие вызвало панику в Вязьме: воеводы кн. П. Пронский и кн. М. Белосельский бежали из города; вслед за ними покинула Вязьму значительная часть ее жителей. Казаки стоявшие в Вязьме, бросив своих предводителей, отправились грабить Северские уезды. Вскоре за тем крест королевичу целовали и жители Козельска. Непокойно было в осажденной поляками и «русскими ворами» крепости Белая: «Прислали де в Вязьму з Белье из города х королевичю грамоту, чтоб королевич прислал под Белую Гасевсково (Александр-Корвин Гонсевский, в 1610–1611 гг. командовавший польским гарнизоном в Кремле. – Д.Л.), а хотят де беляне Гасевскому здатца». В самой столице, по данным вернувшегося из Москвы в декабре 1617 г. польского гонца, настроения были не лучше: «сказывал де тот гонец, ...что хотят де на Москве половина черных людей здатца королевичю, а бояре де и другая половина черных людей здатца не хотят»⁴⁰. Захват поляками при активном содействии русских людей Вязьмы и Козельска создал серьезную угрозу Калуге. Ради обороны этого города правительству пришлось просить помощи у бежавших из Вязьмы казаков, простив им их измену. Паника царила и в Можайске. Поляки имели сведения, что «в Можайску деи людей немного, а как деи литовские люди придут под Можаск, и из Можайска деи все люди хотят бечь к Москве»⁴¹.

В июне 1618 г. войско королевича выступило к Можайску и остановилось у хорошо укрепленной Борисовой крепости. Казаки русского гарнизона не продемонстрировали стойкости: «из Борисова городка через стену спустилися по веревкам сорок человек казаков и побежали к Москве»⁴². Непокойно в русском лагере было и в самом конце противостояния с польским королевичем: после отступления русских войск из Можайска в Москву (лето 1618 г.) «взволновал дьявол людей ратных: приходили на бояр с большим шумом и указывали, чего сами не знали». Предводителями этого мятежа были дети боярские из Смоленска, Ярославля и Нижнего Новгорода – городов, оказывавших не так давно, в 1611–1612 гг., самое мужественное сопротивление польским интервентам. Воеводы кн. И. Катырев-Ростовский и кн. Н. Борятинский, оборонявшие подступы к столице, в июле 1618 г. писали в Разрядный приказ, что «отоманы и казаки на заставе не стоят и на сторожу не ездят»⁴³. Взбунтовались и казаки в войске кн. Д.М. Пожарского, отступавшего от Боровска к Серпухову: «казаки же многие пошли на Оку реку и начали воровать». С появлением на Оке отрядов запорожцев, шедших на соединение с королевичем Владиславом, своеволие русских казаков усилилось: «была у дворян с казаками рознь». Разграбив окрестности Коломны, взбунтовавшиеся казаки ушли во Владимирский уезд «и опустошили многие места, людей убивали и много крови христианской пролили». Даже после отражения приступа польских войск у Арбатских ворот 1 октября 1618 г. казачьи отряды в составе русской рати оставались крайне ненадежными: «Казаки же были в Москве в то время многочисленны, и не захотели потерпеть, а от воровства своего отстать. И, взбунтовавшись ночью, проломили за Яузой острог и побежали из Москвы тысячи три казаков»⁴⁴. Дети боярские, участвовавшие в обороне столицы, также не являли образца стойкости и дисциплинированности. Воеводы, оборонявшие Замоскворечье, с октября по декабрь 1618 г. информировали Разрядный приказ о том, что ночевать дети боярские разъезжают по домам в городе, а за Москвой-рекой с ними, за исключением четырех дворян, «не живут.. ни один человек»⁴⁵.

Ситуация, сложившаяся в России в 1617–1618 гг., была чрезвычайно похожа на события, имевшие место в самые сложные периоды Смуты. Небольшое по численности войско претендента на русский престол, значительно увеличиваясь в численности

за счет переходящих на сторону неприятеля русских людей, продвигалось к Москве, без боя занимая присягающие королевичу города, подобно тому, как в 1604–1605 гг. было во время похода к столице Лжедмитрия I. Из русского войска дезертировали, а то и вовсе переходили на сторону противника значительные людские силы, а ядро русской рати, как и в 1611–1613 гг., составляли казаки. Придя под Москву, королевич Владислав, считавший себя законно избранным русским царем, обосновался вместе со своим двором (в состав которого входили русские люди, перешедшие на его сторону еще 1610–1611 гг.) в деревне Тушино, где за 10 лет до него стоял осаждавший Москву Лжедмитрий II, оспаривавший права на престол у Василия Шуйского. Продолжалось размывание социальной структуры российского общества: после избрания на престол Михаила Романова переход представителей различных чинов в казаки не прекратился, причем среди казаков этого времени встречаются не только беглые крестьяне и холопы, но и дети боярские, вливавшиеся в ряды казачества «от бедности беспоместной»⁴⁶. Налицо все симптомы, сопровождавшие Смутное время с первых его лет.

Интересен и следующий факт. Смутное время оставило по себе долгую и недобрую память; при этом русские люди выделяли в длинной череде потрясений события, позволявшие разделить Смуту на более дробные отрезки. Как было показано выше, начало Смуты люди той эпохи связывали с появлением первого самозванца, «Ростриги». Завершающие страницы Смуты ассоциировались с походом принца Владислава на Москву в 1618 г.: «королевичевым приходом». В качестве своего рода водораздела в Смуте рассматривалось «московское разоренье» – сожжение Москвы польским гарнизоном в марте 1611 г. Довольно часто как хронологический рубеж упоминалось также освобождение Москвы силами Ополчения. Это событие обозначали словами «московское очищение». К этому поворотному моменту периодически обращались как приказные люди, так и частные лица⁴⁷. Однако и по прошествии полутора десятков лет русские люди вспоминали в качестве временного ориентира освобождение Москвы от оккупации в октябре 1612 г., а вовсе не избрание на престол царя Михаила Федоровича в феврале 1613 г., хотя между этими событиями прошло не более четырех месяцев. Указаний на царское избрание как на важную веху в документах той эпохи не обнаруживается. Вероятно, объясняется это тем, что за короткое время русские люди стали свидетелями четырех царских избраний, в то время как столицу от неприятеля освободить пришлось лишь однажды. Это позволяет предположить, что октябрь 1612 г. был для людей эпохи Смуты более значимым временным рубежом, нежели февраль 1613 г. Замечу, что кн. И. Хворостинин свое повествование о Смуте завершил рассказом об освобождении Москвы, не упомянув об избрании на престол Михаила Романова⁴⁸.

Зарубежные авторы, писавшие о России начала XVII в., не прерывали повествования описанием событий 1613 г., продолжая его до 1615–1619 гг.⁴⁹ Впрочем, иностранцы, оставившие после себя сочинения о Смутном времени, в подавляющем большинстве были участниками лишь первого этапа кризиса. О событиях, последовавших в Московском царстве после 1613 г., они знали лишь по рассказам, поэтому их взгляд на ситуацию при желании можно считать субъективным. В этом плане гораздо большую ценность имеют свидетельства русских очевидцев происшествий, непосредственно наблюдавших события первых лет царствования Михаила Романова. Считали ли они Смуту завершившейся царским избранием?

Троицкий келарь Авраамий Палицын, подобно иностранным сочинителям, не завершает своего сочинения рассказом об избрании на престол Михаила Романова. Повествуя о бедствиях, которые начались на Руси с появлением Лжедмитрия, Палицын констатирует: «*И до днесь* (здесь и далее курсив мой. – Д.Л.) вся Росиа не может от вяя своя разрешити того ярма»⁵⁰. Таким образом, даже к моменту составления «Сказания» его автор не считал бедствия Московского царства прекратившимися. Довольно подробно Палицын повествует о походе королевича Владислава на Москву, о неудачной попытке поляков овладеть Троице-Сергиевым монастырем в конце 1618 г., а также о переговорах и заключении русско-польского перемирия. Последнее датированное событие, с которым мы сталкиваемся в сочинении Палицына – известие об

освящении храма во имя Сергия Радонежского в деревне Деулино. Это произошло 1 декабря 1619 г.⁵¹, в годовщину заключения Деулинского перемирия с Речью Посполитой. Очевидно, что прекращению противостояния с Польско-Литовским государством автор «Сказания» придавал большое значение, коль именно его описанием завершил он свое повествование о Смуте. Да и сам факт освящения храма в годовщину подписания перемирия показывает, что значимость этого внешнеполитического события осознавалась не одним лишь троицким келарем.

Напомню также, что Авраамий Палицын в своем сочинении совершенно четко определил продолжительность Смуты в 14 лет: «и до четырехнадесяти лет, оттоле же смятение бысть во всей Руской земле»⁵². Если следовать логике авторов, по мнению которых начало Смуты связано с избранием на престол Бориса Годунова⁵³, то оговоренный Палицыным 14-летний период должен был завершиться на исходе 1611 г., когда в Москве стоял польский гарнизон, а до избрания царем Михаила Романова оставалось более года. Если же предположить, что Палицын считал концом Смуты 1612/13 г. (7121 г. от сотворения мира), то начало ее придется отнести к 1599/1600 году (7108 г. от сотворения мира), который не ознаменовался ничем, что келарь Авраамий посчитал бы нужным описать в своей «Истории». Впрочем, относительно «смутного 14-летия» существует обширная литература; итог спорам о хронологических рамках «смятения» в сочинении Палицына три десятилетия назад подвел Я.Г. Солодкин, обоснованно предложивший поместить эти 14 лет в промежуток времени от появления Лжедмитрия I в Польшу (1604/05 г.) до подписания Деулинского перемирия (1618/19 г.)⁵⁴.

Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника», тоже увязывал завершение Смуты не с одним лишь избранием нового царя: «До избрания и нововоцарения воздвигнутого Богом от рода в род наследника царского, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, и до возвращения на Русь из Литвы того, также Богом данного, правителя – доброго государева по плоти отца, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, – в то время земля наша может уподобиться – по двум притчам – некой оставшейся после мужа вдове, которая находится во власти своих же собственных рабов, разоряется, разрывается и как бы по жребиям разделяется, наказанная этим по Божию усмотрению. Так в действительности и было»⁵⁵. Таким образом, дьяк связывал прекращение Смуты не только с воцарением Михаила Романова, но и с возвращением из плена Филарета Никитича в 1619 г. О воцарении Михаила Федоровича Иван Тимофеев говорит довольно лаконично и почти иносказательно, в форме притчи «О вдовстве Московского государства»⁵⁶. Он далек от того, чтобы описывать первые годы царствования нового монарха как некую идиллию, замечая: «Ибо если и много раз в разные годы многие народы воевали и, не переставая, наступали на нашу землю, но никогда так, как теперь, не одолевали и никогда не делали ей со всех сторон такого вреда, как ныне»⁵⁷. В самом конце своего произведения дьяк упоминает о событиях 1618–1619 гг.: о походе королевича Владислава на Москву и о подписании Деулинского перемирия⁵⁸. Отсутствие подробного их описания объясняется не малой их значительностью, а слабой осведомленностью о них Ивана Тимофеева: «все то, что было в царстве, – различные муки и разорение всего бесчисленного народа по городам, – тогда подробно опишут, когда найдутся где на местах знающие – очевидцы и слышавшие, и умеющие писать; ...и стыдно писателю, не зная ясно, описывать то, что случилось, своими домыслами сочиняя ложь, и без исследования воображать то, что делалось»⁵⁹.

1613 г. не выглядит «концом бедствий» и в летописных произведениях о Смутном времени. Обратимся к самому известному из них – «Новому летописцу». По характеристике Б.Н. Морозова, в этом произведении «С наибольшей полнотой освещены события междуцарствования и освобождения Москвы от поляков. “Новый летописец” оканчивается рассказом об избрании царем Михаила Романова в 1613 г. и о событиях первых лет его царствования (до 1630 г.), центральным из которых обозначено поставление в патриархи вернувшегося из плена отца царя Михаила Филарета Никитича в 1619 г.»⁶⁰. Событиям, последовавшим после воцарения Михаила Федоровича, в лето-

писи отведены последние 100 из 431-й статьи. Впрочем, сравнительно детальнее повествование следует только до 1618–1619 гг.: после статьи «Об умолении и поставлении на патриаршество» Филарета Никитича летописные сведения весьма конспективны. Относительно подробно рассказывается лишь о первом браке царя Михаила и прибытии в Москву из Персии Ризы Господней⁶¹. Причем описания бедствий Московского царства в «Новом летописце» не прерываются 1613 г.: в источнике повествуется «о Никаноровом воровстве» (нежелании казанского правителя дьяка Никанора Шульгина признать власть нового монарха), о боях с Иваном Заруцким, о поражениях русских войск от шведов и поляков, о казачьих мятежах и о походе королевича Владислава на Москву⁶². Равным образом в «Бельском летописце» повествование о бедствиях Московского государства продолжается и после крайне лаконичного рассказа о воцарении Михаила Федоровича, вплоть до описания похода гетмана Сагайдачного на Москву в 1618 г., что вновь приводит нас к мысли о том, что в сознании современников конец Смуты знаменовался событиями 1618–1619 гг. После 1618 г. автор «Бельского летописца», подобно автору «Нового летописца», весьма немногословен (за исключением, пожалуй, описания московского пожара 1626 г. и Смоленской войны 1632–1634 гг.)⁶³.

За написание обобщающих сочинений о Смуте русские книжники принялись лишь на исходе 1610-х гг. Именно тогда закончил работу над своими «Мемуарами» архиепископ Арсений Елассонский («Арсений архиерей положил у колен это сочинение в тысяча шестьсот девятнадцатом году»), принялся за написание «Словес дней и царей» кн. Иван Хворостинин⁶⁴. Тогда же написаны были и труды Авраама Палицына и Ивана Тимофеева. Палицын совершенно определенно указал, что «Последова же ся и исправися книга сия... в лето 7128-го году» (т.е. в 1619/20 г.)⁶⁵, основная работа над текстом «Временника» была проведена Иваном Тимофеевым в 1616–1617 гг.⁶⁶, завершил же он ее, судя по содержанию, после провозглашения Филарета Никитича патриархом (1619 г.). При этом единственным памятником, который, возможно, был инициирован воцарением Михаила Федоровича, была «Повесть о Земском соборе 1613 года»⁶⁷, хотя вопрос о времени его написания все еще не решен. Между тем такие важные для современников происшествия, как пресечение династии Рюриковичей, избрание на престол Бориса Годунова, свержение Лжедмитрия I и воцарение Василия Шуйского, равно как и низложение последнего в 1610 г., породили целую серию сочинений русских авторов⁶⁸. Не потому ли, что акт избрания на престол Михаила Романова, вопреки утверждениям официальной пропаганды, не сулил моментального успокоения страны? Действительно, трудно не согласиться с С.Ф. Платоновым: «Слабость нового московского правительства в начале его деятельности, брожение казачества и грабежи польских шаек внутри государства, наконец, враждебные отношения к Польше и Швеции не могли внушать современникам уверенность в спокойной будущности. Для них в первые годы новой династии Смута еще не кончилась»⁶⁹.

Безусловно, воцарению Михаила авторы сочинений придавали большое значение, отрицать это было бы неверно. Однако осознание важности этого события пришло далеко не сразу. Постфактум, на исходе второго десятилетия XVII в. русские книжники пришли к констатации того, что избрание нового царя оказалось поворотным моментом в Смуте, поскольку именно при Михаиле Федоровиче она подошла к завершению. Равным образом, помня о том, что Смутное время началось при Борисе Годунове, люди начала XVII в., опять же постфактум, искали корни Смуты в поступках этого монарха. Но для историка, в конечном итоге, важно определить не тот момент, который книжник начала XVII в. назвал «концом» или «началом конца» Смуты. Важно зафиксировать тот момент, когда этот книжник, сказав себе «Смута кончилась», взялся за перо. А подобный порыв, как было отмечено выше, охватил русских книжников около 1619 г., к которому, на мой взгляд, и следует относить завершение Смутного времени в Московском государстве.

Думается, для определения временных рамок Смуты надежнее всего обратиться к словам людей, далеких от литературных трудов и политики. Как показано выше, они стали называть окружавшие их реалии понятием «Смута», «шатость» с 1605 г. Теми

же терминами продолжали эти люди описывать свое время и после воцарения Михаила Романова. Один из иностранцев, проживавших в Московском государстве, в июне 1614 г. отказывался ехать из Архангельска в Москву, ссылаясь на «нынешнее шаткое и безпутное время»⁷⁰. В то же самое время в Посольском приказе, который сделал немало для распространения за рубежом мысли о прекращении внутреннего кризиса с избранием нового царя, употребляли понятие «Смута» и для более позднего времени. Даже летом 1617 г., когда единственной остро стоящей проблемой для Московского царства оставалась война с Речью Посполитой, бояре не торопились поставить в Смуте точку. На переговорах с английским послом в июне 1617 г. они заявили: «Самому ему, князю Ивану, ведомо, что ныне в Московском государстве от многие войны торговые всякие люди пооскудели, ведомо ему, *которой год в Московском государстве смута*»⁷¹. В конце 1617 г. от имени царя Михаила к жителям Можайска была отправлена грамота с призывом, «чтоб они, памятуя Бога и пречистую Богородицу и свои души, на чем они государю крест целовали, на литовские смуты не прельстились»⁷². В сентябре 1618 г., когда Москва готовилась к обороне от наступающих войск королевича Владислава, правительству пришлось вновь упомянуть о «Смуте» в послании к взбунтовавшимся в Коломне казакам, среди которых распространились слухи о том, что из столицы для их уничтожения был послан крупный воинский отряд. Из Москвы отправили грамоту, уверяя, что такие вредные слухи «некто ввместил в люди на смуту по засылке..., которые ныне с литовским королевичем»⁷³. Таким образом, и в 1618 г. в официальных документах, исходивших из государственных структур Московского царства, социально-политические реалии текущего момента продолжали характеризовать, используя термин «Смута». Отмечу также, что и жители российской провинции связывали завершение Смуты с событиями 1618–1619 гг. Для населения Елецкого уезда таким знаковым событием было, в частности, «литовское разорение», под которым они понимали сожжение города Ельца запорожцами гетмана Сагайдачного⁷⁴.

Итак, анализ сохранившихся письменных источников – литературных (синхронных событиям и более поздних, отечественных и иностранного происхождения) и документальных (официальных и частных) позволяет констатировать, что понятие «Смута» как обозначение глубокого социально-экономического и политического кризиса, созданное самой эпохой, в понимании современников имело довольно четкие временные рамки. Обобщив имеющиеся в нашем распоряжении случаи употребления этого термина в делопроизводстве правительственных учреждений, челобитных частных лиц, литературных трудах, мы можем сделать вывод о том, что в восприятии людей начала XVII в. Смутное время заключалось в хронологическом отрезке, лежащем между 1604/05 и 1618/19 гг.

Примечания

¹ Впечатляет перечень ценных документальных публикаций, вышедших в преддверие 300-летия династии Романовых: *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907; Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. Императорским обществом истории и древностей российских была выпущена целая серия публикаций под общим названием «Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг.»: *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. // Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 8. М., 1911; *он же.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617 гг.) // Там же. Вып. 9. М., 1912; *Готье Ю.В.* Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. // Там же. Вып. 6. М., 1912; Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.) // Там же. М., 1918.

² Учреждение этого праздника имеет уже собственную историографию: *Назаров В.Д.* Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 220–238; День народного единства: Биография праздника. М., 2009.

³ Обзор присутствующих в историографии точек зрения относительно хронологии Смутного времени был сделан в докладе К.А. Аверьянова на Всероссийской научной конференции в Кохме в 2010 г. (*Аверьянов К.А.* Всероссийская конференция «Смутное время: итоги и уроки» // Российская история. 2010. № 6. С. 199–200).

⁴ См., например: *Антонов Д.И.* Смута в культуре Средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009. С. 212.

⁵ Так называемое Иное сказание // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее – РИБ). Т. XIII. СПб., 1891. Стб. 4–6; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 104; Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 288–290; *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник // *он же.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М., 2010. С. 212.

⁶ Сказание Авраамия Палицына. С. 104.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 253.

⁹ Новый летописец. С. 295.

¹⁰ Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 242.

¹¹ Повесть князя Ивана Андреевича Хворостинина (далее – Повесть Хворостинина) // РИБ. Т. XIII. Стб. 533, 534.

¹² *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. С. 175.

¹³ *Żolkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej. Kraków, 1998. S. 43–48; Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 25–30; *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 24–25.

¹⁴ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 154.

¹⁵ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 283–288.

¹⁶ *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. С. 28–29.

¹⁷ *Геркман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Дмитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем // Хроники Смутного времени. С. 219.

¹⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 211.

¹⁹ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 24, 26.

²⁰ РГАДА, ф. 96 (Сношения России со Швецией), оп. 1, д. 4 (1616 г.), л. 353–354.

²¹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 гг. Сборник документов. М., 2003. (Далее – НД). № 79. С. 198.

²² *Антонов А.В.* К биографии А.П. Клепшина // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 379.

²³ РГАДА, ф. 110 (Сношения России с Грузией), оп. 1, д. 2 (1604 г.), л. 103.

²⁴ Там же, д. 1 (1607 г.), л. 9.

²⁵ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 5.

²⁶ НД. № 28. С. 120.

²⁷ РГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 26, л. 104–104 об.

²⁸ НД. № 65. С. 185–186.

²⁹ РГАДА, ф. 32 (Сношения России с Австрией и Германской империей), оп. 1, д. 1 (1613 г.), л. 52.

³⁰ *Лисейцев Д.В.* Татарский фактор во внешней политике Московского государства в начале XVII века // Сборник Русского исторического общества. Т. 10(158). Россия и Крым. М., 2006. С. 146–147.

³¹ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 13, д. 2, л. 486, 500.

³² *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 142.

³³ Новый летописец. С. 388–390; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2, л. 26, 393, 394, 397.

³⁴ РГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 8, л. 101, 219; ф. 396 (Оружейная палата), оп. 2, д. 278, л. 143 об.

- ³⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 9. М., 1990. С. 95, 96.
- ³⁶ Лисейцев Д.В. К датировке составления царских утвержденных грамот конца XVI – начала XVII в. // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 29–30.
- ³⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 4, л. 20.
- ³⁸ Кобержицкий С. Сказания о походах польского короля Сигизмунда и королевича Владислава в Россию // Сын Отечества. 1842. № 4. С. 7.
- ³⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 4, л. 268, 321.
- ⁴⁰ Там же, л. 44, 84–85.
- ⁴¹ Там же, л. 327.
- ⁴² Там же, л. 361.
- ⁴³ Там же (столбцы Московского стола), д. 7, л. 216.
- ⁴⁴ Новый летописец. С. 399, 401.
- ⁴⁵ РГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д. 7, л. 222, 296.
- ⁴⁶ Там же, оп. 13, д. 2, л. 276, 304, 465, 476, 478; д. 4, л. 311, 313, 316.
- ⁴⁷ НД. № 141. С. 287; № 142. С. 287, 288; № 164. С. 308; № 170. С. 313.
- ⁴⁸ Повесть Хворостинина. Стб. 554.
- ⁴⁹ Арсений Елассонский. Указ. соч. С. 204; Петрей П. Указ. соч. С. 389–390; Видекинд Ю. Указ. соч. С. 480; Мархоцкий Н. Указ. соч. С. 106; Олеарий А. Указ. соч. С. 217; Геркман Э. Указ. соч. С. 261–262.
- ⁵⁰ Сказание Авраамия Палицына. С. 110.
- ⁵¹ Там же. С. 239–248.
- ⁵² Там же. С. 106.
- ⁵³ Антонов Д.И. Указ. соч. С. 212.
- ⁵⁴ Солодкин Я.Г. О датировке начальных глав «Истории» Авраамия Палицына // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXII. Л., 1977. С. 299–300.
- ⁵⁵ Временник Ивана Тимофеева. С. 332–333.
- ⁵⁶ Там же. С. 333–342.
- ⁵⁷ Там же. С. 252.
- ⁵⁸ Там же. С. 344, 345.
- ⁵⁹ Там же. С. 345–346.
- ⁶⁰ Морозов Б.Н. Смутное время глазами русских и иностранцев // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 466.
- ⁶¹ Новый летописец. С. 404–407.
- ⁶² Там же. С. 381–402.
- ⁶³ Бельский летописец. С. 262–266.
- ⁶⁴ Арсений Елассонский. Указ. соч. С. 204; Морозова Л.Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000. С. 30–31, 181, 189, 234.
- ⁶⁵ Державина О.А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. С. 29; см. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 248.
- ⁶⁶ Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. С. 356.
- ⁶⁷ Станиславский А.Л., Морозов Б.Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89–96.
- ⁶⁸ Морозова Л.Е. Указ. соч. С. 85, 94, 97, 110, 120, 124, 170, 177.
- ⁶⁹ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 303.
- ⁷⁰ РГАДА, ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию), оп. 1, д. 1(1614 г.), л. 1.
- ⁷¹ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 122.
- ⁷² Новый летописец. С. 394–395; Книги разрядные, по официальным оным спискам, изданные II Отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. I. СПб., 1853. С. 301.
- ⁷³ РГАДА, ф. 210, оп. 11 (Столбцы Новгородского стола), д. 3, л. 41.
- ⁷⁴ К таким выводам на материалах южнорусских уездов пришел современный исследователь А.В. Воробьев (Воробьев А.В. К вопросу о восприятии событий Смутного времени 1604–1618 гг. населением южных уездов (на материалах Елецкого уезда) // Мининские чтения... (24–25 октября 2008 г.) С. 80–81).

«СТАРЫЕ ИНОЗЕМЦЫ» В ЭПОХУ СМУТЫ

Эпоха Смуты – период, когда резко усилились как иммиграционные, так и эмиграционные процессы. Отсутствие границ и контроля верховной власти создало возможность беспрепятственного въезда для иноземцев. Большинство из них попадали в Россию в составе польской и шведской армий. Но к началу XVII в. в России уже существовала страта (или «чин» в терминологии русских документов) «служилых иноземцев», окончательно сложившаяся в правление Ивана Грозного (ее основу составили ливонские пленники)¹. Для «служилых иноземцев» создавались зоны компактного поселения, разрабатывались специальные законы. Иноземцы обладали религиозной свободой и имели ряд правовых преимуществ по сравнению с русскими подданными. Подавляющее большинство из них являлись военными и находились в ведомстве Панского приказа (в XVII в. переименованного в Иноземский). Иммигранты, осевшие в России при Иване Грозном, Федоре Ивановиче и Борисе Годунове, к началу XVII в. считались «старыми иноземцами». В их число входили потомки вассалов ливонских рыцарей – Энгельгардты, Фонвизины (фон Визин), Фамендины, Врангели, Ниротморцевы, а также менее родовитые Отмустовы, Гинцовы, Швартовы и др.

«Выведенцы» второго поколения и иммигранты времен Бориса Годунова часто становились толмачами и переводчиками Посольского приказа. До Смуты в штате Посольского приказа служили Еремей Еремеев Вестерман, Петр Еремеев Брант, Елисей Павлов, Анц (Ганс) Бракилев, Анц (Ганс) Арпов, Иван Рихтер, Павел Томасов, Олферий Северов, Михаил Юрьев, Иван Фомин (Алмазенов), Бажен Иванов². В страту служилых иноземцев также входили ювелиры, оружейники, мастера каменного дела и другие специалисты. В правление Бориса Годунова особое внимание уделялось иноземным купцам. Во время борьбы за Ливонию Иван Грозный активно пользовался услугами иностранных торговцев («торговые иноземцы»), в число «служилых иноземцев» их не включая. При Борисе Годунове, напротив, указом 1599 г. была создана социальная группа «московских торговых иноземцев», наделенных правами «служилых иноземцев». Царь Борис существенно расширил права принесших ему присягу ливонских коммерсантов. В юридическом отношении они обладали промежуточным – между иностранным и русским купечеством – статусом. Как и русские купцы, они имели доступ к внутренней торговле. Наравне с иностранными купцами, «московские торговые иноземцы» освобождались от посадского тягла, были подсудны лишь Посольскому приказу, а также сохраняли свободу вероисповедания. Между тем они обязаны были платить чрезвычайные подати. Купцы этой корпорации приносили присягу (в присутствии пастора) русскому монарху. Единственным отличием «московских торговых иноземцев» от «служилых иноземцев» являлось отсутствие жалованья (как денежных окладов, так и земельных дач). Но выгодная позиция (одновременное обладание льготами, предоставляемыми как русским, так и иностранным купцам) создала широкие возможности для обогащения. Все «московские торговые иноземцы», вне зависимости от категорий, причислялись к московской гостинной сотне и оказывались равными по положению русским именитым купцам. Первоначально эта страта состояла из ливонских пленников. Первыми «московскими торговыми иноземцами» оказались 15 избранных «выведенцев» из Нары и Дерпта, среди которых были Роман Бекман, Андрей Керклин, Андрей Витт, Артемий и Даниил Бракилевы, Иван Вестов, Андрей Бук, Андрей Дюкер³.

Поведение «старых иноземцев» в эпоху Смуты во многом соотносилось с поведением русских служилых людей. Смена царей и патриархов, появление лже-монархов

* **Опарина Татьяна Анатольевна**, кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом редких книг Государственной публичной исторической библиотеки.

порождали неуверенность и метания. Смутное время запомнилось многочисленными политическими изменами. К русским «перелетам» присоединялись иностранцы. Наемники воевали на стороне всех действовавших в России армий, переходя на сторону противника и обратно. Показателен пример бывшего подданного Священной Римской империи Иоганна-Генриха Карлоса. Этот немецкий дворянин во время войны в Венгрии попал в турецкий плен, принял ислам и османское подданство. Через некоторое время он сумел бежать в Германию. Но немецкая среда не приняла вероотступника. Запятнанная репутация заставила наемника отправиться на службу в Россию. На новой родине Карлос не менял сложившихся ко времени иммиграции жизненных принципов. Он принял православие и не менее трех раз переходил из ставки Лжедмитрия II к Василию Шуйскому, возвращаясь затем к прежнему правителю⁴. Осуждавший Карлоса Конрад Буссов сам действовал сходным образом, последовательно переходя от Лжедмитрия I к Лжепетру, а затем к Лжедмитрию II и Сигизмунду III. Подобное поведение стало типичным в Смуту. Так, наемники Ханс фон Берг и Бартольд фон Ламздорф в 1608 г. перешли от Василия Шуйского на службу к Лжедмитрию II. Пленные войсками Шуйского, они были казнены как изменники⁵. Еще одним примером может служить судьба капитана Якова Маржерета, подробно реконструированная исследователями⁶. Ливонец Юрий Смит, участвовавший в 1611 г. в походе на Москву в войске Ходкевича, ушел в лагерь I Ополчения к кн. Д.Т. Трубецкому⁷. Похожим был жизненный путь ротмистра Яна Синявского, усвоившего подобный тип поведения еще на родине. В Речи Посполитой, по его же словам, он промышлял войной, а в мирное время – набегами, разбоями, грабежами. Оказавшись в России, Синявский успел послужить всем правителям эпохи Смуты от Бориса Годунова до Михаила Федоровича⁸.

Активное участие в событиях Смутного времени принимали иностранцы, проживавшие в Ярославле. В октябре 1608 г. город подчинился Лжедмитрию II. Самозванец первоначально стремился опираться на иностранцев. Одним из них стал капитан Лоренц Бьюгов, швед, плененный Иваном IV во время Ливонской кампании. Он долгое время жил в Ярославле и прочно вошел в ярославское общество. Этому способствовало и то, что за 30 лет жизни в России он принял православие (крестильное имя – Тимофей). Буссов охарактеризовал новообращенного «перекрещенным мамелюком русской веры»⁹. Лжедмитрий II выбрал православного шведа на роль посланца к жителям города. Капитан легко справился с поручением и смог быстро убедить ярославцев присягнуть самозванцу. Богатых ярославских купцов толкнул к этому страх потерять имущество¹⁰. Наградой Бьюгову стало назначение его на должность второго воеводы Ярославля¹¹. Однако реальная власть в городе принадлежала командиру гарнизона С. Бышевичу, сразу введшему огромные поборы и организовавшему «приставаства». Вскоре в Ярославле были расквартированы и роты знаменитого Александра Лисовского. Присягнув Лжедмитрию II, ярославцы оказались под мощнейшим налоговым бременем. Сборы в пользу гетмана Я. Сапеги превысили возможности жителей. Буссов замечает, что только купцы-иностранцы Ярославля были вынуждены выплатить 30 тыс. рублей.

Власть тушинцев продержалась в Ярославле около полугода. Первое (неудачное) восстание в Ярославле, по свидетельству Буссова и Петрея, было спровоцировано в декабре 1608 г. Даниэлем Эйлофом¹², распространявшим известия о Лжедмитрии II как ложном царе. Даниил Эйлоф был сыном врача Ивана Грозного Иоганна Эйлофа. Обвиненный в отравлении Ивана IV, Иоганн Эйлоф был вынужден бежать, но его сын остался в России, принял православие и занялся солеварением в Костроме. В годы Смуты он был последовательным сторонником власти Василия Шуйского, правление которого обеспечивало ему большую стабильность, нежели поборы в пользу Лжедмитрия II. Не ограничившись пропагандой, Эйлоф в своих владениях и на свои деньги собрал отряд численностью в 200 человек. Он имел опыт боевых действий, полученный в морских сражениях. Однако первая попытка земцев отбить Ярославль провалилась, участники восстания были разгромлены. «Лисовчики» огнем и мечом наказали «вероломный и клятвопреступный» город¹³. Карательная экспедиция поляков уничтожила малень-

кое войско Эйлофа и пленила его предводителя, спрятавшегося с детьми в погребе солеварни. На него был возложен штраф в размере 600 талеров, заложницами были сделаны дочери Эйлофа. Помощь солепромышленнику оказали члены иноземского землячества Ярославля. Немец Иоганн Шмидт, сын цирюльника, бежавший в Россию во время войны со Швецией и женившийся в Ярославле на русской, ссудил Эйлофу деньги и спас девушек от бесчестья¹⁴.

Поборы тушинцев спровоцировали новое восстание в Ярославле в апреле 1609 г.; за Ярославлем последовали другие города (Углич, Кострома, Галич)¹⁵. Объединенные отряды ярославцев, костромичей, галичан напали на роты Лисовского. Горожане, присягнувшие Лжедмитрию II, вновь перешли на сторону Василия Шуйского. Согласно сказаниям о чудотворной иконе Казанской Божией матери, решиться на повторное, после поражения, выступление ярославцы смогли, лишь получив чудесное подтверждение небесного покровительства. 18 марта 1609 г. от иконы произошло явление Богородицы, обещавшей защитить город. Примечательно, что икону, похищенную поляками в конце 1608 г., вскоре вернул в Ярославль один из захватчиков – поручик тушинских отрядов Яков Любский (православный по вероисповеданию)¹⁶. Воодушевленное видением, ополчение разгромило польский гарнизон Бышевича и освободило город. Вместе с польскими отрядами бежал из Ярославля Иоганн Шмидт.

Узнав о разворачивающихся событиях, Лжедмитрий II направил для обуздания Ярославля Лисовского, находящегося на тот момент в Суздале. В последних числах апреля, осознав сложность осады, Лисовский предпринял попытку разрешить конфликт с помощью переговоров. Посланником Лжедмитрия II в восставший город был избран Иоганн Шмидт. Согласно инструкции Сапеги, немец-протестант должен был убедить горожан, среди которых он долго жил и которых хорошо знал, в необходимости прекращения мятежа и повторной присяге тушинцам. Шмидт не скупился на обещания: он говорил о наведении порядка и строгом преследовании виновных в грабежах, уверял, что «всякому притеснению придет конец и в город воеводой поставят другого знатного вельможу, которого польские солдаты будут бояться». Однако ярославцы жестоко расправились с бывшим земляком. Буссов подробно описывает трагедию: Шмидт был сварен в котле, в котором готовилось угощение – мед. После экзекуции тело было выброшено на растерзание собакам¹⁷. Скорбящей вдове не позволили собрать и похоронить останки Шмидта, а его детей обрекли на издевательства и насмешки. Виновником зверств и травли родственников Буссов называют Даниэля Эйлофа, побудившего ярославцев к страшному поступку. В ответ на расправу с послом Лжедмитрия II Лисовский организовал яростный штурм города, но сломить упорства горожан ему не удалось. Понимая бессмысленность дальнейшей борьбы, 22 мая 1609 г. полковник отвел войска от Ярославля и обрушил свой гнев на его предместья.

В грамоте, посланной 28 июня 1609 г., Василий Шуйский благодарил «собравшихся в Ярославле разных городов войска за благоуспешные действия с поляками и за храброе сопротивление, при нападении злоумышленников». Царь высказал уверенность в том, что ярославцы будут и «впредь поборать за веру и отечество общими силами, для искоренения неприятелей»¹⁸. Среди «ратателей» за «веру и отечество» числился и Даниэль Эйлоф. Судя по «скаске» внука Эйлофа, Александра Ильфова, Даниэль Эйлоф обладал «выслуженной вотчиной» в Костромском уезде. Очевидно, он «выслужил» пожалование сдачей Ярославля и убийством Шмидта. Род Эйлофа сохранил владения в Костроме и Малой Соли и после окончания Смуты. Документы Иноземского приказа 1620-х гг. содержат упоминания его многочисленных сыновей¹⁹. Имя самого Даниэля пропадает из источников. Вероятнее всего, он погиб.

Иноземское сообщество Москвы в целом также нередко меняло взгляды на истинность новых монархов. Буссов сообщает, что население Немецкой слободы Москвы после смерти Лжедмитрия I принесло присягу Василию Шуйскому, но в 1608 г. нарушило ее и подчинилось Лжедмитрию II. Например, Теннис фон Виссен (Денис Бернгов Фанвисин) предательски выдал самозванцу боярина Ивана Ивановича Годунова²⁰. Тушинский вор первоначально благожелательно относился к иностранцам на русской

службе. Однако вскоре часть иностранцев, поддержавших его, переметнулась обратно к Шуйскому, что вызвало гнев Лжедмитрия II. По его приказу католики-поляки учинили сокрушительный погром Немецкой слободы в Москве. Лишь вмешательство Марины Мнишек в 1610 г. обеспечило спасение тем, кто выказал полную лояльность ее супругу (52 человека). Остальные жители Немецкой слободы были схвачены и казнены, многие разбежались.

«Перелеты», измены и клятвопреступления порождали страх неотвратимого возмездия. Осознание шаткости своего положения толкало людей не только на политические метания, но и смену места жительства. В условиях политической стабильности «служилые иноземцы», как и русские служилые люди, не могли покинуть Россию. Принеся присягу царю, они теряли право отъезда. В период Смуты эта норма фактически перестала действовать. Смута оказалась уникальным временем, когда появилась возможность беспрепятственного выезда из России. После прекращения военных действий наемники в составе польской и шведской армий возвращались на Запад. Открытостью границ воспользовались и «старые иноземцы». Некоторые, например, Каспар Энгельгардт и Роберт Краббе, покинули Россию с польской коронной армией²¹. Другие перешли на шведскую службу. Потомки ливонских «выведенцев» переводчики Посольского приказа Анц Бракилев и Анц Арпов в Новгороде Великом вошли в администрацию Делагарди, приняв шведское подданство. Вероятнее всего, к ним присоединились Бажен Иванов и Олферий Северов. В 1617 г. покинул русское государство Павел Томасов. Детлеф фон Тизенгаузен вернулся в Ливонию, возвратив себе замок Эрлаа²². Однако часть «старых иноземцев» осталась в Московии. Мотивы такого выбора могли быть разными: отсутствие шансов обустроиться вне Московского государства, внутренняя связь со ставшей родной Россией, приверженность на последнем этапе Смуты династии Романовых.

Свой род в России продолжили балтийские дворяне Францбековы (Фаренсбах), поместья которых изначально располагались в Эзельско-Виккском епископстве в Ливонии²³. Первым на русской службе оказался Юрген Фаренсбах. Вербовка ливонских дворян, осуществленная Юргеном Фаренсбахом, запомнилась современникам. С именем этого ливонского дворянина исследователи связывают первый пример найма за границей в русскую армию иностранных подразделений²⁴. Предводитель ливонских дворян прославился в битве при Молодах. Однако верность присяге он сохранял лишь с 1570 по 1572 г., покинув войско Ивана Грозного в походе на Пайду. Позже он вернулся в Россию в качестве завоевателя в войсках Стефана Батория. Один из сыновей Юргена, Андрей, был испомещен в России, известно о его поместье в Холмецком стане Ростовского уезда. Кроме того, Андрею Францбекову (Фаренсбаху) удалось купить в 1615/16 г. у Дмитрия Евского вотчину – деревню Копнино в Бохове стане Московского уезда²⁵. Наследниками владений Андрея в Ростовском и Московском уездах стали сыновья Юрий (Юрген) и Алфер. В конце XVI в. в Елецком стане Угличского уезда был наделен поместьем «немчин» Роман Андреев Франзбек²⁶. В период Смуты он служил в роте Петра Гамильтона; за заслуги перед царем Михаилом Федоровичем Роман Франзбек на аудиенции в 1613 г. получил наградной золотой²⁷. В дальнейшем он участвовал в боях с казаками Захарьяша Зарутцкого, подавлял казачий мятеж. В 1618 г. он принимал участие в обороне Москвы от войск принца Владислава. Его преданность была вознаграждена: за «осадное сиденье» Роман Франзбек получил вотчины в Галичском и Суздальском уездах²⁸. Доблестью выделялся и Юрий Андреев Францбеков, также награжденный за оборону Москвы в 1618 г.²⁹

Но в Смуту на территории России действовали и иные представители рода Фаренсбах. Судя по более поздней «родословной сказке», на службе Ивана Грозного появился также и Виндрик Фаренсбах, оказавший царю содействие при подписании русско-польского договора 1570 г. Свидетельств о дальнейшем его пребывании на территории России не сохранилось. В конце XVI в. представители этого рода уже проживали в Московском государстве, вероятно, переселившись туда в период правления Бориса Годунова. Основным мотивом иммиграции, скорее всего, стали земельные затрудне-

ния: балтийское дворянство постепенно лишалось своих владений как в Речи Посполитой, так и в Швеции.

В русско-шведских переговорах 1609 г. участвовал шведский офицер, которого Видекинд именует Йохан Фаренсбах, а русские источники – Анц Францбек. Лейтенант Фаренсбах 2 августа 1609 г. был отправлен Делагарди из Твери в Москву к Василию Шуйскому. 16 августа представители Делагради ротмистры Яков Декорбель, Индрик Душанфеес и Анц Францбек прибыли в Москву с целью разрешить проблему задержки выплат жалованья шведскому экспедиционному корпусу. Шведская сторона предлагала расплачиваться русскими территориями. В качестве первой компенсации был назван не столь давно утерянный шведами город Корела. 17 августа шведские ротмистры были на аудиенции у царя Василия Шуйского, на следующий день в Посольском приказе их принимал дьяк Василий Телепнев, а 19 августа они были на приеме у Дмитрия Ивановича и Ивана Ивановича Шуйских на Казенном дворе у Благовещения в паперти. Приглашение на царскую аудиенцию ротмистрам передал переводчик Иван Фомин, царские дары доставил на подворье переводчик Михаил Юрьев. Протокол миссии был завершен, 21 августа офицеры были приглашены по случаю отъезда к государю, а 22 августа выехали из столицы³⁰. Русское правительство вынуждено было принять условия шведского экспедиционного корпуса. Делагарди не забыл заслуг Фаренбаха, который был записан в «списке вечности» 1612 г. (список героев, получивших от Делагарди рекомендательные письма к шведскому королю с просьбой о наделении поместьями)³¹.

Представители рода Фаренсбах действовали и на польской стороне. Сын Юргена Фаренсбах – Ян (Иоганн) продолжил путь отца и принял участие в атаках на Псков и его окрестности. Он осаждал Псково-Печерский монастырь в 1612 г. сначала в составе отряда Лисовского, а затем под командованием Ходкевича. Планируя в 1617 г. поход на Москву, король Сигизмунд III рассчитывал на участие старшего сына Юргена – Вольмара Фаренсбаха, под командой которого предполагалось собрать 200 воинов³².

Трудно сказать, взаимодействовали ли шведские и польские представители рода с московскими родственниками. Несомненно, Алфер Францбеков знал о Юргене, Вольмаре и Яне Фаренсбах. Корпус Якова Делагарди, в который входил Йохан, первоначально был союзным Василию Шуйскому, поэтому осевшие в России члены фамилии на легальных основаниях могли поддерживать связь со шведским ротмистром. В установлении контактов им могли помочь другие члены иноземческого сообщества Москвы – переводчики Посольского приказа Иван Фомин и Михаил Юрьев. Нельзя исключать возможность поддержки Юргена Фаренсбаха русской ветвью династии. В дальнейшем связи с польскими и шведскими офицерами, если они существовали, могли запятнать репутацию Фаренсбахов в глазах династии Романовых. Быть может, стремление искупить прегрешения эпохи Смуты стало для сыновей Андрея, Алфера и Юргена, мотивом перехода в православие в 1627 и 1629 г.

Сохранили свое присутствие в России и другие потомки ливонских пленников: Отмустовы, Эверлаковы, Фонлюбцовы, Шварты и многие другие. Сведений о поддержке представителями этих родов какой-либо из воюющих сторон на протяжении Смуты до нас не дошло. Безусловно, на последнем этапе Смуты они проявили лояльность династии Романовых. Представители рода фон Висин вместе с другими жителями Немецкой слободы приносили присягу Лжедмитрию II. Однако ротмистр Денис фон Висин более запомнился участием в московских «осадных сидениях» времен Василия Шуйского и Михаила Федоровича. Среди переводчиков и толмачей Посольского приказа наиболее стойким сторонником законной власти оказался Иван Фомин. Весь период Смуты он бесценно находился в Посольском приказе, и, соответственно, верно служил Лжедмитрию I, Василию Шуйскому, был непосредственным участником осады Москвы войсками I Ополчения в 1611 г., а затем исправно служил Михаилу Романову. В конечном счете, он предстал настолько последовательным приверженцем правительства Михаила Федоровича, что ему позволяли исполнять обязанности русского дипломата. Ярko проявили себя и другие переводчики Посольского приказа. Так, Еремей Еремеев Вестерман в 1608 г. доставлял царские грамоты на Белоозеро к

пленным полякам. В 1612 г. он был направлен к императору Рудольфу в качестве гонца от кн. Д.М. Пожарского. Переводчик Елисей Павлов в 1614 г. отвозил царские указы в войско кн. Д.Т. Трубецкого, пытавшегося отвоевать у шведов Новгород³³.

Сложным в Смуту оказалось положение иностранных купцов. Не многим из первоначальных представителей страты «московских торговых иноземцев» удалось пережить Смуту. Например, московская ветвь фамилии Бракилевых к 1617 г. прекратила существование: старшее поколение умерло (на русско-шведских переговорах с участием перебежчика Анца Бракилева было отмечено, что его «родители все на Кокуе лежат»). Нижегородская ветвь рода сохранилась в России и после событий Смутного времени. Сын принявшего российское подданство при Борисе Годунове Артемия Бракилева Еремей служил в Иноземском приказе в чине рядового и был испомещен по Нижнему Новгороду. В 1628–1633 гг. Нижний Новгород, располагавшей и наиболее крупной после Москвы колонией иностранцев, стал прибежищем для многих иммигрантов. Бракилевым пришлось сменить род деятельности: из купцов они перешли в военные. Еще один «московский торговый иноземец» периода правления Бориса Годунова, Роман Бекман, также не был в дальнейшем купцом. Он служил в Архангельске в должности толмача³⁴. С его смертью род его в России пресекся.

Но некоторым ливонцам все же удавалось сберечь капитал. В коммерческой сфере остался Андрей Керклин. Он упоминается как «московский торговый иноземец» до 1620 г.³⁵ «Московскому торговому иноземцу» Юрию Андрееву Буку (сыну «палатника» из Дерпта) удалось основать купеческую династию, которая длительное время существовала в России. Сам он, видимо, не пережил Смутного времени – его имя исчезает из документов. Но его сын Андрей Юрьев Бук, которому в 1599 г. было 20 лет, продолжил дело отца и смог вступить в привилегированную корпорацию. Он упоминается как «московский торговый иноземец» до 1628 г. Параллельно семейное дело развивал его сын, также удостоившийся зачисления в «московские торговые иноземцы»: Андрей Андреев Бук известен по источникам с 1616 по 1638 г. В 1638 г. в документах обнаруживается имя Томаса Бука³⁶. Более того, число носителей этой фамилии в России в период Смуты даже увеличилось. «Свейские земли выезжий немец» Арент (Ари) Бук перешел из ставки Делагарди на русскую сторону. Он мог быть как однофамильцем купцов, переселившихся в Москву из Ливонии в конце XVI в., так и их родственником из шведских владений Ливонии. Ари Иванов Бук входил в одну из рот «служилых иноземцев», а затем был зачислен в Посольский приказ на должность переводчика со шведского и немецкого языков³⁷. До конца XVII в. в России действовали представители семьи Вестовых. Под вопросом остается их связь с Тимофеем Ивановым и Андреем Вестовыми. С некоторой долей вероятности можно предположить родство Тимофея Иванова Вестова и купца Павла Иванова Вестова. Последний известен как «московский торговый иноземец» с 1610 по 1620-е г. Он был жертвователем «старой» лютеранской кирхи св. Михаила. Не исключено, что Тимофей и Павел были братьями. Кроме них в России с 1616 по 1629 г. занимался коммерцией Юрий Вестов³⁸.

Некоторые ливонцы в условиях Смуты сумели приумножить свое богатство. Андрей Ульянов Дюкер, упомянутый в 1599 г. как родственник «московских торговых иноземцев», впоследствии сам вошел в корпорацию. Этому способствовал удачный брак: он женился на Анне, дочери Романа Юрьева Резвого. Матерью его избранницы была Дарья, двоюродная сестра Юрия Бука. Таким образом, Анна Дюкер была связана родственными линиями с двумя «палатниками» из Дерпта – с Юрием Резвым и Андреем Буком-старшим. Подобные семейные связи обеспечили успешное ведение торговли. Кроме того, как и Бракилевы, Андрей Дюкер, пережил Смуту в более благополучном, в сравнении с Москвой, Нижнем Новгороде. После стабилизации политической жизни дело Андрея Дюкера, возможно, при помощи Буков, расширилось. Он сам уже оказывал поддержку новым иммигрантам. Дюкер выдал свою дочь замуж за английского купца Джона Барнсли, быстро получившего титул «московского торгового иноземца»³⁹.

Сумел оказать услуги различным правителям нидерландский купец Геррит ван дер Хейден. Он обосновался в Новгороде в самом начале XVII в., в период страшного голода, когда нидерландские купцы активно включились в поставку в Россию хлебных продуктов⁴⁰. Хлеботорговля в разоренной голодом России не могла не приносить доходов. Богатый торговец пережил оккупацию Новгорода. В 1615 г. он ссудил на год (очевидно, вынужденно) Якову Делгарди крупную сумму – 8 500 ефимков (долг так и остался невозвращенным)⁴¹. К этому времени купец успел установить связи и с Москвой. В том же 1615 г. он примкнул к Рейнгоуту ван Бредероде, Дидериху Бассу и Альберту Иоакими, направленным в Россию правительством Нидерландов посредниками в русско-шведских переговорах. Нидерландские послы опасались передвигаться через охваченную казацкими мятежами территорию. Их миссию выполнил ван дер Хейден, доставивший в конце 1615 г. из Старой Русы в столицу письма посланников. Как нидерландский гонец он удостоился приема в Посольском приказе и аудиенции у царя Михаила Федоровича, был награжден соболями и получил звание «московского торгового иноземца»⁴². Заслужив царское благоволение и укрепив связи с правительством Генеральных штатов, ван дер Хейден сумел выхлопотать разрешение на хлебную закупку. В 1616 г. он доставил из Голландии в Новгород, опустошенный войной и испытывавший острый недостаток продовольствия, 1500 четвертей хлеба, ржи и ячменя. Нидерландский купец продал зерно в казенные амбары по цене, значительно уступающей рыночной (по 2,5 руб., в то время как на рынках города хлеб стоил 3,5 руб.). На следующий год, после освобождения города от шведского гарнизона, ван дер Хейден осуществил еще одну крупную поставку хлеба: отправил более 3 тыс. четвертей дешевого хлеба в государственные кладовые Новгорода и Ладogi. Вновь его цена была ниже средней: 1,5 руб. против 2 руб. русских торговцев. За услуги правительству ван дер Хейден получил в 1619 г. жалованную грамоту, позволяющую свободно передвигаться от Новгорода и Пскова к Москве, а также иметь в перечисленных городах свободные от тягловых пошлин дома⁴³. Он в полной мере воспользовался льготами, став одним из наиболее богатых иностранных купцов в России первой половины XVII в., и прочно вошел в корпорацию «московских торговых иноземцев», чему способствовал его брак с вдовой Даниэля Эйлофа⁴⁴.

«Московские торговые иноземцы» неоднократно использовались властями для установления внешнеполитических контактов. Дипломатические услуги правительству позволяли многим иностранным купцам вступить в эту привилегированную стратегию. Так Андрей Андреев Келдерман, по его же словам, «служил... с послами дважды в Аглинской земле для перевода и толмачества, потому что в то время переменить было некем»⁴⁵. Купец сопровождал в качестве переводчика русские посольства в Англию в 1613–1614 гг. и в 1617 г.⁴⁶ В 1615 г. он готовился к поездке в Англию с миссией И. Грязева, однако власти заменили его другим иностранцем – англичанином «Ромашкой Григорьевым». Андрей Келдерман продолжал исполнять поручения правительства и в дальнейшем, в частности, в 1633–1634 гг. занимался продажей пушнины в Риге для пополнения средств казны⁴⁷. К 1650 г. он постоянно участвовал в работе Посольского приказа: «А после того по вся года служба ево есть: как приходят из Аглинские земли листы королевские или иное какие свидетельственные грамоты переводить, и он, Андрей, переводчику Ивану Фомину пособляет, потому что тот Иван один и ныне устарел». Сын Андрея, Томас (Фома) Келдерман, еще более активно привлекался правительством для дипломатических миссий⁴⁸.

Другой «московский торговый иноземец», Еремей Пантелеев Марсов, был направлен с миссией Н. Киреевского в Англию в 1617 г. Купцы Елисей Юрьев и Болдвин Николаев Захарьев принимали участие в посольствах во Францию и Голландию в 1615–1616 гг. Купец Андрей Ишкель исполнял переводы при посланниках в Империю в 1616–1617 гг. «Московский торговый иноземец» Ефим Ефимов в составе посольства Баклановского побывал в Дании и Голландии в 1617–1619 гг. В Новгороде к переводчику Посольского приказа Тимофею фон Немену был приставлен для переводов со шведского языка «торговый немчин» Тимофей Тиль. «Московский торговый иноземец»

Андрей Керклин в 1621 г. посетил Вену, Берлин, Дрезден, Лондон, Париж, исполняя правительственный наказ о найме специалистов по разным ремеслам⁴⁹.

Потрясения Смуты не обошли стороной иноземческое сообщество. В затянувшемся на десятилетие с лишним кровопролитии, «перелетах», сражениях, погромах и метаниях погибло большинство «иноземцев старого выезда». Их имена исчезают из источников. Были убиты Борис и Юрген Фонвизины. Некрас Толмачов («Цысарские земли с Зевенберья») перебрался в провинцию: «В Московское разоренье съехал он в Суздаль». Выжившие зачастую не могли найти «знатцев» – свидетелей своей прежней службы в России. Показательны слова Толмачова: «а сыскать про него... некем, что старые иноземцы повывиты»⁵⁰. Смутное время нанесло огромный урон и внешнеэкономической торговле. Фактории повсеместно разорялись, в погромах и грабежах гибли люди. Купеческие корпорации несли огромные убытки и уходили из России. Выжженная Немецкая слобода Москвы запустела.

Несомненно, что пережившие потрясения начала XVII в. и оставшиеся в России «старые иноземцы» на последнем этапе Смуты проявили себя сторонниками династии Романовых. Доказавшие верность царю Михаилу Федоровичу иностранные военные награждались вотчинами и стали основой формирования «немецких» подразделений. Роту «старых иноземцев» возглавил «выведенец» Денис Фанвисин. Под его началом воевали в основном поместные иноземцы «старого выезда». Но новому правительству потребовалось пополнять группы «служилых иноземцев» и «московских торговых иноземцев». В подразделения иностранных военных вливались пленники из шведской и польской армий и отрядов самозванцев, а также новые иммигранты. Стабилизация экономической жизни привела к возрождению торговой деятельности с Западом. В Россию приезжали и обосновывались новые иностранные купцы, некоторые из них получили доступ в страту «московских торговых иноземцев». Укрепление царской власти, завершение «безгосударного времени» обеспечили последовательное увеличение количества иноземцев в России на всем протяжении XVII в. вплоть до петровских преобразований.

Примечания

¹ *Опарина Т.А.* Проблема источников депортаций ливонских пленников в Россию // Балтийский вопрос в конце XV – начале XVI вв. Сборник научных статей. М., 2010. С. 239–268.

² *Лузейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 357, 359–363, 369, 374; *он же.* Переводчик Посольского Приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI – середины XVII века // Иноземцы в России XV–XVII веков. Материалы международной конференции. М., 2006. С. 245. См. также: *Опарина Т.А.* Потомки Данила Рыхторова на службе русских государей XVI–XVII веков // Человек и мир человека. Сборник статей всероссийской научной конференции 26 июня 2006 г. Вып. 3. Ч. 1. Рубцовск, 2006. С. 282–311.

³ *Опарина Т.А.* Ливонские пленники в политической борьбе Бориса Годунова // Средние века. 2009. Вып. 70 (1–2). С. 273–302.

⁴ *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 108.

⁵ *Kaatin-Jarcev M.* Deutschbaltischer Adel in russland // Der Finische Meerbusen als Brennpunkt. Wandern und Wirken deutschsprachiger Menschen im europäischen Nordosten. Helsinki, 1998. P. 53.

⁶ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007.

⁷ *Скобелкин О.В.* Служилые «немцы» – участники Смуты: опыт реконструкции персонального состава в 1604–1612 гг. // Средние века. 2012. Вып. 73 (3–4); *Лузейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 357.

⁸ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 13, д. 7, л. 548–559.

⁹ *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедимитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де

Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 343; *Буссов К.* Указ. соч. С. 109.

¹⁰ «“Золотой век” Ярославля»: Опыт культуурографии русского города XVII – первой трети XVIII века. Историко-культурная хроника и библиография. Ярославль, 2004. С. 19; *Генкин Л.Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939; *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России: Первая четверть XVIII в. М., 1994; *Томенцев И.О.* Смуты в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 241.

¹¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841. № 101. С. 133–134; *Томенцев И.О.* Указ. соч. С. 362; *Петрей П.* Указ. соч. С. 343. См. также письмо Т. Бьюгова Я. Сапеге: Сборник кн. Хилкова. СПб., 1897. С. 17–18.

¹² Ср. мнение С.Ф. Платонова: «Остережемся приводить рассказы Буссова об Эйлове и Шмидте, которым он готов приписать главное значение в городском движении 1608 г.» (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 395).

¹³ *Буссов К.* Указ. соч. С. 110.

¹⁴ Там же; *Петрей П.* Указ. соч. С. 346.

¹⁵ *Томенцев И.О.* Указ. соч. С. 359, 361, 362; *Бычков Ф.А.* Заметка о хронографе ярославского священника Феодора Петрова. М., 1890. С. 11. О Лисовском и «лисовчиках» см.: *Wisner H.* *Lisowszycy*, Warszawa, 1976.

¹⁶ *Лебедев А.* Храмы Крестовоздвиженского прихода в Ярославле. Ярославль, 1879. С. 3; «“Золотой век” Ярославля»... С. 20.

¹⁷ *Буссов К.* Указ. соч. С. 113–114; *Петрей П.* Указ. соч. С. 346.

¹⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819. № 184. С. 368–369.

¹⁹ *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. 1. М., 2007. С. 176–180.

²⁰ *Kaatin-Jarcev M.* Op. cit. P. 55.

²¹ *Тихонова А.В.* Род Энгельгардов в истории России XVII–XX веков. Смоленск, 2001. С. 19–20; *Булычев А.А.* Материалы к биографии звенигородских вотчинников и помещиков первой половины XVII в. Д.А. и М.Д. Крабовых. Генеалогические исследования. М., 1994. С. 112–127; *он же.* Жалованные грамоты 1593–1610 гг. из архива выезжих иноземцев Крабовых // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 384–395.

²² *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 363, 369; *Kaatin-Jarcev M.* Op. cit. P. 57.

²³ *Опарина Т.А.* Род Фаренсбахов во второй половине XVI в. // Человек в пространстве и времени культуры: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». Барнаул, 2008. С. 40–86; *она же.* Францбеков Д.А. // Немцы России. Т. 3. М., 2006. С. 551–552; *она же.* Фаренсбах Юрген // Там же. С. 505–506.

²⁴ *Скобелкин О.В.* Западноевропейцы в русском войске XVI века // Исторические записки: Научные труды исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 8. Воронеж, 2002. С. 49–63.

²⁵ РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 10752, л. 506 об.–515а об. В споре за землю между «немчином» Артемием Артемьевым сыном Мустом и Иваном Андреевичем Францбековым указано, что долей последнего владел ранее его отец. См. также: *Лантева Т.А.* Земельные владения иноземцев в Московском уезде 16 – начале 18 в. // Иноземцы в России 16–17 вв. М., 2006. С. 285. В 1639 г. Д.А. Францбеков заложил деревню: «а в тех деньгах Дмитрей заложил... старинную отца своего деревню Копнино» (РГАДА, ф. 235 (Патриарший Казенный приказ), оп. 2, д. 12 (1640 г.), л. 193 об.).

²⁶ *Литинский М.А.* Писцовые книги Углицкого уезда в XVII в. // Временник Демидовского Юридического лицея. Ярославль, 1888. Кн. 44. С. 263; *Ивина Л.И.* Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV – первой трети XVII (на примере Угличской земли) // Средневековая и Новая Россия. Сборник научных статей. СПб., 1996. С. 364.

²⁷ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ). Т. 28. М., 1912. Стб. 776.

²⁸ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Вып. VIII. М.; Варшава, 2009. С. 78, 360, 363; Материалы для делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. 1. СПб., 1906. С. 452.

²⁹ Осадный список 1618 г. С. 109.

³⁰ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 81, 577; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в России в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 481; *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале 17 в. СПб., 2008. С. 425; Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 117 и след.; *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 357, 363.

³¹ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 256.

³² *Polski słownik biograficzny.* Т. VI/4. Krakow, 1947. С. 369; *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 241, 601; *Гаврон П.* Войска «иноземного строя» во время войны Речи Посполитой с Московским государством (1609–1618 гг.) (в печати).

³³ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 357–358, 360–362.

³⁴ *Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. С. 148.

³⁵ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 2. М., 1994. С. 96.

³⁶ Там же. С. 95.

³⁷ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 368–369; *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 449.

³⁸ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 95.

³⁹ *Опарина Т.А.* Иноземцы в России... С. 64–67.

⁴⁰ Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 223, 225. См. также: Донесения посланников республики соединенных Нидерландов при русском дворе. Отчет Альберта Бурха и Иогана фан Фелдтриля о посольстве их в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений Московского государства с республикой соединенных Нидерландов до 1631 г. СПб., 1902.

⁴¹ *Ноздрин О.Я.* Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Кроффорда в Московском государстве (в печати).

⁴² *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 279, 337.

⁴³ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 1. М., 1994. С. 51, 88.

⁴⁴ *Опарина Т.А.* Иноземцы в России... С. 189–191.

⁴⁵ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 96; ОПИ ГИМ, ф. 450 (Барсков), № 82 (дела Посольского приказа), л. 54.

⁴⁶ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 172; *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 131.

⁴⁷ «А после того... отсылан он для государевых надобных дел в Ригу один. А с ним послано было государевы казны соболей и пупки и горностаев и белок болши десяти тысячи рублей. И жил в Риге полтора года». (ОПИ ГИМ, ф. 450 (Барсков), № 82, л. 54).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... Вып. 2. С. 96, 97; *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ... С. 172; *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 131.

⁵⁰ *Kaatin-Jarcev M.* Op. cit. P. 56; РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 166. Стб. 639.

© 2012 г. В. Н. КОЗЛЯКОВ*

МОСКОВСКОЕ И УЕЗДНОЕ ДВОРЯНСТВО ПОКОЛЕНИЯ СМУТЫ

Московское и уездное дворянство поколения Смуты – это стольники, стряпчие, московские дворяне (чин), жильцы, выборные дворяне, служба которых в основном пришлась на первые десятилетия XVII в. Завершая свой труд о Смутном времени, С.Ф. Платонов писал о поражении «старого боярства» и выигрыше «средних общественных слоев». Он считал, что «Смута... выдвинула вперед простого дворянина и

* **Козляков Вячеслав Николаевич**, доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-00183а «Дворянство Московского государства в 1613–1682 гг.».

«лучшего» посадского человека. Они стали действительной силой в обществе на место разбитого боярства»¹. Красивый и внешне убедительный тезис воспринимается как классическая концепция Смутного времени, хотя с тех пор изучение истории русского дворянства на рубеже XVI–XVII вв. существенно продвинулось вперед. После трудов по изучению источников и истории Государева двора, осуществленных в 1950–1980-е гг., в историографии сложилась качественно иная ситуация, состоялся отказ от старых идей о «борьбе» боярства и дворянства. Здесь необходимо назвать публикацию А.А. Зиминым Тысячной книги и Дворовой тетради, исследования и издания В.И. Бугановым разрядных книг, генеалогические разыскания и работы В.Б. Кобрин по истории поместного землевладения, находки В.И. Корецким новых документов по истории восстания Болотникова, введение в научный оборот С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславским новых источников по истории Государева двора². В настоящей статье рассматриваются некоторые спорные вопросы изучения персонального состава и территориальных связей служилых людей, входивших в Государев двор и жилецкую корпорацию. В работе сделана попытка соотнести изменения, произошедшие в составе русского дворянства на рубеже XVI–XVII вв., и определить их связь с событиями Смутного времени.

В исследованиях по истории Двора и служилых «городов» сложился, по точному замечанию профессора Роберта Крамми, «просопографический императив»³. Большой потенциал этого метода был продемонстрирован как в трудах самого профессора Крамми, так и в исследовании о боярской элите XVII в., выполненном коллективом авторов во главе с Маршаллом По⁴. В книгах и статьях А.П. Павлова скрупулезно изучена эволюция Государева двора в конце XVI – начале XVII в.⁵ Вышла в свет монография М.П. Лукичева о боярских книгах, продолжают публикацию важнейших источников по истории Государева двора⁶. Одним из ведущих направлений в изучении истории городского дворянства с конца 1980-х гг. стали работы, посвященные составу отдельных уездных дворянских корпораций, появляются и обобщающие труды о служилом «городе»⁷.

Попытки представить общую картину состава русского дворянства на рубеже XVI–XVII вв. методами традиционной генеалогии до сих пор не привели к успеху. Полный состав дворянства допетровской эпохи остается невыясненным. В лучшем случае известные генеалогические опыты, как, например, у Л.М. Савелова⁸, оканчивались на букве «З». Существуют лишь отдельные, не связанные между собой, работы, реализующие давнюю идею В.Н. Сторожева⁹ о совместном изучении десятен и писцовых книг 1620–1630-х гг. Необходимо поменять стереотипы исследований, предусматривающие составление поколенных росписей или поуездное изучение дворянства. Отдавая должное значимости подобных методик для истории отдельных родов или состава служилых «городов», подчеркнем, что для анализа дворянства в целом необходимо искать другие пути исследования. Следует, образно говоря, не только проводить вертикальные «шурфы» родословных разысканий, но и попытаться изучить горизонтальные «срезы» генеалогических материалов по тем годам, когда происходили общие разборы и верстания дворянства. Восстановив состав дворянских родов, и охарактеризовав их распределение на территории Московского государства, можно двинуться дальше к исследованию земельных, служебных и семейных связей дворянства.

Обратимся к изучению генеалогического состава и территориальных связей дворянства, записанного по «московскому» и «жилецкому» списку, а также в «городах» в первой трети XVII в. Эволюцию состава Государева двора, жильцов и уездного дворянства в первой четверти XVII в. можно проследить с помощью боярских и жилецких списков¹⁰, разборных десятен и списков дворян и детей боярских (разборных, «подлинных» и смотренных)¹¹. Первые известные боярские списки датируются 1577, 1588/89, 1598/99, 1602/03 г.¹² Имена рядовых детей боярских из служилых «городов» того же времени известны много хуже из-за утраты большинства десятен – источников о составе уездного дворянства¹³. Ко временам Смуты относятся еще два боярских списка 1606/07 г. («115 года») и 1610/11 г. («119 года»). Боярский список, составленный в начале правления царя Василия Шуйского, был известен уже Н.П. Лихачеву и В.О. Ключев-

скому, но его первое издание, осуществленное Р.В. Овчинниковым, появилось только в 1953 г. Как определил А.Л. Станиславский, документ является «подлинным черновым с современными пометами и исправлениями боярским списком времени восстания Болотникова». Историк подчеркнул значимость этого документа «не только для изучения двора царя Василия, но и для истории двора в досмутное время», так как в нем впервые встречаются «перечни московских чинов», не сохранившиеся в боярском списке 1602/03 г.¹⁴ Позднее В.И. Корецкому удалось найти еще одну часть боярского списка 1606/07 г. Впервые документ в полном виде оказался опубликованным только в 2003 г.¹⁵ Другой боярский список – 1610/11 г. – давно известен по публикациям Н.П. Лихачева и В.Н. Сторожева¹⁶. Его источниковедческое исследование провел А.А. Булычев¹⁷. Недавно Д.В. Лисейцевым были высказаны новые соображения об обстоятельствах создания и бытования этого документа в полках Первого ополчения¹⁸.

Боярский список «115 года» относится к числу «сыскных» списков, обнаруженных в Разрядном приказе «после московского разоренья», то есть уже после 1613 г. От начала списка сохранился фрагмент с именами трех бояр, а дальше приведены перечни окольных, думных дворян и дьяков, стольников, стряпчих, «дьяков по приказом», московских дворян и «выбора» из «городов» *Владимира, Суздаля, Муром, Переславля-Залесского, Юрьева-Польского, Мещеры, Нижнего Новгорода, Азамаса, Луха, Коломны, Рязани, Каширы, Тарусы, Алексина, Тулы, Одоева, Калуги, Воротынска, Белева, Лихвина, Перемышля, Серпейска, Мещовска, Козельска, Орла, Болхова, Карачева, Брянска, Боровска, Малоярославца, Медыни, Вереи, Звенигорода, Рузы, Волока, Можайска* (курсивом выделены «города»), «выбор» из которых перечислен также в списке «119 года». Список «115 года» неполон, по сравнению с боярским списком 1602/03 г. в нем пропущены имена жильцов (их нет и в списке «119 года»), выборных дворян из ряда «городов» Замосковского края, а также из городов от Литовской Украины: Кострома, Ярославля, Ржевы Владимировой, Вязьмы, Дмитрова, Кашина, Бежецкого Верха, Углича, Ростова, Романова, Пошехонья, Галича, Твери, Торжка, Старицы, Зубцова, Дорогобужа¹⁹. Ранее, в боярском списке 1588/89 г., в перечне выбора из «городов» встречались также Белая и Клин²⁰. В упомянутых выше боярских списках не назван «выбор» по Смоленску, хотя там в то время служило несколько десятков выборных дворян²¹. Традиционно в систему учета в боярских списках не включалось новгородское, псковское и казанское дворянство.

О рядовом дворянстве в эти же годы можно судить по материалам «сыска» десятен и списков, проведенного в начале царствования Михаила Федоровича. Правда, «Книга сыская» 1613 г., где собраны материалы десятен и списков «городов», подведомственных, в основном, Новгородскому разряду (Великие Луки, Вологда, Галич, Зубцов, Клин, Невль, Пошехонье, Псков, Романов, Ростов, Ржева Владимирова, Ржева Пустая, Старица, Тверь, Торжок, Торопец и Холм), и отдельные сохранившиеся «сыскные» списки (Кострома, Мещера, Новгород) все равно не дают полной картины²². Даже привлекая дополнительные источники, вроде книг раздачи четвертного жалования²³, восстановить полный состав родов уездных дворян и детей боярских не удастся. Стремление упорядочить учетные материалы о численности, составе и окладах дворянства привело к проведению «большого сыска» в 1622 г. Московский пожар 1626 г. уничтожил часть материалов «большого сыска окладов» и разбора 1621/22 г. Все это делает невозможным проведение полного исследования состава дворянства до этой даты²⁴.

Меры, принятые вслед за «катастрофой» московских архивов 1626 г., позволяют выделить 1630/31 г. в качестве отправной точки исследования, когда можно впервые восстановить полный состав родов русского дворянства. Список дворян, служивших в Государеве дворе, полнее всего отражен в Боярской книге 1627 г., опубликованной М.П. Лукичевым и Н.М. Рогожиным²⁵. Этот источник представляет собой результаты работы по восстановлению учетной документации Двора после московского пожара 1626 г. и содержит имена даже умерших и выбывших членов Государева двора, а также перечень выборных дворян из «городов». Сравнительное изучение сведений боярской книги 1627 г. с боярским списком 139 (1630/31) г.²⁶ позволяет дополнить перечень ро-

дов дворян, попавших в «московский список» после составления указанной боярской книги. Перечень жильцов, служивших на рубеже 1620–1630-х гг., также восстанавливается по сохранившимся жилецким спискам 138–140 гг.²⁷ Использование нескольких списков необходимо для заполнения некоторых лагун в этих источниках. Хорошо сохранились и материалы разборных десятен 1630/31 г.²⁸

Полнота полученных сведений о персональном составе русского дворянства надежно перепроверяется сведениями Смет русского войска. По смете 139 г. насчитывалось 14 бояр, 7 окольничих, 1 думный дворянин, 275 стольников, 455 патриарших стольников, 105 стряпчих, 883 московских дворянина, 790 жильцов, всего вместе с дьяками и представителями некоторых других чинов – 2 642 человек. По сведениям сметы 140 г. численность Государева двора составляла 2 769 человек (в том числе 100 стряпчих, 286 стольников, 532 патриарших стольника, 947 московских дворян и 777 жильцов). В служилых землевладельческих корпорациях разных уездов – «городах» – было записано почти в десять раз больше служилых людей «по отечеству» – около 25 тыс. человек²⁹.

Как показывают составленные в результате исследования упомянутых источников алфавитные перечни членов Государева двора и жильцов, в столичных чинах на рубеже 1620–1630-х гг. упоминаются служилые люди примерно из 800 родов. Из них в московских дворянах (в широком смысле этого слова, включая чины стольников и стряпчих) служили представители 570 фамилий. Исключительно в жильцах встречаются представители 225 родов. При этом количество родов дворян, упомянутых по жилецкому списку, было примерно в два раза больше, так как многие жильцы имели родственников (или однофамильцев) в Государеве дворе, старшие сыновья служили во Дворе, а младшие – входили в жилецкую корпорацию.

Главенствующее положение в составе Двора, как известно, занимала боярская элита, привилегированная группа, состоявшая из потомков служилых князей и родов старомосковских бояр, которая ко времени Смуты уже стояла выше всего остального дворянства, породнившись с царским домом или входя в Боярскую думу, занимая высшие придворные должности и чины. Все эти роды давно и хорошо известны, изучение их истории относится к классике генеалогических исследований: кн. Мстиславские, кн. Воротынские, кн. Трубецкие, кн. Голицыны, кн. Куракины, кн. Шуйские, кн. Черкасские, кн. Оболенские-Лыковы, некоторые представители клана кн. Ростовских (Буйносовы) и кн. Ярославских (Сицкие, Троекуровы, Хворостинины), а также бояре Годуновы и Романовы.

Близкими к высшему слою знати были роды, чьи представители упоминаются накануне Смуты только в составе стряпчих, стольников, московских дворян и жильцов. Даже если кому-то из членов этих родов удавалось в XVI в. попасть в Думу, то такая служба хотя и помогала потомкам, но не означала для них постоянного пропуска в элитную боярскую группу. Это также были, в основе своей, княжеские и старомосковские роды, только их младшие ветви или потомки сильно разросшихся семей, которым трудно было удержаться всем родом в высших слоях Государева двора. Упомянем известные роды и фамилии, большинство из которых уже в середине XVI в. входило в Государев родословец: Вельяминовы, Вельяминовы-Воронцовы, Волинские, Головины (род Ховриных), кн. Долгорукие, кн. Елецкие, кн. Звенигородские, кн. Мезецкие, кн. Мещерские, Милокувы, Морозовы (Салтыковы, Шеины), кн. Мосальские (Александровы, Клубковы, Кольцовы, Литвиновы), Новосильцевы, кн. Оболенские (Кашины, Репнины, Туренины, Тюфякины, Щербатые), кн. Одоевские, Пильемовы, Плещеевы (Басмановы, Очины), Поливановы, кн. Пронские (род рязанских князей), кн. Ростовские (Катыревы, Лобановы, Темкины), Сабуровы, кн. Стародубские (Ромодановские, Татевы, Хилковы), кн. Сулешевы, кн. Телятевские (род тверских князей), кн. Тюменские, кн. Урусовы, кн. Черкасские-Ахамашуковы, Шереметевы (род Кобылиных), кн. Ярославские (Засекины, Засекины-Жировые, Прозоровские). Другие роды, хотя и упомянуты в Государеве родословце (например, Квашнины (Самарины), Кутузовы (Голенищевы), Отяевы), но до Смуты их представители не поднимались высоко по чиновной лестнице. В целом,

перечисление упомянутых фамилий дает представление о высшем слое двора. Если учесть, что А.П. Павлов выделяет всего около 70 «групп фамилий, которые можно рассматривать как аристократические (“боярские”)»³⁰, то подавляющее большинство родов русского дворянства, около 90%, хотя и имело привилегированный статус, но не входило в элиту, признаком принадлежности к которой следует считать службу членов рода в Боярской думе.

Роды, близкие по происхождению к княжеско-боярской аристократии, во Дворе представляли, например, Акинфовы, Бутурлины, Пушкины, Чулковы (род Ратши), Беклемишевы (старомосковский род), Бирдюкины-Зайцевы, Викентьевы (род Добринских), Валуевы (род Акатия), Воейковы (старомосковский род), Внуковы (потомки Нетши), Головины, Третьяковы (род Ховриных), Жеребцовы, Колычевы, Коновницыны, Кошкины, Лошаковы, Яковлевы (род Кобылин), Исленьевы (род Воронцовых-Вельяминовых), Милюковы (Меликовы) (старомосковский род), Монастыревы (род смоленских князей), Москотиньевы (род Плещеевых), Отяевы, Шафровы (род Отяевых), Розладины, Самарины, Тушины (род Квашинных), Тучковы, Чеглоковы (род Морозовых). Как правило, это были многочисленные, разросшиеся роды, «тянувшие» за собой во Двор родственников из боковых ветвей рода – например, Аладыны (род Монастыревых), Аксаковы (род Вельяминовых), Аслановы-Колычевы, Бобарькины, Кокоревы и Немятые-Колычевы, Образцовы (род Кобылин), Бурцевы, Еропкины и Скрябины (род Морозовых), Голенищевы-Кутузовы (род Кутузовых), Змеевы (род Беклемишевых), Клепиковы-Бутурлины (род Бутурлиных), Кологривовы, Рожновы-Пушкины, Шафериковы-Пушкины, Усовы (род Ратши), Лодыгины (род Жеребцовых), Лупандины (род Сорокоумовых-Глебовых), Облязовы (род Вельяминовых из Протасьевичей), Телегины (род Добринских), Пятые (род Плещеевых), Чудиновы (род Акинфовых)³¹.

Во Дворе традиционно служили потомки родов дворцовых слуг и дьяков московских великих князей (Безобразовы, Бестужевы, Кудрины, Михалковы, Проестевы, Столыпины, Хлоповы), митрополичьих бояр и слуг XV – начала XVI в. (Косаговы, Сурмины, Чертовы, Ярлыковы), дети и другие родственники дьяков (особенно думных) XVI – начала XVII в. (Вареевы, Витовтовы, Гавреневы, Грамотины, Евские, Елизаровы, Желябужские, Ивановы, Ивашевы, Карповы, Луговские, Малыгины, Мартемьяновы, Маховы, Новокшеновы, Петровы, Пителины, Поздеевы, Софоновы, Татьянины, Таракановы, Телепневы, Тимашевы, Трегубовы, Чирковы, Шапиловы, Шараповы).

Значительная часть новых московских дворян и жильцов происходила из родов дьяков и подьячих, также иногда имевших связи с «городом»: Бокины (Бохины), Болдыревы (жильцы)³², Бормосовы – (род подьячего дмитровского князя Юрия Ивановича), Бредихины (Тула), Булгины, Бухаровы (Ярославль), Вареевы, Васильевы, Витовтовы (Ярославль), Владимировы, Вражские (Руза), Гавреневы (Кашин), Головины, Грязевы, Домашние (род подьячих), Дубровские (Новгород), Евдокимовы, Евсеевы (Евсевьевы), Жоховы (Ярославль), Истомины (жильцы), Кабановы, Кашкины (жильцы), Корины, Кудрины (Переславль-Залесский), Максимовы (жильцы), Матюшкины, Митусовы (жильцы), Нальяновы, Нероновы (Дмитров, Звенигород), Нечаевы (жильцы, Алексин, Переславль-Рязанский), Овдокимовы (Владимир), Огарковы (Агарковы) (Кашира), Пересветовы (жильцы, Дмитров, в 1591–1592 гг. дети боярские ростовского митрополита), Пителины (Петелины, жильцы), Шишкины (жильцы, в Дворовой тетради по Бежецкому Верху и Угличу), Поздеевы, Порошины (жильцы, Суздаль), Постниковы (жильцы), Пустынниковы (Углич), Радцовы (Ратцовы), Репьевы (жильцы, Муром), Пустошкнины (Новгород), Романчуковы, Салмановы (Ярославль), Самсоновы, Свизевы, Сназины (Смоленск), Спиридоновы (в Дворовой тетради «литва дворовая» по Медыни), Степановы (жильцы), Строевы (жильцы), Сукины, Суковы, Талызины (Зубцов), Таракановы (Торокановы), Татьянины (Псков), Телепневы, Третьяковы, Трофимовы, Филатовы, Черново (Тверь), Яновы (Суздаль)³³.

В Государев двор входили потомки князей и бояр удельных княжений, например, Александровы (из Брянска или Смоленска), Казимеровы (из Новгорода), Апраксины, Вердеревские, Измайловы, Кобяковы, кн. Пронские, Селивановы, Сунбуловы (из Ря-

зани), Пивовы (из Смоленска), Бороздины, кн. Телятевские, Шетневы (из Твери). Они также выводили наверх своих родственников, однако установить их родственные связи труднее из-за отсутствия достаточного родословного материала. Приведем лишь примеры Житовых и Колединских (род Бороздиных), Зюзиных (род Шетневых). К этой группе примыкают выездные роды из других государств и княжений, например: Корсаковы, Ласкиревы, Нарбековы, Селунские, Спасителивы, Судимантовы, Траханиоты.

Сложная история новгородских переселений в конце XV – начале XVI в. привела к выделению во Дворе группы родов, происходивших от новгородских помещиков: Аничковы, Базаровы, Бовыкины (жильцы), Вельяшевы (Вильяшевы) (жильцы), Грабленые (жильцы), Зыбины, Исканские, Левшины, Линевы, Мусины-Пушкины и др. Во Двор вошли также потомки новгородских бояр и помещиков, переселенных в центральные уезды, например, Арбузевы (Арбузовы), Бабкины и др. На службу в Москву переходили и представители новгородских родов, упомянутых в Тысячной книге и Дворовой тетради: Арцыбашевы, Вороновы, Выповские (жильцы), Карауловы, Климентьевы (Клементьевы), Литвиновы (жильцы), Мусоргские, Мякинины, Неплюевы, кн. Оболенские, Пущины (жильцы), Пыжовы, Розладины (Разладины), Сназевы, Третьяковы, Трусовы, Узкие (жильцы), Шафериковы-Пушкины.

Рассматривая генеалогический состав остальных членов Государева двора и жильцов, составлявших на рубеже 1620–1630-х гг. «среднее» служилое сословие, можно заметить, что многие роды столичных дворян впервые были упомянуты еще в Тысячной книге и Дворовой тетради, ранее их можно было встретить на службе в выборе из «городов»³⁴. Сопоставление имен служилых людей, записанных в боярских и жилецких списках, со сведениями о службе выборных дворян в последней четверти XVI – начале XVII в. показывает наличие «городовых» территориальных связей у большинства дворянских родов в составе Государева двора и жилецкой корпорации (жильцы по преимуществу были сыновьями выборных дворян из уездов)³⁵. Перечень родов с указанием уездов, с которыми они были связаны до Смуты, приведен в «Алфавитном списке» (приложение 1).

У значительного количества членов Государева двора и жильцов 1630/31 г. родственники до Смутного времени служили даже не по «выбору», а в городских и дворовых детях боярских. Сведения о перечисленных родах в Тысячной книге и Дворовой тетради, а также в ранних боярских списках отсутствуют. Следовательно, в Государев двор попадало первое поколение представителей этих родов, которых можно считать выигравшими в Смуту, так как им удалось более остальных повысить свой статус внутри служилого сословия. Перечень этих фамилий приводится в приложении 2.

У ряда фамилий связь с служилыми «городами» не устанавливается, ее можно только предполагать. К числу таковых относятся: Велковы (Вилковы, по родословной росписи конца XVII в. род происходил от детей боярских, служивших в начале XVI в. дмитровскому князю Юрию Ивановичу), Демские (род костромских помещиков), Домашние (жильцы, в конце XVI в. владели поместьем в Ивангороде), Дубровины (жильцы, «клитва дворовая» по Медыни и дети боярские кн. Дмитрия Ивановича по Угличу), Малые (Малово, жильцы, упоминаются в Дворовой тетради по Москве), Малечкины, Мандрыкины (жильцы), Мерчуковы (жильцы), Назарьевы (жильцы), Нарбековы, Ожогины (жильцы), Оксенчуковы (жильцы), Ортаковы (жильцы), Пестриковы (жильцы), Плаутины (жильцы), Поросуковы (жильцы), Раинские (жильцы), Сологубовы (жильцы), Таюрцевы (жильцы), Телицины, Тимановы (жильцы), Хотейновы, Щербатовы.

Приведенные перечни родов (фамилий) можно сопоставить с наблюдениями Павлова, проанализировавшего количество пожалований в Государев двор в 1613–1626 гг., когда в московских дворянах служило 1048 человек. Исследователь подсчитал, что за этот период было пожаловано 350 дворян из 50 уездных «городов». Больше всего среди них смольнян (37 человек), а также служилых людей из Новгорода (23), Суздаля (14), Рязани (16), Серпейска (13), Козельска (15), Мещовска (17), Владимира, Костромы и Ржевы – по 12 человек³⁶. Павлов обратил внимание, что лишь треть пожалованных в московские дворяне происходила из «городов» Замосковья (119 человек из 22 городов),

связав этот факт с наказанием за политическую шатость, выказанную дворянством этого региона в Смутное время. Следовательно, многие роды, служившие в Государевом дворе, имели недавнее уездное прошлое, продолжавшее влиять не только на их взаимоотношения внутри Двора (что достаточно хорошо известно), но и на уездные дворянские миры. Связи в Государеве дворе имели большое значение для карьеры уездных дворян и детей боярских, обеспечивая быстрое продвижение в верхи своего «города», в жилецкий и «московский» списки. Смута стала тем рубежом, после которого в массовом порядке стал увеличиваться состав Двора и жильцов, и эта тенденция сохранилась на протяжении всего XVII в., повлияв на эволюцию дворянства³⁷.

В составе Государева двора можно выделить «территориальные группы», состоявшие из родов дворян, служивших в уездах Московского государства. «Топография» распределения дворянства Московского государства зависела от административного разделения не только на уезды, но и на целые регионы, отражавшие историческую преемственность с прежними великими княжениями и современное областное значение территорий во внутреннем управлении. В приказной практике XVII в. утвердилась группировка городов и уездов Замосковского края, «от Литовской украины», «от Немецкой украины», заочких, украинских, рязанских, «Поля», «Северы». В большем или меньшем количестве представители этих территорий входили в Государев двор и жилецкую корпорацию.

Процесс складывания таких «территориальных групп» в составе Государева двора и жилецкой корпорации на рубеже 1620–1630-х гг. можно проследить на примере владимирского дворянства. Дворяне, служившие по Владимиру, в первой половине XVII в. всегда открывали перечни уездного дворянства, также как в титуле московских царей первым было указание на Владимирское княжение. В Тысячной книге 1550 г. (ТК) и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. (ДТ) владимирские дворяне не занимали еще первенствующего места во главе уездного дворянства, сначала учитывались Москва, Дмитров, Кашин, Переславль-Залесский, Ростов и другие города. Большинство дворянских фамилий, чьи представители упомянуты в ТК и ДТ в детях боярских по Владимиру, позднее в этих уездах не встречается. Хотя некоторые из родов и в дальнейшем сохраняли свои территориальные связи с Владимиром в службе и землевладении: Александровы – в ДТ «литва дворовая» по Владимиру, Зубцову и Можайску; Аргамаковы – в ДТ по Владимиру, кн. Болховские – в ДТ «литва дворовая» по Владимиру, Колупаевы-Приклонские и Приклонские – в ТК и ДТ, Кузминские – в ДТ, Москотиньевы – в ДТ, Одинцовы – в ДТ, Полтевы – в ДТ «литва дворовая» по Владимиру, Шушеринны – в ТК³⁸.

Не позднее времени создания боярского списка 1588/89 г. имена владимирских выборных дворян стали писать сразу же после дворян московских и жильцов³⁹. Особое значение владимирского дворянства учитывалось при служебных назначениях в главные, а не второстепенные полки войска (например, Большой полк Украинного разряда). Все это делало владимирских дворян заметными среди других служилых корпораций. Не случайно, представители родов первых владимирских выборных дворян встречаются позднее преимущественно на службе в Москве, а не с «городом». В «выбор» по Владимиру накануне и во время Смуты входили⁴⁰: Акинфовы (1602), Чудиновы-Акинфовы (1588), Беречинские (1611), Бестужевы (Безстужево, 1588), кн. Болховские (1588), Владыкины (1588), Внуковы (1611), Волковы (1611), Всеволожские (Всеволотские) (1588), Долгово-Сабуровы (1602), кн. Друцкие (1604), Дудины (1588), Есиповы (1606), Кузьмины-Караваевы (1588), Ловчиковы (1588), Марковы (1588), кн. Мезецкие (1588), кн. Мещерские (1588), Навалкины (1611), Новосильцевы (1588), Огаревы (1602), Плещеевы (1588), кн. Пожарские (1598), Самарины (род Квашиных, 1602); Симоновы (Симановы, 1602), Туровы (1588), Уваровы (1606), Феофилаьевы (Фефилаьевы, 1606).

В 1620–1630-е гг. во Владимире по «выбору» служили следующие роды дворян и детей боярских: Беречинские (упоминаются в ДТ), Бологовские, Владыкины, Волковы, Дроздовские, Дубенские, Зиновьевы, Зловидовы, Калитины, Колзаковы, Константи-

новы, Москотиньевы, Новосильцевы, Пестрые, Петровы, Симоновы (переписаны по Владимиру из Мещеры⁴¹), Толмачевы, Трескины, Фефеловы, Юматовы, Языковы.

Изучение боярских и жилецких списков 1620–1630-х гг. позволяет выявить роды владимирского происхождения, представители которых находились в Государеве дворе: патриарший стольник Кузьма Юрьевич Акинфов, сын выборного дворянина Юрия Канбарова Акинфова, записанного в выборе в 1602/03 и в 1606/07 г., сначала служил в жильцах, а в 1643–1644 гг. был пожалован в московские дворяне⁴². Московский дворянин Григорий Петрович Акинфов-Чудинов служил во владимирском «выборе» в 1588/89 г. Московский дворянин Карп Неронович Волков. Московский дворянин Раф Родионович Всеволожский – сын одного из первых выборных владимирских дворян в 1588/89 г. Родиона Власьевича, служившего в Смуту «по московскому списку». Московский дворянин Григорий Несмеянов Зловидов служил в выборных владимирских дворянах в первые годы царствования Михаила Федоровича (до 1618/19 г.). Московский дворянин Иван Юрьевич Ловчиков – сын одного из первых выборных владимирских дворян в 1588/89 г. Юрия Григорьевича, служившего в 1616 г. «по московскому списку». Московский дворянин Карп Борисович Навалкин служил в выборных владимирских дворянах в первые годы царствования Михаила Федоровича (до 1618/19 г.). Его брат Иван Борисович – выборный дворянин в 1612/13 г. Московский дворянин Лукьян Никифорович Москотиньев служил во владимирском выборе в 1620-е гг., его владимирское поместье было в споре с Иваном Васильевичем Головиным⁴³. Московский дворянин Михаил Игнатьевич Новосильцев служил в 1604–1611 гг. в «выборе» по Владимиру. Московский дворянин Иван Семенович Самарин служил в выборных дворянах по Владимиру в 1602/03–1611 гг. Московские дворяне Иван Федорович и Дементьян Никифорович Танеевы служили во владимирском «выборе» в 1613 г. Московский дворянин Григорий Иванович Феофилатьев служил в выборе по Владимиру в 1606/07–1611 гг. Московские дворяне Федор Кузьмич Хоненев, служивший в выборных владимирских дворянах в первые годы царствования Михаила Федоровича (до 1618/19 г.), и Тихон Семенович Хоненев.

Самые ранние связи с «городом» устанавливаются у жильца Ивана Ивановича Кузьминского, чьи предки были записаны еще в ДТ в детях боярских по Владимиру. Семен Ануфриевич Новокшенов и Иван Петрович Стромиллов были сыновьями детей боярских, служивших по Владимиру. Тихон Дементьянович Танеев тоже происходил из владимирского дворянского рода, его отец из «выбора» был пожалован в московские дворяне. Московскими дворянами были отец Петра Федоровича Хоненева и брат Сергея Семеновича Хоненева, а также родственники Степана Петровича Навалкина.

После Смоленской войны 1632–1634 гг. пожалования владимирских дворян в Государев двор были очень редкими. Состав московского дворянства к этому времени, в основном, сформировался и, как установил А.П. Павлов, новые назначения происходили в основном за счет жильцов. По подсчетам исследователя, всего с 1632 по 1650 г. имеются прямые свидетельства о пожаловании в московские дворяне 90 человек из «городов». При этом один «пик» пожалований приходится на время перед Смоленской войной: в 1631–1632 гг. – 36 человек, а другой – на 1649–1650 гг., когда в Двор вошло 37 человек из разных «городов»⁴⁴. В известной мере в это время можно говорить о своеобразном «закрытии» столичного дворянства от притока извне. Хотя имело значение и то, что роды многих выборных дворян из замосковских городов до Смуты уже получили преимущество службы в Государеве дворе.

Проведенный анализ состава и территориальных связей русского дворянства позволяет обратиться к прежним идеям о победе в Смуту «средних слоев». Смутное время начала XVII в., когда в результате огромного социального катаклизма изменился состав Государева двора и служилых «городов», послужило отправной точкой для складывания «нового» дворянства. Необходимо учитывать собственническую анархию в земельных отношениях, вызванную разорением поместного фонда и массовой раздачей дворцовых и черносошных земель. Служилые «города» развивались до Смуты с представлением о том, что служилый человек нес службу с того уезда, где владели зем-

лями он и его предки. После Смуты правилом становился «прииск» любой свободной поместной земли для обеспечения оклада. Сказывался также демографический фактор, так как в связи с заметным увеличением численности Государева двора перечни выборных дворян (тоже заметно увеличившиеся по своему составу) исчезли из боярских книг и списков в самом конце 1620-х гг.

Обычно историю Государева двора изучают изолированно от служилого «города». Однако существовала единая система чинов, в которой функционировали служилые люди «по отечеству». Постоянно эволюционируя и расширяясь, Государев двор включал в себя наиболее заметные в родословном смысле городовые служилые роды. Все это до рубежа 1620–1630-х гг. обеспечивало стабильное функционирование системы московских и городовых чинов. Смута повлияла на местнические представления о значимости тех или иных родов в зависимости от их участия в борьбе Василия Шуйского с тушинским вором, а потом – в земских ополчениях. Выборные дворяне из уездов, благодаря многочисленным пожалованиям четвертного жалования и придачам «за цареву Васильеве осадное сиденье», за службу «при боярах», преодолевали сложившееся разделение на столичные и городовые чины. Службой в Государеве дворе прежде всего утверждалось достигнутое положение рода на лестнице чинов после Смуты, хотя, по большому счету, это не означало окончательного разрыва со своим «городом». Как показывают сведения о землевладении московских дворян и жильцов, собранные Е.Д. Сташевским и А.Ф. Изюмовым, прежнее правило, согласно которому московский дворянин получал право на владение землей в Московском уезде, после Смуты уже не действовало⁴⁵.

Полного противопоставления интересов боярской аристократии и рядового дворянства так и не случилось. Смута (после опал на Романовых, Годуновых и князей Шуйских) изменила соотношение значения родов внутри правящей аристократии, но не отменила их первенства. Прежним остался и принцип движения по чинам. В Смутное время он претерпел изменения из-за существования параллельных Дворов в Москве и Тушино, попыток нарушить традиционное значение родов назначениями, сделанными «при литве». Однако притязания служилых людей, стремившихся к записи «по московскому списку», оставались неизменными. Не случайно, что в конце Смуты сложился идеал возвращения к понятному порядку «как при прежних государях бывало». Для дворянства это означало утверждение традиционной системы учета чинов и окладов, разрушенной в начале XVII в. В русском дворянстве существовало немало клановых и «клиентских» связей. Основой их могло быть родство членов Боярской думы с московскими дворянами, соседские отношения столичного и уездного дворянства. Именно такая «внутренняя» история дворянства лучше помогает понять характер изменений, произошедших с поколением служилых людей «по отечеству» в Смутное время.

Приложение 1

Алфавитный список родов московского дворянства и жильцов рубежа 1620–1630-х гг. и их связи со служилыми «городами» до Смуты

Аверкиевы (Оверкиевы) – Волок, Дорогобуж, Старица; Аодуровы (Ододуровы) – Дмитров, Новгород, Тверь; Айгустовы – Лух, Переславль-Залесский; Акинфовы (Окинфовы) – Владимир, Юрьев-Польский; Аксаковы (Оксаковы) – Дмитров; Аладьины (Оладьины) – Кашира, Коломна; Албычевы (жильцы) – Епифань; Александровы – Владимир, Зубцов, Можайск; Алексеевы (жильцы) – Ржева; Алтуфьевы (Олтуфьевы) – Кострома; Алферьевы (Олферьевы) – Кострома, Галич; Алфимовы (Олфимовы, жильцы) – Клин; Алябьевы (Олябьевы) – Дорогобуж, Смоленск; Аничковы (Оничковы) – Новгород (Деревская пятина); Ансимовы – Кашин; Анучины (Онучины) – Нижний Новгород; Апраксины (Опраксины) – Рязань; Апухтины (Опухтины) – Болхов, Карачев; Арбузовы – Арзамас; Аргамаровы – Владимир, Волок; Арсеньевы (жильцы) – Тула; Арцыбашевы – Алексин, Новгород (Деревская пятина), Серпухов; Аслановы-Колычевы – Боровск; Ахматовы – Кашира.

Бабичевы, кн. – Нижний Новгород; Бабкины (жильцы) – Суздаль; Базаровы (жильцы), – Новгород; Базины (жильцы) – Нижний Новгород; Байдиковы (жильцы) – Кашира; Байковы – Великие Луки; Баклановские – Кашин; Балабановы (жильцы) – Арзамас; Барановы (Борановы) – Новгород; Барковы (Борковы, жильцы) – Мещовск; Бартеневы – Дорогобуж, Серпейск; Бяратинские (Борятинские), кн. – Калуга, Кашин, Боровск, Суздаль, Кострома, Тула; Баскаковы – Смоленск; Бастановы (Бостановы) – Новгород, Суздаль; Бахметевы (жильцы) – Арзамас; Бахтеевы – Старица; Бахтеяровы (жильцы) – Коломна; Башковские (жильцы) – Смоленск; Башмаковы – Смоленск; Бегичевы – Калуга; Беглецовы – Дмитров; Безобразовы – Белев, Боровск, Брянск, Вязьма, Козельск, Оболенск, Переславль, Ржева, Старица, Стародуб; Беклемишевы – Мещовск, Рязань, Серпейск; Белкины – Малоярославец; Белосельские, кн. – Новгород; Бельские – Вязьма; Берзниковы (жильцы) – Галич; Берновы – Старица; Беседные (жильцы) – Вологда; Бестужевы (Безстужево) – Владимир, Новгород, Смоленск; Бешенцевы – Кострома; Бибиковы – Алексин; Бирдюкины-Зайцевы – Ярославль; Биркины – Рязань; Битяговские (жильцы) – Алексин, Медынь; Благие (Благово) – Ржева Владимирова; Блохины (жильцы) – Тверь; Блудовы (жильцы) – Мещовск, Ростов; Бобарыкины (Боборыкины) – Кострома; Бобрисевы-Пушкины – Медынь; Бобынины (Бобанины) (жильцы) – Коломна, Тула; Бovyкины (жильцы) – Карачев, Торопец; Богдановы (жильцы) – Болхов, Козельск, Мещера, Суздаль; Болтины – Ростов; Болотниковы (жильцы) – Мещовск, Орел, Суздаль, Торопец; Болховские, кн. – Владимир, Муром, Нижний Новгород, Юрьев-Польский; Борзцовы – Кострома, Рязань; Борисовы (жильцы) – Муром, Кашин; Борисовы-Бороздины – Зубцов, Кашин, Старица; Борняковы – Галич; Боровитиновы-Мещерские, кн. – Боровск; Бороздины – Новгород (Бежецкая пятина); Борыковы (жильцы) – Кашира; Братцовы – Волок; Бредихины – Тула; Булгаковы – Рязань; Бунаковы – Вязьма и Лихвин; Бунины (жильцы) – Белев; Бурцевы – Новгород (Бежецкая пятина); Бутиковы – Алексин; Бутримовы (жильцы) – Ярославль; Бутурлины – Алексин, Дорогобуж, Зубцов, Коломна, Малоярославец; Бухаровы (жильцы) – Ярославль; Быковы – Серпейск.

Вадбальские, кн. – Галич, Пошехонье; Васильчиковы – Кострома, Ярославль; Векеры – Ярославль; Вельяшевы (Вильяшевы, жильцы) – Ржева; Вердеревские – Рязань; Вережкины – Брянск, Стародуб; Веригины (жильцы) – Торопец; Викентьевы (Векентьевы) – Ярославль; Витовтовы (Витофтовы) – Ярославль; Владыкины (жильцы) – Владимир; Владычкины – Таруса; Внуковы – Юрьев-Польский; Воейковы – Белев, Вязьма, Козельск, Можайск; Волковы – Владимир, Вязьма, Суздаль, Ярославль; Волконские, кн. – Белев, Дорогобуж, Кострома, Перемышль, Рязань; Волконские-Шерихины, кн. – Тула; Волоховы – Кашира, Суздаль; Волошениновы – Ярославль; Волынские Белая, Вязьма, Мещовск, Муром, Переславль, Ржева Владимирова, Руза, Ярославль; Волынские-Щепины – Вязьма; Волынцевы – Тверь; Воробины – Псков; Воробьевы (жильцы) – Кашин; Вороновы – новгородский род, Вологда; Вражские (Врасские, жильцы) – Руза; Выповские (жильцы) – Суздаль; Всеволожские – Владимир, Муром; Вырубовы – Вязьма; Высоцкие – Кострома; Вышеславцевы – Мещера; Вяземские, кн. – Кострома, Ярославль.

Гагарины, кн. – Белая, Веря, Рязань, Таруса; Гагарины-Постного, кн. – Боровск; Глебовы – Алексин, Медынь, Мещовск, Рязань; Голенищевы – Волок, Звенигород, Ржева, Торопец; Головачевы – Смоленск; Головины – Переславль-Залесский; Головленковы – Вязьма, Ржева Владимирова; Голохвастовы (жильцы) – Белая, Вязьма, Ржева Владимирова; Голочеловы – Коломна; Гомзяковы (жильцы) – Коломна; Горины (жильцы) – Коломна; Горихвостовы – Козельск, Новгород; Горчаковы, кн. – Алексин, Мещовск, Серпейск; Грабленые (жильцы) – Новгород; Гринева – Мценск, Стародуб; Грушецкие – Кашин; Грязные – Кашин, Углич; Губаревы (жильцы) – Переславль-Залесский; Губины – Вязьма, Кашира, Серпейск; Гундоровы, кн. – Рязань, Суздаль; Гурьевы – Белев, Болхов, Калуга, Таруса.

Давыдовы – Дорогобуж, Клин, Коломна, Руза, Серпейск, Тверь; Дашковы – Алексин, Серпейск; Дворяниновы – Козельск, Мещовск; Деевы, кн. – Дорогобуж; Демен-

твевы – Арзамас, Смоленск; Демьяновы – Зубцов; Денисьевы (жильцы) – Рязань; Дивовы – Смоленск; Дирины (жильцы) – Новгород; Дмитриевы – Кашира, Кострома, Рязань; Долгово-Сабуровы – Владимир, Ярославль; Долматовы-Карповы – Кострома; Доможировы – Нижний Новгород, Торжок; Дробышевы – Новосиль; Друцкие, кн. (жильцы) – Владимир, Кострома; Дубенские (жильцы) – Белая, Владимир, Дорогобуж, Коломна; Дубровские – Новгород; Дурные (Дурново) – Алексин, Калуга, Малоярославец; Дуровы – Калуга, Тула, Новгород-Северский; Дядины (жильцы) – Коломна;

Евские – Суздаль; Елецкие, кн. – Бежецкий Верх, Боровск, Новгород (Водская пятина), Тверь; Елчины (жильцы) – Можайск; Ельчаниновы – Дмитров, Ржева Владимировна, Суздаль; Епанчины – Арзамас, Тула; Ергольские (жильцы) – Боровск, Козельск; Еремеевы – Ростов, Новгород; Ермоловы – Арзамас; Еропкины – Белая, Мещовск; Ершевные (Ершовские, жильцы) – Суздаль; Есиповы – Болхов, Владимир, Зубцов, Рязань, Суздаль, Тула; Ефимьевы – Смоленск.

Жабины (жильцы) – Кострома; Жадовские – Вязьма, Кострома; Жедринские – Нижний Новгород; Желнинские (Желнынские) (жильцы) – Тверь; Желябужские (Желябовские) – Козельск, Перемышль; Жемчужниковы – Перемышль, Серпейск; Жеребцовы – Ржева Владимировна; Жеребятичевы – Юрьев-Польский; Жеряпины-Ушатые, кн. – Ярославль; Жидовиновы – Смоленск; Житовы – Рязань; Жоховы (жильцы) – Ярославль; Жуковы – Лух, Юрьев-Польский.

Заболоцкие – Юрьев-Польский; Загоскины – Новгород; Загряжские – Боровск, Верея, Калуга и Коломна; Зайцевы-Бирдюкины – Ярославль; Замыцкие (Замытцкие) – Боровск, Бежецкий Верх, Дорогобуж, Медынь Можайск, Юрьев-Польский; Засекины, кн. – Белев, Кашира; Засекины-Жировые, кн. – Ярославль; Засекины-Солдичевы, кн. – Мещера, Муром; Засецкие – Дорогобуж; Захаровы (жильцы) – Кострома, Смоленск; Збарецкие, кн. – Кострома; Звенигородские, кн. – Дорогобуж, Руза, Серпейск, Смоленск; Зеленые (Зеленово) – Медынь, Торопец; Зензевитовы (Зезевитовы) – Переславль-Залесский; Зиновьевы – Болхов, Брянск, Галич; Злобины – Нижний Новгород, Ярославль; Зловидовы – Владимир; Змеевы – Калуга, Коломна, Мещовск, Тверь; Зубатые – Кострома; Зубовы – Переславль-Залесский, Смоленск; Зыбины – Белев, Лихвин, Тула; Зюзины – Арзамас, Кострома.

Ивановы – Дорогобуж; Ивашевы – Муром; Ивашкины – Тула; Игнатьевы – Коломна, Медынь, Ржева Владимировна, Серпейск, Торопец, Тула; Извольские – Таруса, Тула; Измайловы – Рязань, Старица; Изъединовы – Тверь; Ирецкие (жильцы) – Тверь; Исаковы – Кострома; Исканские – Таруса; Исленьевы – Вязьма, Дорогобуж, Можайск; Исуповы – Арзамас, Брянск, Кашира.

Казимеровы (жильцы) – Суздаль; Кайсаровы (Койсаровы) – Белая, Суздаль, Юрьев-Польский; Калачовы (жильцы) – Юрьев-Польский; Калитины (жильцы) – Алексин, Галич, Переславль, Тверь; Камынины (Комынины) – Мещовск, Серпейск; Капустины (жильцы) – Воротынский; Карамышевы – Волок и Ржева Пустая; Карауловы – Муром; Карбышевы – Юрьев-Польский; Каргашины – Тула; Карповы – Кашира, Калуга; Карташовы – Белев, Одоев; Кафтыревы – Кострома; Кашинцевы (жильцы) – Можайск; Кашкаровы (Кошкаровы, жильцы) – Арзамас, Кашин, Мещовск; Квашнины – Бежецкий Верх, Дорогобуж, Новгород (Шелонская пятина), Ржева Владимировна; Квашнины-Самарины – Владимир, Калуга; Кикины – Рязань; Киреевы – Тула; Киреевские – Белев; Кирекрейские (Керекрейские) – Воротынский; Киселевы – Муром; Кисленские – Тула; Кишенские (Кишинские, жильцы) – Кострома; Кишкины (жильцы) – Можайск, Суздаль; Клешнины – Волок; Климентьевы (Клементьевы) – Алатырь; Клокачевы – Смоленск; Княжнины (жильцы) – Бежецкий Верх; Кобылины – Вязьма, Зубцов, Ржева Владимировна; Кобыльские – Смоленск; Кобяковы (жильцы) – Боровск, Вязьма, Рязань; Ковригины (жильцы) – Кашин, Руза; Ковровы, кн. – Суздаль; Кожины – Кашин; Кожуховы (жильцы) – Солова; Козинские (жильцы) – Суздаль; Козловские, кн. – Кострома, Романов, Суздаль; Коковинские – Вязьма; Коковцевы (жильцы) – Новгород; Кокоревы – Рязань; Колединские – Дорогобуж, Зубцов, Старица; Колемины (жильцы) – Таруса; Колзаковы – Владимир; Колобовы – Суздаль; Кологривовы – Алексин,

Белев, Лихвин; Колтовские – Кашира, Коломна, Рязань, Серпейск, Таруса; Колупаевы (жильцы) – Одоев; Колычевы – Белая, Боровск, Галич, Дорогобуж, Новгород (Водская пятна); Комынины – Серпейск; Кондыревы – Калуга, Мещовск; Коновницыны – Новгород; Копнины – Муром, Суздаль; Коркодиновы, кн. – Вязьма, Дорогобуж, Таруса; Коробины – Рязань; Коротневы (жильцы) – Вязьма; Корсаковы – Смоленск; Косаговы (Косоковы, Касаговы, жильцы) – Юрьев-Польский; Костяевы (жильцы) – Кашира; Кошелевы (жильцы) – Козельск, Лихвин; Кошкины (жильцы) – Нижний Новгород; Красные (Красного) – Великие Луки; Кречетниковы – Арзамас, Нижний Новгород; Кривские (жильцы) – Белая, Звенигород, Зубцов, Ржева Владимирова; Кривцовы (жильцы) – Болхов, Мценск; Кропоткины, кн. – Новгород (Деревская пятна), Тверь; Крюковы – Переславль-Залесский, Тула; Кубасовы (жильцы) – Тверь; Кувшиновы – Кашин; Кудрявцевы (жильцы) – Зубцов, Тверь; Кудрявые (жильцы) – Коломна, Суздаль; Кузенева – Брянск; Кузминские (жильцы) – Тверь; Кузьмины – Смоленск; Кузьмины-Караваевы – Владимир; Кукарины – Углич; Кульневы – Мещовск; Куредовы (жильцы) – Арзамас, Юрьев-Польский; Кутузовы – Звенигород, Кострома, Мещовск, Таруса; Кучины (жильцы) – Переславль-Залесский; Кушелевы – Торопец.

Лавровы (жильцы) – Калуга, Серпейск; Лазаревы – Кашин, Суздаль; Ларионовы (жильцы) – Можайск; Ласкиревы – Дмитров; Лачиновы – Мещера; Левашовы – Арзамас, Белая, Рязань, Старица; Левшины (жильцы) – Белев, Руза; Ленины – Смоленск; Леонтьевы (Левонтьевы) – Кашира; Линева – Кострома, Ржева Владимирова, Суздаль; Литвиновы (жильцы) – Путивль, Ржева Владимирова; Лихаревы – Вязьма, Кашира, Ржева Пустая, Рязань; Лихачевы – Торопец; Ловчиковы – Бежецкий Верх, Владимир, Перемышль; Лодыгины – Новгород, Ржева Владимирова, Рязань; Лодыженские – Алексин, Белев, Воротынский, Вязьма, Козельск, Лихвин, Перемышль; Лопухины – Мещовск; Лошаковы (жильцы) – Зубцов; Лукины (жильцы) – Болхов; Лупандины – Новгород; Лызловы – Смоленск; Лыковы – Белая, Волок; Львовы – Дмитров, Почеп, Торжок, Ростов; Львовы, кн. – Галич, Пошехонье; Ляпуновы – Рязань.

Майковы – Галич; Малыгины (жильцы) – Ярославль; Мансуровы – Калуга, Кострома, Мещовск; Марковы – Боровск, Владимир, Ярославль; Мартохины (жильцы) – Вязьма, Зубцов; Марышкины – Владимир; Масловы – Тула, Рязань; Матовы – Воротынский; Матюнины (жильцы) – Нижний Новгород; Матюшкины (жильцы) – Новгород; Маховы – Тула; Машковы (Мошковы, жильцы) – Суздаль; Мезецкие, кн. – Владимир, Руза, Юрьев-Польский; Меншиковы (жильцы) – Суздаль; Мертвые (Мертвого) – Арзамас; Мещериновы – Владимир, Муром; Мещерские, кн. – Алексин, Боровск, Владимир, Кашира, Коломна, Рязань; Микулины – Вязьма; Милославские – Болхов, Переславль-Залесский, Новгород, Смоленск; Милюковы – Бежецкий Верх, Вязьма, Кашин, Руза, Суздаль, Тверь, Углич; Милюковы-Старово – Белая, Ярославль; Михалковы – Романов; Михневы (Михновы) – Тула; Мичурины (Мичюрины, жильцы) – Бежецкий Верх, Углич; Мишковы – Мценск; Мишурины (Мишюрины) – Коломна, Медынь; Можаровы – Рязань; Молвяниновы – Суздаль; Молчановы – Вязьма, Кашира, Суздаль; Монастыревы – Смоленск; Мономаховы (жильцы) – Бежецкий Верх; Морткины, кн. – Бежецкий Верх, Белая, Суздаль, Тверь; Москотиньевы – Владимир, Мещера; Мотовиловы – Арзамас, Ярославль; Мотякины (жильцы) – Рязань; Мунзорины (жильцы) – Зубцов; Муравьевы (жильцы) – Новгород; Мусины-Пушкины – Старица, Новгород; Мусоргские – Новгород, Великие Луки; Мышецкие, кн. – Торжок; Мякинины – Новгород; Мясные (Мясного) – Кашира, Тула; Мясоедовы – Брянск, Веря, Вязьма; Мятлевы – Вязьма, Мещовск; Мячковы – Воротынский, Зубцов, Романов, Юрьев-Польский.

Навалкины – Владимир; Нагие (Нагово) – Дмитров; Нармацкие (Нарматцкие) – Арзамас, Дорогобуж, Зубцов, Нижний Новгород; Нарышкины (жильцы) – Таруса; Наумовы – Белев, Вязьма, Кашин, Коломна, Медынь, Суздаль; Наумовы-Суворовы – Ржева Владимирова; Наумовы-Хрулевы – Медынь; Нащокины – Калуга, Кашира, Коломна, Ржева Владимирова; Недюревы (жильцы) – Владимир; Нееловы – Дорогобуж, Смоленск; Нелединские – Бежецкий Верх; Нелидовы – Галич, Кострома; Непейцыны – Бежецкий Верх, Вязьма, Кашин; Неплюевы – Новгород; Несвицкие (Несвитцкие),

кн. – Кострома; Нестеровы (жильцы) – Дмитров, Зубцов, Козельск, Малоярославец, Серпейск; Нечаевы (жильцы) – Рязань; Новгородовы (жильцы) – Ржева Владимирова; Новиковы (жильцы) – Кашира, Рязань; Новокшеновы (Новокрещеновы) – Владимир, Вязьма, Клин, Можайск, Новгород; Новосильцевы – Владимир, Кашин, Кострома, Медынь, Муром, Серпейск; Ногины (жильцы) – Псков; Норовы – Коломна.

Обернибесовы – Ржева Владимирова; Облязов (Облезов) – Дорогобуж; Оболенские, кн. – Новгород; Оболяниновы (Оболяниновы) – Новгород; Образцовы – Калуга; Обрезковы (Обресковы) – Ярославль; Обрютины – Ростов; Обьедовы – Торопец; Овцыны – Белая, Вязьма, Кострома, Можайск; Огалины (жильцы) – Кострома; Огаревы – Владимир, Кострома, Медынь; Огибаловы (жильцы) – Новгород, Псков, Ржева Владимирова; Одинцовы (жильцы) – Кострома; Озеровы (жильцы) – Зубцов; Ознобишины – Дорогобуж; Орловы – Дмитров; Отрепьевы (жильцы) – Галич; Отяевы – Калуга, Юрьев-Польский; Офросимовы (жильцы) – Тула; Охлабаевы (жильцы) – Новгород; Охотниковы – Белев; Опанины – Суздаль, Ростов; Ощерины (жильцы) – Ярославль.

Павловы – Кашира, Козельск, Пошехонье; Пазухины (жильцы) – Кострома; Палицыны – Кашира, Новгород; Панины – Козельск; Пановы – Арзамас, Кострома, Ярославль; Пашковы (жильцы) – Болхов, Тула; Перелешины – Галич; Перфирьевы (жильцы) – Смоленск; Пестовы (жильцы) – Коломна, Ярославль; Пестрые (жильцы) – Владимир; Петровы – Алексин, Вязьма, Кашира, Козельск; Петровы-Соловово – Рязань; Пивовы (жильцы) – Лух, Ярославль; Пильемовы – Зубцов, Старица; Писаревы (жильцы) – Кашира; Писаревы-Скорняковы – Кашира; Писемские – Тула; Племянниковы – Галич, Лихвин; Плещеевы – Алексин, Бежецкий Верх, Владимир, Кашин, Новгород (Шелонская пятина), Ржева Владимирова, Суздаль; Плещеевы-Мешковы – Суздаль; Плохие (Плохово, жильцы) – Дмитров; Плутневые (жильцы) – Ярославль; Поводовы (жильцы) – Лихвин, Ржева Владимирова; Погожие – Калуга, Ржева Пустая; Пожарские, кн. – Владимир, Лух; Пожарские-Лопатины, кн. – Владимир; Полевы – Кострома, Ржева Владимирова; Поленовы – Ярославль; Полибины – Волок, Торопец; Поливановы – Боровск, Малоярославец, Медынь, Можайск; Полозовы (жильцы) – Кострома; Полтевы (жильцы) – Медынь, Серпейск, Смоленск; Полтинины (жильцы) – Зубцов, Торжок; Порошины (жильцы) – Мещера, Суздаль; Посевьевы (жильцы) – Тверь; Постельниковы (жильцы) – Кашин; Потемкины – Смоленск; Приемковы-Ростовские, кн. – Белая, Вязьма, Ржева Владимирова, Рязань; Приклонские – Нижний Новгород; Проестевы – Коломна; Прокудины (жильцы) – Юрьев-Польский; Пронские-Рыбины, кн. – Дорогобуж; Прончищевы – Таруса; Протасовы (жильцы) – Мценск; Протасьевы – Мещера; Протопоповы – Дмитров, Звенигород, Суздаль; Пузиковы (жильцы) – Дмитров, Зубцов; Пуляевы – Новгород; Пустобояровы (жильцы) – Зубцов, Ярославль; Пуятинины, кн. – Арзамас, Зубцов, Можайск, Ржева Владимирова, Тверь; Пушечниковы – Алексин, Белая, Веря, Волок, Вязьма, Козельск, Старица; Пушкины – Алексин, Бежецкий Верх, Вязьма, Дорогобуж, Зубцов, Кашин, Медынь, Суздаль, Новгород (Шелонская пятина); Пушины (жильцы) – Кашира, Новгород, Тула; Пыжовы – Новгород; Пяты (Пятово) – Алексин, Тула.

Рагозины – Мценск; Радиловы – Зубцов, Тула, Кострома, Ярославль; Раевские – Серпухов, Калуга, Кашира; Ратиславские (Ротиславские, жильцы) – Кострома; Рахманиновы – Дорогобуж, Медынь; Редриковы – Суздаль; Резановы – Новгород; Ржевские – Белая, Вязьма, Дорогобуж, Рязань, Старица; Родионовы – Арзамас; Рожновы – Кашин и Можайск; Рожновы – Пушкины – Кострома, Ярославль; Розладины (Разладины) – Новгород; Ростопчины (Растопчины) – Клин, Тула; Рудаковы – Коломна, Медынь, Переславль-Залесский; Рудины (жильцы) – Ярославль; Румянцевы – Смоленск; Рчиновы – Алексин; Рыкуновы (жильцы) – Бежецкий Верх; Рябинины (Ребинины) – Ржева Владимирова.

Сабуровы-Долгово – Суздаль, Ярославль; Самарины – Новгород, Смоленск; Сафоновы (Софоновы) – Карачев; Свечины – Торжок; Свинарские (жильцы) – Муром; Свиныны – Галич; Свищевы – Мещера; Сеитовы, кн. – Ржева Владимирова; Секирины (Секерины) – Мещовск, Муром, Суздаль; Селеховские, кн. – Медынь; Селивановы –

Рязань; Сеславины (жильцы) – Галич; Симанские – Арзамас; Симоновы (Симановы) – Владимир, Суздаль; Скобельцыны – Арзамас, Вязьма; Сколковы (жильцы) – Кострома; Скрыпины (жильцы) – Муром; Скрябины – Суздаль; Скуратовы – Ржева Владимировна; Собакины – Бежецкий Верх, Звенигород, Кашин, Мещовск; Совины – Болхов, Зубов, Малоярославец, Медынь, Мещовск, Муром, Серпейск; Соймоновы (жильцы) – Серпухов; Соковнины – Лихвин; Солнцева – Кашира; Соловьевы (жильцы) – Арзамас, Вязьма, Нижний Новгород; Сомовы – Белев, Козельск, Лихвин; Сонины (жильцы) – Кашира; Спасители – Коломна; Спешневы – Бежецкий Верх, Болхов, Калуга, Рязань, Серпейск; Степановы (жильцы) – в ДТ по Кашире, Коломне, Рязани; Столыпина (жильца) – Муром; Стрелковы (жильцы) – Малоярославец; Стрешневы – Мещовск; Стромилковы (жильцы) – Владимир, Юрьев-Польский; Ступишины – Волок, Кострома; Судимантовы – Белая, Дмитров, Переславль; Суколеновы – Белая; Сульменевы (Сульменевы) – Болхов; Сумароковы (Сумороковы, жильцы) – Кострома; Сумины – Старица; Сунбуловы – Рязань; Супоневы – Кострома; Сурвацкие (Сурвоцкие) – Суздаль; Сурмины (жильцы) – Кострома; Сытины (жильцы) – Галич; Сьяновы – Бежецкий Верх, Дмитров, Кашин.

Танеевы (Тонеевы) – Владимир; Тарбеевы – Белая; Татаровы – Таруса; Татищевы – Дмитров; Тевяшевы (Тевяшовы, жильцы) – Ржева Владимировна; Телегины (жильцы) – Клин; Телесные (Телеснины, жильцы) – Лух; Теприцкие (Тепритцкие) – Суздаль, Ярославль; Тимашевы – Вязьма; Тимирязевы (Темирязевы, жильцы) – Лихвин; Тихменевы – Ярославль; Тихоновы – Дорогобуж; Товарищевы – Арзамас, Кострома, Нижний Новгород; Толбузины – Белая, Волок, Руза, Тверь; Толочановы – Серпейск, Брянск; Толстые (Толстоны) – Белев, Зубов, Кострома, Ржева Владимировна, Серпейск, Тула; Травины – Бежецкий Верх, Белая; Трегубовы (жильцы) – Смоленск, Суздаль; Трусовы – Новгород, Углич; Тургеневы – Брянск, Воротынский, Дмитров, Серпейск, Ярославль; Турские – Тверь; Тучковы – Кашин; Тушины – Ржева Владимировна; Тютчевы – Брянск; Тяпкины (жильцы) – Мещера.

Уваровы – Владимир, Кашира, Смоленск; Узкие (Уские, жильцы) – Новгород; Унковские – Можайск, Ржева Владимировна, Тверь; Усовы – Кострома, Можайск; Ухтомские, кн. – Пошехонье; Ушаковы – Бежецкий Верх, Кашира, Новгород, Тула.

Федцовы (жильцы) – Калуга, Козельск; Феофилаьевы (Фефилаьевы) – Юрьев-Польский; Филитовы – Рязань; Философовы – Смоленск; Фомины (жильцы) – Коломна, Суздаль; Фустовы – Кашира.

Харламовы – Ростов, Юрьев-Польский; Хвостовы – Новгород, Суздаль; Хвоцинские – Тула; Хирины (жильцы) – Рязань; Хитрые (Хитрово) – Алексин, Болхов, Вязьма, Калуга; Хлоповы – Дмитров, Козельск, Ржева Владимировна; Хлыстовы (жильцы) – Мещовск; Хметевские (жильцы) – Суздаль; Ходыревы – Алексин; Хомяковы – Тула; Хомяковы-Языковы – Таруса; Хоненевы – Владимир; Хотетовские, кн. – Болхов, Воротынский; Хотунские – Коломна; Хотяинцевы – Кашира, Коломна; Хохловы – Арзамас; Хрущевы (Хрущовы) – Кашира, Тула.

Чадаевы (Чедаевы) – Арзамас, Муром; Чаплины – Дмитров; Чебышевы – Серпейск; Чеглоковы (Чоглоковы) – Ржева Владимировна, Торопец; Челищевы – Малоярославец, Медынь, Торопец; Челюсткины – Алексин, Дорогобуж, Серпейск; Чемесовы – Арзамас, Верей; Чемодановы – Суздаль; Чепчугов (Чепчугов) – Вязьма, Тула; Чередовы – Галич; Черницыны (жильцы) – Лух; Чернышевы – Коломна, Медынь; Чертковы – Муром; Чертовы (Чортовы, жильцы) – Коломна, Кострома, Мценск; Чириковы – Ярославль; Чирковы (жильцы) – Муром; Чихачевы (Чихачовы) – Новгород (Бежецкая пятинка), Смоленск, Торопец; Чичерины – Козельск, Лихвин; Чубаровы (жильцы) – Кашин, Мещера; Чулиндыны (жильцы) – Руза; Чулковы (Чюлковы) – Кострома и Тула.

Шанские (жильцы) – Галич; Шапиловы – Коломна, Можайск, Тверь; Шарапковы – Калуга; Шафровы (жильцы) – Суздаль; Шаховские (Шеховские), кн. – Зубов, Козельск, Торопец, Суздаль; Шаховы (жильцы) – Кострома; Шелешпальские (Шелешпанские), кн. – Пошехонье, Ярославль; Шенкурские (Шенгурские) – Юрьев-Польский, Кострома; Шепелевы – Белая, Козельск; Шестаковы – Кострома, Смоленск; Шестовы

(Шестово) – Кострома; Шетневы – Кострома, Ярославль; Шехонские, кн. – Суздаль, Ярославль; Шиловы (жильцы) – Суздаль; Шиповы – Галич; Ширины – Зубцов, Коломна; Шишеловы (жильцы) – Муром, Суздаль; Шишкины – Смоленск; Шишковы – Тверь, Торжок; Шокуровы (жильцы) – Дмитров, Кострома; Шушерины – Смоленск.

Щепины (жильцы) – Кострома; Щепотевы (жильцы) – Кашира; Щербачевы – Козельск; Щетинины, кн. – Коломна, Рязань.

Юматовы (жильцы) – Владимир, Муром; ЮрENEвы – Вязьма, Коломна; Юрловы (жильцы) – Звенигород; Юрьевы – Дорогобуж, Смоленск; Юсуповы, кн. – Кашира; Юшковы – Белев, Козельск.

Яблочковы – Мещовск, Тула; Язвецовы – Рязань; Языковы – Белая, Мещера, Мещовск, Смоленск; Яковлевы – Калуга, Козельск, Мещовск; Якушкины – Вязьма, Дорогобуж; Ярлыковы – Кострома; Ярцевы (Ярцовы) – Кострома, Таруса; Яхонтовы – Ярославль.

Приложение 2

Алфавитный список родов московского дворянства и жильцов рубежа 1620–1630-х гг., появившихся в составе Государева двора и жилищной корпорации в эпоху Смуты

Аверкиевы (Дорогобуж), Алфимовы (Нижний Новгород), Ансимовы (Кашин), Арсеньевы (Тула), Баскаковы (Смоленск), Башковские (жильцы, Смоленск), Березниковы (жильцы, Галич), Булыгины (жильцы, Переславль-Рязанский), Биркины (Переславль-Рязанский), Бутиковы (Алексин), Бухаровы (жильцы, Ярославль), Васильевы (Орел), Высоцкие (Кострома), Головачевы (Новгород, Шелонская пятинна), Демьяновы (Зубцов, Углич), Дивовы (Смоленск), Дядины (Коломна), Елчины (Белая, Можайск), Ершовские (Суздаль), Жадовские (Кострома), Жидовиновы (Смоленск), Загоскины (Новгород), Ивашевы (Кострома), Калачовы (Юрьев-Польский), Карбышевы (Юрьев-Польский), Киреевы (Тула), Киреевские (Белев), Кожуховы (Солова), Колобовы (Суздаль), Коротневы (Вязьма), Кривские (жильцы, Звенигород, Ржева Владимирова), КузENEвы (Брянск), Куроедовы (жильцы, Алатырь, Арзамас, Юрьев-Польский), Кучины (жильцы, Переславль-Залесский), Лавровы (жильцы, Серпейск), Лачиновы (Мещера), Лихачевы (Вязьма, Ржева Пустая), Майковы (Галич), Мартюхины (Вязьма), Машковы (Мошковы, жильцы, Суздаль), Меньшиковы (жильцы, Суздаль), Мишковы (Мценск), Недюевы (жильцы, Владимир), Николаевы (Миколаевы, Мещовск), Новгородовы (жильцы, Ржева Владимирова), Обедовы (Торопец), Ортаковы (жильцы, Медынь), Офросимовы (жильцы, Тула, Стародуб), Охотниковы (Белев), Пазухины (жильцы, Кострома), Перфирьевы (жильцы, Смоленск, Галич), Пестрые (Владимир), Полозовы (жильцы, Кострома), Пузиковы (Дмитров, Зубцов), Пуляевы (Новгород), Пустошкины (Новгород, Бежецкая пятинна), Ратиславские (Кострома), Резановы (Новгород), Родионовы (жильцы, Арзамас), Рожновы-Пушкины (Ярославль, Кострома), Свинарские (жильцы, Муром), Сеславины (жильцы, Галич), Скорняковы-Писаревы (Кашира), Скрыпины (жильцы, Муром), Сонины (жильцы, Кашира), Стрелковы (жильцы, Малоярославец), Сытины (Галич), Танесевы (Тонесевы, Владимир), Татьянины (Псков), Телесные (жильцы, Лух), Турские (Тверь), Филитовы (Рязань), Философовы (Смоленск), Хлыстовы (жильцы, Мещовск), Хотяинцевы (Кашира), Чирковы (Муром), Шиловы (Галич), Ширины (Коломна, Зубцов).

Примечания

¹ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 430–431.

² *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962; *он же.* «Книги разрядные» («подлинники») 1613–1636 гг. // Исторические записки. Т. 97. М., 1976. С. 290–303; *он же.* «Дворцовые разряды» первой половины XVII века // Археографический

ежегодник за 1975. М., 1976. С. 252–258; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985; *он же.* Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // История и генеалогия. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 80–115; *он же.* Состав Опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 16–91; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975; *Документы первой крестьянской войны в России / Публ. подг. В.И. Корецкий, Т.Е. Соловьева, А.Л. Станиславский // Советские архивы. 1982. № 1. С. 34–41; Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 153–193; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа. Сост. С.П. Мордовиной, А.Л. Станиславским. Ч. 1–2. М., 1979; *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // *Актовые источникиведение. Сборник статей.* М., 1979. С. 123–152.

³ *Crummey R.O.* The Latest from Muscovy // *The Russian Review* 60 (October 2001). P. 477.

⁴ *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, N.J., 1983; *Poe M.T., Kosheleva O., Russell M., Morozov B.* The Russian Élite in the Seventeenth Century. Vol. 1; The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian «Sovereign's Court» 1613–1713. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, 322. Finnish Academy of Science and Letters, Helsinki, 2004.

⁵ *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992; *Павлов А.П.* Комнатные стольники царя Михаила Романова // *Времена и судьбы. Сборник статей в честь 75-летия В.М. Панеяха.* СПб., 2006. С. 73–96; *он же.* Стольники как чин государева двора в царствование Михаила Федоровича Романова // *Cahiers du monde russe. 2010/2–3 (Vol. 51).* P. 211–240.

⁶ *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. См. также: Боярская книга 1627 г. М., 1986; Боярская книга 1639 г. М., 1999; Боярская книга 1658 г. М., 2004; *Жаринов Г.В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // *Архив русской истории.* М., 2007. Вып. 8. С. 382–483.

⁷ *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford University Press, 1996; *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000; *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.

⁸ *Савелов Л.М.* Родословные записи. (Опыт родословного словаря русского древнего дворянства). Вып. 1–3. СПб., 1906–1909.

⁹ *Сторожев В.Н.* Десятни как источник для изучения истории русского провинциального дворянства в XVI и XVII вв. (историко-юридическая заметка) // *Юридический вестник.* 1890. Т. 4. Кн. 3. С. 487–497; *он же.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1891. Т. 1.

¹⁰ См.: *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 123–152; *Павлов А.П.* Боярские списки 30–40-х гг. XVII в. // *Россия XV–XVIII столетий. Сборник статей.* Волгоград; СПб., 2001. С. 136–185; *он же.* Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы житецкого разбора 1643 г.) // *Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева.* СПб., 2002. С. 308–406; *Жаринов Г.В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года. С. 382–483.

¹¹ Эти источники хранятся, в основном, в разделе «дела десятен» описи Ф. 210 (Разрядный приказ) в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (опись десятен XVI–XVII вв. составлена В.Н. Сторожевым еще в XIX в.) и в Эрмитажном собрании Российской национальной библиотеки в Петербурге. См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1894. С. 19–79; *Альшиц Д.Н.* Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI–XVII вв.: Описание. М., 1968. См. также: *Козляков В.Н.* Десятни служилых «городов» второй половины XVI – начала XVII века как исторический источник // *Источниковедение: поиски и находки. Сборник научных трудов.* Вып. 1. Воронеж. 2000. С. 34–56.

¹² *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.

¹³ Подробнее см.: *Козляков В.Н.* Десятни служилых «городов»... С. 34–56.

¹⁴ *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора... С. 60, 63.

¹⁵ Боярский список 1606–1607 гг. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 132–155.

¹⁶ Боярский список 1611 г. // Сборник Археологического института. Т. 6. СПб., 1895; Боярский список 1610–1611 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1909. Кн. 3. С. 73–103.

¹⁷ Булычев А.А. О боярском списке 7119 (1610/11) г. // Археографический ежегодник за 1986. М., 1987. С. 69–74.

¹⁸ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 128–137.

¹⁹ Не встречается также имя Матвея Васильевича Безобразова – выборного дворянина из Стародуба, служившего в головах в Монастыревском остроге. Как известно, эта крепость одна из первых перешла на сторону Лжедмитрия I в конце 1604 года: См.: Боярский список 1602/03 годов // Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора... С. 258–291.

²⁰ Станиславский А.Л. Труды по истории Государева двора... С. 247–248.

²¹ См. публикацию В.П. Мальцевым смоленской десятины 114 г.: *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940. Приложение. С. 364–421; *он же.* Смоленская десятина 1606 г. как памятник раннего периода крестьянской войны в России в начале XVII в. // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963. С. 338–345; *Александров С.* Смоленская осада 1609–1611. М., 2011. С. 48–50.

²² ОР РНБ, Эрмитажное собрание, д. 394, л. 1–220; РГАДА, ф. 210 (Новгородский стол). Столбцы, д. 1, л. 1–112; *Готье Ю.В.* Десятни по Владимиру и Мешере 1590 и 1615 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 1. С. 51–89; *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства... С. 82–83; *он же.* Новгородская десятина 1619 г. как исторический источник // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1992. С. 49–51; Народное движение в России в эпоху Смуты... С. 242–283; *Павлов А.П.* Сысной список тверских дворян и детей боярских 1613 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 203–222; *Гневашиев Д.Е.* «Сыские списки» вологодских дворян и детей боярских. 1606–1613 гг. // Исторический архив. 2007. № 5. С. 185–196.

²³ *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617). М., 1912; Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. Т. 15. СПб., 1894; Т. 28. М., 1912; Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983.

²⁴ См.: *Козляков В.Н.* Служилый «город»... С. 86–95.

²⁵ Боярская книга 1627 г.

²⁶ РГАДА, ф. 210 (Столбцы Московского стола), д. 1135.

²⁷ Там же, д. 842, 846, 852. См. также: *Павлов А.П.* Ценный источник... С. 308–406.

²⁸ См.: *Козляков В.Н.* Служилый «город»... С. 95–108.

²⁹ См.: РГАДА, ф. 210 (Столбцы Московского стола), д. 49; Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1849. Кн. 4. Смесь. С. 18. См. также публикацию: Смета военных сил Московского государства на 1632 год (Сметный список 140 году) // Военно-исторический вестник. 1910. № 9–10. С. 49–86. Составитель сметы 140 г. распределил «города» по нескольким разделам. Во-первых, Владимир, Нижний Новгород, Кострома, Тверь с соседними «малыми» уездными корпорациями, а также Дорогобуж, Белая, Волок, Руза, Звенигород, Алатырь и Курмыш. Всего в этих городах, по смете 140 г., служило 5 987 человек. К ним примыкали «города» Ярославль, Переславль, Ростов, Вязма, Можайск, также получившие жалованье «на Москве». Этим служилым людям насчитывалось 1 405 человек и их отличало то, что они «на государеве службе живут в Вязме, перемаясь на 4 перемены на 4 месяца». Другая часть русского войска разбиралась в городах. 749 человек – в Калуге, 2 780 – в Туле, 1 893 – в Мценске, 2 816 человек – в Рязани. Там же они получали денежное жалованье. Третья группа «городов» не проходили разбор, а получили только жалованье в 10 рублей. Это часть «городов» от Немецкой укранны – Торопец, Луки, Ржева Пустая, Невель, в количестве 421 человека, и Северские города – Брянск, Стародуб, Почеп, Рославль, Рьльск, Новгород-Северский, Чернигов, Путивль – 1 300 человек (в подсчетах не учтены сведения об атаманах и казаках, служивших вместе в этими «городами»). Некоторые «города» прошли разбор, но не получили жалованья. Это Новгород – 1 028 человек, Псков – 169, Ржева Пустая – 79, Епифань – 142 и 8 человек из Каширы. И, наконец, дети боярские, станичники, атаманы и казаки Белгорода, Оскола, Валуйки, Воронежа, Курска, Ельца, Ливен и Лебедяни, насчитывавшие около 4,5 тыс., не участвовали в разборе, так как получали ежегодное денежное жалованье.

³⁰ *Павлов А.П.* Государев двор... С. 17–18.

³¹ См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988; *Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов.* М., 2011.

³² Здесь и далее слово «жилецы» означает, что члены этого рода на рубеже 1620–1630-х гг. стали входить только в жилецкую корпорацию, а не в Государев двор (по причине отдельного ведения боярских и жилецких списков).

³³ См.: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. Из перечисленных родов в дьяках центральных приказов в начале XVII в. служили: Бохины, Евдокимовы (Истомины), Кашкины, Максимовы, Матюшкины, Митусовы, Нальяновы, Радцовы, Романчуковы, Талызины. См.: *Лузейцев Д.В.* Указ. соч. С. 585–636.

³⁴ Показательно, что это наблюдение справедливо в отношении даже некоторых родов, входивших в элиту русского дворянства (например, Вельяминовы, Волынские, кн. Звенигородские, кн. Засекины, кн. Мезецкие, Плещеевы и др.).

³⁵ Всего, по подсчетам Павлова, проанализировавшего состав «выбора» конца XVI – начала XVII в., их было 680 человек из 1 100 всех членов двора в 1588/89 г., еще 850 имен выборных дворян встречается в источниках в 1602–1604 гг. При этом надо сделать поправку на то, что в распоряжении исследователей находятся неполные сведения о составе выборных дворян конца XVI – начала XVII в. См.: *Павлов А.П.* Государев двор... 1992. С. 119–131. Приношу благодарность А.П. Павлову за предоставленную возможность использовать составленный им «Алфавит членов государева двора 1604–1645 гг.»

³⁶ Правящая элита... С. 331–332.

³⁷ См.: *Kozliakov V.* The Evolution of the Gentry in Russia in the 17th Century, *Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser.* Bloomington, 2010. P. 305–314.

³⁸ См.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.

³⁹ *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора... С. 219.

⁴⁰ Некоторые рода имели своих представителей, служивших «по выбору» и в других «городах».

⁴¹ См.: *Готье Ю.В.* Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. М., 1910. С. 11.

⁴² Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 194.

⁴³ *Сташевский Е.Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1912. № 360.

⁴⁴ Правящая элита... С. 332–333. В 1630-е гг. непосредственно «из володимирцов» в состав московского дворянства вошел Иван Несмеянов Зловидов, открывавший список выборных дворян по Владимиру в Боярской книге 1627 г. (Боярская книга 1627 г. С. 118). Следующее подобное назначение состоялось только в 156 (1647/48) г., когда в московские дворяне был пожалован Игнатий Никитич Бестужев. Судя по тому, что в следующем 157 г. он получил придачу поместного и денежного окладов «за литовское полонское терпение» (Боярская книга 1639 г. С. 211), это происшествие и могло послужить основанием для его перевода в Москву вместо службы с «городом». Впрочем, представители рода Бестужевых служили еще в первом составе владимирского «выбора» в 1588/89 г., что уже само по себе давало И.Н. Бестужеву серьезные основания для челобитной о записи в «московский список». Он также успел послужить в стольниках у патриарха Филарета в 1631–1633 гг., далее был записан в жилецкую службу, а после 1643 г. служил в выборе по Владимиру.

⁴⁵ *Изымов А.* Жилецкое землевладение в 1632 году. М., 1913; *Сташевский Е.Д.* Указ. соч.

ПОЖАРСКИЙ И ШУЙСКИЕ ОТЗВУК ТРАГЕДИИ 1610 ГОДА

20 октября 1631 г. в Поместный приказ поступил указ от «великого государя патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии», согласно которому следовало зарегистрировать покупку вотчины боярином кн. Иваном Ивановичем Шуйским у боярина кн. Дмитрия Михайловича Пожарского. На первый взгляд – рутинная торговая сделка, и неясно, какое отношение имел к ней государев отец и глава русской Церкви. Однако чтение самого документа приоткрывает завесу над историей, истоки которой восходят к событиям эпохи Смутного времени. Кто контрагенты сделки? Два члена Боярской думы – Дмитрий Михайлович Пожарский и Иван Иванович Шуйский. Первый – герой освободительного движения, чьи деяния не имеет смысла перечислять, второй – последний представитель знатнейшей семьи, младший брат неудачливого царя, долгое время пробывший в плену в Польше, и единственный из троих братьев, вернувшийся на родину (царь Василий Иванович и его брат Дмитрий умерли в плену). Что же покупает князь Иван Шуйский? Село Новосильцево в Манатыне, Быкове и Коровине стане Московского уезда было, как явствует из приложенных к делу выписок из приправочных книг Московского уезда с «писцовых книг письма и меры Тимофея Хлопова с товарищи 93-го и 94-го году» (1584/85 и 1585/86 гг.), старинной вотчиной боярина кн. Василия Федоровича Скопина-Шуйского¹. Этот предпоследний представитель ветви Скопиных-Шуйских, видный вельможа конца XVI в., участник обороны Пскова от Стефана Батория, умер еще в 1595 г., оставив жену, княгиню Алену Петровну, урожденную княжну Татеву, и 8-летнего сына Михаила². Земли эти перешли к наследнику, о чем говорится в деле – «а после было за сыном его за боярином за князем Михаилом Васильевичем». 4 апреля 1610 г. надежда династии Шуйских, двадцатитрехлетний князь Михаил трагически умирает после победоносного похода в Москве. Согласно общему мнению, он отравлен родственниками, предположительно царским братом Дмитрием Шуйским и его женой Екатериной Григорьевной, в девичестве Скуратовой-Бельской.

Село Новосильцево остается матери – «за княгинею за старицею Анисьею» – Алены Петровна постриглась в Суздальском Покровском монастыре, взяв имя Анисья, а ее невестка, вдова сына, княгиня Александра Васильевна, урожденная Головина, стала там же инокиней Анастасией³. Неизвестно, каково было имущественное положение инокини Анисьи Скопиной-Шуйской. В 1613/14 г. она вместе с невесткой вложила в Троице-Сергиев монастырь по душе кн. Михаила Васильевича две вотчины в Переяславль-Залесском уезде – селца Расловское и Микульское стоимостью в 400 руб.⁴ Обе женщины тогда еще не были монахинями, они фигурируют в документе как княгини; когда они постриглись, неизвестно. Позднее известно только одно владение Алены Петровны. По писцовым и межевым книгам Г.И. Бобрищева-Пушкина и Г. Непейцына «за старицею княгинею Анисьею княж Михайловою матерью Васильевича Шуйского старинная их вотчина селцо Новосильцево на реке на Клязьме» в 164 чети в Быкове и Коровине стану⁵. Однако и с ним ей пришлось расстаться. В патриаршем указе говорится, что «княгиня старица Анисья тое вотчину село Новосильцево с пустошми заложила у боярина у князя Дмитрея Михайловича Пожарского в двусот рублях»⁶. Мы не знаем, когда это произошло, поскольку заложенные вотчины продолжали числиться за владельцами, а оно числится за ней и в 1628/29 г.⁷ Но одно из условий залога выясняется по записи о погребении княгини. В 1631 г. «июля в 26 день по иноке Анисье

* Эскин Юрий Моисеевич, заместитель директора Российского государственного архива древних актов.

Петровне Шуйской Скопине дал вкладу боярин Дмитрий Михайлович Пожарской денег 50 рублей, и за тот вклад тело княгини иноки Анисьи погребли у Живоначальные Троицы в Большом монастыре»⁸. Пожарский, вероятно, исполнил ее волю, приняв на себя обязанности, которые должны были пасть на родственников. Но почему он? Вряд ли мы узнаем причины. Каковы были их отношения?

Известны свидетельства кн. Б.М. Лыкова 1608 г., когда во время возобновленной местнической тяжбы с кн. Д.М. Пожарским, он напоминал любившему сплетни и «ушничества» царю Василию, что около 1600–1601 гг. кн. Пожарский и его мать, княгиня Евфросинья-Мария Федоровна Пожарская, доносили царю Борису Годунову, что «бутто... мать моя, съезжаючись со князь Васильевою княгинею Федоровича Шуйского Скопина со княгинею Оленою и будто ся розсуждают про нее царицу Марью и про царевну Оксенью злыми словесы», за что Лыков и претерпел опалу⁹. Интересно, что самого Лыкова Пожарский якобы обвинял в том, что тот «рассуждает и умышляет всякое зло» о царе Борисе в разговорах с князьями Голицыными и Борисом Петровичем Татевым¹⁰. Причины злословить у кн. Лыкова имелись. Лыковы были близки к опальным Романовым, а вдова кн. В.Ф. Скопина-Шуйского не могла не помнить, как ее покойного мужа Борис Годунов лишил наместничества – кормления в Каргополе¹¹. Заметим, что княгиня Алена Петровна Скопина-Шуйская была сестрой кн. Бориса Петровича Татеева¹², а последние принадлежали к роду Стародубских князей, как и Пожарские, и интриговать против своего однородца мать Дмитрия Михайловича, верховая боярыня при царевне Ксении, скорее всего, остереглась бы.

Нам ничего не известно о каких-либо отношениях между кн. М.В. Скопиным-Шуйским и кн. Д.М. Пожарским. Они вместе служили при дворе Лжедмитрия I, но Пожарский оставался, как и при прежнем царе, стольником, а князь Михаил получил заново учрежденный чин «мечника»¹³. На картине из Будапештского национального музея, изображающей прием посольства Н. Олесницкого, можно разглядеть его статную фигуру, в высокой боярской шапке и коротком польском кафтане, с государственным мечом в руках подле трона Лжедмитрия I¹⁴. Лицо, к сожалению, закрывает лезвие меча. Оба князя никак не заявили о себе во время переворота 17 мая 1606 г. В боях с И.И. Болотниковым в 1606 г. под Москвой кн. Дмитрий Пожарский был одним из голов под началом кн. Михаила Васильевича, много более молодого, но высокородного воеводы¹⁵. В Новом Летописце неосторожность и политическая неопытность Скопина-Шуйского противопоставляется осмотрительности и неколебимости Пожарского, достаточно сравнить их поведение в случае почти одинаковых провокаций П.П. Ляпунова. Первый отказывается от борьбы с царем, но не доносит, второй реагирует так же отрицательно, но сообщает о словах Ляпунова Василию Шуйскому (а Ляпунов призывает его, между тем, мстить именно за смерть Скопина) и требует подкреплений¹⁶.

Вряд ли мы сможем установить, когда и почему последняя представительница рода Скопиных-Шуйских решила заложить вотчину, и на что ей понадобились эти двести рублей. Ее сын владел большими вотчинами в шести уездах (всего – 4 441 четверть), и они в 1613 г. еще принадлежали его вдове Александре, умершей в 1619 г.¹⁷ Неясно, что из этих владений унаследовала свекровь, как она их лишилась, и почему ей пришлось искать деньги. Возможно, это было обусловлено пострижением в аристократическом Суздальском Покровском монастыре. Косвенно выбор ею кн. Пожарского как заимодавца свидетельствует против инсинуаций кн. Лыкова. Впрочем, все фигуранты тогдашней истории еще были живы – и княгиня старица Анисья Скопина-Шуйская, и мать Пожарского старица Евзника Пожарская прожили сравнительно долго¹⁸; но не исключено, что события последующих 30 лет кардинально изменили их отношения. Возможно, Пожарский заплатил за село не 200, а 250 рубл., с учетом суммы вклада за погребение старицы Анисьи на почетном освященном месте в Троице-Сергиевом монастыре, но может быть, 50 руб. были из закладной суммы. Род Скопиных-Шуйских пресекался, а семья инокини Анисьи – племянники кн. Петр (ум. в 1617 г.), Федор и Сергей Борисовичи Татевы (ум. в 1630 г.)¹⁹, возможно, не располагали требуемой суммой. Кн. Пожарский же был к тому времени весьма богат²⁰.

Боярин кн. Иван Иванович Шуйский вновь появляется в Москве после размена пленными в 1617 г. Личность малосимпатичная, с детским прозвищем «Пуговка», он бездарный военачальник, венец его карьеры – сокрушительное поражение вверенного ему 15–20-тысячного войска у села Рахманцево 10-тысячным отрядом гетмана Я.П. Сапеги²¹. Зато в артистических способностях ему отказать нельзя. Когда пленных Шуйских представляли Сигизмунду III, Василий сдержанно поклонился, Дмитрий по московскому этикету бил челом, опустив руку до земли, а Иван троекратно бил челом и навзрыд плакал, чем вызвал симпатию короля и сенаторов. Когда в сентябре 1612 г. царь Василий, его брат Дмитрий и жена последнего Екатерина Григорьевна почти одновременно умерли, Иван Иванович выжил²². По возвращении в Россию он восстановлен в Боярской думе, ему возвращены огромные семейные владения – 10 родовых вотчин: десятки сел и деревень в семи уездах, сотни крестьянских дворов, тысячи четвертей земли²³. К нему логичнее всего было бы обратиться вдове Скопиной-Шуйской. Иван Иванович, вероятно, охотно купил бы родовую вотчину, округляя свои владения. Часть вотчин кн. М.В. Скопина ему каким-то образом достались (села Ивановское и Семеновское в Суздальском уезде)²⁴.

Косвенным доказательством того, что вотчину кн. И.И. Шуйскому продать не желали, является именно поспешность приобретения ее сразу после смерти старицы Анисьи. 19 июля 1631 г. она умерла, 26 июля погребена в Троице. Уже 20 октября кн. Иван Иванович обращается к патриарху, вероятно, используя старые связи, в том числе совместное пребывание в плену, дабы надежнее использовать право родового выкупа. В противном случае непонятно, зачем Шуйскому понадобилось обращаться в патриаршее ведомство. 29 октября сделка уже была совершена. Патриарх Филарет, возможно, несколько надавил на Пожарского, который получил обратно сумму заклада и вернул Ивану Шуйскому село. Судя по документам, оплачивать вклад по княгине и ее погребение родственник не стал, но Дмитрию Михайловичу не впервой было оказываться в финансовом убытке. Напоминать же об этом он, возможно, счел ниже своего достоинства. А вот причина отказа княгини продать село Ивану Шуйскому могла быть только одна. В то время ходили слухи о его участии в интригах 1610 г., и хотя основным виновником отравления кн. Михаила Васильевича называли рвавшегося к престолу кн. Дмитрия Шуйского, но участие кн. Ивана тоже отмечалось современниками²⁵: «дядя же его князь Дмитрий Иванович Шуйской с братьею и со княгинею велию» злону имяху на него, чающи того, якобы он желает быти царем», «и сему князю Михаилу позавидеша три братия, а ему дядя, его славе и чести, и оклеветаша его царю»²⁶. Недаром, по слухам того времени, Алена Петровна предупреждала сына – «и колько я тебе, чадо, в Александрову слободу приказывала – не езди во град Москву, что лихи в Москве звери лютые, а пышут ядом змеинным, изменничьим»²⁷. Возможно, потому она и не захотела быть похороненной вместе с Шуйскими, в их фамильном склепе в Суздале, попросив содействия влиятельного кн. Пожарского в погребении ее в Троицком монастыре в усыпальнице князей Татевых, рядом с отцом, матерью и братом²⁸. И пока была жива княгиня старица Анисья Скопина-Шуйская, помнившая апрельские события 1610 г. (о которых уже тогда сочиняли песни, обвиняя в гибели Михаила Васильевича придворную олигархию²⁹), человеку, замешанному в убийстве ее сына, вотчина достаться не могла.

Приложение³⁰

Дело о записи в Поместном приказе за кн. И.И. Шуйским родовой вотчины, выкупленной у кн. Д.М. Пожарского. 1631 г.

(л. 203) 140-го октября в 29 де[нь] в Поместном приказе Федору Васильевичю Волынскому да дьяком Неупокою Кokoшкину да Венидикту Махову, да Василью Ключареву великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси з двора сын боярской Иван Рагозин подал память за приписью дьяка Пятого Филатова, и в памяти пишет: (л. 203 об.)

Лета 7140-го октября в 20 де[нь] по указу великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии память Федору Васильевичю Вольтинскому да дьяком Неупокою Кокошкину да Венидикту Махову, да Василью Ключареву. В нынешнем 140-м году великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Русии по совету (л. 204) с сыном своим з государем царем и великим князем Михаилом Федоровичем всеа Русии самодержцем пожаловали боярина князя Ивана Ивановича Шуйского в Московском уезде в Манатьине и в Быкове, и в Коровине стану вотчины селом Новосильцевым с пустошми и с пашнею и с лесом и с санными покосы и со всякими угоды, что то село Новосильцово с пустошми было в вотчине (л. 204 об.) за боярином за князем Васильем Федоровичем Шуйского Скопина, а после было за сыном его за боярином за князем Михаилом Васильевичем, а после сына его за его, князь Васильевою, посестриною за княгинею за старицею Анисьею, и княгиня старица Анисья тое вотчину село Новосильцово с пустошми заложила у боярина у князя Дмитрея Михайловича Пожарского в двусот рублех. А по сыску (л. 205) и по старым писцовым книгам та вотчина село Новосильцово с пустошми старинная Шуйских вотчина, и по родству та вотчина, село Новосильцово с пустошми, отдана на выкуп боярину князю Ивану Ивановичю Шуйскому, и денги у него по закладным двесте рублев за ту вотчину взяты и отданы боярину князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому. И по указу (л. 205 об.) великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии Федору Васильевичю Вольтинскому да дьяком Неупокою Кокошкину да Венидикту Махову, да Василью Ключареву велети тою вотчину село Новосильцово с пустошми и со крестьяны и с пашнею и с лесом и с санными покосы и со всякими угоды в вотчинные в записные книги (л. 206) записати в вотчину за боярином за князем Иваном Ивановичем Шуйским, а как тое вотчину село Новосильцово с пустошми за боярином за князем Иваном Ивановичем Шуйским в записные в вотчинные книги запишут, и о том велети отписати на двор великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии к Ивану Борисовичю Доможирову (л. 206 об.) да к дьяку к Пятому Филатову.

Припись у памяти дьяка Пятого Филатова.

А в приправочных книгах Московского уезда с книг письма и меры Тимофея Хлопова с товарищи 93-го и 94-го году в Манатьине стану в вотчинах написано:

За князем Васильем Федоровичем (л. 207) Шуйского Скопина старинная отца ево вотчина село Новосильцово на реке на Клязьме, а в приправочных книгах то село Новосильцово не написано, а в нем церковь Сергей Чюдотворец, да предел Троица Живоначальная, бес пенья, да к тому ж селу припушено в пашню пустошь Потапово, пашни паханые в селе и в пустоши средние (л. 207 об.) земли сорок чети, да перелогом сорок восемь чети в поле, а в дву потому ж, сена по реке по Клязьме сто пятьдесят копен, да к селу ж на реке на реке (повтор в тексте. – Ю. Э.) на Клязьме мельница, мелет в одно колесо, а в ней пашни паханые средние земли тридцать чети, да перелогом дватцать чети в поле, а в дву потому ж, сена сто копен, лесу пашен (л. 208) ного около полполтрети десятины. И всего за князем Васильем Федоровичем Шуйским в вотчине деревня живущая да двор вотчинников, да двор приказчиков, да четырнатцать дворов крестьянских, а людей в них тож, пашни паханые средние земли пятьдесят чети да перелогом шестьдесят восемь чети, и обоего пашни паханые и пе (л. 208 об.) релогу сто осмнатцать чети в поле, а в дву потому ж, сена двесте пятьдесят копен, лесу пашенного полтрети десятины, да мельница.

По подлиннику в той вотчине в сельце да в пустоши четвертные пашни сто тридцать восемь чети.

А по перечню – сто осмнатцать (л. 209) четей.

И убыло по перечню перед подлинником дватцать чети.

Да в книгах же Московского уезда письма и меры Лаврентья Кологривова да подьячего Дружины Спирина 131 и 132 году в Манатьине и в Быкове и в Коровине стану в вотчинах написано: за старицею за княгинею за Онисьею, князя Михайловою матерью Васильевича Скопина, старинная их вотчина сельцо (л. 209 об.) Новосильцово на

реке на Клязьме, да к тому ж селу припущено в пашню пустошь Потапово, пустошь Чебукова на речке на Уче, пустошь Малое Чебукова на суходоле, пустошь Суконникова на суходоле, пустошь Рокина на суходоле, пустошь Брехова на суходоле, пустошь Ива-нишкова на реке на Клязьме, пустошь Курова на суходоле, пустошь Курова малое на суходоле, пустошь Малинки на суходоле. И всего за старицею (л. 210) княгинею Ани-сьею князь Михайловою матерью Васильевича Скопина в вотчине село да двенадцать пустошей, пашни паханые и перелогом, и лесом поросло средние земли сто шездесят четыре с полуосминою в поле, а в дву потому ж.

По приправочным книгам с книг Московского уезда письма и меры Тимофея Хло-пова с товарищи 94-го году в той вотчине написано пашни сто трицать восемь чети.

(л. 210 об.) И прибыло в той вотчине по писцовым книгам Лаврентья Кологривова да подьячего Дружины Секирина 131 и 132 году перед старыми книгами одиннадцать пустошей.

А четверти всей пашни прибыло дватцать шесть чети с полуосминою.

А по памяти з двора великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии (л. 211) за приписью дьяка Пятого Филатова нынешняго 140-го году та вотчина село Новосильцово с пустошми и со крестьяны, и с пашнею, и со всеми угоды велено в Помесном приказе в записные в вотчинные книги записать за боярином за князем Иваном Ивановичем Шуйским, а как запишут, и о том велено отпи-сать на двор великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии к Ивану Дому (л. 211 об.) жирову да к дьяку к Пятому Филатову.

А на деле помета дьяка Венедикта Махова: 140-го ноября в 4 де[нь] по государе-ву великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии указу и по памяти за приписью дьяка Пятого Филатова записать та вотчина в записные вотчинные книги за боярином за князем Иваном (л. 212) Ивановичем Шуй-ским. И пошлины взять по государеву указу и на Патриархов двор отписать.

РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 4, д. 6013, л. 203–212.

Примечания

¹ РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 4, д. 6013, л. 206 об.–207.

² Кн. М.В. Скопин-Шуйский родился 8 ноября 1586 г. (*Иконников С.В.* Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский // *он же.* Исторични портрети. Київ, 2004. С. 257); *Раевский П.М.* Род царя, царевн и князей Шуйских. Ротапринт. Париж, 1957. № 109. С. 8.

³ *Раевский П.М.* Указ. соч. № 127. С. 10.

⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 75.

⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 9806, л. 641–644; *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России в первой трети XVII в. М., 1990. С. 165, 223.

⁶ РГАДА, ф. 1209, оп. 4, д. 6013, л. 204 об.

⁷ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины... С. 165, 223.

⁸ Вкладная книга... С. 75.

⁹ Русский исторический сборник (далее – РИС). Т. II. М., 1838. С. 268; *Иконников С.В.* Указ. соч. С. 258.

¹⁰ РИС. Т. II. С. 268.

¹¹ *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 256.

¹² Кн. Б.П. Татев был родным братом княгини Е.П. Скопиной-Шуйской и двоюродным – князей Василия, Андрея и Ивана Васильевичей Голицыных по матери, урожденной Татевой (*Кобеко Д.Ф.* Родословные заметки о некоторых деятелях Смутного времени. СПб., 1908. С. 6).

¹³ *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты. Очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 2. Киев, 1993. С. 68–69.

¹⁴ *Лаврентьев А.В.* Царевич–царь–цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 156–159. Полотно, по мнению искусствоведов, принадлежит неизвестному художнику Львовской школы начала XVII в.

¹⁵ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003. С. 140.

¹⁶ *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 273.

¹⁷ Петрова Н.Г. Скопин-Шуйский. М., 2010. С. 11; Павлов А.Л. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 163.

¹⁸ Княгиня А.П. Скопина-Шуйская родилась в 1570 г., умерла 19 июля 1631 г.; княгиня Е.-М.Ф. Пожарская вышла замуж около 1571 г., умерла 7 апреля 1640 г. (Раевский П.М. Указ. соч. № 109. С. 8; Беляев Л.А. О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского. Эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162–165).

¹⁹ Список надгробий Троицкого Сергиева монастыря, составленный в половине XVII в. // Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы Лавры, составленное по рукописным и печатным источникам профессором Московской духовной академии А.В. Горским в 1841 г. С приложениями архимандрита Леонида. М., 1890. С. 102.

²⁰ В 1630-е гг. кн. Д.М. Пожарский занимал четвертое место среди землевладельцев по числу крестьянских дворов. В его поместьях и вотчинах было 1 422 двора, у кн. И.Б. Черкасского – 1 938, у Ф.И. Шереметева – 2 083, у И.Н. Романова – 3 379 (Шватченко О.А. Землевладение и служба думных чинов в России XVIII – начала XVIII вв. М., 1999. С. 26).

²¹ Томенцев И.О. Смутное время в России начала XVII в. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 286–288.

²² Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 253–256.

²³ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины... С. 179.

²⁴ Павлов А.П. Указ. соч. С. 163, 206.

²⁵ «Третий из братьев Шуйских, князь Иван Иванович, вместе с ними участвовал в прежних происках, так же враждебно относился к Скопину и вместе с ними разделял нелюбовь народа» (Иконников С.В. Указ. соч. С. 274).

²⁶ Иконников С.В. Указ. соч. С. 275.

²⁷ Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 60.

²⁸ «Род Татевых: Князя Василья Федоровича Шуйского Скопина княгиня инока Анисья Петровна, преставися 139 году июля в 19 день». Тут же захоронения боярина кн. Петра Ивановича Татева, его жены Ульянии Михайловны, их сына боярина кн. Бориса Петровича, внуков Петра, Федора, Сергея (Список надгробий... С. 102).

²⁹ «А съезжались князи-бояре супротиво к ним, ...а говорили слово, усмехнулися: “Высоко сокол поднялся, и о сыру матеру землю ушибся!”») (Песня о событиях после гибели М.В. Скопина-Шуйского. Из песен, записанных для Р. Джемса в 1619–1620 гг. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. С. 537).

³⁰ Регеста дела опубликована: Записные вотчинные книги Поместного приказа. 1626–1657 гг. Сост. А.В. Антонов и др. Под ред. А.В. Антонова, В.Д. Назарова, А. Береловича. М., 2010. С. 1269. Документ публикуется согласно Правилам издания исторических документов СССР, М., 1990.

© 2012 г. А. А. КРИВОПАЛОВ*

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ФЕЛЬДМАРШАЛА И.Ф. ПАСКЕВИЧА В СЕРЕДИНЕ 1840-х ГОДОВ

Соотношение политики и стратегии сравнительно редко исследуется в отечественной историографии, несмотря на то что их взаимосвязь не раз рассматривалась в классических трудах русских военных историков и теоретиков¹. Между тем анализ влияния военно-стратегических факторов и военного строительства на международные отношения позволяет расширить и уточнить представление о логике и механизмах формирования внешней политики Российской империи в середине XIX в. и, в частности, преодолеть устоявшееся отождествление ее исключительно с дипломатической деятельностью². Кроме того, выявление неразрывной связи внутренней, внешней и военной политики Николая I, безусловно, способствует и пересмотру упрощенных черно-белых оценок его царствования³. Благодаря работам Ф. Кэгана и А.В. Кухарука были освещены основные черты преобразований, проводившихся в 1830–1840-е гг. в Военном министерстве и Большой Действующей армии⁴. Однако едва ли они могут быть поняты в полной мере без детального анализа стратегических взглядов как самого Николая I, так и его ближайших советников, и в первую очередь – генерал-фельдмаршала кн. И.Ф. Паскевича, пользовавшегося исключительным авторитетом и влиянием в николаевской армии⁵.

В 1830–1840-е гг. Россия чувствовала себя как никогда уверенно. Основной задачей русской внешней политики в Европе являлось тогда сохранение status quo, сложившегося в результате революционных и наполеоновских войн и вполне отвечавшего долгосрочным государственным интересам России. Данная политика предполагала укрепление союзных отношений с консервативными монархиями, прежде всего – с Австрией и Пруссией, а также постоянную готовность к пресечению реваншистских устремлений Франции, что, в свою очередь, требовало от империи наращивания военной мощи и создания прочных позиций на занятых в 1815 г. западных рубежах. Хотя Россия в то время еще не испытывала перманентной угрозы вторжения соседей с запада, в силу неблагоприятных стратегических факторов (относительная хозяйственная слабость, низкая плотность населения, слабое развитие коммуникаций, территориальная разобщенность потенциальных театров военных действий) для обеспечения ее границ необходимым был своего рода «двухдержавный стандарт», т.е. количественный паритет русских сухопутных войск с объединенными армиями Австрии и Пруссии, о котором после Венского конгресса размышлял еще Александр I⁶. Поддержание его было связано с огромными финансовыми издержками. Содержание сухопутной армии в 1827–1841 гг. составляло не менее 33% от общегосударственных расходов⁷. Тот факт, что Россия в мирное время держала под ружьем более 800 тыс. человек, не был секретом для Европы, но порою вызывал сомнения. К примеру, австрийцы по собственному

* Кривопалов Алексей Алексеевич, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

опыту необоснованно предполагали в рядах русской армии огромный некомплект. В феврале 1828 г. посол в Вене Д.П. Татищев сообщал в Петербург, что австрийские генералы насчитывают в русской армии 838 981 человека по спискам, но лишь 470 518 в строю⁸.

Если говорить об общей численности войск, которые Россия могла поставить под ружье в случае войны на западе, то цифра, по меркам того времени, оказывалась более чем внушительной – около 400 тыс. человек. Так, согласно ведомости, составленной 25 февраля 1839 г. в обстановке военной тревоги, связанной с Бельгийским кризисом, в действующих войсках Гвардейского, Гренадерского, I, II, III, IV пехотных, а также I и III резервных кавалерийских корпусов по штатам военного времени находилось 390 831 человек. Из них налицо было 303 346 человек. С учетом пополнений (рекрут и бессрочноотпускных) некомплект составлял 23 425 человек⁹. В полевой артиллерии предполагалось развернуть около 800 орудий.

Для сравнения: по данным русской военной разведки, в сентябре 1847 г. вся французская армия, рассредоточенная по стране в виде 21 территориальной дивизии, за вычетом войск, командированных в Алжир, насчитывала 225 580 человек и 1 236 стволов артиллерии, для которой остро не хватало лошадей. Недостаток лошадей в артиллерии и кавалерии был у французов настолько велик, что, по расчетам генерал-лейтенанта барона Н.В. Медема, собиравшего во Франции военные сведения, они вряд ли могли развернуть в поле более 222 орудий¹⁰. В мае 1851 г. численность французской армии в Европе и Алжире достигла 382 355 человек (из них 288 433 человека в пехоте, 61 600 – в кавалерии, 32 300 – в артиллерии, инженерных и вспомогательных войсках)¹¹, а по другим данным – 384 240 человек (в Европе – 309 240 солдат пехоты и 69 278 кавалеристов, в Алжире – 75 тыс. пехоты и 16 422 кавалериста)¹².

Австрия, крупнейшая из германских держав, также значительно уступала России в силах. При населении в 33 630 381 человек в 1831 г. империя Габсбургов в мирное время располагала армией в 272 204 человека. В случае войны ее численность теоретически возрастала до 527 224 человек¹³. На вооруженных силах Дунайской монархии тяжело сказывался хронический бюджетный дефицит, не позволявший содержать полки в требуемом по штатам комплекте. Накануне революции 1848 г. ее войска мирного времени составляли, по данным русской разведки, всего лишь 231 410 человек и 145 орудий¹⁴. В случае войны австрийцы рассчитывали увеличить их в несколько раз – до 628 124 человек и 1 200 орудий¹⁵.

Пруссия в 1830-е гг. была единственной страной в Европе, применявшей систему всеобщей воинской повинности. По предварительным расчетам русских офицеров Генерального штаба, при населении в 12 993 826 человек королевство в мирное время держало под ружьем 121 916 человек, но после мобилизации пруссаки в принципе могли бы выставить 529 916 человек (с учетом ландштурма и ландвера обеих очередей)¹⁶. Накануне Мартовской революции 1848 г. прусская армия в действующих войсках мирного времени насчитывала 118 343 человека и 324 орудия, а в военное время с ландверами первой и второй очереди – 499 768 человек и 864 орудия¹⁷. Схожие сведения в марте 1848 г. сообщал в Департамент Генерального штаба Военного министерства русский военный корреспондент в Берлине генерал-лейтенант барон Медем¹⁸. По его расчетам, вооруженные силы королевства достигали 190 тыс. человек, а при мобилизации (но без ландштурма) – 439 тысяч¹⁹. В 1840-е гг. армия Фридриха-Вильгельма IV состояла из Гвардейского и восьми территориальных армейских корпусов со штабами в Кёнигсберге, Штеттине, Берлине, Магдебурге, Познани, Бреслау, Мюнстере и Кобленце. Каждый корпус включал в себя две дивизии из одной пехотной кадровой, одной пехотной ландверной и одной кавалерийской бригады. В корпусе также имелись артиллерийский полк, пионерный дивизион, егерский и стрелковый батальоны, а также резервные полки и батальоны с нестроевыми нижними чинами.

Корпуса русской Большой Действующей армии даже в мирное время содержались в высокой степени боевой готовности. Большая Действующая армия возникла при чрезвычайных обстоятельствах в начале Русско-польской войны 1831 г., последовав-

шей вслед за ноябрьским восстанием 1830 г. в Варшаве. В обстановке перерастания варшавского мятежа в войну в декабре 1830 г. бывшему начальнику Императорского Главного штаба фельдмаршалу гр. И.И. Дибичу пришлось экстренно создавать армейское командование для управления несколькими пехотными и кавалерийскими корпусами, стянутыми к театру боевых действий. Ситуация осложнялась тем, что в 1815–1830 гг. основой русских сил на западе империи были именно польские войска, которые теперь перешли на сторону мятежников. Герой Забалканского похода оказался в непростом положении. Ключевые посты в новом армейском штабе заняли хорошо знакомые фельдмаршалу генералы недавно расформированной Дунайской (бывшей «Второй») армии, действовавшей под его командованием в 1829 г. Но войск было мало, и подкрепления пришлось стягивать со всех направлений. Из Петербурга и новгородских военных поселений на запад выступили Гвардейский и Гренадерский корпуса, однако их прибытие растянулось на несколько месяцев²⁰. Стоявший в Западном крае VI (бывший Литовский) корпус до замены в нем офицеров-поляков русскими считался не вполне надежным²¹. I и II пехотные корпуса были взяты из состава Первой армии фельдмаршала гр. Ф.В. Остен-Сакена, штаб которой располагался в Киеве. В распоряжение Дибича также перешли III и V резервные кавалерийские корпуса. Силы, которыми располагала Россия для усмирения Польши, могли быть доведены до 183 тыс. человек²², но сбор их требовал более четырех месяцев. В результате 25 января 1831 г., в день перехода русскими войсками административной границы Царства Польского, в Действующей армии числилось всего 113–114 тыс. человек²³. Последовавшая затем кампания 1831 г. проходила с переменным успехом, разгром польской армии потребовал от России больших усилий. В мае 1831 г. скончавшегося от холеры Дибича заменил новый главнокомандующий – фельдмаршал гр. Паскевич-Эриванский, ставший после победоносного окончания войны и взятия польской столицы светлейшим князем Варшавским.

В мирное время боевое управление Действующей армии было сохранено. Вплоть до конца 1855 г. она оставалась в ведении Паскевича, являясь крупнейшим объединением полевых войск империи и обеспечивая решение целого комплекса взаимосвязанных задач. В случае начала войны в Европе на основе Действующей армии предполагалось осуществить боевое развертывание русских военно-сухопутных сил. Получив подкрепления в виде пехотных и резервных кавалерийских корпусов второй линии, она должна была стать главной ударной группировкой на театре военных действий. Кроме того, армия Паскевича, занявшего пост наместника Царства Польского, отвечала за безопасность и административное управление в мятежном крае, несла на его территории гарнизонную службу. Укрепление же стратегического положения России в Царстве Польском объективно повышало ее ценность в глазах союзников и удерживало их от поиска иных внешнеполитических комбинаций.

Масштабные военные преобразования 1830-х гг., существенно изменившие организацию сухопутных войск империи, закрепили особую роль Большой Действующей армии. В пехоте количество полков и дивизий сократилось со 194 до 110 и с 33 до 30 соответственно (оставшиеся соединения пополнялись при этом до штатной численности), а корпуса и дивизии были унифицированы по своему боевому составу. К 1835 г. императорская армия насчитывала 21 армейскую, 3 гренадерские и 3 гвардейские пехотные дивизии, состоявшие каждая из 4-х полков, сведенных в 2 бригады. Дивизии объединялись в корпуса. 3 гренадерские и 3 гвардейские дивизии сводились, соответственно, в Гренадерский и Гвардейский корпуса. 18 пехотных дивизий последовательно образовывали 6 пехотных корпусов, где в составе I пехотного корпуса числились 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии, а в составе VI – 16-я, 17-я и 18-я. 19-я, 20-я и 21-я пехотные дивизии вместе с отдельной Кавказской гренадерской бригадой составляли Отдельный Кавказский корпус. 22-я пехотная дивизия постоянно находилась в Финляндии. 23-я пехотная дивизия образовывала Отдельный Оренбургский корпус, а 24-я – Отдельный Сибирский корпус. При этом 22–24 дивизии не имели полковой структуры, а состояли

из линейных батальонов²⁴. По сути, управления этих дивизий являлись территориальными органами, руководившими местными войсками²⁵.

Переформированию подверглась и кавалерия. Легкие кавалерийские дивизии состояли теперь из двух бригад, где первую формировали 2 уланских, а вторую 2 гусарских полка. Организационно они входили в состав пехотных корпусов и получали их номера (с «1» по «6»). В мирное время образовывался также Сводный кавалерийский корпус из 5-й и 6-й легких кавалерийских дивизий, считавшихся «от V и VI пехотных корпусов в командировке»²⁶. 7-я легкая кавалерийская дивизия была придана Гренадерскому корпусу²⁷. Из тяжелой кавалерии создавались «резервные» кавалерийские корпуса, которые могли играть самостоятельную роль не только на полях сражений, но и на театре войны в целом (понятия «резервный» и «отдельный» использовались в данном случае как синонимы). Кавалерийские корпуса являлись регулярными и их боевые управления функционировали на постоянной основе. В состав I корпуса вошли 1-я кирасирская и 1-я уланская дивизии, во II корпус включили 2-ю кирасирскую и 2-ю уланскую дивизии, III резервный кавалерийский корпус составляли 1-я и 2-я драгунские дивизии. Кроме того, был сформирован Гвардейский Резервный кавалерийский корпус. В ходе реорганизации артиллерии в состав каждого корпуса вводились артиллерийские дивизии из четырех бригад, в которых имелись батареи, легкие и конные батареи (номер артиллерийской бригады соответствовал номеру пехотной дивизии). Кавалерийские дивизии комплектовали конно-артиллерийскими бригадами²⁸.

Таким образом, к середине 1830-х гг. корпусная система стала основой армии. Каждый пехотный (армейский) корпус отныне состоял из 3 пехотных, кавалерийской и артиллерийской дивизий. Кроме того, ему полагалось иметь резервную пехотную дивизию (соответствующего номера) из 12 батальонов половинного штата. Корпус становился полностью автономным боевым соединением, способным самостоятельно действовать на отдельном направлении. Наличие в его составе резервных и запасных частей позволяло поддерживать штатную численность полков в условиях неизбежных боевых и санитарных потерь (сами резервные дивизии для прямого использования на полях сражений не предназначались, перед ними ставились менее ответственные задачи, связанные с несением гарнизонной службы в городах и крепостях западных провинций империи).

I, II, III и IV пехотные корпуса составляли Большую Действующую армию, находившуюся под командованием фельдмаршала Паскевича. Гвардия и гренадеры имели собственного главнокомандующего. В мирное время V и VI пехотные корпуса подчинялись военному министру, а резервная кавалерия – своему инспектору. Боевое управление Первой армии в 1835 г. было расформировано. В 1845 г. корпуса Действующей армии дислоцировались на территории Литвы и Белоруссии (I), в Лифляндии и Эстляндии (II), в Царстве Польском (III), в Волынской, Подольской и Киевской губерниях (IV). Усилить армию Паскевича, помимо резервных и запасных войск, могли Гвардейский и Гренадерский корпуса (Петербургская и Новгородская губернии), VI пехотный корпус (Московская и Смоленская губернии), а также 3 резервных кавалерийских корпуса, располагавшихся в военных поселениях на юге империи. Использование V пехотного корпуса для войны в Европе считалось маловероятным: прикрывая границу с Турцией, он был расквартирован в Крыму и Бессарабии (в 1841–1846 гг. в связи с резким обострением обстановки на Кавказе войска V корпуса под командованием А.Н. Лидерса участвовали в боевых действиях против горцев)²⁹. Штаб Действующей армии размещался в Варшаве, что объяснялось как политическим значением, так и стратегическим положением Царства Польского. Польский выступ, окруженный с трех сторон прусской и австрийской территорией, представлял собой обширный практически правильный четырехугольник, простиравшийся с севера на юг на 300, а с запада на восток на 350 км³⁰. Его присоединение к империи привело к обретению 4-х миллионов новых подданных, лояльность которых всегда оставалась сомнительной, и заставило задуматься о том, как обеспечить оборону этого «стратегического гласиса» в случае

войны и наступления австрийской или прусской армии, способной отрезать его от сообщений с Россией.

Даже возобновление осенью 1833 г. союза с Австрией и Пруссией не позволяло России полностью исключить возможность враждебных действий с их стороны. Ведь совместное участие трех «северных монархий» в антифранцузских коалициях не помешало Пруссии и Австрии в 1812 г. стать союзниками Бонапарта и выставить против России экспедиционные корпуса численностью 20 и 30 тыс. человек (прусская корпус генерала Л. Йорка фон Вартенбурга вступил на территорию Лифляндии и Курляндии, а австрийские войска кн. К.Ф. фон Шварценберга вторглись на Волынь, но в соответствии с секретным соглашением воздерживались от активных боевых действий)³¹. Недружественную по отношению к России позицию австрийский кабинет занял и во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Перед ее началом нейтралитет Австрии вовсе не был гарантирован. Австрийские войска под предлогом маневров были сосредоточены в Трансильвании. Уверенности в том, что эти маневры не закончатся вторжением в Валахию, не было. Общая численность войск, собранных в Венгрии и Галиции к началу 1828 г., доходила до 70 тыс. человек³². Для обеспечения тыла русской Дунайской армии потребовалось сформировать в Царстве Польском обсервационную армию под командованием вел. кн. Константина Павловича. В ее состав вошли польские войска, 2 пехотных армейских корпуса, гвардейская пехота, 2 сводных и 2 резервных кавалерийских корпуса³³.

Отсутствие решительных успехов в ходе кампании 1828 г. на Дунае, концентрация австрийских сил в Трансильвании и Галиции, а также начавшаяся подготовка к мобилизации прусских войск в Познани открывали перед Россией весьма неблагоприятную перспективу. В Вене положение русской армии на Балканах сравнивали с катастрофическим отступлением французов в 1812 г. из России³⁴. В случае поддержки Пруссией возможного австрийского вторжения в Польшу расквартированные там русские войска могли оказаться в большой опасности. Вел. кн. Константин сообщал Николаю I о том, что донесения разведки свидетельствуют о мобилизации Пруссией V и VI армейских корпусов. Однако цель этих приготовлений не была до конца ясна: 100-тысячная прусская армия в Силезии, Познани и Саксонии равным образом могла угрожать и Царству Польскому, и австрийской Богемии³⁵. В 1828–1829 гг. Пруссия и Франция категорически отказались поддержать планы Меттерниха, рассчитывавшего втянуть в русско-турецкий конфликт нейтральные государства³⁶. Король Карл X заявил своему послу в Лондоне кн. Ж.-О.-А.-М. де Полиньяку, что объявит Австрии войну в случае ее нападения на Россию³⁷. При таких обстоятельствах Вена уже не могла позволить себе активные действия и вынуждена была отступить.

Отношения Петербурга с Берлином во второй четверти XIX в. складывались гораздо лучше. Рейнская провинция Пруссии непосредственно граничила с Францией, и короли Фридрих-Вильгельм III и Фридрих-Вильгельм IV (тесть и шурина русского императора) обоснованно рассчитывали на военную помощь России в случае угрозы со стороны своего западного соседа. Степень сотрудничества русской и прусской армий, по меркам середины XIX в., была беспрецедентной: по решению короля Николаю I доверительно сообщались самые секретные сведения, включая военные планы. В свою очередь русское командование оговаривало не только сроки, но и точные маршруты, и численность подкреплений, выдвигаемых на соединение с союзниками. В 1830 г. бывший начальник императорского Главного штаба фельдмаршал Дибич лично участвовал в совещаниях с прусским генералитетом о маршрутах выдвижения русских корпусов на Одер и Рейн. В 1832 г. генерал-квартирмейстер Действующей армии А.И. Нейдгарт обсуждал этот вопрос с генералом К.Ф. фон Кнезебеком³⁸. В 1835 г. у города Калиш в присутствии Николая I и Фридриха-Вильгельма III состоялись совместные военные маневры. Тесное сотрудничество обеих армий продолжалось и в 1840-е гг.

Однако уже в первые годы правления Фридриха-Вильгельма IV в русско-прусских отношениях стали возникать сперва едва заметные микротрещины. Король вынужден был лавировать между конституционными ожиданиями либералов, стремившихся к

объединению Германии, и консервативными настроениями военных и придворных кругов. Николая I явно раздражала непоследовательность и нерешительность шурина, а также его попытки перехватить у «демагогов» опасное оружие германского национализма³⁹. В письмах 1840–1845 гг. император не раз делился с Паскевичем своими опасениями относительно последствий такой политики для прусской монархии⁴⁰. Впрочем, вплоть до марта 1848 г. прусский союзник ни разу не давал России действительно серьезных поводов для недовольства.

Тем не менее 11 мая 1845 г. Паскевич направил Николаю I подготовленную в Главном штабе Большой Действующей армии записку «Сравнительное соображение сосредоточения русских и прусских войск»⁴¹. В ней говорилось об обороне Царства Польского в случае вторжения на его территорию армии прусского короля – ближайшего в то время союзника Российской империи. Интерес представляет именно кажущаяся умозрительность рассматриваемой угрозы. Паскевич старался заранее предвидеть опасный, хотя и практически невероятный тогда сценарий, при котором русская армия могла быть вынуждена оставить Польшу.

Записка начиналась с анализа соотношения сил на потенциальном театре боевых действий. При этом вопрос о сроках боевого развертывания русских войск в случае войны на западе для Паскевича был неотделим от проблемы обеспечения передового театра войны в инженерном отношении. Возведение мощного «четырёхугольника крепостей» (Новогеоргиевск, Ивангород, Брест-Литовск и Варшавская Александровская цитадель) в 1830–1840-е гг. дополнялось интенсивным строительством шоссированных дорог на возможных операционных направлениях и коммуникационных линиях Действующей армии.

Театр войны в Царстве Польском представлял собой обширную сильно пересеченную реками, болотами и лесами равнину. Висла и ее притоки делили его на несколько изолированных секторов. Русские крепости в Царстве служили одновременно опорными пунктами для войск, расквартированных в стране, тет-де-понами (предмостными укреплениями), укрепленными лагерями для полевых войск, а также исходными пунктами и базами для возможного наступления.

В первом эшелоне находились крепости Новогеоргиевск, Ивангород и Варшавская Александровская цитадель. Первоклассный⁴² Новогеоргиевск (до 1834 г. – Модлин) был возведен в 1832–1841 гг. у слияния Вислы и Буга и к середине 1840-х гг. заслуженно считался одной из сильнейших крепостей Европы⁴³. Он не только обеспечивал переправы через Вислу и Буг, но и являлся основой всего операционного базиса русской армии в направлении на Восточную Пруссию и Померанию. Эта крепость была главной твердыней того треугольника, который Наполеон считал ключом к Польше. По его мнению, страной владел тот, кто контролировал Варшаву, Модлин и Сероцк, а следовательно, и основные переправы через Вислу, Буг и Нарев⁴⁴. Относительно небольшая Александровская цитадель, строившаяся с 1832 г., с одной стороны, могла служить укрытием для русского гарнизона в случае очередного мятежа в польской столице, а с другой стороны, прикрывала важную переправу через Вислу. Крепость 2-го класса Ивангород, при слиянии Вислы и Вепржа, сооружавшаяся с 1837 г., защищала австрийское направление, обеспечивала переправы на Висле и служила базой для развертывания русских сил в южных воеводствах Польши⁴⁵.

Следующий эшелон крепостей включал Динабург, Брест-Литовск и Замостье. Динабург, будучи крепостью 2-го класса, играл в первую очередь роль тет-де-пона на Западной Двине, прикрывая шоссе, идущее из Варшавы на Петербург. Возведение первоклассного Брест-Литовска началось в 1832 г. одновременно с Новогеоргиевском и Александровской цитаделью. Крепость строилась при слиянии рек Буг и Мухавец и обеспечивала безопасность сухопутного пути в глубь России к северу от Полесья. Второклассное Замостье на правом берегу Вислы в Люблинском воеводстве прикрывало со стороны Австрии стратегическое шоссе Брест–Киев, связывавшее Царство Польское и Волынь и проходившее через опасное дефиле вдоль Припятских болот.

Таким образом правый фланг русского крепостного района обеспечивали Новогеоргиевск и Динабург, левый – Ивангород и Замостье, центр прикрывали Александровская цитадель и Брест-Литовск. В третьем эшелоне, служившем основой для выдвинутой на запад передовой стратегической позиции, стояли крепости Бобруйск и Киев, находившиеся, соответственно, к северу и югу от практически непроходимого для регулярных войск Полесья.

Вопрос о роли и месте крепостей в системе обороны западных рубежей России, а также непосредственно связанный с ним вопрос о развитии и совершенствовании путей сообщения обсуждались в 1843 г. на высшем военно-политическом совещании, в котором участвовали всего 5 человек – император, наследник престола вел. кн. Александр Николаевич, Паскевич, военный министр кн. А.И. Чернышев и всемирно известный военный теоретик генерал-адъютант А.-А. Жomini.

Мнения участников совещания разделились. Жomini настаивал на необходимости на случай вторжения с запада превосходящих сил европейской коалиции и поражения Действующей армии в Польше возвести в Литве и на Волыни две разделенные Полесьем системы из 7–8 крепостей каждая (всего 14–16). Укрепления, расположенные в шахматном порядке, должны были составлять стратегические треугольники концентрически и эксцентрически и служить убежищем для армии во всех обстоятельствах и при движении ее по всем направлениям⁴⁶. С этим не соглашался военный министр, справедливо доказывавший, что постройка, содержание и обеспечение такой крепостной сети будет стоить России астрономических финансовых затрат. Кроме того, потребовалось бы выделить крепостные гарнизоны, что неизбежно ослабило бы Действующую армию как минимум на 60 тыс. человек, то есть на четверть ее состава. Преимущество русской армии в Царстве Польском заключалось, по мнению Чернышева, в возможности занять центральное положение и бить неприятеля по частям. Поэтому министр не отрицал значение крепостей, но настаивал, чтобы число их было строго ограничено. Сами крепости воспринимались им не как средство защиты территории, но лишь как необходимый инструмент для обеспечения маневра и боевых операций Действующей армии⁴⁷. Того же взгляда на роль и задачи долговременных и полевых фортификаций придерживался в своей записке 1845 г. и Паскевич.

Коммуникации на западном стратегическом направлении также сходились к Польскому выступу. На Варшаву с востока вели четыре основных маршрута (шоссе из Ковно, Белостока, Брест-Литовска и Люблина). А из центрального района Варшава–Новогеоргиевск расходились дороги на Краков и Ивангород (на юг), на Калиш, Познань и Торн (на запад), на Млаву и Кёнигсберг (на север). Часть этих шоссе появилась еще до войны 1830–1831 гг.⁴⁸ Однако основные работы по созданию дорожной сети внутри русского «четырёхугольника крепостей» были проведены в 1832–1839 гг. под руководством генерал-майора Х.Х. Христиани⁴⁹. Восемь важнейших дорог общей протяженностью в 2 тыс. верст строились за счет средств польского банка, а также шарварковой повинности местных жителей⁵⁰.

Положение России осложнялось длительным сроком сосредоточения ее войск в Царстве Польском, что на первых порах могло дать пруссакам значительное численное превосходство. «Полагается, – писал фельдмаршал, – что для обращения войск обоих государств на военное положение нужно сроку, примерно, от 6 до 8 недель, и что немедленно по истечении оно, войска выступают из настоящих квартир своих»⁵¹. Паскевич предполагал, что «через 26 дней после выступления из постоянных квартир пруссаки могут двинуть к Новогеоргиевску... 149 000 чел[овек] и 560 орудий»⁵². Таблицы, прилагавшиеся к записке, показывали, что первые 76 дней (почти 11 недель) с момента выступления противоборствующих армий из своих квартир прусская армия сохраняла бы над русской значительное численное превосходство, и лишь с 77-го дня соотношение сил изменилось бы в пользу России. Между тем предварительное приведение войск на военное положение непосредственно в районах расквартирования заняло бы еще 6–8 недель.

В своих расчетах сроков прусской мобилизации штаб Большой Действующей армии ориентировался на официальные данные, поступавшие из Берлина. Так, в конце 1840 г. по поручению короля прусский военный министр генерал-майор И. фон Раух доверительно сообщил Николаю I о планах, составлявшихся на случай войны с Францией. Был ознакомлен с ними и князь Варшавский. Из этих материалов следовало, что для сосредоточения на Рейне шести армейских корпусов Пруссии необходимо 2 месяца; сосредоточение девяти корпусов (то есть практически всей тогдашней прусской армии) требовало дополнительно еще 3-х недель⁵³. Однако не следует забывать, что впоследствии мобилизации, проходившие в Пруссии в 1848–1850 и 1859 гг., фактически оказались сорваны по срокам. И оба раза вследствие организационных промахов пополнение действующих войск до штатов военного времени, а также развертывание резервных и ландверных частей не было своевременно обеспечено⁵⁴. По-видимому, опасения Паскевича по поводу возможного запаздывания сосредоточения русских войск в Польше были все же несколько преувеличены.

Сведения о численности прусской армии поступали от русской военной разведки. Профессор Военной Академии и автор трудов по стратегии и высшей тактике генерал-лейтенант барон Н.В. Медем незадолго до Мартовской революции 1848 г. довольно осторожно оценивал наступательные возможности Пруссии. С его точки зрения, боевая ценность ландштурма и ландвера второй очереди была невелика. Кроме того, даже в военное время часть регулярных войск приходилось оставлять внутри королевства. Из этого Медем делал три важных вывода. Во-первых, «Пруссия не в состоянии употребить из числа постоянной своей армии для продолжительных наступательных действий вне своих границ более 120 000, и при величайшем усилии – 140 000 войска, и что, следовательно, она слаба для наступательной войны». Во-вторых, «Пруссия не в состоянии соединить более 200 000 чел[овек]». И, в-третьих, «главная сила настоящей военной организации Пруссии заключается в возможности сильной постоянной обороны государства, потому что при отступлении армия может быть с каждым шагом усиливаема ландвером и даже ландштурмом тех провинций, в которые она отступает»⁵⁵. Таким образом, расчеты Паскевича относительно времени, необходимого пруссакам, чтобы собрать армию на своих восточных границах, а также оценка им возможной численности этих войск, если и не являлись абсолютно точными, то, как минимум, были серьезно обоснованными.

Масштабное использование противником железных дорог для ускорения мобилизации в 1840-е гг. еще не предусматривалось, хотя русские военные с середины 1830-х гг. проявляли интерес к возможностям нового вида транспорта. Пруссия начала экспериментировать с использованием железных дорог в военных целях на рубеже 1830–1840-х гг. Однако первый опыт крупномасштабной мобилизации, предпринятой пруссаками в мае 1850 г. в обстановке казавшейся тогда близкой войны с Австрией, завершился громким провалом⁵⁶. На железных дорогах воцарились хаос и неразбериха. Единых мобилизационных расписаний и графиков движений поездов не существовало, как не существовало и самого понятия о необходимости составления для железных дорог расписания военного времени. Перевозки войск и снаряжения осуществлялись под контролем Министерства торговли, о выделении военного персонала в эшелоны и на станции командование заблаговременно не позаботилось. Революционный кризис лишь усугублял положение. Офицеры и генералы к ужасу своему выяснили, что «командующие войсками совершенно были предоставлены доброй или злой воле по большей части демократических управлений и чиновников железных дорог»⁵⁷. Мобилизация 490 тыс. человек потребовала более 2-х месяцев, за это время в 1840 г. предполагалось мобилизовать войска без использования железнодорожного транспорта. Пополнение частей до штатов военного времени также оказалось сорвано: лошадей не хватало. В результате Пруссия оказалась не в состоянии поддержать военной силой свои претензии на политическое доминирование в Германии.

Оценив силы и примерные сроки развертывания противоборствующих армий, русский главнокомандующий переходил в своей записке к анализу возможного хода бое-

вых действий. Прусское наступление представлялось Паскевичу в виде сходящегося движения двух неравных по численности группировок с севера и запада. Относительно немногочисленные войска прусского правого крыла (34 тыс. человек с 192 орудиями) могли перейти в наступление с запада, нанося удар от Позена в направлении Новогеоргиевска и Варшавы, тогда как левое крыло, втрое превосходя по силе правое (115 тыс. человек с 368 орудиями), нанесло бы главный удар из Восточной Пруссии от Торна через Млаву на Сероцк и Новогеоргиевск⁵⁸.

С точки зрения основ оперативного искусства, или, как его именовали в середине XIX в., высшей тактики, принимать сражение в таких условиях не представлялось возможным. Положение русской армии в Царстве Польском на протяжении первого месяца войны практически исключало успешную оборону края. Даже пользуясь выгодной дислокацией у крепости Новогеоргиевск, то есть находясь в центре между выполнявшими охват прусскими армиями, русская сторона «в первые 24 дня после выступления пруссаков из Торна и Позена» могла собрать лишь 77 тыс. человек и 248 орудий против 149 тысяч и 560 орудий у противника. Затруднения русской армии, по мнению Паскевича, проистекали от того, что «у пруссаков постоянное расквартирование войск гораздо более сосредоточено, нежели у нас»⁵⁹. «Столь неравная борьба, – признавал он, – подвергнула бы помянутые войска наши величайшей опасности: неприятелю было бы легко припереть их к Новогеоргиевску и совершенно отрезать от России, или, по крайней мере, отбросить с величайшей потерей на Волынь, тогда как главные подкрепления должно нам ожидать через Литву»⁶⁰.

В начале войны русская армия не смогла бы сравниться с противником и по численности полученных подкреплений. Неприятель сохранял бы превосходство в силах на протяжении месяца, даже если бы не отправил на театр войны VII и VIII армейские корпуса, расположенные в мирное время на Рейне, и более двух месяцев, если бы эти корпуса все же появились на театре войны.

В подобных обстоятельствах, считал Паскевич, не было иного выхода, кроме сдерживания противника и организованного отступления: «Нам ничего бы не оставалось делать другого, как стараться замедлять их следование авангардами, действующими против обеих колонн их, и с приближением первой к Сероцку, оставив гарнизоны в Новогеоргиевске, Александровской цитадели, Замостье и Ивангороде, отступить к Литве»⁶¹. Крепости Царства Польского следовало обеспечить достаточными для надежной обороны гарнизоны. Крупнейшая из них – Новогеоргиевск – требовала, по расчетам фельдмаршала, не менее 14 тыс. человек для защиты верков в случае осады. Располагаясь на узловых коммуникационных пунктах, крепости должны были замедлить темпы неприятельского наступления. Судя по замечаниям, оставленным на полях записки, Николай I полностью согласился с «Соображениями» фельдмаршала.

Признавая, что прусское наступление заставит «временно отступить из Царства Польского», навстречу выдвигавшимся с востока резервам, князь Варшавский вместе с тем намечал шесть конкретных мер, призванных улучшить положение русской армии в начале войны⁶².

Прежде всего главнокомандующий предлагал «провести новое шоссе по левому берегу Буга до окрестностей Нура, а оттуда до места, где шоссе из Бреста в Бобруйск пересекается рекой Щарой»⁶³. Кроме того, он считал необходимым, при неизбежности войны, возвести на месте пересечения нового шоссе с р. Буг два мощных полевых предместных укрепления. Опасения фельдмаршала за операционную линию русских войск в Царстве Польском нельзя не признать основательными. В случае вторжения неприятельских войск из Восточной Пруссии, сообщение с Литвой по шоссе Белосток–Гродно–Вильна–Динабург становилось ненадежным. Отступление же русских войск по шоссе Варшава–Брест, как и отступление на Волынь, означали бы добровольное очищение Царства Польского и потому были крайне нежелательны. Наконец, движение в любом направлении, кроме литовского, отдаляло соединение с резервами. Предпочтительным, по мнению Паскевича, являлось направление Варшава–Нур–Бобруйск. Преимущество этого маршрута заключалось в наличии прикрытого с севера рекой Буг

пути отступления на восток. Мысль о строительстве предмостного укрепления на Буге в районе Нура, скорее всего, была навеяна опытом последней кампании против поляков: именно у Нура и Брока в январе 1831 г. армия Дибича форсировала Буг, вынудив мятежников отступать до самой Варшавы⁶⁴. Таким образом, предложение фельдмаршала существенно повышало устойчивость всей операционной линии в случае войны с Пруссией.

Паскевич рекомендовал также «увеличить несколько число артиллерии в корпусах Действующей армии»⁶⁵. Сравнительная таблица, помещенная в конце его записки, показывала, что на протяжении первых двух месяцев войны «мы будем иметь только 248 орудий, а пруссаки сперва 560, а потом 656»⁶⁶. Поэтому следовало заблаговременно создать артиллерийский резерв, разместив в районе Бреста 96 батарейных и легких орудий. Число лошадей при батареях могло быть ограничено нормами мирного времени. В военной обстановке Паскевич брался снабдить батарею конским составом за счет Царства Польского. При этом главнокомандующий считал необходимым иметь не менее 40 орудий на каждую пехотную дивизию. «Опыт 1812 г. и последующих годов, – напоминал он, – может почитаться доказательством, сколь полезно иметь много артиллерии при войсках. При дивизиях из 12 слабых батальонов мы имели тогда по 36 орудий; и можно сказать, что это превосходство в артиллерии доставило нам одно из главнейших средств к удачному отступлению, а потом и к успехам нашим»⁶⁷.

Третье предложение касалось изменений в расквартировании войск на Украине, а именно передислокации двух дивизий с их артиллерией от Днестра на запад Волынской губернии и одной артиллерийской бригады – на запад Подольской губернии. Благодаря этому, рассчитывал Паскевич, «при первых действиях наших около Вислы, нам можно будет противопоставить неприятелю целую пехотную дивизию и 64 орудия более, чем при настоящем расквартировании помянутых войск»⁶⁸.

Восполнять неизбежные в ходе боевых действий потери князь Варшавский советовал за счет сверхкомплектных невооруженных рядовых, «по примеру того, как было в 1815 г. при выступлении нашей армии во Францию»⁶⁹. Подобное решение он признавал рациональным и не слишком затратным, так как для этих солдат «не потребуются ни штабов, ни офицеров, ни унтер-офицеров»⁷⁰. Соответственно, в каждой из шести пехотных дивизий, расположенных в Царстве Польском, предлагалось дополнительно содержать по 50 человек в роте. Оружие для них хранилось бы в Новогеоргиевске и Бресте. В результате русские войска, столкнувшись с противником на Висле, получили бы еще 18 тыс. подготовленных солдат. Вместе с тем, отмечал Паскевич, такая мера не влекла «за собой огласки, могущей возродить в Пруссии опасение, что мы против нее вооружаемся, чего, кажется, необходимо сколь можно более избегать»⁷¹.

Пятое и шестое предложения фельдмаршала касались гарнизонов крепостей. Князь Варшавский настаивал на том, чтобы гарнизонные батальоны в Новогеоргиевске и Замостье содержались в полном комплекте, и желал, по примеру пехотных дивизий, «равномерно иметь в них на каждую роту по 50 сверхкомплектных рядовых»⁷². Он также просил увеличить в Новогеоргиевске число гарнизонных артиллерийских рот, поскольку надежная защита этой крепости имела ключевое значение для обороны Царства Польского.

Паскевич надеялся, что после реализации данной программы «число войск, с которыми нам можно будет первоначально встретить неприятеля близ Новогеоргиевска, усилится, во-первых, целой пехотной дивизией и 64 орудиями по случаю перемены дислокации на Волыни; во-вторых, 18 000 рядовых, которые получатся от сверхкомплектно содержимых 50 человек в ротах шести пехотных дивизий, и, в-третьих, 96-ю орудиями предполагаемого особого артиллерийского резерва»⁷³. Превосходство в силах, в случае начала предполагаемой войны, оставаясь на стороне прусской армии, становилось уже не столь безнадежным. Русская армия получала возможность «противопоставить первоначально 149 000 чел[овек] пруссаков с 560 орудиями 108 000 чел[овек] с 408 орудиями»⁷⁴.

Все эти предложения главнокомандующего Большой Действующей армией были одобрены императором. Однако на практике, вследствие хронического недостатка средств, строительные работы в крепостях продвигались медленно. В дислокации русских войск серьезных изменений не произошло. Планы строительства нового шоссе и создания артиллерийского резерва в районе Бреста остались нереализованными.

Для выполнения намеченной Паскевичем программы подготовки театра войны и сокращения сроков боевого развертывания армии в Польше России было отпущено не так уж много времени. Уже весной 1848 г. революции в Европе поставили перед императорской армией совсем другие задачи. Необходимость противодействия революционному кризису потребовала привести Действующую армию на военное положение. Развернувшиеся вдоль границ русские войска готовились к большой европейской войне и походу на запад, тогда как планы обороны Царства Польского оказались отодвинуты на неопределенное время. Мобилизованная русская армия стояла под ружьем в течение 1848 г., в 1849 г. последовала скоротечная Венгерская кампания. Практически весь 1850 г. армия находилась в боевом положении, так как обострившийся австро-пруссский конфликт угрожал перерасти в полномасштабную войну. Лишь в 1851 г. наступила передышка, но ненадолго – во второй половине 1852 г. очередной восточный кризис снова потребовал привести корпуса в боевую готовность.

Кроме того, сказывалась и действительно низкая вероятность русско-прусского конфликта в середине 1840-х гг. Расчеты Паскевича исходили из наилучшего для России сценария. Фельдмаршал готовился к борьбе практически со всей прусской армией (его записка предполагала вторжение в Польшу всех девяти армейских корпусов, включая гвардию). Учитывая натянутые отношения Берлина и Парижа в 1840-е гг., подобное оголение западной границы Пруссии было практически невероятно. Таким образом, майская записка 1845 г. осталась лишь памятником русской стратегической мысли, основные положения которой не могли быть тогда же осуществлены. Отвлекаясь на решение неотложных внешнеполитических задач, Россия не имела возможности укреплять положение Действующей армии в Царстве Польском на случай войны с ближайшим союзником. Лишь полное изменение баланса сил в Европе превратит его в потенциально смертельно опасного противника и решительно изменит приоритеты русской стратегии, сделав оборону Польского выступа важнейшей задачей.

Примечания

¹ См., например: *Шапошников Б.М.* Мозг армии. Кн. 1–3. М.; Л., 1927–1929; *Керсновский А.А.* Философия войны. М., 2010.

² *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

³ См., например: *Высочков Л.В.* Николай I. М., 2006; *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 185–194; *он же.* Историческое значение политической системы императора Николая: новая точка зрения // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 281–302. *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 188–222.

⁴ *Kagan F.W.* The military reforms of Nicholas I. N.Y., 1999; *Кухарук А.В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

⁵ Подробнее см.: *Щербатов А.Л.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 1–7. СПб., 1888–1904; *Кривошалов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853–1856 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. М., 2009. С. 238–272.

⁶ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 30.

⁷ См.: *Daly J.C.K.* Russian seapower and «The Eastern question» (1827–1841). Annapolis, 1991. P. 191. О военных расходах в царствование императора Николая I см.: *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия (история, статистика). Т. 1. СПб., 1882. С. 268–271.

⁸ РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 1, л. 84.

⁹ Там же, оп. 4, д. 359, л. 171–190.

¹⁰ Там же, оп. 5, д. 436, л. 37–54 об.

¹¹ Там же, ф. 14014, оп. 2, д. 39, л. 159–159 об.

¹² Там же, л. 128 об., 135 об.

¹³ Числительный состав войск стран Европы // Военный журнал. 1835. № 1–3. С. 121–160.

¹⁴ РГВИА, ф. 14014, оп. 2, д. 20, л. 5 об.–6.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Числительный состав войск стран Европы. С. 121–160.

¹⁷ РГВИА, ф. 14014, оп. 2, д. 20, л. 5 об.–6.

¹⁸ Военным корреспондентом в России в середине XIX в. назывался офицер или чиновник МИД, собиравший за границей по заданию Военного министерства сведения военного характера. Деятельность корреспондентов Военного министерства, в отличие от лазутчиков и тайной агентуры, носила подчеркнuto легальный характер. Донесения военных корреспондентов, наряду с дополнявшими их докладами из русских посольств и консульств, являлись для Департамента Генерального штаба в то время основным источником информации об иностранных армиях.

¹⁹ РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 106, л. 4 об.–6 об.

²⁰ *Смитт Ф., фон.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. Т. 1. СПб., 1863. С. 307–309.

²¹ *Зеланд А.Л.* Воспоминания о польском восстании и войне. 1830–1831 // Русская старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 522.

²² *Пузыревский А.К.* Польско-русская война 1831 г. Т. 1. СПб., 1890. С. 33.

²³ Там же. С. 67.

²⁴ Подробнее о составе пехотных дивизий см.: *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложения. СПб., 1908. С. 462.

²⁵ ПСЗ-II. Т. 8. Отд. 1. СПб., 1834. № 5943.

²⁶ Там же. № 6065. С. 156. § 6.

²⁷ Там же. № 6065.

²⁸ Там же. № 6676.

²⁹ *Гизетти А.Л.* Хроника кавказских войск. Ч. 1. Тифлис, 1896. С. 90, 94–97, 102.

³⁰ Об особенностях Царства Польского как театра военных действий см.: *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1–2. СПб., 1890.

³¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. СПб., 1843. С. 69, 79.

³² *Kagan F.W.* Op. cit. P. 90.

³³ *Епанчин Н.А.* Очерк похода 1829 г. в европейской Турции. Ч. 1. Подготовка к походу. СПб., 1905. С. 62.

³⁴ *Kagan F.W.* Op. cit. P. 94.

³⁵ Ibid. P. 90–92.

³⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 8. Трактаты с Германиею. 1825–1888. СПб., 1888. С. 118.

³⁷ *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные Дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 135.

³⁸ РГВИА, ф. 38, оп. 4, д. 360, л. 1–6.

³⁹ История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 343–345, 351.

⁴⁰ *Щербатов А.Л.* Указ. соч. Т. 5. Приложение. СПб., 1896. С. 477–478, 495, 497–498, 501, 504, 509, 516, 522, 529.

⁴¹ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 1–17.

⁴² В русской фортификации середины XIX в. преобладало разделение крепостей на 1-й, 2-й и 3-й классы, отличавшиеся друг от друга по степени своих оборонительных возможностей, а именно: мощностью и протяженностью верков, численностью гарнизона и артиллерии. Характерно, что русская военная мысль николаевского времени признавала возможность несоответствия между величиной и стратегической важностью крепости. См., например: *Военный энциклопедический лексикон.* Т. 8. СПб., 1855. С. 532.

⁴³ *Яковлев В.В.* История крепостей. М., 2000. С. 145–146.

⁴⁴ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 50.

⁴⁵ *Яковлев В.В.* Указ. соч. С. 147.

⁴⁶ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 3, д. 1, л. 36–58 об.

⁴⁷ Там же, л. 59–64 об.

⁴⁸ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 46.

⁴⁹ Щербатов А.Л. Указ. соч. Т. 5. СПб., 1896. С. 203–208, 301. См. также: Кухарук А.В. Указ. соч. С. 136–137.

⁵⁰ Сохранившаяся со времен Средневековья на землях бывшей Речи Посполитой феодальная повинность, предполагавшая использование крестьян на работах по ремонту дорог, плотин, мостов и пр.

⁵¹ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 1.

⁵² Там же, л. 1 об.–2.

⁵³ Там же, ф. 432, оп. 1, д. 91, л. 10 об.–12, 29.

⁵⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 185. *McElwee W.* The art of war Waterloo to Mons. L., 1974. P. 30.

⁵⁵ РГВИА, ф. 432, оп. 1, д. 106, л. 4 об.–6 об.

⁵⁶ *Buchholz A.* Moltke, Schlieffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. P. 36.

⁵⁷ РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 728, л. 4 об.

⁵⁸ Там же, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 1 об.–2.

⁵⁹ Там же, л. 4.

⁶⁰ Там же, л. 3–3 об.

⁶¹ Там же, л. 2 об.–3.

⁶² Там же, л. 4.

⁶³ Там же, л. 4–4 об.

⁶⁴ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т. 1. С. 73.

⁶⁵ РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 1216, л. 5 об.–6.

⁶⁶ Там же, л. 5 об.

⁶⁷ Там же, л. 6.

⁶⁸ Там же, л. 6 об.–7.

⁶⁹ Там же, л. 7.

⁷⁰ Там же, л. 7–7 об.

⁷¹ Там же, л. 7 об.

⁷² Там же, л. 7 об.–8.

⁷³ Там же, л. 8–8 об.

⁷⁴ Там же, л. 8 об.

© 2012 г. Н. М. АЛЕКСАНДРОВ*

СКОЛЬКО КРЕСТЬЯНИНУ НАДО ЗЕМЛИ? (К вопросу о норме крестьянского надела в пореформенной России)

Земельные реформы 60-х гг. XIX в. и пореформенное развитие российской деревни давно уже стали предметом тщательного изучения ученых. Однако, несмотря на значительные успехи в исследовании этих тем, многие вопросы продолжают активно дискутироваться. Одним из них является вопрос о величине земельного надела, необходимого для нормального функционирования крестьянского хозяйства в пореформенный период. Без ответа на него трудно дать объективную оценку самим реформам и определить, с каких «стартовых позиций» крестьянское хозяйство вошло в капиталистическую эпоху. В настоящей статье предпринимается попытка показать, какие подходы и методы применялись в разные эпохи для решения вопроса о норме крестьянского надела.

При всей критике реформы 1861 г. надо помнить, что освобождение крепостного населения совершилось в России на совершенно иных принципах, чем в Западной Европе. Кроме личной свободы крепостному крестьянину была дана земля. Мысль о

* Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

земельном наделе стала краеугольным камнем всего преобразования. «Главная цель правительства, – заявляли реформаторы, – состоит в создании обеспеченного сословия сельских обывателей, а отнюдь не в лишении этого сословия с первой поры его образования лучших средств к самостоятельному развитию»¹. Александр II вместе с разработчиками проектов освобождения крестьян, по-видимому, искренне надеялся, что проведенная на таких основаниях реформа будет способствовать в дальнейшем улучшению положения не только крестьян, но и помещиков. «Исход крестьянского вопроса, – писал царю Я.И. Ростовцев, – представляется мне в радужном свете: крестьяне получат свободу полную; они зачнут богатеть, ценность помещичьих имений возрастет быстро»².

Решив дать крестьянину землю, правительство поставило перед собой довольно сложный вопрос: какой величины должен быть предоставляемый земельный надел? В губернских комитетах при обсуждении его размера звучали самые разные мнения. Одни помещики считали, что за основу должен быть положен размер существующего надела, ограниченный определенным максимумом. Такие предложения исходили главным образом от комитетов нечерноземных губерний. Другие полагали, что в каждой губернии должна быть введена своя единая норма надела. Высказывалась также мысль, что при определении надела надо принимать во внимание такие показатели, как ценность земли, размеры имения, участие крестьян в неземледельческих промыслах и т.д.³

До отмены крепостного права размер земельной площади, необходимой для нормального ведения крестьянского хозяйства, зависел от многих обстоятельств. Известный знаток российской деревни А.Н. Энгельгардт отмечал, что «при крепостном праве помещик, особенно если у него не было недостатка земли, оставлял в пользовании крестьян такое количество земли, которое обеспечивало бы исправное отбывание повинностей по отношению к помещику и казне»⁴. Существенную роль играло плодородие почвы. При малой плодородности почвы и отсутствии подсобных промыслов помещику волей-неволей приходилось предоставлять крестьянину количество земли, достаточное для поддержания существования его семьи. В противном случае вся тяжесть содержания нищего населения легла бы на самого помещика. На величину надела влияла и система земледелия. В местах, где еще сохранялось лядинное хозяйство, надел был выше, чем у крестьян, применявших трехполье⁵. Размер надела зависел и от формы феодальной повинности. Барщинному крестьянину, как правило, требовалось больше земли, чем оброчному. Во-первых, в отличие от оброчного он получал средства к жизни главным образом за счет земледелия, так как возможности барщинного крестьянина заниматься неземледельческими промыслами были ограничены. Во-вторых, надел барщинника должен был обеспечить не только воспроизводство его хозяйства, но и содержание тяглового скота для обработки барской запашки.

Многообразие условий, в которых находилось российское крестьянство, создавало разработчикам реформы большие трудности. Для установления оптимального крестьянского надела в каждой местности им бы, по крайней мере, пришлось: 1. Определить с высокой точностью потребности крестьян; 2. Вычислить производительность надела в различных районах страны; 3. Оценить доход, получаемый крестьянами каждой местности как от земледелия, так и от не связанных с ним промыслов. Выполнить это было практически невозможно. Другой путь решения проблемы виделся столичным чиновникам в выяснении размеров «обыкновенного» надела в разных местностях. По их мнению, понятие «обыкновенного» надела существовало в каждой местности. Наделы ниже определенной площади считались «недостаточными, а выше – щедрыми, иногда излишними». Однако значительная часть губернских комитетов не поняла сформулированный нечетко запрос из столицы и вместо сведений об «обыкновенных» наделах прислала в Петербург данные о средних наделах по уездам⁶. Таким образом, и этот способ выяснения размера оптимального надела для каждой местности не помог членам Редакционных комиссий решить поставленную задачу.

В связи с затруднительностью определения оптимальной площади крестьянского надела Редакционные комиссии и приняли решение, «что за крестьянским сословием

должно быть по возможности сохранено право пользования, за определенные повинности, тем же самым наделом, которым существование его обеспечивалось до сих пор»⁷. В то же время авторы проектов аграрных преобразований полагали, что в ряде случаев крестьяне по тем или иным причинам имеют слишком «щедрые» наделы. Так, по данным, поступившим из Костромского губернского комитета, «обыкновенный» душевой надел помещичьих крестьян в Солигаличском и Ветлужском уездах составлял 10 десятин земли, а в Кологривском – 13 десятин⁸. Члены Редакционных комиссий считали, что «лишняя» земля крестьянам не нужна, так как они не задействуют ее в хозяйственных нуждах⁹. В связи с этим вводится понятие «высший надел»¹⁰. Разработчики реформы исходили из того, что он не должен был превышать земельной площади, которую крестьянская семья могла эффективно использовать. Обработав данные из многих регионов страны, чиновники решили, что количество пашни в большинстве крестьянских хозяйств разных местностей отличается незначительно. Различия, главным образом, состояли в размерах непахотных угодий. Это объяснялось большей или меньшей потребностью крестьян разных районов в покосах и пастбищах¹¹.

Однако при формировании местностей, на которые была поделена территория страны, во главу угла был положен не принцип хозяйственно-географического сходства, а плотность размещения крепостного населения: там, где на одного крепостного приходилось больше помещичьих угодий, там и «высший надел» был более значительным. Первоначально черноземная полоса была разделена на 3 местности с высшим наделом в 3, 3.5 и 4.5 десятины; а нечерноземная – на 6 (3.5, 4, 4.5, 5, 6 и 8 десятин). В дальнейшем количество местностей неоднократно изменялось, а размеры высших наделов были сокращены¹². По этому поводу в исторической литературе высказываются разные мнения. Ряд исследователей считает, что причиной сокращения норм было стремление членов Редакционных комиссий найти компромисс с консервативной частью дворянства¹³. Другие полагают, что столичные чиновники во время подготовки реформы стремились показать себя ее полновластными и единственными творцами и не особенно обращали внимание на нажим извне. Сокращение же размера высшего надела было вызвано методикой расчетов петербургских чиновников¹⁴.

От размера высшего надела зависела и величина низшего надела. Низший размер не рассматривался разработчиками как минимум земельной площади, способный спасти крестьянскую семью от голодной смерти. Этот надел вводился по другой причине. По замыслу членов Редакционных комиссий, «низший предел крестьянских наделов должен быть поставлен в такие узкие границы, чтобы прирезка крестьянам недостающего количества угодий не смогла сделаться общим явлением, но всегда сохраняла бы лишь характер исключения». Первоначально предполагалось, что он будет равен 2/5 высшего, потом, из-за опасения «обезземеливания» значительного количества мелкопоместных дворян, его величина была понижена до $\frac{1}{3}$ ¹⁵.

Разработчики реформы считали, что душевой надел в 8 десятин вполне достаточен для нормального развития крестьянского хозяйства даже в тех регионах, где климат и почва мало способствуют сельскохозяйственным занятиям. При трехпольном севообороте, по их мнению, большой размер надела приводил бы к малоэффективному использованию земли, так как поля получали бы недостаточное количество удобрений. Норма надела в 8 десятин земли как минимум, необходимый для крестьянского хозяйства, не была чем-то новым для страны. В дореформенный период правительство, наделяя землю государственных крестьян, установило норму в 8 десятин на ревизскую душу в малоземельных губерниях и 15 десятин – в многоземельных. Фактически осуществить это правило было не всегда возможно, и Министерство государственных имуществ допускало минимум в 5 десятин на душу¹⁶. При этом надо учитывать, что норма в 8 и 15 десятин включала в себя некий резерв земли, рассчитанный на прирост населения в крестьянской общине. Максимальный надел для государственных крестьян по реформе 1866 г. также был установлен в 8 десятин для малоземельных уездов и в 15 десятин для многоземельных.

Почему же принятые при проведении реформы 1861 г. размеры высшего надела даже в нечерноземной полосе были значительно меньше, чем 8 десятин? Дело в том, что, как уже отмечалось, при определении высшего надела у помещичьих крестьян главным показателем была не доходность земли, а размеры земельного фонда помещиков. Правительство не могло допустить, чтобы после отмены крепостного права дворяне оказались и без крестьян, и без земли. По мнению И.И. Иванюкова, одного из первых исследователей реформы 1861 г., если бы разработчики реформы учли все потребности крестьянского двора «и, сообразно с этими нуждами, определили нормальные наделы, крестьянское землевладение поглотило бы помещичье во всей черноземной не степной полосе, нечерноземных промышленных губерниях, юго- и северо-западных губерниях»¹⁷. Такая радикальная мера в планы правительства не входила. Решая вопрос о наделении крестьян землей, власти старались минимизировать потери помещиков. По этой причине крестьянские наделы в абсолютном большинстве случаев оказались меньше той площади, обрабатывая которую крестьянин мог бы обеспечить себя всем необходимым.

Следует отметить, что помещики были сильно встревожены грядущими переменами. У многих из них был собственный взгляд на размер надела, который крестьянин должен был получить при отмене крепостного права. Владельцы имений активно пытались донести до властей свое мнение не только через своих представителей в дворянских комитетах, но и путем выступлений в печати. Так, костромской помещик А.П. Шипов, чье имение находилось на границе двух уездов – Галичского и Кинешемского, разработал свой вариант проведения реформы, в котором предлагалось предоставить крестьянам по 4.5 десятины земли на ревизскую душу¹⁸. Евгения Приорова, имевшая небольшое поместье в одном из отдаленных уголков Ярославской губ. – Пошехонском уезде, полагала, что местным крестьянам вполне достаточен надел в 5 десятин на душу¹⁹. Эти помещики считали, что, получив надел, крестьянин все равно должен нуждаться в земле и в значительной степени будет зависеть от помещика. На то, что и в одной, и в другой местности указанные размеры земельного надела были явно недостаточны, указывает тот факт, что площадь «обыкновенных» наделов в них была значительно больше. В Кинешемском уезде «обыкновенный» надел составлял 4.8 десятины земли, в Галичском – 6 десятин, а в Пошехонском – 6.9 десятины²⁰. При этом рекомендованные данными помещиками нормы наделов все же были относительно щедрыми. Предложения Костромского и Ярославского дворянских комитетов были намного скупее. Члены первого считали, что крестьянам достаточно предоставить надел в малоземельных имениях в 1.5 десятины, в средних – 2.5, в многоземельных – 3. Представители второго определяли соответствующие цифры в 1, 1.5 и 3 десятины²¹. Но осуществление подобных предложений сделало бы невозможным ведение самостоятельного крестьянского хозяйства и могло бы привести к социальному взрыву, и столичные чиновники, в отличие от части провинциального дворянства, хорошо это понимали.

После отмены крепостного права вопрос о норме крестьянского надела стоял не менее остро. В это время, в отличие от предыдущего периода, им больше интересовались не владельцы имений и правительственные чиновники, а ученые и публицисты, которые пытались установить, насколько реформа отразилась на состоянии крестьянского хозяйства. Наиболее обстоятельно исследовал эту проблему Ю.Э. Янсон, который в своих расчетах опирался главным образом на данные, собранные Валуевской комиссией 1872–1873 гг., и сведения Податной комиссии. Он пришел к выводу, что в нечерноземной полосе «на тощей почве, требующей сильного удобрения, следовательно, достаточного количества лугов и выгонов, душевой надел для того, чтобы обеспечивать продовольствие семьи, и притом, если земля не очень уже плоха, не может быть с усадьбой менее 8 десятин»²². Янсон рассуждал так: «При 8 дес. может быть по две десятины в клину, 0.15 дес. под усадьбой, и только 1.85 под лугом и выгоном; с двух десятин озими при урожае сам-3 получится, за вычетом семян, до 45–50 пудов ржи, едва достаточных на прокормление 2½ душ, т.е. приблизительно того числа, какое

приходится на 1 ревизскую душу»²³. В черноземных же губерниях для обеспечения крестьянской семьи только продовольствием, по мнению ученого, необходимо было иметь «по 5 десятин в душевом наделе» или не менее 10 десятин на хозяйство²⁴. Янсон не соглашался с расчетами В.И. Чаславского, который считал, что в Курской губ. при трехпольном севообороте душевой надел в 4 десятины на душу может обеспечить прожиточный минимум (пропитание) крестьянской семье из 4 человек. В расчетах Чаславского такое хозяйство состояло из двух взрослых работников, мужчины и женщины, и нетрудоспособных членов семьи: стариков или детей. Оно располагало минимумом рабочего и продуктивного скота: лошадей, коровой, двумя овцами, свиньей²⁵.

Отметим, что 5 (или 8) десятин земли на ревизскую душу – это только тот минимум, который, по подсчетам Янсона, способен был обеспечить крестьянскую семью продовольствием. «Но за прокормлением, – добавлял он, – остается еще уплата податей, оброков и выкупных»²⁶. Следовательно, душевой надел должен быть больше вышеуказанных размеров. И.И. Ивановов в своем исследовании реформы 1861 г., дав высокую оценку расчетам Янсона, при выяснении вопроса об обеспеченности земель крестьян в восьми Центрально-Черноземных губерниях, исходил из того, что для данной местности 4 десятины являются нормой «удовлетворительного крестьянского надела», а участки ниже двух десятин должны считаться «совершенно необеспечивающими крестьянский быт»²⁷. Касаясь вопроса о различии в плодородии почв в разных регионах страны, ученый писал, что в черноземной полосе высший надел в 3.25 десятины давал крестьянину столько же хлеба, сколько в нечерноземной Новгородской губернии можно было получить только при высшем наделе в 5.6 десятин²⁸.

Свой метод решения проблемы предложил кн. А.И. Васильчиков, который прожил большую часть жизни в провинции и имел богатый опыт управления имениями, находившимися в разных регионах России. Ему приходилось заниматься сельским хозяйством как на северо-западе и западе страны (Новгородская, Псковская, Ковенская губ.), в черноземном центре (Тамбовская и Воронежская губ.), так и в Поволжье (Саратовская губ.)²⁹. Он считал, что размер крестьянского надела должен определяться не величиной урожая, необходимого для пропитания крестьянской земли, а исключительно рабочей силой крестьянского хозяйства. В качестве одного из доказательств этого положения он привел методы раскладки земли в крестьянских общинах. «Сельское общество, при мирских своих раскладах, – писал Александр Илларионович, – не спрашивает – сколько душ в семье, сколько требуется земли для пропитания, но справляется только о числе рабочих, потому что от этого зависит действительное владение, эксплуатация, и сколько бы ни было отведено земли на двор, она не принесет пользы, если не соответствует числу рабочих душ во дворе. Этот же народный, общепринятый счет может, как нам кажется, служить руководством для определения достаточности или недостатка земли»³⁰.

В то же время Васильчиков делал важное уточнение о том, что расчеты могут производиться двумя методами: во-первых, «по существующим обычаям и порядкам полеводства», даже если работа на земле выполняется «грубо и небрежно»; во-вторых, «как она должна быть производима по правилам сельского хозяйства». Ошибочность первого метода, по мнению князя Васильчикова, заключалась в том, что в ряде местностей страны во второй половине XIX в. еще не отделились от подсеки и перелога, и к тому же большинство крестьян плохо обрабатывали землю. В таком случае рабочий мог, несомненно, «осилить большое пространство», и крестьянский надел должен быть больше, чем при трехполье и качественной обработке почвы. Вот этот-то «фальшивый расчет и берется у нас обыкновенно в основание суждений о недостатке земли и жалоб самих крестьян на стеснение»³¹. Таким образом, «если считать во дворе по средней сложности 1½ рабочих мужика и 3 ревизских души, то поэтому приходилось бы как нормальный или высший надел на рабочего 10–13 дес. и на душу 5–6¼. Пропорцию эту следовало бы несколько уменьшить в северных губерниях и увеличить в южных»³². Отличие в размере высшего надела в разных районах страны объяснялось тем, что

в северных губерниях при обработке земли требуется больше времени и сил, чем в южных.

Известный русский народник, экономист и публицист С.Н. Южаков посвятил вопросу о нормах крестьянского надела специальную работу³³. Проанализировав труды Янсона и Васильчикова, Южаков назвал их самыми капитальными исследованиями по проблемам российской деревни. Он отметил, что среди специалистов сформировалось два подхода к решению вопроса о норме крестьянского надела: «на основании средней рабочей силы и средней потребности». Оба они, по мнению Южакова, ни в чем не противоречат друг другу, так как величина рабочей силы указывает на максимум земельной площади, которую может обработать крестьянин, а выяснение потребностей «служит для определения *minimum*'а народных наделов»³⁴. Поскольку потребности крестьянина, как и условия сельскохозяйственного производства, в разных регионах России имеют значительные отличия, ученый разделил территорию страны на 9 крупных областей. Для каждой из них он вычислил максимальную площадь, которую мог в течение сельскохозяйственного года обработать один крестьянин. Так, в так называемом Полесье, к которому была отнесена значительная часть территории Верхнего Поволжья, один работник, по его подсчетам, мог обработать 13 десятин земли. При этом максимальный надел на ревизскую душу в Верхнем Поволжье не должен был превышать 8.5 десятины удобной земли³⁵. Необходимо заметить, что в своей работе, вышедшей спустя почти четверть века после отмены крепостного права, исследователь указал на то, что такая единица учета, как ревизская душа, уже не отражала истинную численность мужского населения деревни. Реально мужское население к тому времени значительно превосходило учтенное в 1857 г. последней ревизией. По этой причине рассчитанный максимальный земельный надел на ревизскую душу был больше, чем на душу наличную, но все же меньше, чем на взрослого работника.

Для определения минимальных размеров крестьянского надела Южаков попытался определить доходы и расходы крестьянского хозяйства в различных регионах страны. По этим подсчетам, в Верхнем Поволжье только минимальный надел в 6.25 десятины удобной земли на ревизскую душу давал возможность крестьянской семье обеспечить себя пропитанием и заплатить налоги³⁶. Отметил он и такую закономерность: чем севернее район, тем меньше разница между «рабочей» и «продовольственной» нормой надела. В Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ. «рабочая норма равняется продовольственной», т.е. население не в состоянии обработать земли больше, чем нужно для получения продовольствия и уплаты налогов³⁷. В заключительной части своей работы автор привел данные о количестве земли, необходимой для обеспечения всего крестьянского населения по нормам «потребительского» минимального надела. Согласно им, в Европейской России к 1880-м гг. образовался большой дефицит сельскохозяйственных земель. Для решения аграрного вопроса требовалось не только переселение крестьян на свободные территории за Уралом, но и повышение агрокультуры обрабатываемых площадей³⁸.

В 1891 г. вышла книга Л.В. Ходского «Земля и земледелец». Ее автор подверг критике метод анализа данных о надельной земле крестьян в ходе земельной переписи 1877–1878 гг. Он отметил, что качественное значение одного и того же по размеру надела на пространстве 49 губ. Европейской России до такой степени различно, что сравнивать одинаковый по размеру надел в разных местностях страны «все равно, что суммировать аршины, вершки, сажени, не делая приведения их в одинаковое наименование». Ученый считал, что, принимая для всей страны какую-либо единую площадь крестьянского надела за признак достаточного обеспечения землей и разбивая крестьянское население на группы относительно обеспеченных и необеспеченных землей крестьян, исследователи получают совершенно ложное представление и о качественном, и о количественном характере таких групп³⁹. Методы определения норм крестьянских наделов на основании рабочей силы семьи или по ее «потребительским и расходным нуждам», по мнению Ходского, не могли привести к надежным результатам. Размер «нормального» надела зависел не только от качества почвы, но и от

способа ведения хозяйства, от сельскохозяйственных знаний и опытности, от состава крестьянской семьи, от уровня обычных потребностей, от суммы прямых и косвенных налогов, падающих на крестьянское хозяйство, от курса бумажного рубля и многих других факторов. Ходский полагал, что русская экономическая статистика содержит слишком мало материала и на ее основании нельзя выяснить с достаточной убедительностью рабочую и потребительскую нормы для всех регионов Европейской России. Кроме того, исследователь отметил, что предложенные методики не учитывают доходы от различных промыслов, являвшихся важным источником пополнения бюджета крестьянской семьи. Он предложил исчислять надел по земле, находящейся у государственных крестьян. Еще до реформы 1866 г. «правительство старалось по возможности предоставить государственным крестьянам земли в размере рабочих сил, – заметил он, – чтобы крестьяне, обрабатывая землю, могли с нее кормиться сами и отбывать разные государственные и местные платежи и повинности». «Таким образом, – делал вывод Ходский, – средний надел бывших государственных крестьян приблизительно можно принять за рабочую норму крестьянской поземельной собственности в каждой отдельной местности и за достаточное обеспечение наделной землей в предреформенный период; наделение же крестьян – все равно государственных, удельных или помещичьих, – свыше этой нормы можно считать избыточным, а меньшее наделение – недостаточным»⁴⁰.

Ученый составил таблицу, в которой в соответствии с этой методикой указывалась величина всех трех видов наделов и количество крестьян в каждой губернии Европейской России, получивших «щедрые», «достаточные» и «недостаточные» наделы⁴¹. Так, во Владимирской губ. «достаточным» оказывался надел от 4 до 5 десятин, в Костромской – от 4,5 до 5 десятин и в Ярославской – от 3 до 4 десятин. С точки зрения Ходского, «достаточный» надел не обязательно равен площади, обрабатывая которую, крестьянская семья могла получить урожай, позволявший прокормить себя и заплатить все необходимые налоги. Он мог быть и значительно меньше, если крестьянское хозяйство получало доходы не только от сельского хозяйства, но и от разного вида промыслов. Так, «достаточный» надел в Ярославской губ. оказывался меньше, чем во Владимирской, поскольку ярославские крестьяне получали более значительные доходы от внеземледельческих промыслов. И это несмотря на то, что качество земли во Владимирской губ. было выше, чем в Ярославской. Использование такой методики привело Ходского к выводу, что в Европейской России в ходе аграрных реформ 1860-х гг. «недостаточные» наделы получили 27.7% крестьян. Губернии Верхнего Поволжья, согласно подсчетам ученого, в этом отношении сильно отличались между собой. Так, в Костромской губ. «недостаточные» наделы получили 43% крестьян, во Владимирской – 20.9%, а в Ярославской – только 17.2%⁴².

В советский период проблема достаточности крестьянского надела в пореформенной России стала основой оценок историками крестьянской реформы 1861 г. Правда, исследователи уже не пытались самостоятельно определить доходность крестьянских наделов, полагаясь на данные дореволюционных специалистов. Естественно, они столкнулись при этом с той же проблемой невозможности вычисления единой нормы наделов для всей страны. Даже П.А. Зайончковский, автор двух фундаментальных исследований, посвященных реформе 1861 г., приводит разные данные о размере душевого надела, обеспечивающего прожиточный минимум крестьянина в России. В книге «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.» он указывал, что такой надел должен быть не менее 6 десятин земли⁴³, а в более поздней работе «Отмена крепостного права в России» допускал возможность понизить эту цифру до 4 десятин⁴⁴.

Академик Н.М. Дружинин, изучавший последствия крестьянской реформы, сгруппировал сельские общины по размерам надела на ревизскую душу следующим образом: малоземельные – до 2 десятин, среднеземельные – до 5 и многоземельные – свыше 5 десятин⁴⁵. Предложенное Дружининым деление стало применяться некоторыми историками и в региональных исследованиях⁴⁶. Однако ряд ученых считали, что в значительном количестве районов России душевой надел в 5 десятин земли не мог

обеспечить прожиточный минимум крестьянину. Д.А. Тарасюк, автор монографии, посвященной источниковедческому анализу данных земельной переписи 1877–1878 гг., писал по этому поводу: «Принимая во внимание многообразие условий, существующих в России для сельскохозяйственного производства, очевидно, следует считать, что надел, достаточный для ведения хозяйства, должен быть не менее 6 дес. на ревизскую душу мужского пола»⁴⁷.

В той или иной степени вопрос о земельной площади, необходимой для нормального ведения крестьянского хозяйства, затрагивался многими отечественными исследователями. Однако со временем ученых больше стало интересовать земельное обеспечение крестьян не вскоре после отмены крепостного права, а в начале XX в. – в период, предшествовавший революциям⁴⁸. Часть историков в своих работах опиралась на несколько политизированное суждение В.И. Ленина, который считал, что в начале XX в. «для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужны не менее 15 дес.»⁴⁹; другие приводили иные цифры. В посмертно опубликованной работе А.М. Анфимова «Неоконченные споры» в разделе «Много ли человеку земли нужно» приведены расчеты дореволюционных экономистов и мнения самих крестьян о размерах земельной площади, обеспечивающей рентабельность хозяйств. Большинство из них считало, что в черноземной зоне необходимо иметь 10–15 десятин земли на двор⁵⁰.

В.Г. Тюкавкин в последней своей крупной работе внес корректировку в расчеты Ю.Э. Янсона о нормах потребления хлеба в крестьянской семье. Тюкавкин считал, что Янсон несколько преувеличил эту норму, а следовательно, и «потребительская норма» земельного надела могла быть меньше той, что он указывал⁵¹. Историк также отметил, что условия ведения крестьянского хозяйства в 1870–1880 гг. и в начале XIX в. существенно различались. К примеру, средний урожай зерновых в стране в 1900–1910 гг. вырос по сравнению с 1870–1880 гг. на 40%⁵². Это подтверждается и данными по отдельным регионам. Так, если в 1860–1870-х гг. средний урожай ржи в Ярославской губ. составлял сам-3,5, то к 1890-м гг. он увеличился до сам-5⁵³. Рост урожайности и повышение цен на сельскохозяйственные продукты дали крестьянину возможность обходиться меньшим количеством земли, чем в первые пореформенные годы. Поэтому, по мнению Тюкавкина, в начале XX в. площадь, необходимая крестьянской семье, должна была быть не менее 8,5 десятины в черноземной полосе и 9–9,5 десятины в нечерноземной⁵⁴.

Интересно отметить, что данные о минимальном наделе, способном прокормить крестьянскую семью, в региональном исследовании рисуют ту же картину, что и при макроисследованиях: размытость границы «нормального» надела и изменение его величины в разные временные периоды. Так, земские статистики, изучавшие в конце XIX в. крестьянское хозяйство Нерехтского уезда Костромской губ. (уезд этот находился в самом центре Верхнего Поволжья и в достаточно высокой степени отражал природно-климатические условия во всем регионе), отмечали, что минимум надела, который «необходим для нормального существования крестьянского хозяйства», составляет 16,08 десятины (6,43 десятины пашни и 9,65 десятины кормовой площади)⁵⁵. На мой взгляд, земские статистики существенно завысили площадь кормовых площадей. На это указывает и сравнение соотношения пашни и кормовых угодий в приводимых выше расчетах Янсона. По всей видимости, они ориентировались не на крестьянский двор, стоящий на пороге бедности, а на крепкое середняцкое хозяйство, хорошо обеспеченное скотом. Это косвенно подтверждает и работа М.Е. Кадека, в которой показано состояние сельского хозяйства в начале XX в. в соседней Ярославской губ. На основе изучения доходности крестьянских хозяйств Мышкинского уезда ученый пришел к выводу, что крестьянский двор должен иметь минимум 10 десятин земли. «Где площадь ниже 10 десят., – утверждал он, – ...население живет или впроголодь, урезывая свои и без того слишком скромные жизненные потребности, или вынуждено искать более выгодный, чем земледельческий, заработок на стороне»⁵⁶.

В конце XIX – начале XX в. в губерниях Верхнего Поволжья на крестьянских полях распространяется многопольный севооборот. При переходе к новой системе полеводства уменьшалась и земельная площадь, необходимая для удовлетворения минимальных потребностей крестьянского хозяйства. Примером высокой доходности новой системы может служить хуторское хозяйство Груздева в Ветлужском уезде Костромской губ. – одно из лучших крестьянских хозяйств страны. В 1912 г. Груздев, располагая всего 12 десятинами 1963 саженьями земли и имея 7 человек в семье, не просто свел концы с концами, а имел превышение доходов над расходами на довольно значительную сумму в 100 руб.⁵⁷

Рассматривая проблему «достаточных» земельных наделов для крестьянских хозяйств следует учитывать, что налоговая нагрузка в течение второй половины XIX – начала XX в. не была одинаковой. В пореформенный период дважды изменялся размер крестьянских выкупных платежей. Так, с 1 июля 1882 г. произошло значительное их сокращение. С 1 января 1906 г. размер выкупных платежей понизился еще на 50%, а с 1 января 1907 г. их взимание полностью прекратилось. Во второй половине XIX – начале XX в. были и другие изменения в налоговой нагрузке на крестьян.

Приведенные данные показывают, что в силу большого разнообразия местных условий определить какую-то единую норму «достаточного» надела не только для всей страны, но и для ее отдельного региона можно только очень приблизительно. Кроме того, следует учитывать, что величина земельного надела, способного обеспечить нормальное функционирование крестьянского хозяйства – категория историческая. Для каждого конкретного периода пореформенной эпохи необходимо проводить свои расчеты, и эта работа еще очень далека от своего завершения.

Примечания

¹ Второе издание материалов Редакционных комиссий. СПб., 1860. Т. III. Кн. 1. С. 28.

² Цит. по: *Иванюков И.* Падение крепостного права. СПб., 1882. С. 320.

³ Там же. С. 251.

⁴ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. М., 1987. С. 393.

⁵ *Иенатович И.И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 56.

⁶ *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Т. II. Ч. II. Бонн-на-Рейне, 1865. С. 1039.

⁷ Там же. С. 1038.

⁸ Там же. С. 1494–1495.

⁹ Там же. С. 1062.

¹⁰ Подробнее о возникновении категории «высший надел» и ее эволюции см.: *Долбилов М.Д.* Статистический эксперимент реформаторов: коллизии в расчетах высших размеров крестьянских наделов при освобождении // *Россия сельская. XIX – начало XX в.* М., 2004. С. 83–106.

¹¹ *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1061.

¹² Там же. С. 1063, 1579–1599; Высочайше утвержденные его императорским величеством 19 февраля 1861 года положения о крестьянах вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. С. I–V.

¹³ *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 213–214; *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России. М., 1991. С. 121.

¹⁴ *Долбилов М.Д.* Указ. соч. С. 98–99, 102, 104.

¹⁵ *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1072–1073.

¹⁶ *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе, 1861–1880 гг. М., 1978. С. 119–120.

¹⁷ *Иванюков И.* Указ. соч. С. 256.

¹⁸ Журнал землевладельцев. 1858. № 4. С. 21.

¹⁹ Там же. № 13. С. 29.

²⁰ *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 1494–1495, 1510–1511.

²¹ Там же. С. 1510–1511.

²² *Янсон Ю.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881. С. 28.

²³ Там же. С. 28. Примечание.

- ²⁴ Там же. С. 70.
- ²⁵ *Чаславский В.И.* Хлебная торговля в Центральном районе России. Ч. 1. СПб., 1873. С. 9.
- ²⁶ *Янсон Ю.* Указ. соч. С. 28.
- ²⁷ *Иванюков И.* Указ. соч. С. 320.
- ²⁸ Там же. С. 308.
- ²⁹ *Васильчиков А.* Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. V.
- ³⁰ Там же. С. 91.
- ³¹ Там же. С. 94.
- ³² Там же. С. 96.
- ³³ *Южаков С.Н.* Нормы народного землевладения. (Опыт экономического исследования о нормальной величине крестьянских наделов в России) // Русская мысль. 1885. Кн. IX. С. 1–40.
- ³⁴ Там же. С. 2–3.
- ³⁵ Там же. С. 15.
- ³⁶ Там же. С. 29.
- ³⁷ Там же. С. 30.
- ³⁸ Там же. С. 36.
- ³⁹ *Ходский Л.В.* Земля и земледелец. Экономическое и статистическое исследование. Т. II. СПб., 1891. С. 240.
- ⁴⁰ Там же. С. 241.
- ⁴¹ Там же. Таблица X. С. 30–37.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 13.
- ⁴⁴ *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 284.
- ⁴⁵ *Дружинин И.М.* Русская деревня на переломе... 1978. С. 118.
- ⁴⁶ *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. Социально-экономическое исследование. М., 1984.
- ⁴⁷ *Тарасюк Д.А.* Поземельная собственность пореформенной России. Источниковедческое исследование по переписи 1877–1878 гг. М., 1981. С. 86.
- ⁴⁸ *Хрящева А.И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1921. С. 60; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1952. С. 275; *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 188–189; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988. С. 90–91.
- ⁴⁹ *Ленин В.И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века // *он же.* ПСС. Т. 17. С. 64.
- ⁵⁰ *Анфимов А.М.* Неоконченные споры. Из архива историка // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 57–58.
- ⁵¹ *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 65–70.
- ⁵² Там же. С. 69.
- ⁵³ См.: Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 8. Ярославль, 1901. С. 2.
- ⁵⁴ Там же. С. 69.
- ⁵⁵ Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. I. Вып. I. Кострома. 1901. С. 80.
- ⁵⁶ *Кадек М.Е.* Сельское хозяйство Ярославской губернии в начале XX в. // Труды Ярославского педагогического института. Т. I. Вып. II. Ярославль, 1926. С. 11.
- ⁵⁷ См.: Крестьянское хозяйство в России. Промышленные губернии. Петроград, 1915. С. 23–28.

ЗЕМСТВО УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ И АГРАРНАЯ СТАТИСТИКА

К моменту открытия в 1875 г. в Уфимской губ. земских учреждений, в крае уже действовал губернский статистический комитет в системе МВД, подчинявшийся губернатору, который по должности и возглавлял его¹. Комитет представлял собой бюрократическую организацию, собиравшуюся считанное число раз в году и состоявшую в основном из «свадебных генералов». У него не было постоянного штата сотрудников и своего аппарата на местах, а вся непосредственная работа лежала на его секретаре. Сбор информации выполняли казенные структуры, которые в обязательном порядке должны были предоставлять затребованные сведения. Различные данные по сельскому хозяйству, числу жителей и проч. поступали от волостных правлений и полиции. При отдельных наиболее энергичных секретарях деятельность комитета активизировалась². Главным его изданием были ежегодные «Обзоры Уфимской губернии», служившие приложениями к губернаторским отчетам царю. Среди разнообразных статистических материалов здесь помещалось немало сведений о сельском хозяйстве, агрономической и продовольственной помощи населению, о землевладении, задолженности по ссудам, о хлебной торговле и движении грузов по железной дороге.

Уфимское земство сначала не создало своей структуры для сбора информации. Лишь постепенно складывалось понимание необходимости в земской статистической организации³. В 1880-е гг. в Уфе недолго существовал статистический отдел, для руководства которым был приглашен О.Э. Шмидт, впоследствии возглавлявший земскую статистику в Нижегородской губ. с 1895 по 1915 г.⁴ Одновременно инициативу проявило одно из уездных земств (Мензелинское). В 1884 г. агроном Д.Н. Тяжелников впервые в крае провел уникальное подворное (пообщинное) обследование всего Мензелинского уезда, материалы которого были изданы лишь спустя полтора десятилетия⁵.

Возникновение уфимской земской статистики связано с принятыми 8 июня 1893 г. «Правилами для оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами»⁶. Потребность в оценке земельных и городских имуществ, облагавшихся налогами, привела земство к необходимости проведения собственных регулярных исследований, и в 1894 г. губернское земское собрание постановило организовать оценочно-статистический отдел при губернской управе, ассигновав на него внушительную сумму в 24 тыс. руб.⁷ С 1 января 1895 г. при губернском земстве было учреждено статистическое бюро (отделение), заведовать которым назначили сначала местных сотрудников: агронома Н.Г. Овчинникова (работал до февраля 1896 г.), затем временно Д.Н. Тяжелникова (февраль 1896 г. – апрель 1897 г.)⁸. Уфимские статистики начали работу с амбициозного проекта, проведя сплошное обследование всей губернии в 1895–1897 гг. Но должной квалификации не было: собранные Овчинниковым в 1895 г. материалы по Уфимскому уезду затем подверглись «значительным дополнениям и полной переработке», так как «оказались неудовлетворительными»⁹. Руководство уфимского земства осознало, что организовать качественную статистическую службу может только профессиональный статистик. В 1897 г. уфимский губернатор Н.М. Богданович, поддерживавший научные изыскания в крае, предложил земству учредить текущую сельскохозяйственную и продовольственную статистику, расширив оценочное дело¹⁰.

Уфимские земцы предложили возглавить статистическое бюро С.Н. Велецкому, причисленному на тот момент к отделу сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ. Он прибыл в Уфу

* Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

и 12 апреля 1897 г. вступил в должность. Велецкий (родился в 1864 г.) начинал карьеру статистика в Полтавском земстве¹¹, до отъезда в Уфу занимался подготовкой обобщающего исследования по истории земской статистики, которое было завершено уже в Уфе в октябре 1897 г. и вышло в Москве с предисловием профессора А.И. Чупрова¹². Этот огромный труд получил благожелательный отзыв А.А. Кауфмана: «При своем несколько компилятивном характере – [книга] все же ценная как даваемым в первом томе историческим обзором и изложением существенных методологических основ земской статистики, так и особенно – собранными в остальных двух томах программами статистических формуляров и инструкциями земской статистики»¹³.

То, что Уфимская земская статистика появилась довольно поздно, оказалось ее большим преимуществом. К тому времени земскими деятелями различных губерний был накоплен огромный опыт как в проведении полевых исследований, так и в методике статистической работы. Видимо, «под» Велецкого уфимское земство сначала щедро финансировало статистику, на которую в 1895 г. было израсходовано 22.8 тыс. руб., 1897 г. – 35.4 тыс., 1898 г. – 46.3 тыс., 1899 г. – 42.1 тыс. руб. Этот уровень впоследствии превысили лишь в 1912 г.¹⁴ На рубеже веков в Уфе складывается ядро квалифицированных кадров. Среди первых уфимских земских статистиков были Тяжелников, технолог Е.В. Пашковский, будущий известный большевик А.Д. Цюрупа. Примерно в 1897 г. в Уфу приехал и поступил на работу в статотдел агроном М.П. Красильников (родился в 1870 г.). 1 июля 1899 г. Велецкий оставил службу в Уфимской губ.¹⁵ Внезапный отъезд проработавшего в Уфе немногим более двух лет Велецкого (с 1899 г. он служил в переселенческом управлении Степного края), возможно, был связан с одной сомнительной историей¹⁶.

Во главе уфимской статистики встал Е.В. Пашковский (1868–1939), также известный статистик, экономист. Службу он начал в статистическом бюро Тверского земства в 1893 г., весной 1896 г. поступил в статистическое бюро Уфимского земства, которым руководил до 1903 г. С декабря 1904 г. Пашковский работал в Ярославском бюро, с декабря 1905 до февраля 1915 г. возглавлял оценочно-статистическим отделение Вологодского губ. земства, в 1918–1930 гг. работал заместителем управляющего ЦСУ СССР¹⁷.

Последняя смена руководства в уфимской земской статистике произошла после убийства эсерами в мае 1903 г. губернатора Богдановича. В конце 1903 г. Пашковский покинул Уфу¹⁸ (как он сам выражался, «оставил службу по независимым обстоятельствам»). Руководство статистическими исследованиями перешло к Красильникову, возглавлявшему статистический отдел до 1918 г. и сыгравшему исключительную роль в дальнейшем развитии научных изысканий в крае. Новый заведующий тоже был связан с оппозиционными кругами, в 1892 г. привлекался к дознанию по делу о Московском тайном кружке («Временный организационный исполнительный комитет») и «был изобличен в близких сношениях с лицами, прикосновенными к революционному движению», за что 7 декабря 1894 г. «был подвергнут тюремному заключению на один год», а с 10 июля 1895 г. находился под гласным надзором полиции. По прошению Красильникова с изъявлением «раскаяния и верноподданейших чувств» срок надзора полиции ему был сокращен с двух лет до шести месяцев¹⁹. В дальнейшем во время проживания в Уфе Красильников в революционном движении не участвовал, но, видимо, из-за такого прошлого его долго не утверждали заведующим отделением, он числился исполняющим должность.

Красильников был талантливым исследователем, умелым организатором, автором многочисленных научных трудов²⁰. Он ежегодно выпускал обширные хозяйственно-статистические обзоры и иную литературу, возглавил проведение в Уфимской губ. трех сплошных подворных переписей крестьянских хозяйств. Полная биография этого выдающегося исследователя еще не составлена. Пережив Гражданскую войну в Сибири²¹, с 1922 г. он успешно работал в ЦСУ СССР, являлся одним из разработчиков и организаторов переписи 1926 г. В декабре 1924 г. он возглавил Комиссию по переписям, выступал с докладом на Всесоюзном съезде статистиков в феврале 1926 г.²²

Таким образом, у истоков уфимской земской статистики оказалась целая плеяда исследователей, многие из которых (Пашковский, Красильников А.Р. Бриллинг²³), впоследствии входили в число организаторов советской статистики, работая в главном аппарате ЦСУ. Есть сведения, что в рядах уфимских статистиков некоторое время (с декабря 1897 по 1901 г.) состоял и П.И. Попов, первый начальник ЦСУ РСФСР/СССР (1918–1926). В своей автобиографии он говорил, что «Уфа стала первым этапом в череде его продолжительных поездок по России»²⁴. Видимо, он нанимался на временные статистические работы, так как являлся ссыльным и в штате не состоял. Под руководством Велецкого, Пашковского и Красильникова в Уфимской губ. развернулись ширококомаштабные исследования, была создана система сбора информации, организована разветвленная структура статистических органов, охватившая все уезды. Был осуществлен беспрецедентный прорыв в издательской деятельности, началась публикация многотомных «сборников статистических сведений по Уфимской губернии», «хозяйственно-статистических обзоров», всевозможных докладов и пр. Например, в 1900 г. увидели свет 6 работ, сданных в предыдущем году, общим объемом 278 печатных листов, и 6 книг этого года – 64 печатных листа. Еще 8 трудов ожидали своей публикации²⁵.

Постепенно сложились профессиональные штаты. В 1900–1901 гг. внутри бюро выделились отделы оценочно-статистический (Пашковский), текущей статистики (Красильников) и оценки промышленных заведений (техник Бриллинг, приглашенный из Тамбовской губ.). К 1905 г. существовал единый статистический отдел, а с 1912 г. помощником Красильникова стал накопивший большой опыт исследовательской деятельности А.М. Брагин, в 1920-е гг. возглавлявший Башкирское ЦСУ²⁶.

В земском статистическом отделе в 1898 г. состояло 6 статистиков, 6 помощников статистиков, 21 счетчик, делопроизводитель, на временные работы нанималось 75 человек²⁷. В 1902 г. в Уфе числились заведующий, его помощник, делопроизводитель, техник по оценке промышленных заведений, 5 статистиков и счетчиков. В каждом уезде исследования возглавлял уездный статистик со своим штатом. Аппарат статистического отдела выполнял огромную работу – рассылались сотни тысяч всевозможных программ, ведомостей, бланков и т.д. В 1900 г. только для переписи посева и скота отправили 351 тыс. карточек. Проводились выездные (экспедиционные) исследования, обрабатывалась гигантская информация, готовились к публикации многочисленные труды, составлялись различные справки и отчеты.

Уфимские земские статистики провели целый ряд уникальных исследований, тематику которых устанавливали сами. Так, в 1899 г. добровольные корреспонденты собрали подробные сведения по знакомым крестьянским семьям о годовом расходе основных продуктов. Было получено 327 описаний, из которых подготовили отдельную главу ежегодного обзора²⁸. Это редкий источник о питании крестьянства, с разбивкой по национальностям и достатку. В обзоре следующего года опубликованы результаты уникального исследования ростовщичества в крестьянской среде. По одной волости Мензелинского уезда статистики провели регистрацию всех частных долгов населения, задолженности по налогам, за продовольственную помощь и проч.²⁹ В обзоре за 1904 г. поместили собранные в 1903 г. интересные данные о раскладке волостных сборов в Уфимской губ.³⁰ В 1905 г. вышли статистика слепых (по губернской переписи 1903 г.) и работа Н.М. Ионова «Отхожие, местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии»³¹. В 1908 г. опубликовали статьи о пчеловодстве и рыболовстве, движении хлебных грузов (также в 1910 г.³²), поволостные данные о землевладении, народном образовании в 1908/09 учебном году и др.³³

Помимо экспедиционных обследований уфимские статистики использовали сведения добровольных корреспондентов, плотная сеть которых покрыла всю Уфимскую губ. Например, в 1913 г. информация об урожайности ржи была получена от 3 734 корреспондентов, по овсу – от 3 120³⁴. Но добровольные корреспонденты не могли предоставить важнейшие сведения о величине посевных площадей, и здесь уфимским статистикам пришлось использовать данные сельских и волостных правлений, которые

отправляли эту информацию также в ЦСК МВД. Рассмотрим этот вопрос подробнее, потому что в современной историографии ряд авторов (Б.Н. Миронов, П. Грегори, М.А. Давыдов) стали широко привлекать материалы официальной статистики посевов, выстраивая именно на ней свои расчеты.

Сначала уфимские земские статистики для получения сведений о посеве в крестьянских хозяйствах составили списки всех домохозяев Уфимской губ. по данным страхового отдела и разослали в конце апреля 1898 г. по волостям³⁵. Сельские писари отметили против каждой засеянную площадь на надельной, купчей, арендованной земле. Сведения вернулись отовсюду, кроме Биштыкинской волости Уфимского уезда. В ходе опроса впервые была показана группировка крестьянства по размеру посевной площади. Указывалось число хозяйств по 11 группам (далее количество групп сократили), по которым для каждой подсчитали потребность семьи в хлебе, нехватку или избыток зерна³⁶. По этой системе сбор информации продолжали и на следующий год. В трех волостях, выбранных «на удачу», земцы проверили сведения сельских старост. В очередном выпуске данные о посевах впервые были сгруппированы по национальности крестьян³⁷, затем – по владению скотом (рабочими лошадьми). Появились также комбинационные таблицы, стабилизировалась методика, сохранившаяся почти без изменений на протяжении следующего десятилетия.

Таким образом, источником информации уфимской земской статистики стали данные волостных (сельских) правлений, хотя система сбора сведений о крестьянских посевах по спискам через старост (писарей) с самого начала вызывала сомнения. Должностные лица, обремененные массой обязанностей, были не всегда в состоянии давать качественную информацию. Земский начальник из Стерлитамакского уезда С.Р. Минцлов так характеризовал ситуацию: «буквально нет почтового дня, чтобы не приходило какое-нибудь предписание волостным писарям о “немедленной” (лучше всего это вечное немедленно!) доставке сведений... то о количестве посевов, то о всходах трав и т.д. без конца. Писаря сознавались мне, что все пишется ими на “глаз”; близко ознакомься с делом, вижу, что иной, при настоящих условиях, эта писарская статистика и быть не может. Надо самому побывать в волостных правлениях и повидавать горы книг... над которыми корпят писаря и их помощники!»³⁸

Статистический отдел, прекрасно зная обстановку на местах, уже в 1902 г. попытался организовать перепись посевов «силами наличного состава» сотрудников. В начале мая четыре человека выехали в волости, «в которых наблюдалось неаккуратное составление списков». Но затем экспедицию свернули, обследование коснулось только трех волостей³⁹. Далее все осталось по-прежнему. Кроме того, статистики пришли к выводу, «что в показаниях старост кроется какое-то тенденциозное понижение». Так, данные старост об урожае по сравнению с другими источниками отличались всегда в сторону занижения на 15–20%. «Мы ежегодно становились пред вопросами: достоверны ли эти цифры, не будет ли громадной ошибкой обосновывать на них выводы», – подчеркивал А.М. Брагин⁴⁰. В первые годы своей деятельности уфимские статистики пытались контролировать точность информации, затем эта проблема исчезает со страниц отчетов.

Вопрос вновь встал на повестку дня в 1909 г., когда из-за большой занятости оценочными работами ведение текущей статистики стали передавать уездным управам (сначала Мензелинской)⁴¹. Мензелинские статистики сумели уже на следующий год провести экспедиционным методом в 5 волостях перепись посевов и скота. Сравнение выявило просто удручающую картину (см. табл.). Разница в данных достигала 38%, а по отдельным волостям доходила до 44–75%. Расхождение в подсчетах поголовья рабочего скота было почти таким же – 35%. Земцы пришли к убеждению о необходимости «коренных изменений в постановке регистрации данных о посеве и скоте». Но проводить переписи специальными агентами было дорого, поэтому решили ежегодно исследовать только « $\frac{1}{3}$ уезда так, чтобы в течение каждого трехлетия губерния была переписана полностью»⁴².

Площадь посевов в пяти волостях Мензелинского уезда в 1910 г. (десятины)

Волости	По сведениям волостных правлений	По исследованию уездной управы	Разница, в %
Ирехтинская	8 546	12 298	+44
Пойсевская	10 267	17 956	+75
Семиостровская	10 123	10 713	+6
Токмакская	5 436	7 157	+32
Актанышевская	4 704	5 866	+25
Всего	39 076	53 990	+38

Источник: Отчет о деятельности статистического отделения уфимской губернской земской управы с 1-го ноября 1909 г. по 1-е ноября 1910 г. Уфа, 1910.

Убедившись в непригодности данных волостных правлений, уфимские земские статистики в 1911 г. во всех уездах обследовали «по карточкам» треть дворов (в Бирском уезде 11 волостей вместо намеченных 13), а в Мензелинском уезде – половину⁴³, после чего решились на проведение сплошной подворной переписи крестьянских хозяйств, идея которой обсуждалась и ранее. Еще в 1897 г. Белецкий отмечал, что «в виду невозможности получить разрешение на производство подворной переписи, пришлось, по необходимости, ограничиться» пообщинным исследованием⁴⁴. Подобные переписи давно уже проводились земствами разных регионов. Так, один из основоположников земской статистики В.И. Орлов в Московской губ. «сразу отказался от обычного приема собирания сведений путем рассылки бланков разным официальным лицам», перейдя к экспедиционному методу переписи населения⁴⁵.

В Уфимской губ. подворная перепись началась в первых числах мая 1912 г. и в основном завершилась к 10 июля (в некоторых волостях Мензелинского и Стерлитамакского уездов – в начале августа). Работой 128 регистраторов (учителей, студентов и др.) руководили уездные статистики. В Стерлитамакском уезде перепись организовывал лично Красильников. Карточки свозили в Уфу, где производился подсчет, «Ближайшее руководство» которым было возложено на Брагина. Но в 1912 г. полностью переписали только 171 волость (целиком были охвачены Мензелинский, Бирский, Златоустовский уезды). «Как не напрягал свои усилия статистический отдел, часть волостей... все-таки осталась не исследованной». Перепись прочих 28 волостей Уфимского, Белебеевского и Стерлитамакского уездов была закончена в 1913 г. Обработка собранного массива информации завершилась в 1914 г.⁴⁶, тогда же издали табличные итоги⁴⁷. Подворная перепись 1912–1913 гг. явилась большим достижением уфимской земской статистики. Опыт проведения сплошной переписи крестьянских хозяйств был успешно использован в дальнейшем. В 1915 г. в Уфимской губ. вновь переписали 1/3 крестьянских хозяйств⁴⁸. Затем с 15 мая по июль 1916 г. губерния была полностью переписана в рамках всероссийской сельскохозяйственной переписи, в ходе которой провели и выборочную повторную перепись для выяснения степени достоверности данных (по 14 899 крестьянским хозяйствам)⁴⁹. Последним достижением статистического отдела стало участие в проведении всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.⁵⁰

Таким образом, в 1910-е гг., в пору своего «расцвета», накопившие большой практический опыт уфимские земские статистики решительно отказались от официальной, «казенной» информации при определении величины посевных площадей. Надо отметить, что для того времени получение данных о посевных площадях являлось сложнейшим мероприятием. И государство, и земство были вынуждены использовать сведения низовой (сельско-волостной) администрации, так как проведение даже эпизодических подворных переписей оставалось чрезвычайно дорогостоящим. Не случайно, что только критическая ситуация продовольственного кризиса в годы Первой мировой войны подвигла власть на организацию и финансирование подворной переписи: единственная

в Российской империи общегосударственная перепись крестьянских хозяйств состоялась лишь в 1916 г. Но и земства решались на проведение общегубернских переписей далеко не каждый год. За период существования земской статистики, несмотря на значительное количество подобных исследований в России⁵¹, на регион приходилось в среднем лишь несколько переписей⁵², в Уфимской губ. – четыре (одна неполная).

Перед исследователем встает вопрос о степени доверия к сельской (волостной) администрации, на плечи которой и ложился весь груз по сбору (или составлению) сведений о посевных площадях. Уже на рубеже XIX–XX вв. в обществе и научных кругах высказывались диаметрально противоположные точки зрения на эту так называемую писарскую статистику, от положительной оценки до полного отрицания⁵³. В данный момент можно лишь утверждать, что история самого массового низового слоя административного аппарата Российской империи практически не изучена, за исключением его юридических функций⁵⁴.

Сохранилось немало свидетельств современников о малограмотности и низкой квалификации сельско-волостной администрации. Не останавливаясь на этом вопросе, отметим лишь текучесть кадров и огромную загруженность старост и старшин. Так, управленческий штат волостного правления Богадинской волости Белебеевского уезда, по данным проведенной 21 ноября 1911 г. ревизии, состоял из восьми человек (старшина, писарь, помощник писаря, счетовод, особый делопроизводитель волостного суда, два писца и рассыльный). В нем велась инвентарная книга, был «архив в сносном виде», помощник писаря регистрировал входящие и исходящие бумаги (4136 и 4692 в том году), имелись книги для записи заявлений, приказов, постановлений, арестованных, денежных и заказных повесток, приговоров. Здесь же выдавались паспорта, контролировалось опекуновство и попечительство над сиротами и немощными, хранилось более 7 тыс. руб. сиротских денег, регистрировались сделки и договора (всего 128), в особой книге учитывалась волостная собственность – 47 оброчных статей, велся учет по воинской повинности (в волости насчитывалось 798 запасных), существовала денежная документация – кладовая записка и кассовая книга. Кроме того, правление занималось сбором налогов, контролировало «продовольственную часть» (хлебозапасные магазины) и страховые сборы. Следили волостные власти и за строительством: в правлении хранились планы селения, была особая тетрадь по надзору за постройками. И в довершение всего волостное правление содействовало деятельности недавно возникших кредитных кооперативов, участвовало в реализации столыпинской реформы и проч.⁵⁵ Поэтому исполнять еще обязанности низовых статистических органов было по меньшей мере весьма затруднительно. Еще Ю.Э. Янсон отмечал, что «закон ни единым словом не упоминает о том, что волости должны вести какую-нибудь статистику»⁵⁶, работа эта не оплачивалась, и потому у низовой сельско-волостной администрации были все основания формально относиться к дополнительной обузе.

Конечно, в реальной жизни наблюдалось большое разнообразие. Все зависело от конкретной ситуации: деятельности земств, человеческого фактора, географических условий местности и т.д. Уфимское земство пыталось контролировать и повышать качество организации волостной статистики. В 1916 г. Брагин отмечал более «устойчивое положение» в Бирском и Златоустовском уездах⁵⁷. Обратим также внимание на то, что уфимские земцы не стали использовать данные волостных правлений о посевных площадях, которые собирались для ЦСК МВД с 1893 г. Земцы постарались «заставить» низовую администрацию не сообщать сразу готовую информацию по волости, а составлять ее по отдельным хозяйствам. Однако итоги оказывались очень близкими. Так, общая площадь посевов в Уфимской губ. в 1909 г. составила, по данным ЦСК, 2 096 180 десятин, а по земским сведениям – 2 003 346 десятин⁵⁸. По всей видимости, сельско-волостная администрация отправляла одинаковую информацию по разным адресам. К сожалению, архивы волостных правлений Уфимской губ. практически не сохранились, поэтому попытаемся рассмотреть их деятельность на статистической «ниже» по итоговым данным.

Возьмем для примера равнинные волости. Как должны были собираться статистические сведения из глухих горно-лесных деревушек можно лишь вообразить, но роль географического фактора в процессе получения информации была велика. Минцлов так характеризовал столыпинское землеустройство (исполнение закона 14 июня 1910 г.): «Нам, земским начальникам, дан только недельный срок на доставку сведений, сколько нам потребуется бланков... по всем волостям... Можно подумать, что в Петербурге ждут землетрясения и спешат до него использовать Государственную типографию! Мой участок имеет площадь в 80 верст в длину и почти столько же в ширину; есть ли фактическая возможность произвести в такой срок поголовные опросы всех 50 селений и дать верные ответы? Вынужден был экстренно вызвать всех своих писарей и совместно с ними составил приблизительную смету»⁵⁹. А для сбора сведений о посевных площадях, согласно циркуляру № 525 от 5 июня 1893 г., волостной старшина с писарем обязаны были «лично объехать все сельские общества и в каждом обществе, при участии старосты, вписать в вопросный листок все ответы какие требуются»⁶⁰ (то есть сельский староста к моменту приезда волостного старшины должен был уже точно знать сколько чего засеяли в деревне). И это в разгар полевых работ!

Итак, равнинный Мензелинский уезд, довольно крупная Поисевская волость, лежащая на плодородном правобережье реки Ик. Во время пообщинного обследования 1896 г. собрали данные не о площади посевов, а только о распределении пахотной земли. Под озимыми и яровыми (без пара) было 18 082,68 десятин⁶¹. Но, согласно данным «хозяйственно-статистических обзоров» губернии, в 1901 г. площадь крестьянского посева (помещиков не было) составляла 10 107 десятин⁶². И все последующие годы она колебалась на уровне 9–12 тыс. десятин (1902 г. – 11 691, 1903 г. – 8 854, 1904 г. – 12 212, 1905 г. – 11 525, 1906 г. – 12 695, 1907 г. – 12 555, 1908 г. – 11 239, 1909 г. – 10 956 десятин). Можно с большой долей вероятности допустить, что поисевская низовая администрация лишь «корректировала» цифровые показатели. Так жизнь и текла до 1910 г., когда в Поисевской волости по сведениям волостного правления мужики засеяли 10 267 десятин (см. табл.). Но тут в волость прибыли уездные земские статистики и провели собственное исследование. Оказалось, что под посевом – 17 956 десятин.

Местные земские статистики, видимо, испытали настоящий «шок» от полученных итогов, так как в «хозяйственно-статистическом обзоре» Уфимской губ. за 1910 г. впервые не оказалось никаких данных о посевных площадях. Любопытно, что в оглавлении обзора они указаны, но в тексте их нет, хотя в книжке единая нумерация страниц (без пропусков). Обратим внимание, что сведения микро-переписи 1910 г. (17 956 десятин) очень близки с данными пообщинного исследования 1896 г. (18 083 десятин). Поисевская волость была давно и плотно освоенным регионом, распашки новых земель здесь не наблюдалось. В 1911 г. по сведениям волостных правлений в волости под посевом было еще 9777 десятин, но в следующем 1912 г. проходит общегубернская перепись крестьянских хозяйств и под посевом в Поисевской волости оказывается 21 353 десятины⁶³. Кстати, и данные «обзора», то есть волостной статистики, в 1912 г. совершили удивительный рывок – до 19 358 десятин. Вероятно, низовая сельско-волостная администрация сама, опираясь на имевшуюся документацию, в значительной степени конструировала информацию, скорее всего, на основе количества ревизских душ. Волостные данные были значительно ниже сведений обследований.

Однако сравнение данных по другим волостям Уфимской губ. показывает гораздо более разнообразную картину. Во многих волостях сведения «писарской» статистики были близки к итогам подворных переписей (см. в таблице данные по Семиостровской волости, кстати, мусульманской по составу жителей). В южной Четырмановской волости Стерлитамакского уезда средняя площадь посевов составляла за 1901–1908 гг. 23 091 десятину, в 1909 г. – 27 437, 1911 г. – 36 260, 1912 г. – 17 658 десятин, подворная перепись 1912–1913 гг. зафиксировала в волости под крестьянским посевом 29 935,77 десятин, по переписи 1917 г. – 28 679,47 десятин⁶⁴. Отметим, что сильный

прирост посевных площадей в 1909 г. регистрируется также в соседней Дедовской волости (с 14 до 20 тыс. десятин); по переписи 1912–1913 гг. здесь засевалось 20 839 десятин, в 1917 г. – 18 010 десятин (сокращение посевов в годы войны)⁶⁵. Возможно, усиление контроля властей (земства), появление «конкурирующей» информации заставляло низовую администрацию предоставлять более достоверные сведения.

Наверняка играли свою роль факторы социокультурного развития территории, национального и конфессионального состава жителей (на юге – богатые фермеры, в основном русские, в Поисевской волости – мусульмане-общинники). Размер волости также оказывал влияние. Как исключение, в Уфимской губ. встречались волости, состоявшие из немногих селений, например, Карауловская – единственное село в горной долине (Уфимский уезд, бывшие горнозаводские крестьяне). В 1908 г. площадь посевов по данным волостного правления здесь составляла 1150 десятин, 1909 г. – 682, 1911 г. – 842, 1912 г. – 684 десятины. Подворная перепись 1912–1913 гг. дала сходные результаты – 813 десятин посева (без трав)⁶⁶, согласно переписи 1917 г., засевали 815 десятин⁶⁷. Видимо, реальная площадь посева в этой маленькой волости составляла около 800 десятин. Но даже здесь, где волостному старшине или писарю вообще никуда ездить не требовалось, цифры «скачут» то на 20% вниз, то на 40% вверх. Резкий рост посевов в 1908 г., скорее всего, связан с закрытием тогда Катав-Ивановского металлургического завода, на котором трудилась немалая часть жителей Карауловки.

Таким образом, приведенные данные по разным волостям Уфимской губ. свидетельствуют, что необходим критический анализ информации по каждому региону, сопоставление сведений подворных переписей (по моему убеждению, самого надежного из всех имеющихся источников по крестьянскому хозяйству) с материалами «официальной» писарской статистики, использовавшейся ЦСК МВД. При привлечении общегубернских данных необходимо исследовать конкретную обстановку в каждом регионе, доказывать преимущество и достоверность того или иного вида документации. Пока же приходится констатировать, что вплоть до переписи 1916 г. площадь посевов во многих регионах Российской империи известна только приблизительно.

Принято подчеркивать разнородность и несравнимость данных земских подворных переписей по сравнению с материалами ЦСК МВД, которые якобы дают однородную информацию. Это иллюзия. Волостная статистика представляет из себя еще более различный по происхождению материал. Сопоставление информации из волостей даже в пределах одной губернии или уезда открывает богатую палитру – от замкнутых традиционалистских волостей, где стратегия верхушки, должностных лиц (особенно нерусских, неправославных) изначально предполагала сокрытие сведений о своем внутреннем мире, до рыночных сельско-волостных структур с хорошо организованной отчетностью и деятельным аппаратом.

Отличались и взаимоотношения с верхними этажами власти. В модернизирующемся мире значение отчетности резко возросло, и благополучие чиновника даже на сельско-волостном уровне напрямую зависело от качества делопроизводства. Вот еще одно свидетельство Минцлова (июль 1910 г.): «Два года тому назад, когда министерство трясло за ворот земских начальников, требуя от них лишь одного – возможно большего количества укреплений земли, земские, в свою очередь, заявили своим писарям, что если они хотят оставаться на службе, то чтобы дело укрепления у них разгорелось, как по щучьему велению. Между тем, не то что громадное большинство крестьян, а почти все они к новому закону относились враждебно; башкиры же и слышать не хотели о нем. Что же оставалось делать? Да то, что делали: подлоги. В этом признались мне все мои писаря – Аристов, Васильев и Наумов, в общем очень порядочные люди»⁶⁸. Проблема достоверности писарской или земской статистики напрямую связана с тем, что сейчас именуют «серой экономикой». Вопрос о том, какова была величина сокрытия, утаивания данных как самим крестьянством, так и низовой администрацией, остается пока нерешенным.

Примечания

¹ См.: *Ганиев А. М., Гатауллин Р. Ш.* Государственной статистике Республики Башкортостан – 175 лет // Вопросы статистики. 2010. № 4; Статистика Башкортостана. 175 лет на службе обществу: библиографический справочник. Уфа, 2010.

² См.: Отчет уфимского губернского статистического комитета за 1905 и 1906 гг. Уфа, 1907; Отчет... за 1907 г. Уфа, 1908; Отчет... за 1908 г. Уфа, 1910.

³ Краткую историю уфимской земской статистики во второй половине XIX в. см.: *Красильников М. П.* Земские оценки имуществ в Уфимской губернии. (Исторический очерк.) Вып. I. Уфа, 1913.

⁴ *Соловьев И. Ю.* Нижегородская земская статистика // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2001. С. 126.

⁵ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложения к тому III. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования 1884 года, собранные и обработанные Д. Н. Тяжелниковым. Самара, 1900.

⁶ ПСЗ-III. Т. XIII. СПб., 1897. № 9744. С. 414–419.

⁷ *Герасимов В. Ф.* Очерк деятельности уфимского губернского земства. (К 50-летию введения земских учреждений.) Уфа, 1914. С. 27–29.

⁸ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. I. Уфимский уезд. Уфа, 1898. С. I, VIII.

⁹ Труды императорского Вольного экономического общества. 1897. Т. 1. № 3. Май–июнь. СПб., 1897. С. 150, 384.

¹⁰ *Григорьев П. Н.* Систематический сводный сборник постановлений уфимского губернского земского собрания за 35-летие 1875–1909 г. Т. I. Уфа, 1915. С. 730–731.

¹¹ *Велецкий С. Н.* Двадцать пять лет деятельности земства в Полтавской губернии, с 1866 по 1892 год. Краткий очерк. Полтава, 1894.

¹² *Велецкий С. Н.* Земская статистика. Справочная книга по земской статистике в двух частях. Ч. I–II. М., 1899–1900.

¹³ *Кауфман А. А.* Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. Историко-критический очерк. М., 1922. С. 60.

¹⁴ Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. К 40-летию существования земств Уфимской губернии. 1875–1914 гг. Уфа, 1915. С. 420.

¹⁵ Отчет о деятельности статистического отделения уфимской губернской земской управы. С 1-го января по 1-ое ноября 1899 года. Уфа, 1899. С. 9.

¹⁶ В журнале «Сельское Хозяйство и Лесоводство» были опубликованы шесть «Сельскохозяйственных писем из дикой Башкирии» Велецкого, которые на деле оказались «позаимствованными» у А. И. Книзе из его материала в «Сборнике статистических сведений Уфимской губернии» (т. I). «Пассаж неприятный, тем более, что г. Велецкий состоит заведующим оценочно-статистическим бюро губернского земства, – писал по этому поводу самарский журналист. – Конечно, плагиат этот не имеет никакого отношения к его статистическим работам, но невольно бросает тень и на последние» (Самарская газета. 1898. 13 ноября; *Роднов М. И.* Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 89–90).

¹⁷ Государственный архив Вологодской области, ф. 34, оп. 3, д. 877, л. 1, 4–6, 8–9; См. также краткую биографию: *Чаянов А. В.* Избранные труды. М., 1991. С. 391.

¹⁸ Уфимский вице-губернатор отмечал: «Заведующий статистическим отделением г-н Пашковский и заведующие отделами текущей статистики Красильников и промышленной статистики Бриллинг – все трое с политическим прошлым, известным Департаменту полиции и все трое под негласным надзором» (*Севастьянов С. А., Салимгареева А. Р.* Становление общественно-политической «земской» оппозиции в Уфимской губернии (конец XIX – начало XX века) // Научное, педагогическое и просветительское наследие М. К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв. Уфа, 2010. С. 280).

¹⁹ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан, ф. И-187, оп. 1, д. 440, л. 207.

²⁰ *Красильников М. П.* Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. Уфа, 1902; *он же.* Хутора Уфимской губернии. Уфа, 1914; *он же.* Грузооборот в Уфимской губернии. Материалы к торговому договору с Германией. Уфа, 1915; *он же.* Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. Уфа, 1918.

²¹ *Шишкин В.И.* У истоков государственной советской статистики в Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2010. № 1. С. 75.

²² См.: *Красильников М.* Задачи, программы, организационный план производства и разработки материалов общесоюзной переписи 1926 года. М., 1926; *Федорова Н.А.* Сельское население Среднего Поволжья накануне коллективизации. Казань, 1990. С. 19, 23.

²³ А.Р. Бриллинг (1874–1919) с 1899 г. работал в статистических учреждениях Тамбовского, Уфимского, Харьковского, Волынского, Тульского, Екатеринославского и Московского губернских земств. В 1903 г. составил программу обследования промышленных предприятий, положенную в основу земских статистических обследований.

²⁴ *Блюм А., Местуле М.* Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М., 2006. С. 16, 20, 79.

²⁵ Отчет о деятельности статистического отделения... с 1-го января по 1-е ноября 1900 года. Уфа, 1900. С. 10.

²⁶ Адресно-справочная и телефонная книга «Вся Башкирия» на 1925 г. Уфа, 1925. С. 250.

²⁷ Отчет о деятельности уфимской губернской, земской управы по статистическому отделению с 1-го января по 1-е ноября 1898 года. Уфа, 1898. С. 2.

²⁸ Обзор Уфимской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1898–99 год. (Зима–весна). Вып. I. Уфа, 1899. С. 120–135.

²⁹ Обзор Уфимской губернии... за 1899–1900 год. (Зима–весна). Вып. I. Уфа, 1900. Гл. VI.

³⁰ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1904 год. Уфа, 1905.

³¹ Хозяйственно-статистический обзор... за 1905 год. Уфа, 1906.

³² Хозяйственно-статистический обзор... за 1910 год. Уфа, 1911.

³³ Хозяйственно-статистический обзор... за 1908 год. Уфа, 1909.

³⁴ *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. С. 64.

³⁵ Подробнее о начале земских переписей см.: *Красильников М.П.* Ежегодные подворные переписи площадей посевов и скота в Уфимской губернии // Труды императорского Вольного экономического общества. 1902. Т. I. Кн. 1 и 2. СПб., 1902. С. 147–154.

³⁶ См.: Там же. С. 93–107.

³⁷ Обзор Уфимской губернии... за 1898–99 год. (Зима–весна). Вып. I. С. 95–96.

³⁸ *Мищлов С.Р.* Уфа. Из кн. «Дебри жизни». Уфа, 1992. С. 51.

³⁹ Отчет о деятельности статистического отделения... с 1-го января по 1-е ноября 1902 года. Уфа, 1902. С. 9.

⁴⁰ Хозяйственно-статистический обзор... за 1904 год. С. 14.

⁴¹ Отчет о деятельности статистического отделения... с 1 ноября 1908 г. по 1 ноября 1909 года. Уфа, 1909. С. 5.

⁴² Отчет о деятельности статистического отделения... с 1-го ноября 1909 г. по 1-е ноября 1910 г. Уфа, 1910. С. 13–14.

⁴³ Отчет статистического отдела уфимской губернской земской управы с 1-го ноября 1910 г. по 1-е ноября 1911 г. Уфа, 1911. С. 11.

⁴⁴ См.: Труды императорского Вольного экономического общества. 1897. Т. 1. № 3. Май–июнь 1897 г. С. 148.

⁴⁵ *Егоров В.Г., Зозуля О.А., Палеолог М.В.* Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М., 2011. С. 8.

⁴⁶ Отчет о деятельности статистического отдела... с 1-го ноября 1912 г. по 1-е ноября 1913 года. Уфа, [1913]. С. 1; О предстоящих в 1913 году статистических работах. Отд. оттиск. Б.м., б.г. С. 2; VI совещание уездных статистиков Уфимской губернии 8–12 февраля 1912 года. Уфа, 1912. С. 9, 25; Сборник постановлений 44 чрезвычайного уфимского губернского земского собрания 20 августа 1912 г. Уфа, 1912. С. 47–48; Отчет статистического отдела уфимской губернской земской управы с 1 ноября 1911 г. по 1 ноября 1912 г. Уфа, 1912. С. 11–16.

⁴⁷ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. Были также изданы оттиски по отдельным уездам.

⁴⁸ *Брагин А.М.* Крестьянское хозяйство Уфимской губернии (По данным подворной переписи 1915 года). Уфа, 1916.

⁴⁹ Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года. Предварительные итоги по уездам. Уфа, 1916; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями): Европейская Россия, поездные, погубернские и порайонные итоги. Вып. I. Пг., 1916.

⁵⁰ Предварительные погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и областям. М., 1919; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. Т. 5. Вып. 1. М., 1921; Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Там же. Вып. 2. М., 1923. Мною обработано свыше 400 тыс. подворных карточек переписи 1917 г. по Уфимской губ. (без Мензелинского уезда), данные по волостям, селениям и национальностям опубликованы: *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997; *он же.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997; Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001; *Роднов М.И.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002; *он же.* Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010; и др.

⁵¹ *Караваяев В.Ф.* Издания земств 34-х губерний по общей экономической и оценочной статистике, вышедшей за время с 1864 по 1 января 1911 г. СПб., 1911; *Григорьев В.Н.* Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. Вып. 2. М., 1927; *Свавицкие З.М. и Н.А.* Земские подворные переписи 1880–1913 гг. (поездные итоги). М., 1916.

⁵² См., например: Пятая подворно-хозяйственная перепись в Полтавской губернии 1917 г. Полтава, 1919.

⁵³ См.: *Роднов М.И., Дегтярев А.Л.* Указ. соч. С. 26–31.

⁵⁴ *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002; *он же.* Крестьянский самосуд: Правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007.

⁵⁵ *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 100–102.

⁵⁶ *Янсон Ю.Э.* Теория статистики. СПб., 1886. С. 177.

⁵⁷ *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Указ. соч. С. 29.

⁵⁸ Там же. С. 47.

⁵⁹ *Мишлов С.Р.* Указ. соч. С. 51.

⁶⁰ См.: *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Указ. соч. С. 44.

⁶¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. III. Мензелинский уезд. Уфа, 1899. С. 480.

⁶² См.: Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900–1901 год. (Зима–весна). Уфа, 1901. С. 148–149, 152–153; Хозяйственно-статистический обзор... за 1902 год. Уфа, 1903. С. 58–59, 62–63; Хозяйственно-статистический обзор... за 1903 год. Уфа, 1904. С. 59–61; Хозяйственно-статистический обзор... за 1904 год. С. 61–62; Хозяйственно-статистический обзор... за 1905 год. С. 8–9, 12–13; Хозяйственно-статистический обзор... за 1906 год. Уфа, 1907. С. 11, 13–14; Хозяйственно-статистический обзор... за 1907 год. Уфа, 1909. С. 3, 5–6; Хозяйственно-статистический обзор... за 1908 год. С. 9, 11, 13–14; Хозяйственно-статистический обзор... за 1909 год. Уфа, 1910. С. 4, 6, 8–9; Хозяйственно-статистический обзор... за 1911 год. Уфа, 1912. С. 4–6, 8–9; Хозяйственно-статистический обзор... за 1912 год. Уфа, 1914. С. 446, 448, 450–451.

⁶³ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии... Ч. II. С. 225.

⁶⁴ *Роднов М.И.* Крестьянство Стерлитамакского уезда... С. 129.

⁶⁵ Там же. С. 118; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии... Ч. II. С. 513, 545.

⁶⁶ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии... Ч. II. С. 677.

⁶⁷ *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда... С. 185.

⁶⁸ *Мишлов С.Р.* Указ. соч. С. 51–52.

ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1917–1918 ГОДЫ

Проблема взаимоотношений Советской России со странами Запада после Октября 1917 г. столь многомерна, что, несмотря на большой комплекс посвященной ей российской и зарубежной литературы, она остается по-прежнему актуальной, в связи с тем, что анализ дипломатических отношений в исторических исследованиях, как правило, лишь дополняет освещение военно-политических событий. В статье предпринята попытка показать такие аспекты этой проблемы, как возможность признания ведущими западными державами новой власти и вопросы интервенции. Особое внимание уделено реакции внешнего мира на происходившее в России. Информационной основой статьи в значительной степени послужили иностранная печать и обзоры зарубежной прессы (из фондов Архива внешней политики РФ), наряду с докладами полпредов сыгравшие важную роль в обеспечении того минимума сведений, который позволил руководителям Страны Советов выработать собственную внешнеполитическую линию.

В частности, значительным представляется выявление геополитической преемственности политики Российской империи и Советской России в вопросах национальной безопасности. Говоря словами наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина, требование безопасности «клином врезывается» в идейную политику советского руководства, что, конечно, усложняло попытку совместить революционность в идеологии с необходимостью нормализации отношений со странами внешнего мира. Даже в начальный период существования Советской республики высокая идеологизированность внешнеполитической активности ее руководителей не исключала применения ими для обеспечения выживания страны таких приемов, как использование противоречий между империалистическими державами.

Несмотря на то, что Россия была союзницей стран Антанты, «сердечной» близости между ними не было. Ни Англия, ни Франция, ни США сильной России не желали и, стремясь использовать ее в своих интересах, предпочли бы видеть ее исключенной из числа великих держав. П.Н. Милюков справедливо говорил в свое время, что у государства есть собственные жизненные, насущные интересы, независимо от того, управляют ли Россией либералы, социалисты или царские чиновники. За идеологическим флером и классовым подходом советских руководителей, считавших своими задачами выход страны из изоляции и восстановление отношений со всеми государствами, нередко проступали геополитические расчеты. Уровень развития экономических отношений также был ограничен идеологическими установками как с советской стороны, так и со стороны Запада.

Обострение «русского вопроса», возникшего после свержения монархии в России в связи с падением ее военной, экономической мощи и влияния, началось с октября 1917 г., когда он стал «вопросом о советском государстве»¹. Временное правительство оказалось слабым и беспомощным, однако возможность того, что большевики смогут победить и образовать собственное правительство, никем всерьез не рассматривалась. В ночь на 8 ноября Временное правительство было низложено и началась новая страница в российской истории. Советское правительство (СНК РСФСР) во главе с В.И. Лениным коренным образом изменило представление о национально-государственных интересах страны в области внешней политики. Готовя партию к завоеванию власти, Ленин и другие большевистские лидеры в 1917 г. рассчитывали на революцию в других странах

* Быстрова Нина Евгеньевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

как на важное условие победы революции в России. Но в отличие от выстрадавших подавляющим большинством населения России требований мира, земли и свободы, тезис о возможной мировой пролетарской революции стал скорее продуктом утопических, интеллектуально-доктринерских увлечений большевистской верхушки, нежели следствием серьезного научно-политического анализа реальной действительности². Западный пролетариат оказался не настолько классово сознательным, как ожидалось, согласно марксистской теории, да и русскому рабочему мессианские компоненты сознания были навязаны позднее³.

Октябрьский переворот в России страны-союзницы встретили с ужасом и возмущением, «но с неполным осознанием» его огромного значения⁴. Первоначальный шок был смягчен широко распространенным мнением, что большевики обязаны своей победой лишь случайному стечению обстоятельств и вскоре будут отстранены от власти. Первый контакт (которому надолго пришлось стать и последним) официального лица союзников с новой советской властью состоялся 8 ноября по просьбе жены английского посла Дж. Бьюкенена – леди Бьюкенен, уговорившей британского военного представителя в России генерала А. Нокса попытаться спасти захваченный в плен женский батальон от якобы уготованной им «судьбы хуже смерти»⁵. Нокс отправился в Смольный и потребовал освобождения женщин, что и было в конечном счете исполнено.

8 ноября в английском посольстве в Петрограде состоялось и первое собрание всего дипломатического корпуса, созданное, по свидетельству посла США Д.Р. Фрэнсиса, по инициативе французов для обсуждения вопроса о безопасности иностранцев и принявшее решение о самостоятельных действиях каждой миссии. Послы, видимо, не обошли вниманием последнюю обращенную к ним накануне, 7 ноября, просьбу бывшего главы Временного правительства А.Ф. Керенского не признавать советского правительства⁶. Не случайно английское посольство на следующий день после собрания в специальном заявлении опровергло сообщение печати, которое, безусловно, имело под собой почву, о принятом послами постановлении покинуть Россию в случае упрочения советской власти⁷.

Державы Антанты новую власть не признали. Но они и не отзывали послов из Петрограда, сохраняя канал для диалога с большевиками, которых безуспешно пытались убедить продолжить войну с Германией. 8 ноября, после получения известия о перевороте, английская консервативная газета «Дейли Экспресс» написала, что любое вмешательство в российские события лишь ухудшит положение, предлагая Англии предоставить Россию на время самой себе. В тот же день английская консервативная газета «Морнинг Пост» напечатала своего рода лозунг интервенции, сообщив, что последователи Ленина являются врагами Антанты и открытыми друзьями Германии, поэтому никаких дел с ними быть не может. «Перед союзниками, – писала газета, – лишь одна задача – установить какими-нибудь средствами связь с русским народом и с теми его элементами, которые остаются верными союзникам». Словно следуя совету либеральной «Вестминстер газет» от 9 ноября «не делать ничего, что дало бы возможность максималистам (так называли большевиков. – *Н.Б.*) сказать, что мы, а не немцы являемся врагами, что мы покушаемся диктовать им», английское правительство и общественные круги решили держаться выжидательно. В течение двух недель в газетах наблюдалась определенная сдержанность: большинство статей ограничилось сопоставлением информации о событиях в России. Однако о признании СНК РСФСР речь даже не шла. Ожидание господствовало и в английском парламенте. 12 ноября министр иностранных дел А.Дж. Бальфур на запрос о положении дел в России ответил, что не может сделать никаких сообщений, помимо тех, что появились в прессе. Лишь через неделю, 19 ноября, последовал новый запрос, заставивший Бальфура признать факт «победы» советского правительства⁸. Первым официальным лицом в Великобритании, употребившим термин «русское правительство» по отношению к советской власти, был депутат от лейбористов Н. Бэкстон, спросивший Бальфура о том, какие сведения поступили от русского правительства относительно условий со-

глашения, якобы имевшего место между русским и немецким правительствами. Не удовлетворившись ответом Бальфура, не имевшего на этот счет сведений, Бэкстон послал запрос по поводу декрета советского правительства о мире, в английской прессе не появившегося: правда ли, что декрет обсуждался во французской прессе, а в Англии был запрещен к опубликованию? Лишь 21 ноября министр внутренних дел Дж. Кейв ответил, что слухи о запрете цензором публикации русских условий мира не соответствуют действительности⁹.

Принятый 8 ноября 1917 г. II Всероссийским съездом советов декрет о мире, указав на готовность нового российского правительства вступить в мирные переговоры со всеми странами, в том числе и с Германией, напугал союзников. Закладывая основы государственно-пропагандистского механизма, декрет противопоставлял народы различных стран их правительствам. Ленин и его сторонники, конечно, понимали, что условия мира не будут приняты ни одной из воюющих сторон, но еще острее они сознавали необходимость заключения перемирия. Декрет о мире был направлен 21 ноября послам союзных держав первым народным комиссаром иностранных дел Советской России Л.Д. Троцким, просившим рассматривать этот документ как «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров»¹⁰. Телеграфируя об этом в министерство иностранных дел Великобритании, английский посол Бьюкенен советовал оставить ноту Троцкого без ответа, предлагая правительству его величества заявить в Палате общин, что оно готово обсудить условия мира «с законно образованным правительством» и «не может обсуждать их с правительством, нарушившим обязательства, взятые на себя одним из его предшественников в соглашении от 5 сентября 1914 г.»¹¹, согласно которому союзные государства договорились не заключать сепаратного мира. На собрании глав союзных посольств и миссий 22 ноября у главы дипломатического корпуса (дуайена) Бьюкенена было единогласно принято решение не обращать внимания на советскую ноту. В тот же день на заседании английского военного кабинета рассматривался вопрос о возможности признания советского правительства. Тем не менее на следующий день министр блокады лорд Р. Сесиль заявил, что ни о принятии предложения советского правительства, ни о признании его самого не может быть и речи¹². Однако через несколько дней Бьюкенен, чье дипломатическое чутье, как весьма точно подметил Р. Уорт¹³, превалировало над его антибольшевистской позицией, отметил в дневнике необходимость пересмотреть позицию в отношении Советской России: «Я пришел к тому заключению, что единственное, что для нас остается, это сделать хорошую мину при плохой игре»¹⁴. Опасаясь заключения после войны русско-германского союза, который, по его мнению, представлял бы вечную угрозу для Европы, особенно для Великобритании, он предлагал освободить Россию от ее обязательств продолжения военных действий. Однако, не желая быть заподозренным в лояльности к большевикам, Бьюкенен сообщал, что он вовсе не защищает какого-либо соглашения с большевистским правительством, а напротив, думает, что принятие его курса выбьет из рук большевиков оружие, так как они не смогут упрекнуть союзников в том, что последние гонят русских солдат на убой ради своих империалистических целей. Видимо, вывод о необходимости рекомендовать своему правительству резкое изменение тактики Бьюкенен сделал ввиду неспособности военных миссий союзников помешать большевикам заключить перемирие.

Если в Великобритании при отсутствии единства взглядов на политику в «русском вопросе» шел ясно различимый процесс ее выработки, то правительство Соединенных Штатов в течение некоторого времени позволяло себе как бы не замечать Октябрьский переворот, узнавая о нем лишь из газет и надеясь на недолговечность советской власти¹⁵. Попытка выработать межсоюзническое соглашение о непризнании новой власти в России была предпринята Францией, пославшей 24 ноября в связи с этим запрос США. Формула этого запроса — «никакого нового русского правительства» — означала, что СНК РСФСР не только не признается, но и не упоминается. Соединенные Штаты отказались связывать себя подобным курсом. Но в тот же день государственный

секретарь США Р. Лансинг заверил посла Временного правительства в Вашингтоне Б.А. Бахметьева, что и впредь будет считать его послом России в Америке¹⁶.

Союзники полагали невозможным признать советский режим. Троцкий же, несмотря на стремление установить с ними дружественные отношения, в ответ на разъяснения экспертов о том, что инициатива приглашения послов должна исходить от него, и по протоколу новый министр обязан известить их о своем назначении официально в письменной форме, посчитал такую процедуру не соответствующей новым условиям. Нарком по иностранным делам не стремился налаживать и оперативную работу своего ведомства, рассматривая дипломатию как «буржуазный пережиток». Только к концу 1917 г. для осуществления связей с внешним миром был в основном сформирован аппарат Народного комиссариата иностранных дел (НКИД). Подавляющее большинство бывших российских дипломатов, работавших за рубежом, отказались сотрудничать с большевистской властью. Приказом НКИД от 9 декабря 1917 г.¹⁷ они были освобождены от своих обязанностей. Советскими представителями за рубежом Совнарком назначал не успевших вернуться в Россию революционеров-эмигрантов, таких как В.В. Воровский и М.М. Литвинов. Однако в иностранных державах в течение нескольких лет продолжали еще функционировать старые дипломатические и консульские представительства.

Стратегический внешнеполитический курс государства и тактические приемы его реализации утверждались в дальнейшем высшей партийной инстанцией – ЦК РКП(б). Деятельность НКИД началась с выполнения поставленной новой властью задачи — публикации секретных договоров, которая рассматривалась как «острейшее оружие против буржуазии». Сомнений в необходимости этой меры не возникало, несмотря на то, что советник французского посольства в Петрограде 5 декабря передал для печати текст принятого на совещании послов стран Антанты решения о том, что если советское правительство опубликует секретные документы, то тем самым оно сделает невозможным и какие-либо сношения союзных послов с ним¹⁸. Публикация в «Правде», «Известиях», «Рабочем и солдате» за ноябрь 1917 – февраль 1918 г. около 130 секретных документов (в основном это была дипломатическая переписка правительств стран Антанты, их шифрованные телеграммы) не могла не усложнить международного положения Советской России. Союзные державы заявили в связи с этим резкий протест, однако мировая пресса обошла их молчанием или, приводя короткие выдержки, преуменьшала их важность, считала их фальсификацией. Полностью перепечатали документы только манчестерская газета «Гардиан» – крупнейший орган либеральной партии, и нью-йоркская – «Ивнинг пост».

24 ноября 1917 г. лорд Сесиль сделал от имени английского правительства первое официальное заявление о непризнании советской власти, сообщив, что хотя и невозможно совершенно избежать деловых сношений (в частности, по вопросам, связанным с арестом британских подданных) с правительством, подстрекающим солдат арестовывать своих же генералов и открывать мирные переговоры с врагами, «не может быть речи о дипломатическом признании и сношениях с ними»¹⁹.

Союзники все как один промолчали в ответ на предложение Совнаркома присоединиться к переговорам о перемирии, выдвинутое в обращении к правительствам и народам воюющих стран 28 ноября 1917 г.²⁰ Германия ответила согласием. Однако единства взглядов по «русскому вопросу» у союзников не было, хотя все соглашались, что большевизм – «учение зловредное» и что «непризнание исповедующего зловредные взгляды правительства, номинально являющегося союзническим, — как писал Р. Уорт, — было бы правильным и с нравственной, и с политической точки зрения»²¹. Но до тех пор, пока сепаратный мир не стал реальностью, политическая мудрость такой тактики подвергалась сомнению. В связи с тем, что вероятность заключения перемирия существовала, к концу ноября 1917 г. неизбежным представлялся и контакт с Советской Россией.

Правительство большевиков не стремилось к сепаратным переговорам с Германией и ее союзниками, поскольку в случае успеха такие переговоры усилили бы положе-

ние стран Четверного союза, ослабив при этом позиции Антанты. Учитывая же фактическую оккупацию на это время войсками Германии и Австро-Венгрии ряда западных земель бывшей Российской империи, такое усиление не соответствовало российским интересам. Поэтому «Совнарком и НКВД РСФСР продолжали буквально атаковать нотами не только правительства стран Четверного союза, но и Антанты, и США, предлагая приступить к немедленному обсуждению возможности заключения всеобщего перемирия»²². Однако принятая 28 ноября в Париже на конференции стран Антанты формула подтверждала непризнание советской власти: каждое правительство должно было сообщить своему послу в Петрограде о готовности союзников к пересмотру целей войны с участием России, как только она будет иметь стабильное правительство, с которым они смогли бы сотрудничать²³.

Французское правительство, как и английское, весьма определенно заявляло о непризнании СНК РСФСР. Еще 23 ноября, до заявления лорда Сесилия, военные агенты союзных миссий в России направили бывшему главкому генералу Н.Н. Духонину протест против нарушения Россией договора от 5 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира. 25 ноября глава французской военной миссии в России генерал Бертоло довел до сведения Духонина телеграмму своего правительства о том, что Франция не признает власть Совнаркома и ожидает, что тот категорически отвергнет всякие преступные переговоры и сохранит русскую армию на фронте против общего врага. «Франция уже заявляла, – сообщалось в телеграмме, – и сейчас еще более определенно заявляет, что она не признает никакого русского правительства, способного на заключение соглашения с врагом»²⁴. Французская газета «Тан», отражавшая взгляды МИД, 26 ноября сообщала, что при открытии Парижской межсоюзной конференции правительство Франции предложит опубликовать заявление, указывающее на опасность, которой при большевистском правительстве подвергается Россия, и осуждающее нарушение последней своих обязательств. Так как Франция была союзницей Российской империи еще до войны, она имела особенно веские причины для недовольства и наибольшее право для того, чтобы взять на себя инициативу этого протеста. Франция пошла еще дальше по пути непризнания и бойкота советского правительства, специально пригласив на конференцию в Париж В.А. Маклакова как посла Временного правительства с оговоркой, что это приглашение неофициальное. В тот же день Бальфур подтвердил заявление, сделанное лордом Сесилем 24 ноября в английском парламенте, о непризнании СНК РСФСР, сказав, что со времени падения Временного правительства в России нет правительства, с которым можно было бы войти в сношения²⁵.

Американское правительство, в отличие от английского и французского, официальных заявлений о непризнании большевиков избегало, придерживаясь позиции терпимости в «русском вопросе». По сведениям вашингтонского корреспондента «Ассошиейшен пресс» от 1 декабря 1917 г., у правительства США не было намерения рассматривать Россию как врага, даже в случае заключения ею перемирия с Германией. В связи с этим, если бы Межсоюзная конференция решила угрожающе предостеречь Россию, американские делегаты участвовать в этом предостережении не стали бы²⁶. В тот же день глава военной миссии США генерал У.В. Джайсон, знавший, очевидно, об этих настроениях в американских правительственных кругах, посетил Смольный и заявил Троцкому, что хотя он еще не имеет права говорить от имени американского правительства, не признавшего пока новой власти, он тем не менее явился в целях вызывания сношений и выяснения ряда обстоятельств. Получив формальное заявление Троцкого о мирной политике советского государства, Джайсон попросил разрешения передать это заявление в Вашингтон и добавил, что если и существовал когда-либо момент для протестов и угроз в адрес советского правительства, то теперь этот момент прошел²⁷. Сам факт беседы одного из лидеров Советской России с официальным представителем союзников вызвал в печати живейший интерес, однако большинство зарубежных комментариев было отрицательным, поскольку этот шаг воспринимался отчасти как признание советского правительства. Не удивительно, что через несколько недель Вашингтон отозвал Джайсона в связи с нарушением им запрета на прямые

контакты с Советами. Это произошло, видимо, после того, как в конце декабря 1917 г. Фрэнсис, убежденный Р. Робинсом, неофициальным агентом США и главой американского Красного Креста в Петрограде, в том, что советское правительство сильнее, чем полагают союзные представители, поручил Джадсону неформально уведомить большевистских лидеров: если перемирие будет окончено и Россия продолжит войну против Центральных держав, Фрэнсис рекомендует своему правительству: оказать России всю возможную поддержку и помощь²⁸. 2 января 1918 г. Фрэнсис писал в Вашингтон, что положение настолько неясно и постоянно меняется, что ему необходимо иметь возможность предпринимать собственные действия в отношении большевистского правительства. Посол особо подчеркивал: все, что он сделает, не явится формальным признанием этого правительства, однако необходимость неформальных переговоров в тот момент была настолько важна, что он «совершил бы большую ошибку, если бы не решил принять на себя ответственность за возможные сделанные шаги»²⁹. Любопытным представляется тот факт, что даже декрет советского правительства о национализации банков, принятый 27 декабря 1917 г., не произвел значительного впечатления на американских представителей³⁰. В дальнейшем Фрэнсис избрал тактику французов и англичан, увязывая «контакт с Советами» с поддержкой сил контрреволюции.

Если в правительственных заявлениях ведущих стран говорилось только о непризнании Советской России, то в европейской правой и официозной печати уже ставился вопрос об интервенции. Однако в целом была заметна определенная тенденция, особенно в Англии, – как можно меньше говорить о России, выжидая результатов открывшихся 3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске переговоров. «Русский вопрос», если и поднимался, то трактовался в основном в рамках максимального нейтралитета по отношению к советскому правительству и максимального дружелюбия к русскому народу³¹. Даже в остром вопросе об аннулировании долгов английское правительство воздерживалось от каких бы то ни было обязывающих заявлений и тем более угроз.

Принимая решение об открытии переговоров с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске, советские руководители исходили из убеждения, что воюющие государства, прежде всего Германия и Австро-Венгрия, находились на пороге революции, поэтому рассчитывали использовать переговоры о мире для ускорения революционного процесса. Само начало переговоров стало событием чрезвычайным, так как означало фактическое признание легитимности нового российского правительства участвовавшими в переговорах европейскими государствами. Советская делегация во главе с А.А. Иоффе, избрав тактику затягивания переговоров, предложила державам Четверного союза заключить перемирие сроком на один год. Но, решительно отклонив это предложение, они вместе с тем согласились на условие запрета на время переговоров переброски германо-австрийских войск с Восточного фронта на Западный, на чем настаивала советская делегация, не желавшая быть обвиненной державами Антанты в фактическом переходе на сторону противника³². Соглашение о перемирии с 17 декабря 1917 г. до 14 января 1918 г. было подписано.

А отказавшись от предложений Совнаркома страны Антанты, в частности, представители военно-политических кругов Лондона и Парижа, 4 декабря 1917 г. подписали краткий, а 23 декабря расширенный вариант «Конвенции между Францией и Англией по поводу их действий в Южной России». Французам, согласно этому документу, предоставлялось право развивать свои действия на территории к северу от Черного моря, направив их против врагов (германцев и враждебных русских войск); англичанам – на востоке от Черного моря, против Турции. Согласно документу, Россия была поделена на «сферы влияния», отражавшие геостратегические интересы обеих стран: английская зона – Кавказ, Армения, Грузия и Курдистан; французская – Украина, Бессарабия, Крым. Действия союзников во время интервенции подтвердили существование такого соглашения. Таким образом, можно уже говорить о продуманной тактике интервенции, хотя до окончания войны реализация конвенции и не предусматривалась.

Правительство Италии узнало об этом решении союзников 31 декабря 1917 г. и отнеслось к нему весьма болезненно, так как в тот момент не имело возможности отправить в Россию свои войска³³. Тем временем предпринимались попытки создания центра консолидации просоюзнических сил. Еще 14 декабря протокол № 298 военного кабинета Великобритании предписывал: не отказывать в запрашиваемых деньгах для поддержки в юго-восточной России сопротивления центральным властям, если Военное министерство и Министерство иностранных дел сочтут это необходимым. В тот же день Англия и Франция предоставили генералу А.М. Каледину 10 млн фунтов стерлингов для создания армии в 2 млн человек³⁴. В подготовленном 21 декабря английским военным кабинетом меморандуме говорилось о необходимости поддерживать связи с Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом и попытаться убедить южную русскую армию возобновить войну. Отмечалась желательность привлечения к этому и США. Однако официально Вашингтон не выразил своего отношения к англо-французскому разделу сфер влияния в России. Соединенные Штаты, в целом воспринимавшие советскую власть менее враждебно, чем Франция и Англия, также придерживались тактики непризнания, но считали при этом необходимой политику невмешательства во внутренние дела Советской России. Тем не менее тайно они все же поддерживали английские и французские инициативы, оказывая, в частности, финансовую помощь Каледину и его сторонникам через Англию и Францию.

Временем тревог, разочарований и неопределенности для официальных и неофициальных представителей союзников в России можно назвать период, в течение которого проходил переговорный процесс в Брест-Литовске. Собственные правительства обрекали их на изоляцию, запрещая идти на контакты с большевистской властью, необходимые для повседневного исполнения дипломатических обязанностей. В такой ситуации большую услугу оказывали неофициальные агенты великих держав: Рэймонд Робинс (США), Брюс Локкарт (Великобритания) и капитан Жак Садуль (Франция). Эти люди обладали инициативой и широким кругозором, и хотя к советской власти они относились весьма критически, здравый смысл позволял им воспринимать революцию как свершившийся факт; в сущности, они и являлись подлинными представителями своих стран в России, так как только через их посредство происходили сношения между НКВД и союзными миссиями.

Отношение немцев к новой власти в России в последние месяцы 1917 г. было преимущественно положительным, а в некоторых политических кругах даже восторженным³⁵. Однако в дальнейшем оно изменилось в среде немецких левых под впечатлением от действий большевистского правительства (разгон Учредительного собрания, Гражданская война). Поднимая вопрос, что же побудило стороны подписать Брестский мир, исследователи, в частности С.З. Случ, справедливо полагают, что Ленин не сразу сделал ставку только на достижение мира с Германией. Позиция советского лидера в связи с дилеммой – вести ли войну против мирового империализма вместе с революционной Германией или, заключив мир с кайзеровской империей, натравливать ее на Антанту – менялась в первые месяцы пребывания большевиков у власти³⁶. Рассчитывая на революционный взрыв в Германии, советская делегация на начавшихся переговорах в Брест-Литовске делала ставку не на скорейшее подписание мирного договора, а на затягивание переговоров. Однако надежды большевиков оказались тщетными: в феврале 1918 г. будущий вождь Коминтерна Г.Е. Зиновьев признал, что момент был упущен, и мир следовало заключать в ноябре. На начавшихся 22 декабря переговорах о заключении мира между Советской Россией и державами Четверного союза глава германской делегации Р. Фон Кюльман представил советской стороне проект договора о мирном урегулировании, из которого следовало, что Германия не намерена выводить войска с оккупированных российских территорий, поскольку их нерусское население высказывается за отделение от России и переход под германское покровительство. В дальнейшем ультимативный тон и аннексионистский характер территориальных претензий лишь усилился. Так, 18 января от России требовали отделения уже не только

польских земель, Литвы, Курляндии, части Эстонии и Лифляндии, но и значительной части Белоруссии.

Пристально следившие за ходом переговоров союзники на все призывы советского правительства принять в них участие не отвечали, но и игнорировать миротворческий процесс не могли. 8 января 1918 г. свою программу мирного урегулирования на объединенной сессии палат конгресса представил президент США В. Вильсон. Самым ошеломляющим в его речи о «14 пунктах» стало одобрение переговоров в Брест-Литовске и дипломатии большевистских властей на этих переговорах, заслуживавших, по мнению президента, самой высокой похвалы за абсолютно ясное заявление о принципах мирного урегулирования и способах его достижения. Вильсон, считавший прозрачность намерений в дипломатии высшим проявлением чувства времени и правильно понятого долга перед истекающим кровью человечеством, за спиной которого вершилась мировая политика³⁷, нашел особо достойным стремление советских представителей вести переговоры открыто, не таясь от мирового общественного мнения. Тема России была центральной в его речи о «14 пунктах» (названных позднее З. Бжезинским «впрыскиванием в европейскую геополитику американского идеализма, подкрепленного американским могуществом»). Шестой пункт призывал освободить всю территорию России, урегулировать затрагивающие ее вопросы так, чтобы гарантировать ей полное и свободное содействие со стороны других наций в независимом определении своего политического развития и национальной политики, обеспечить ей прием в сообщество свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет, и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается. И для большевиков, и для их противников послание Вильсона оказалось неприятным сюрпризом. Большевикам, по мнению В.Л. Малькова, трудно было объяснить себе самим и народу подкупающую искренность, антиимпериалистическую и миротворческую патетику ведущей капиталистической державы. Возникла даже иллюзия возможного признания большевистского эксперимента³⁸. Однако, называя план Вильсона ловушкой, исследователь справедливо полагает, что Вильсон стремился выйти на решение, ставившее Россию в положение страны, замкнутой на свои внутренние (главным образом национальные) проблемы вплоть до победы в войне, а по возможности и дальше. Подлинный смысл затеянной Вильсоном и его помощником полковником Э.М. Хаузом интриги состоял в подключении большевиков к подрыву изнутри русской великодержавности при сохранении, по крайней мере номинально, территориальной целостности России (за исключением Польши, Финляндии и, возможно, Украины). Дружелюбный тон речи Вильсона советские руководители не заметить не могли, однако о признании советского правительства в ней речи не было.

Первая встреча Ленина с иностранными дипломатами произошла 14 января 1918 г. в связи с их протестом против ареста румынского посланника в России К. Диаманди, взятого накануне под стражу с целью заставить правительство Румынии прекратить разоружение русских войск и аресты российских представителей в этой стране. Дипломатический инцидент был исчерпан довольно быстро, Диаманди освободили и вскоре предложили выехать из страны, а «румынский золотой резерв, вывезенный ранее во время войны в Москву для сохранности, было приказано сохранить как собственность румынского народа и не допускать к нему румынскую олигархию»³⁹. Деньги, как предполагали, могли быть конфискованы в пользу России в качестве частичного восполнения потери Бессарабии, аннексированной через несколько недель Румынией.

Практическая политика вынуждала идти на компромиссы как одну, так и другую сторону. «Совершенно бесспорная истина: компромисс западных ценностей с большевизмом невозможен», – писал в своей записке по «русскому вопросу» в начале 1918 г. Артур Буллард, один из ближайших советников полковника Хауза. Однако общий вывод, к которому он пришел – это целесообразность неформальных контактов с большевистским правительством на чисто деловой основе⁴⁰. Согласие же на формальное признание могло быть дано только в обмен на важные уступки в области демократизации государственного устройства. «Шанс на признание» (по выражению Булларда,

«козырная карта признания») стал лишь средством влияния на ситуацию в России. Нельзя не согласиться с Мальковым, что ставка в этой большой игре была чрезвычайно велика – «раскрой территории России на самоуправляющиеся национальные образования, ориентирующиеся на западные либеральные образцы и строящие свою внутреннюю и внешнюю политику в значительной мере самостоятельно от центра»⁴¹.

Пока шла мировая война, германская угроза в глазах союзников оставалась опаснее угрозы большевизма. Брестский мир с Советской Россией наглядно показал в дальнейшем, что готовила Германия для проигравших.

В начале января 1918 г. Великобритания от враждебного непризнания советского режима, а затем максимальной сдержанности с большими колебаниями сделала шаг к признанию советского правительства, которое было поставлено «при известных условиях» в зависимость «от дальнейших событий», в первую очередь, на Брест-Литовских переговорах. В прессе тех дней почти не высказывались против возможности «при известных условиях» признания советской власти, но при этом считали неразумным воздерживаться от того же в отношении других «русских правительств», образовавшихся на Украине, Дону и в Сибири. Так, например, проконсервативная «Манчестер Диспач» 5 января 1918 г. писала о том, что политика союзников должна состоять в поддержке южной и азиатской России, и через созданные там правительства, а не через петроградское, работать над восстановлением страны.

Франция в январе 1918 г. решительно вступила на путь помощи врагам советского правительства, предоставив заем Украинской Центральной Раде, находившейся в открытой оппозиции к большевикам, и послав ее правительству военную миссию. В то же время, направляя в Киев официального представителя (вскоре там появился и английский), французское правительство категорически отказалось отправить даже неофициального представителя в Петроград⁴². Французские планы насчет Украины и, в частности, возлагаемые на Раду надежды относительно продолжения войны с немцами, разделялись и некоторыми английскими кругами. Однако права оказалась «Манчестер Гардиан», сообщив 29 января, что эти надежды ни на чем не основаны, и Рада первая заключит сепаратный мир с немцами. 9 февраля Украинская Рада действительно подписала мир с Четверным союзом.

Англия, считая невозможным пойти на полное признание советского правительства, не желала рисковать и разрывом с ним. Как сообщалось 16 января 1918 г. в «Дейли Мейл», Министерство иностранных дел Великобритании пришло к выводу о том, что по крайней мере в данное время большевистское правительство в России сильно укрепилось, и ничего не может быть достигнуто игнорированием его фактической власти. В связи с этим английское правительство пожелало расширить размер неформальных сношений, установленных с Петроградом через Литвинова, однако общественное мнение должно было провести четкую демаркационную линию между подобным методом создания канала для сношений в исключительно практических целях и между тем, что могло бы восприниматься как признание большевистского государства. Далее газета называла причины, по которым британское и другие союзные правительства воздерживались от такого признания. Среди них – отсутствие доказательств того, что советское правительство представляет законное большинство русской нации; измена по отношению к союзникам, выразившаяся в непризнании договоров, заключенных с Россией; разрушение русской армии и уничтожение возможности ее помощи союзникам и др. Однако если газета пыталась внушить читателям, что своих отношений с Литвиновым правительство Великобритании не скрывало, то в своих парламентских заявлениях оно старалось всячески преуменьшить значение этих сношений, рассматривая их как неизбежное зло, и не отступать от испытанной тактики отказа отвечать на вопросы о России. Бальфур на заседании 16 января 1918 г. заявил: «Мы не признали Петроградской власти, как фактического и юридического правительства России, но мы проводим необходимые дела неофициальным путем через посредство агента, действующего по инструкциям нашего посольства в Петрограде. Большевистские власти назначили Литвинова своим представителем в Лондоне и мы намерены войти в анало-

гичные неофициальные отношения с ним»⁴³. Подчеркнув временный характер соглашения, министр иностранных дел Великобритании заявил, что хотя оно и не может быть включено в обычные рамки дипломатических сношений, но является наилучшим, отвечающим нуждам данного момента.

В конце января 1918 г. во французской печати появились сообщения о том, что политика непризнания большевиков является пассивной и пора перейти к активным действиям. Определенную роль в морально-психологической подготовке антисоветской интервенции сыграли и так называемые «документы Сиссона» о «большевиках – немецких агентах», опубликованные во Франции в начале февраля, однако серьезного политического резонанса они не вызвали из-за их явно фальсифицированного характера⁴⁴. Следует учитывать, что основное внимание дипломатии союзников в то время было обращено на вероятное возобновление военных действий на Восточном фронте.

Ленин, в свою очередь, понимая невозможность для России дальнейшей ведения войны, пришел к выводу о необходимости безотлагательного заключения сепаратного мира с Германией и ее союзниками на выдвинутых ими тяжелейших условиях. В соответствии с ними от России отторгались занятые немцами территории, включавшие в себя польские, литовские земли, часть латышских земель, эстонские острова на Балтике, значительную часть Белоруссии. Россия должна была вывести свои войска с территории Османской империи и Австро-Венгрии. Ленину пришлось доказывать большинству членов ЦК, выступавших против заключения сепаратного мира, что его подписание не только обеспечит большевикам реальные гарантии удержания власти в стране, но и создаст благоприятные внешние условия, при которых продолжение войны между двумя империалистическими группировками не позволит им объединиться против Советской России. Однако 10 февраля 1918 г. на переговорах в Брест-Литовске Троцкий выступил с декларацией об отказе РСФСР подписывать аннексионистский договор о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией и о полной демобилизации российской армии. В Берлине это заявление было воспринято как фактический разрыв перемирия, и 18 февраля немцы возобновили военные действия по всей линии фронта, фактически не существовавшего.

Советские руководители между тем вели переговоры с союзниками в надежде добиться от них какой-либо помощи. Так, Троцкий обращался к Локкарту, стремясь получить военную помощь Лондона; Ленин на встрече с Робинсом 13 февраля говорил о перспективах советско-американского экономического сотрудничества, вел он переговоры и с представителем военной миссии Франции Садулем. Неофициально Франция предлагала свою финансовую помощь, если Россия окажет сопротивление Германии. Ленин, как известно, решительно высказывался «за взятие картошки и оружия у разбойников англо-американского империализма», сохраняя при этом независимость внутренней и внешней политики. Он смог убедить в этом своих соратников, и 22 февраля 1918 г. ЦК принял резолюцию, в которой в интересах вооружения и снаряжения армии признал возможным закупать все необходимое у империалистических государств⁴⁵. Однако наступление немцев и их стремительное продвижение в глубь страны заставило союзников отказаться от каких-либо обещаний. Согласие же советского правительства на германские условия мира рассматривалось ими как аргумент в пользу союзнической интервенции. Для союзников настало время действий.

Завершение периода революционной фразы провозгласил и Ленин, вынужденный перейти от декларативных лозунгов к «реальной политике». 23 февраля 1918 г., в день, когда был доставлен в Петроград новый германский ультиматум, содержавший еще более жесткие требования, на заседании ЦК РСДРП(б) Ленину с большим трудом удалось добиться согласия на германские условия мира, названные им безмерно угнетательскими, хищническими⁴⁶. Опасаясь вторжения немцев в Петроград, 27 февраля в Вологду выехали служащие американского и японского посольств, а также китайской дипломатической миссии. Представительства других стран, в частности Франции и Италии, присоединились к ним позднее.

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске состоялось подписание мирного договора Советской России с державами Четверного союза на предъявленных ей тяжелейших условиях. От РСФСР было отторгнуто 780 тыс. кв. км территории с населением 56 млн человек (польские, литовские, латышские, эстонские и часть белорусских земель). На ней находилась треть железнодорожной сети страны, производилось 73% железа и добывалось 89% угля⁴⁷. Россия должна была заключить мир с Украинской Центральной Радой, вывести свои войска с территории Украины и Финляндии, а также из пограничных с Турцией закавказских областей Ардагана, Карса и Батума. Договаривающиеся стороны брали на себя обязательство воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных и военных установлений другой стороны. Советская Россия должна была произвести полную демобилизацию своей армии, включая войсковые части, вновь сформированные правительством⁴⁸.

Брестский мир стал тяжелым ударом для союзных держав. Их неофициальные представители пытались помешать ратификации договора, обещая поддержку со стороны своих правительств, однако в действительности их влияние на политику союзников было весьма ограничено. Так, Локкарт предостерегал Бальфура, что если союзники позволят японцам войти в Сибирь, перспективы сотрудничества с Россией перейдут в разряд безнадежных⁴⁹. Между тем вопрос о военной интервенции, в частности о намерении Японии вторгнуться на русский Дальний Восток и развивать свою интервенцию в Сибири, начал активно обсуждаться в странах Антанты. Соединенные Штаты, несмотря на возрастающее давление Парижа и Лондона, поддерживавших Японию, выражали сомнения в целесообразности интервенции. Сказывались геополитические интересы самих США: нежелание способствовать усилению Японии – своего основного конкурента в Тихоокеанском регионе, а также собственный интерес к Сибири и Дальнему Востоку. 4 марта 1918 г. корреспондент «Таймс» телеграфировал из Вашингтона, что сообщение из Берлина о заключении мира с Россией было встречено здесь общим стремлением немедленно заключить соглашение между союзниками и Соединенными Штатами относительно японского выступления.

Лорд Сесиль 9 марта и Бальфур 15 марта высказались за интервенцию, которую весьма настойчиво желала Франция и к которой довольно безразлично относилась Италия. Но ее началу препятствовало не столько несогласие США, сколько германское наступление на Западном фронте в конце марта. Среди других факторов следует отметить как недоверие Америки к Японии, так и невозможность Великобритании в связи с общим военно-политическим положением оказывать давление на Японию. Последняя, в свою очередь, не решалась выступить самостоятельно из-за внутривнутриполитических трений и сложных отношений с Китаем. Для советского правительства угроза интервенции со стороны Японии была столь же тяжела, как и со стороны Германии.

5 марта 1918 г., в разгар борьбы за ратификацию Брестского мира, советское правительство предприняло демарш, направленный на предотвращение японской интервенции и одновременно на установление деловых отношений со странами Антанты. В ноте, переданной Троцким Робинсу запрашивалось: может ли советское правительство рассчитывать на поддержку союзников в его борьбе против Германии и в какой форме она может быть оказана, в случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией, или если германское правительство, нарушив договор, возобновит наступление, или в том случае, если советское правительство вынуждено будет из-за действий Германии отказаться от мирного договора и возобновить военные действия?⁵⁰ В те дни и в союзнических кругах шли ожесточенные споры по вопросу о японской интервенции, которая обосновывалась необходимостью защиты от Германии Дальнего Востока. В советской ноте говорилось о защите всей России. Однако если союзники имели в виду интервенцию Японии против советского правительства под предлогом борьбы с Германией, то большевики намекали на приемлемость интервенции совершенно другого рода – со стороны Соединенных Штатов и Англии против Германии при условии невмешательства во внутренние дела России⁵¹. Ответа на ноту Троцкого получено не было. Равносильным ответу на ноту в

США посчитали обращение Вильсона к IV чрезвычайному Съезду советов, в котором выражалось сочувствие русскому народу в тот момент, когда «Германия ринула свои вооруженные силы в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу и уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии»⁵². Но слова американского президента об отсутствии возможности правительства США в настоящий момент оказать России непосредственную и деятельную поддержку означали отказ проявить это сочувствие на деле.

Нота советского правительства от 5 марта 1918 г. не привела к отказу от ратификации Брест-Литовский мира или согласию на «интервенцию по приглашению». 15 марта 1918 г. Брестский договор был ратифицирован большинством голосов делегатов съезда (26 марта его ратифицировала и Германия). Формально договор включал в себя признание Советской Республики де-юре другими его участниками, что стало неизбежным следствием заключения мира.

Германия, став первой державой, установившей дипломатические отношения с Советской Россией, т.е. признавшей большевистский режим де-факто и де-юре, первой и нарушила Брестский мир. Продолжалось «состояние войны, при формально заключенном мире»⁵³. Воспользовавшись тяжелейшим внутренним и международным положением РСФСР для своей «ползучей агрессии», Германия продвигалась все дальше на Восток от согласованной в Бресте границы. Пользуясь отсутствием твердо установленных границ между Россией и Украиной, в апреле 1918 г. немецкие войска вторглись в пределы Курской, Орловской и Воронежской губерний, в мае захватили Крым, стали активно продвигаться к Северному Кавказу. Значительные силы германской армии оставались в Прибалтике, создавая потенциальную угрозу с юго-запада Петрограду. С севера-запада Советской России угрожали германские войсковые соединения вместе с белофинскими частями, продвигавшиеся в глубь Карельского перешейка.

Оппоненты Ленина по партии, а также их бывшие союзники по правительственной коалиции – левые эсеры требовали разорвать Брестский договор и вступить в войну с Германией. Однако к разрыву советско-германских отношений не привело даже совершенное 6 июля 1918 г. в Москве убийство немецкого посла В. фон Мирбаха, поскольку Брестский мир отвечал интересам обеих сторон: для Германии – как шанс на успешное завершение мировой войны, для Советской России – как жизненная необходимость в условиях разгоравшейся Гражданской войны и вмешательства в нее союзных держав. Но и стать основой нормальных отношений между странами этот договор, конечно, не мог. Обе стороны рассматривали его как тактический и временный. В памятной записке германского МИД в начале мая 1918 г. говорилось, что Брест-Литовский мир был ратифицирован только большевиками, а «следовательно в наших интересах, чтобы большевики пока оставались у власти»⁵⁴. Таким образом Германия не только не угрожала, но и была заинтересована на время войны в сохранении большевистского режима.

На Западе ратификацию Брестского договора восприняли как одностороннюю капитуляцию России на условиях Германии, ликвидацию Восточного фронта. Говорить о признании советского правительства даже де-факто после этого стало невозможно. Но самым неприятным сюрпризом было перевоплощение большевиков из сторонников идеи «свободного самоопределения» народов в поборников централизации и знаменосцев «объединенного движения», выбившего почву из-под ног у традиционных сторонников великодержавия – монархистов, кадетов, социал-патриотов и т.д.⁵⁵

Политические круги Антанты, крайне обеспокоенные тем, что Брестский мир значительно облегчал военно-стратегическое положение Германии и Австро-Венгрии, давая им возможность усилить свой потенциал на Западноевропейском и Балканском театрах военных действий, и одновременно выводил из войны ранее главного их союзника на Востоке – Россию, пришли к выводу о необходимости срочно вмешаться в происходившие там процессы⁵⁶. Правда, в статье профессора Академии Генштаба В.Ф. Новицкого (1922 г.) утверждалось, что выход России из рядов воюющих стран,

конечно, освободил некоторое количество неприятельских войск и дал немцам возможность перебросить их части во Францию, однако значение этой меры преувеличивалось бывшими союзниками и неверно ставилось в непосредственную связь с Брестским договором⁵⁷. Эта переброска началась задолго до договора, как только обнаружилось разложение русской армии, к тому же прибывавшие из России во Францию германские войска, уже значительно «распропагандированные» во время братания с русскими войсками и за время оккупации Украины, способствовали разложению германской армии, а следовательно, по мнению Новицкого, не усиливали, а ослабляли германцев на западе⁵⁸.

Тем не менее 15–16 марта 1918 г. в Лондоне состоялась конференция премьер-министров и министров иностранных дел Великобритании, Франции и Италии (США воздержались), на которой была принята декларация о непризнании Брестского договора. Обсуждая проблемы интервенции на Дальнем Востоке и севере России и делая при этом ставку на враждебные большевикам силы, державы Антанты взяли курс на широкое вмешательство во внутренние дела Советского государства. Первые воинские части стран Согласия появились на российской территории в начале весны 1918 г. И если в апреле 1918 г. Япония при фактической поддержке Великобритании и Франции предприняла открытую интервенцию на Дальнем Востоке, то высадка британских войск в Мурманске была согласована с местной советской администрацией накануне подписания Брестского договора и обосновывалась защитой этого важнейшего порта от немцев.

Розыгрыш союзниками «мурманской карты» должен был стать своеобразным противовесом Брестскому миру. Идея интервенции в Россию «по приглашению» или «с согласия» советского правительства активно обсуждалась в марте–апреле 1918 г. в военно-политических кругах стран Антанты. Особые надежды связывали именно с Мурманом, так как здесь уже сложились определенные основы такого сотрудничества⁵⁹. Расширяя свое военное присутствие в регионе, руководители стран-союзниц надеялись на восстановление Восточного фронта, полагая при этом, что втягивание России в войну будет означать падение правительства, которое обещало своему народу мир. Пытаясь расширить социально-политическую опору для действий в России, державы Антанты поддерживали в этот период контакты и с большевистским правительством, и с его противниками. Советские же руководители для сохранения нейтралитета России в мировой войне соглашались на оккупацию как Германией Севастополя, так и Великобританией Мурманска. Сложность и противоречивость мурманских событий, уклончивость политики союзников вынуждала советское руководство к лавированию. Каждая из сторон вела свою политическую игру. По мнению американского историка Дж. Лонга, северная интервенция практически с самого начала «запуталась в сетях стратегических разногласий между союзниками и разгоравшейся русской гражданской войны»⁶⁰.

«Словесное, но дословно запротоколированное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края» было заключено 2 марта 1918 г. в Мурманске после того, как в ответ на запрос местного совета о возможности принять помощь со стороны союзных миссий в связи с угрозой вторжения немцев и белофиннов была получена телеграмма Троцкого, в которой говорилось: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий... Ваш долг сделать все для охраны Мурманского пути»⁶¹. Официально советское правительство не утвердило это соглашение, не предоставив, таким образом, великим державам никаких международно-правовых оснований для осуществления «интервенции по приглашению». Однако некоторые политические деятели, в том числе Троцкий, надеялись на то, что мурманское соглашение может стать прообразом общероссийского соглашения со странами Антанты и приведет к признанию ими советского правительства. Заключивший «словесное соглашение» председатель Мурманского совета А.М. Юрьев даже считал его официальным признанием Францией и Англией советской власти и доказательством того, что державам Согласия выгоднее сохранить Мурманск русским, нежели обра-

тить его в свою колонию. Отказ же большевистского правительства утвердить соглашение был вызван реальным опасением разрыва Брестского мира, подписанного днем позже мурманского соглашения, и началом интервенции Германии в Россию. К тому же для получения официального согласия советского правительства на ввод войск на территорию Русского Севера и Дальнего Востока правительство это необходимо было признать.

Советские руководители ввиду недостатка сил считали допустимой в тот момент помощь бывших союзников при условии невмешательства их во внутренние дела страны. Так, в конце марта – начале апреля подразделения англо-французских войск вместе с советскими отрядами и красными финнами приняли участие в упорных боях, отражая наступление белофиннов на Мурмане и в Карелии, а также в совместной борьбе против немецких подводных лодок. С молчаливого согласия советского правительства, заинтересованного в обороне Мурманского побережья и железной дороги от угрозы со стороны белофиннов и немцев, но из-за трудностей военного и дипломатического характера не сумевшего организовать ее своими силами, началось формирование финского легиона на Мурмане. 2 мая на заседании правительства по вопросу о развитии края, по словам Юрьева, Ленин на его вопрос об отношении к союзникам ответил: «Официально протестуйте против их нахождения на советской территории, неофициально – получайте от них продукты и военную помощь против финно-германцев»⁶². Однако долго такая политика лавирования продолжаться не могла. Все настойчивее становились требования с одной стороны, Германии – соблюдать условия Брестского договора, с другой – держав Антанты – расширить их военное присутствие в регионе. Германский ультиматум оказался весомее. Слова Ленина на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. о том, что на нейтральной территории не может выступить вооруженная сила ни одного воюющего государства, чтобы не быть обезоруженной⁶³, союзники восприняли как крах их надежд на интервенцию «по приглашению». В итоге в державах Антанты верх взяли сторонники жесткой линии в отношениях с Советской Россией, считавшие невозможным сотрудничество с большевиками и сделавшие ставку на антисоветские силы. 14 апреля было опубликовано заявление премьер-министра Франции Ж. Клемансо, очевидно, с целью подчеркнуть непримиримость к политике мурманского соглашения, в котором несколько запоздало сообщалось, что французское правительство совместно с союзниками не признает нынешнего русского правительства и заключенного им мира. Сообщение такого содержания уже прозвучало 19 марта.

Политика, враждебная сотрудничеству с Советской Россией, брала верх и в Вашингтоне. 9 мая правительство США отозвало из Москвы Робинса, наиболее активного сторонника политики соглашения. Но как Вашингтону, так и Парижу и Лондону для окончательного выбора одной из двух политических линий (соглашение с большевиками против немцев или уничтожение советского правительства как предварительное условие в восстановлении Восточного фронта) требовалось, с одной стороны, такое событие в самой России, которое показало бы внутреннюю слабость большевистского правительства, с другой – необходимо было такое положение, «чтобы союзная интервенция была бы последним, и скорее всего, психологическим ударом по советской власти»⁶⁴. По мнению союзников, чехословацкое восстание, начавшееся в конце мая 1918 г., явилось именно таким событием и создало такое положение.

4 июня 1918 г. союзные представители обратились к советскому правительству с заявлением, в котором указывалось, что если будет произведено разоружение чехословаков, то державы-союзницы будут рассматривать это как акт враждебного свойства, направленный против них. Между тем накануне, 3 июня, Верховный военный совет Антанты утвердил меморандум № 31 о союзной интервенции в русских портах Северного Ледовитого океана⁶⁵, предусматривавший отправку нескольких британских, французских, американских или итальянских батальонов для овладения Мурманском и Архангельском. Целями интервенции называли стремление удержать последние коммуникации, связывающие союзников с Центральной Россией, помощь союзной ин-

тервенции в Сибири, а также обеспечение успешной переброски чешских и сербских частей на Север для использования их в борьбе с немцами. Окончательное решение об интервенции на Российском Севере было принято лишь через месяц, 3 июля 1918 г., седьмой сессией Верховного военного совета Антанты.

С расширением военной экспансии держав Антанты на российский Север менялось и отношение к ней советского правительства. Если весной и в начале лета 1918 г. последнее сквозь пальцы смотрело на активность союзников в районе Мурманска, то в конце июня его отношение к военному присутствию держав Антанты на российской территории радикально изменилось. 25–26 июня наступила политическая «развязка» мурманского узла. Во время переговоров по прямому проводу советскими руководителями и Юрьевым председатель краевого совета не поддержал предъявленных ему требований об отпоре бывшим союзникам на Мурмане, считая, что протест против пребывания англичан на Севере приведет лишь к гибели русской власти. «Если Вам до сих пор неудобно понять советской политики, равно враждебной и англичанам и немцам, – заявил ему Ленин 26 июня, – то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа»⁶⁶. 2 июля в «Известиях ВЦИК» вместе с приказом Троцкого об обороне Мурманского побережья появилось сообщение о том, что Юрьев объявлен «врагом народа» за принятое 30 июня Мурманским советом решение «действовать в дружеском контакте с союзниками».

С точки зрения осуществления интервенционного плана Великобритания интересовалась в основном Мурманском, Франция – Сибирью. Зарубежная пресса, поглощенная вопросом об активной, как тогда писали, интервенции, была полна сообщений о том, что Мурманск и Сибирь – это два пути, ведущие к одной цели; с занятием Владивостока чехословаками и Мурманска союзниками «доступ цивилизованного мира в Россию обеспечен с обоих концов»⁶⁷. Так, газета «Дейли Экспресс», желая сделать наглядной эту связь, 13 июля поместила рядом карты Мурманского побережья и Сибири с общей надписью: «Области, где союзники помогают России». В начале июля 1918 г. осуществить интервенцию через Мурманск представлялось гораздо легче, чем через Сибирь, где ситуация с каждым днем усложнялась, в том числе и для союзников: помимо так называемого Сибирского правительства в Томске и правительства генерала Д.Л. Хорвата, образовалось еще и Владивостокское правительство, также претендовавшее на Сибирь, и все они добивались союзной помощи.

Отъезд союзных послов из Вологды 25 июля означал, что до фактического начала интервенции оставалось весьма короткое время. В Советской России создалось невиданное в дипломатической истории положение: в стране находились пользовавшиеся полной неприкосновенностью официальные представители держав, открыто высаживавших вооруженные отряды для борьбы с правительством, с которым не порывали связи и при котором их послы были аккредитованы⁶⁸. Правительства Антанты не только не объявили о военных действиях против Советской России, но и всячески отрицали, что ведут против нее войну.

Для Германии, чем менее благоприятно складывалось положение на западе, тем важнее становилось положение на востоке. В критический момент выступления чехословацкого корпуса Германия оказала большевистскому правительству косвенную, но весьма существенную военную помощь. 23 июня Вильгельм II лично отдал распоряжение, чтобы немецкие войска не предпринимали никаких военных операций в России, а советскому правительству было сообщено, что оно может спокойно отвести свои войска от Петрограда и использовать их против чехословаков⁶⁹. Так как в Германии сохранение власти большевиков рассматривали в то время как равносильное отсутствию Восточного фронта, вероятность ее падения не могла не беспокоить немцев. В конце июля из Берлина пришло подтверждение того, что согласно дополнительным договорам, за выплату от 6 до 7 млрд марок русским дается право национализировать немецкое имущество. Представители Германии в Москве это решение расценили как слабость и намерение и в дальнейшем тесно сотрудничать с большевистским правительством. Барон К. фон Ботмер, представлявший при немецкой дипломатической миссии

Верховное главнокомандование, считал, что именно из-за этих договоров германское внешнеполитическое ведомство не потребовало «удовлетворения» за убийство графа Мирбаха. В своем дневнике он записал 1 августа, что большевистское правительство серьезно рассматривало вопрос о союзе с Германией против Антанты, «чтобы вместе с нашими финскими и балтийскими частями выступить в район Мурманска»⁷⁰. Однако пойти в этом вопросе до конца большевики не решались, по мнению Ботмера, из-за опасений, что официальное объявление войны Англии и Франции не найдет поддержки у народа, а также в связи с нежеланием предоставлять немцам для операций территории восточнее Чудского озера. Поэтому более желателен был бы случайный характер совместных действий. О молчаливом согласии на германское вмешательство и о проведении одновременной и скоординированной операции с войсками Советов сообщал в Берлин германский дипломатический представитель в Москве К. Гельферих после встречи с Чичериным 2 августа. Нарком иностранных дел, сообщив о бомбардировке англичанами Архангельска, обратился с официальной просьбой к правительству кайзеровской империи организовать германо-финское наступление против англичан на побережье в районе Мурманска⁷¹.

Чичерин действительно считал невозможным открытый военный союз с немцами «с учетом общественного мнения»; однако «параллельную акцию» – вполне реальной. Условием такой акции, по свидетельству Гельфериха, являлось бы то, что немцы не займут Петербург и, желательно, Петрозаводск. «В действительности это заявление означало, – писал германский посол, – что Советское правительство, чтобы защитить Москву, вынуждено просить нас о прикрытии Петербурга»⁷². Отмечая стремление Ленина использовать антагонизм двух воюющих империалистических коалиций для ослабления натиска Антанты, Чичерин писал о попытках наладить взаимодействие с немцами против интервенции союзников в августе 1918 г. Он признавал, что лично поехал к новому германскому послу Гельфериху, чтобы предложить ему условиться о совместных действиях против генерала М.В. Алексеева на юге и о возможности отправки германского отряда для нападения на войска Антанты у Белого моря. На встрече с Гельферихом 2 августа нарком высказал пожелание, чтобы Германия прекратила поддержку армии генерала П.Н. Краснова на Дону и выступила бы против Добровольческой армии генерала Алексеева на Кубани. Германский статс-секретарь П. фон Гинце предложил Верховному командованию пойти навстречу просьбам большевистского правительства. О степени серьезности намерений обеих сторон свидетельствует факт проведения в конце августа совещания представителей немецкой и советской высшего военного руководства по согласованию деталей предполагаемых совместных действий против англичан. Конечно, обе стороны понимали, что речь идет не о заключении военно-политического союза между Советской Россией и Германией, а лишь о временном тактическом взаимодействии в противостоянии общим врагам. Тяжелое поражение германских войск в начале августа 1918 г. во Франции под Амьеном подтолкнуло Берлин к продолжению в отношениях с Москвой «брестской линии»⁷³, которая завершилась лишь после окончания Первой мировой войны.

Руководители Советской России внимательно следили за развитием международной ситуации, надеясь, что первая годовщина их прихода к власти будет ознаменована началом всемирной революции пролетариата. Особые надежды при этом возлагались на рабочее движение Германии. Советское представительство в Берлине выполняло не только дипломатические и пропагандистские функции, являясь для большевиков временным «окном в Европу»⁷⁴, но и выступало в роли координатора революционных сил, что не могло не вредить будничной работе дипломатов. Интерес к Германии подогревался и геополитическими соображениями. Окончание мировой войны открывало для РСФСР возможность не только возвратиться к границам, утраченным с подписанием Брестского мира, но и, выйдя из международной изоляции, вернуться в круг великих держав. Однако реальная ситуация оказалась весьма противоречивой: с одной стороны, поражение Германии открывало путь к восстановлению утраченных позиций в Восточной Европе; с другой – время лавирования между двумя воюющими коали-

циями закончилось, и державы Антанты получили свободу действий не только в отношении Германии, но и России. Показательно, что в ст. 12 Компьенского перемирия, заключенного 11 ноября 1918 г. между Антантой и Германией, предусматривалось, что германские войска останутся в оккупированных ими районах, входивших до войны в состав России, до тех пор, пока антантовские союзники будут считать это необходимым⁷⁵. Незадолго до своей капитуляции Германия пошла на разрыв дипломатических отношений с Советской Россией, надеясь, что этот антибольшевистский жест облегчит ей ведение переговоров с державами-победительницами. 5 ноября 1918 г. советский полпред Иоффе, сотрудники его миссии и других советских учреждений, вполне справедливо обвиненные в ведении враждебной пропаганды, были высланы из Германии.

Советских руководителей волновали революционные возможности и в странах Антанты – во Франции и Италии. В своей записке от 1 ноября Ленин просил главу советской дипломатической миссии в Швейцарии Я.А. Берзина не жалеть денег для пропаганды во Франции, предписывая ему все приготовить на случай, если Антанта заставит Швейцарию его выслать⁷⁶. 8 ноября действительно последовало решение Федерального совета Швейцарии о разрыве отношений с советской миссией в Берне, которой было предложено покинуть страну. Из полпредов за границей в Стокгольме в то время оставались Воровский и его уполномоченный в Копенгагене Я.З. Суриц; официального признания они не получили и завязывали только неофициальные контакты с разного уровня государственными деятелями. Однако после их высылки под давлением держав-победительниц из Дании и Швеции на рубеже 1918–1919 гг. Советская Россия оказалась в полной дипломатической изоляции. Советские представительства за границей вновь открылись только в начале 1921 г.

Итак, во время Первой мировой войны стратегическая цель союзников – удержание России в войне – сочеталась с тактикой контакта с Советами. Большевистским руководителям, в свою очередь, приходилось различными дипломатическими маневрами создавать возможности для геополитического утверждения Советской России, заигрывая то с одним, то с другим блоком государств. Рассматривая усилившуюся после заключения перемирия интервенцию стран Антанты (ее основным мотивом стало не создание Восточного фронта, а борьба с властью большевиков) как необъявленную войну, советские руководители в последние месяцы 1918 г. предлагали бывшим союзникам открыть переговоры о заключении мира⁷⁷, поручив НКВД предпринять все необходимые для этого шаги. Однако ответных шагов со стороны держав Антанты не последовало. Была проигнорирована и нота Литвинова от 23 декабря 1918 г. с официальным предложением Великобритании, Франции, Италии, Японии и США заключить мир с РСФСР. Державы Антанты установили строжайшую блокаду Советской России. Большевистское правительство, не признанное державами-победительницами, не было приглашено и на Парижскую мирную конференцию, начавшую свою работу в январе 1919 г. Но Советская Россия все-таки сумела восстановить свои позиции после геополитического краха 1918 г. Для этого ей пришлось пройти сложный, полный лишений путь от блокады к полублокаде, полумиру, от единичных и весьма специфических актов признания де-юре 1920–1922 гг. к широкой «полосе признаний» в 1924–1925 гг. Если в первый год существования РСФСР союзники принимали совместные «формулы непризнания» ее, то к середине 1920-х гг. каждая страна вырабатывала с учетом своих геополитических особенностей собственную «формулу признания», а Советская Россия стремилась к тому, чтобы все это не противоречило ее национально-государственным интересам.

Примечания

¹ Штейн Б.Е. Буржуазные фальсификаторы истории (1919–1939). М., 1951. С. 9.

² Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. С. 14.

³ Буддаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 102.

- ⁴ Уорт Р. Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006. С. 185.
- ⁵ Там же. С. 182.
- ⁶ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 2001. С. 356.
- ⁷ Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975. С. 14–15.
- ⁸ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 8.
- ⁹ Там же, л. 8–9.
- ¹⁰ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. 1. М., 1957. С. 16–17.
- ¹¹ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 370–371.
- ¹² Кептан G.F. Russia leaves the war. Princeton, 1956. P. 94.
- ¹³ Уорт Р. Указ. соч. С. 193.
- ¹⁴ Бьюкенен Дж. Указ. соч. С. 372.
- ¹⁵ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁶ Schuman F.L. American policy toward Russia since 1917. L., 1928. P. 56.
- ¹⁷ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 35.
- ¹⁸ Там же. С. 39.
- ¹⁹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 10.
- ²⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 28–30.
- ²¹ Уорт Р. Указ. соч. С. 199.
- ²² Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 22.
- ²³ FRUS. 1917, Suppl. 2. V. 1. Wash. 1932. P. 352.
- ²⁴ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 15.
- ²⁵ Там же, л. 19.
- ²⁶ Там же, л. 21.
- ²⁷ Там же, л. 14.
- ²⁸ Там же, л. 112.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 110.
- ³¹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 23.
- ³² Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006. С. 40.
- ³³ Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией. 1917–1924 гг. М., 1993. С. 15.
- ³⁴ Военная интервенция и Гражданская война в России. (1918–1920 годы). М., 2009. С. 93.
- ³⁵ Случ С.З. Германия и СССР в 1918–1939 гг.: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995. С. 28.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Мальков В.Л. Вудро Вильсон и Новая Россия (февраль 1917 – март 1918 г.) // Новая и новейшая история. № 1. 2000. С. 123.
- ³⁸ Там же. С. 124.
- ³⁹ Уорт Р. Указ. соч. С. 212.
- ⁴⁰ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 128.
- ⁴¹ Там же. С. 129.
- ⁴² АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 48.
- ⁴³ Там же, л. 54.
- ⁴⁴ См., например: Макаренко П.В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. № 5. 2008. С. 30–45.
- ⁴⁵ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 – январь 1918. М., 1958. С. 206–208.
- ⁴⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 376, 379.

- ⁴⁷ Очерки истории Министерства иностранных дел России... Т. 2. С. 41–42.
- ⁴⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 119–124.
- ⁴⁹ Уорт Р. Указ. соч. С. 265.
- ⁵⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 208–209.
- ⁵¹ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 116.
- ⁵² ДВП СССР. Т. 1. С. 212.
- ⁵³ Там же. С. 312.
- ⁵⁴ Случ С.З. Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁵ Булдаков В.П. XX век российской истории и посткоммунистическая советология // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? М., 1993. С. 29–30.
- ⁵⁶ Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁷ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 33, п. 2, л. 49.
- ⁵⁸ Там же, л. 95.
- ⁵⁹ Голдин В.И. Интервенция или союзники? Мурманский «узел» в марте–июне 1918 года // Отечественная история. № 1. 1994. С. 74–88.
- ⁶⁰ Зброшенныя в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 13.
- ⁶¹ Цит. по: Голдин В.И. Интервенция или союзники?... С. 76.
- ⁶² Там же. С. 81.
- ⁶³ В.И. Ленин о советской внешней политике. М., 1979. С. 63–64.
- ⁶⁴ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 164.
- ⁶⁵ Зброшенныя в небытие... С. 443–444.
- ⁶⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 376.
- ⁶⁷ АВП РФ, ф. 56-б, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 220–221.
- ⁶⁸ История дипломатии. Т. 2. М.; Л., 1945. С. 389.
- ⁶⁹ Россия и Германия в годы войны и мира... С. 31.
- ⁷⁰ Ботмер К., фон. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. Нью-Йорк, 1999. С. 120.
- ⁷¹ Случ С.З. Указ. соч. С. 32.
- ⁷² Зброшенныя в небытие... С. 447.
- ⁷³ Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. Указ. соч. С. 50.
- ⁷⁴ Ватлин А.Ю. Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 73.
- ⁷⁵ Системная история международных отношений в 4 томах. 1918–2000. Т. 2. Документы 1918–1940-х гг. М., 2000. С. 21.
- ⁷⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 201.
- ⁷⁷ ДВП СССР. Т. 1. С. 549, 556.

© 2012 г. С. В. ЛИСТИКОВ*

«РУССКИЙ СЛЕД» В АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Американской интервенции в России в 1918–1920 гг. посвящены десятки трудов отечественных и зарубежных исследователей. Особое внимание при этом вполне оправданно уделялось ее предыстории и начальному этапу. Скрупулезно анализировалось все многообразие обстоятельств, в конечном счете подтолкнувших президента В. Вильсона к «решению вмешаться»¹. При этом среди влиявших на него факторов

* Листиков Сергей Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00-152а.

менее других исследована позиция русских антибольшевистских сил, весной 1918 г. обнаруживших весомые причины добиваться военной поддержки со стороны союзников и США². А между тем изучение этого сюжета помогает лучше понять, почему интервенция начиналась так натужно, развивалась по столь сложному сценарию, завершилась серьезной внешнеполитической и военной неудачей стран-участниц, на десятилетия во многом определив конфронтационный характер отношений между западными демократиями и большевистской Россией.

В первые месяцы 1918 г. русские дипломаты все чаще размышляли о пользе силового вмешательства союзников в «русские дела», поскольку большевикам удалось, в условиях жесточайшей экономической разрухи, противодействия внутри страны и неприятия за рубежом, удержаться у власти. «Когда произошел большевистский переворот, между союзниками не было единства по отношению к России, – вспоминал в феврале 1919 г. русский поверенный в делах в Великобритании К.Д. Набоков, – не было сознания, что помощь нам в борьбе с анархией и террором – задача одинаково жизненная и неотложная, как борьба с германской коалицией. Получилась среди союзников полная разногласица. Тут, впрочем, мы и сами отчасти виноваты. Провозглашалось многими “авторитетными” русскими, что режим Ленина и Троцкого не продлится более пяти дней, двух недель, месяца. Месяцы шли, а Европа не видела признаков активного сопротивления этому режиму»³.

Выживание советского режима объяснялось переплетением внешне- и внутривнутриполитических факторов. Антигерманская коалиция добивалась прежде всего победы в войне, ее участием было «не до большевиков». Ненависть к ним элит западных демократий, возникшая с момента насильственного захвата власти осенью 1917 г., накапливалась по мере развития «русского» социального эксперимента, усиления репрессий против политических противников и интеллигенции, разгона Учредительного собрания и установления диктатуры. Пока на Западе сохранялась надежда на то, что Брестский договор не будет подписан или его условия не будут выполнены, а Россия останется в «одном строю» с союзниками, ряд дипломатов, военных, разведчиков (американский генерал У. Джайсон, представитель Американского Красного Креста Р. Робине, британский разведчик и дипломат Б. Локкарт, глава французской военной миссии генерал А. Ниссель) поддерживали контакты с большевиками, особо выделяя Л.Д. Троцкого, в котором они видели руководителя, настроенного на конструктивную работу. Неудачи этих контактов, Брестский мир и весеннее наступление немцев на Западном фронте, давшее повод говорить о переброске войск из России, ожесточили политиков стран Антанты и США. Пугало их и стремление большевиков к разжиганию «революционного пожара» по всему миру⁴. Только в мае-июне, свидетельствовал 5 июля 1918 г. русский посол в США Б.А. Бахметев, «как будто кристаллизовалось желание союзников заняться Россией»⁵.

Однако в российском обществе весной 1918 г. не было силы, способной свергнуть «узурпаторов власти». «Ленинцы», по мнению их противников, не пользовались тогда популярностью у широких слоев населения России (проведенные в ноябре–декабре 1918 г. выборы в Учредительное собрание показали, что за большевиками шло лишь около четверти избирателей)⁶. Но люди, в массе своей настроенные нейтрально или даже антибольшевистски, были пассивны, они смертельно устали от потерь и лишений, выпавших на их долю за годы войны. Вновь проливать кровь, причем не в сражениях с «германцем», а в борьбе с властью, пускай незаконной, но установленной «своими», русскими большевиками, желали немногие. Оппозиция «новым хозяевам России», от кадетов до эсеров, не могла преодолеть межпартийные и внутренние разногласия.

В результате, белые дипломаты и политики все чаще приходили к убеждению, что для сплочения антибольшевистских сил внутри России нужен «внешний толчок». «Без иностранной помощи восстановление порядка в России представляется совершенно невозможным. Партии и отдельные лица не в состоянии объединиться, не умея найти общей линии ценой уступок в области частных партийных интересов», – считал в августе 1918 г. бывший министр иностранных дел Временного правительства М.И. Те-

решенко⁷. «Медленность в организации вмешательства имеет последствием рост уверенности, что союзники не могут или не хотят помочь России», – с тревогой отмечал 28 апреля 1918 г. Бахметев. Он опасался, что, в поисках силы для наведения порядка в стране, «Россия добровольно подчинится Германии»⁸. «Сегодня в газетах краткие тревожные вести о примирении с Германией союза Землевладельцев и промышленников во главе с Кривошеиным, Гурко, Федоровым.., – сообщал ему 23 апреля (3 мая) посол в Париже В.А. Маклаков. – Не забывайте быстро растущего в России монархизма и германофильства. Больше медлить нельзя»⁹.

Таким образом, по мысли белых дипломатов, Россия весной 1918 г. стояла перед жесткой альтернативой: либо союзная интервенция, либо – превращение в сателлита и экономический «придаток» Германии, расчленение и реставрация авторитарных порядков. «Без посторонней... помощи оздоровление России пойдет так медленно, что его раньше овладеют немцы.., – писал Маклаков Бахметеву 3 мая. – Для успеха вмешательства нужно в самой России сознание необходимости коренного перелома и образование, хотя бы зачаточное, будущего правительства... Наконец, я думаю, что без форсированного оздоровления России союзники не победят и, следовательно, Россия окажется расчлененной. По поводу этих главных положений мы, кажется, согласны»¹⁰. Оба торопили западное вмешательство. Однако предложение Бахметева собрать за пределами России «авторитетную группу» русских политиков, которая обратилась бы к союзникам с просьбой о вмешательстве, Маклаков отверг. По его мнению, это слишком напоминало Кобленц времен Великой французской революции. Кроме того, он констатировал, что русские умеренные, либералы и социалисты, находясь у власти в 1917 г., своей «неумелостью» дискредитировали себя в глазах Запада. К их мнению в европейских столицах прислушиваться бы не стали¹¹.

Больше надежд вселяло появление на Дальнем Востоке и в Сибири военных вождей – Д.Л. Хорвата, П.Я. Дербера, А.В. Колчака, Г.М. Семенова, – опиравшихся на вооруженную силу и готовых вести с большевиками решительную борьбу¹². «На этих военных движениях, казалось бы, должно пока сосредоточиться главное внимание союзников», – 25 июля делился своими соображениями с послом в Париже Бахметев, считавший жизненно необходимой поддержку белых вооружением и деньгами¹³. Русский посол в Японии В.Н. Крупенский 26 мая (6 июня) 1918 г. убеждал Маклакова: «Желательно воздействовать на американское и английское правительство, объяснить им, что будущее правительство Хорвата имеет целью создать русскими силами русский фронт против немцев, для осуществления этой задачи нуждается в немедленном освобождении от большевиков при помощи союзников хотя бы части русской территории, на которой... возможно начать образование русской армии и концентрацию русских сил, ввиду чего выступление Японии даже в одной Восточной Сибири будет служить интересам союзников»¹⁴.

С подачи русских дипломатов или без оной, интерес к действиям антибольшевистских сил пробудился и у американских политиков самого высокого ранга. 18 апреля 1918 г. В. Вильсон запросил информацию о них, и уже 22 апреля государственный секретарь Р. Лансинг представил президенту меморандум своего сотрудника Б. Майлза. В нем указывалось, что сторонники Дербера пользуются известной популярностью у населения, тогда как «контрреволюционная» группа Хорвата такой поддержки не имеет. Семенов характеризовался как решительный борец против большевиков без определенной политической программы, действующий при помощи японцев и англичан¹⁵. Из этого напрашивался вывод о том, что антибольшевистское движение на русском Дальнем Востоке и в Сибири находится еще в процессе становления, и США преждевременно предпринимать какие-либо шаги.

Не случайно Маклакова в начале мая беспокоило именно то, что данная «пауза» может слишком затянуться. Со своей стороны, в письме Бахметеву он высказывал мнение, что союзникам под благовидным предлогом продолжения войны с немцами следовало бы высадить войска на Дальнем Востоке. Их поддержка, «активное проявление доброжелательности» к местной власти, «поскольку она не большевистская»,

и помощь населению «в виде товаров, ремонта, даже помощников по управлению», казалось, должны были способствовать появлению на освобожденных от большевиков территориях устойчивого правительства «из местных людей, не гастролеров», готовых вести конструктивный диалог с союзником¹⁶.

Русские дипломаты отчетливо осознавали, что между потенциальными участниками интервенции имеются серьезные противоречия, а возможности каждого из них различны. Наибольший интерес к идее интервенции проявляли во Франции, о чем в первой половине 1918 г. свидетельствовали, в частности, заявления и действия ведущих политиков и дипломатов – премьер-министра Ж. Клемансо, министра иностранных дел С. Пишона, заместителя политического директора МИД Ф. Бертло, посла в России Ж. Нуланса, главы военной миссии генерала Лаверне и др. Французские дипломаты установили тесные контакты с антибольшевистскими организациями, объединявшими политиков самых разных направлений – от эсеров Н.Д. Авксентьева и Б.В. Савинкова до Кривошеина и Гурко¹⁷. Однако до окончания борьбы на Западном фронте французы могли лишь оказывать им дипломатическую, финансовую и моральную поддержку¹⁸. Поздней весной 1918 г. русские дипломаты рассчитывали и на участие в интервенции англичан, утративших надежду договориться с большевиками¹⁹. Энергичный молодой секретарь российского посольства в США И.И. Сукин, направленный Бахметевым в Париж и присутствовавший на заседаниях Высшего военного совета союзников, сообщал в начале июня, что «на конференции обнаружилось весьма отрадное сочувствие Англии к идее интервенции, причем замечается отчетливый перелом в отношении Англии к большевизму»²⁰. Впрочем, британские ресурсы также были весьма ограниченны (хотя, видимо, на них полагались более, чем на французские), а внешняя политика Лондона, по сравнению с Парижем, отличалась большим прагматизмом и непредсказуемостью.

Инициативную роль в интервенции могла сыграть Япония. Объявив себя союзницей Антанты, она активно проводила экспансию в Китае и на Тихом океане. Япония не вела крупных боевых операций, ее войска были готовы к решительным действиям. 28 апреля 1918 г. посол Японии в США К. Исии заявил Лансину, что его страна может направить в Россию до 250 тыс. солдат, имея еще 150 тыс. для пополнения сил²¹. Их доставка в Сибирь, учитывая близость японских берегов, не представляла особой сложности. Деньги на поддержку антибольшевистских сил у Японии имелись. «Но все, конечно, зависит от Японии, – писал Кудашев Маклакову в конце мая. – Ничего здесь не может быть предпринято без них или против их желания». Решительными сторонниками японской интервенции были Крупенский и бывший член Государственной думы кадет С.В. Востротин, совершивший в апреле и июне 1918 г. две поездки в Японию, где он убеждал парламентариев и военных в необходимости вмешательства в дела России²². По мнению Бахметева, эти дипломаты, связанные с торгово-промышленными кругами, были уверены в том, что японцы способны быстро и энергично навести порядок и вернуть людей «к нормальной работе». При этом они не только усматривали у японцев «определенно-отрицательное отношение к социалистам», но и полагали, «что Япония, как страна бедная, не опасна в смысле конкуренции»²³. Вдобавок японцы не были особенно щепетильны в оценке политических пристрастий и методов борьбы Семенова, Хорвата или Колчака, и соглашались помогать им.

Тем не менее перспектива односторонних, без соответствующего контроля со стороны Антанты и США, японских действий на территории России белых дипломатов не прельщала. В частности, Маклаков обращал внимание Крупенского и Востротина на то, что значительная часть русских воспринимала Японию скорее как врага, желающего воспользоваться бессилием соседнего государства для захвата его территорий. Схожих взглядов придерживались и лидеры США, и их западноевропейские партнеры²⁴. Другое дело – идея использования японских войск для установления контроля над Транссибирской магистралью с согласия и по поручению западных держав, которая с конца 1917 г. выдвигалась британской и французской дипломатией²⁵. Но и подобные планы длительное время не находили понимания у Вильсона и его ближайшего друга и

советника полковника Э. Хауза. Американцы опасались, что это подтолкнет Японию к экспансии на русском Дальнем Востоке и в Сибири, и в дальнейшем она может «выйти из-под контроля», тогда как настроения миллионов русских разительно изменятся и обернутся против Японии и ее союзников и в пользу Германии²⁶. «Я никогда не изменял своего мнения, что посылка японских войск в Сибирь была бы огромной политической ошибкой, – писал Хауз Вильсону 2 февраля 1918 г. – Я не могу найти никакой военной выгоды, которая компенсировала бы причиняемый вред»²⁷.

В конце февраля 1918 г. в Токио прозвучало заявление министра иностранных дел Японии И. Мотоно о готовности направить в Россию войска и согласовать их действия с союзниками, а также о незаинтересованности Японии в территориальных захватах. Следуя советам Лансинга и учитывая все возраставшее давление европейцев, Вильсон уступил. Около 28 февраля им был составлен для ознакомления союзников документ, в котором говорилось, что США не будут возражать против обращения союзных стран к Японии с предложением отправить войска в Сибирь для защиты от «вторжения армии и германских интриг». Русские дипломаты решительно протестовали. Бахметев и Сукин утверждали, что высадка одних японских войск усилит в России прогерманские настроения, избежать же этого возможно лишь в случае одновременного появления на Дальнем Востоке контингентов Антанты, США и Японии под руководством представителя Англии, Франции или Америки. Эту позицию поддержал Хауз, сотрудник Государственного департамента У. Буллит и помощник советника государственного секретаря Г. Окинклосс, убедившие Вильсона вернуться к прежней линии²⁸.

Со своей стороны, ведущие японские политики и военные не хотели осложнять отношения с США и союзниками и опасались, что «друзья-соперники» втянут Японию в такую авантюру на бескрайних просторах России, из которой потом трудно будет выпутаться²⁹. В Токио вовсе не сочувствовали желанию некоторых британских политиков, чтобы японская «экспедиция обязательно продвинулась за Урал», и стремились поживиться чем-то находящимся ближе к собственным берегам. Поэтому японцы добивались санкции на свое вторжение в Россию не только у Антанты, но и у США³⁰.

В отличие от иных возможных участников интервенции, США представлялись белым дипломатам едва ли не идеальным кандидатом на роль бескорыстного друга, способного помочь русскому народу навести порядок в «своем доме». Демократическая природа американских политических институтов, объявленные Вильсоном идеалистические мотивы участия в войне, представления о чуть ли не безграничных экономических и финансовых ресурсах Соединенных Штатов и способности их лидеров в короткий срок решать грандиозные задачи (создание сильной армии, мобилизация нации на победу в войне и проч.) у многих русских порождали иллюзию, что только необъяснимое нежелание или надуманные предлоги могут помешать Вильсону низвергнуть большевиков. В основе таких представлений лежало непонимание политических и иных реалий американской демократии. Чувствуя это, Бахметев указывал на необходимость учитывать существующую в США систему «сдержек и противовесов» и ее влияние на действия главы исполнительной власти. Призывая в конце апреля 1918 г. «покинуть почву общих рассуждений» и перейти к «конкретной постановке вопроса об интервенции перед союзниками и Америкой», русский посол заявлял: «Повторяю однако, что такой план должен считаться с некоторыми непоколебимыми американскими принципами, являющимися вопросами объективного факта, независимо от того, как бы их не оценивать»³¹.

Среди факторов, препятствовавших принятию в Белом доме решения об интервенции, Бахметев особо отмечал слабое знание России заокеанскими политиками и их не до конца еще рассеявшиеся заблуждения «относительно возможности кооперации с местными советами, которые в глазах Америки почему-то не отождествляются с большевизмом»³². Передававшаяся «различными мало разбирающимися в русских делах американскими осведомителями»³³ информация искажала картину Гражданской войны и создавала «ребусы» даже для умудренных богатым военным и политическим опытом государственных мужей.

Между тем круг авторитетных для Запада русских деятелей среди противников большевиков значительно сузился. «Все политические репутации подверглись такой переоценке во время революции и так скомпрометированы своей неумелостью, что я не вижу имен, которые могли бы импонировать из заграницы», – констатировал Маклаков в начале мая 1918 г.³⁴ Олицетворявшие «белое дело» Алексеев, Корнилов, Колчак, Семенов, Хорват доверия у американцев не вызывали: «Здесь, – сетовал Бахметев, – обнаруживается снова склонность к выжиданию, в особенности ввиду новых событий в России, пока столь не ясных и как будто смущающих американцев, которые, к сожалению, всегда будут бояться призрака реакции»³⁵.

И все же Бахметеву казалось, что симпатии высших чинов вильсоновской администрации, несмотря на их демонстративное стремление держаться «равноудаленно» от участников междоусобицы в России, были на стороне антибольшевистских сил. «Из разговоров в Министерстве иностранных дел я получил впечатление, что американцы, продолжая стоять на принципиальной позиции невмешательства в гражданскую войну в России, серьезно заинтересованы последними успехами движения», – сообщал он Маклакову в середине мая 1918 г.³⁶ Однако Бахметев, контактировавший с сотрудниками Государственного департамента, упрощал ситуацию. Если Лансинг, Полк и третий секретарь Б. Лонг, ведавший «русскими делами», действительно симпатизировали белым, то ведущие военные чины – представлявший США в Высшем военном совете союзников генерал Т. Блисс и начальник штаба американской армии П. Марч полагали, что Америке следует сосредоточить все свои усилия на Западном фронте. Военный министр Н. Бейкер с предельной откровенностью писал президенту 19 июня 1918 г.: «Я убрал бы из России всех, кроме русских... дал бы им успокоиться и решать свои собственные дела»³⁷. Вильсон, учитывавший разноречивые мнения, колебался.

И Маклаков, и Бахметев были решительными сторонниками установления в будущем в России демократии. Но в условиях Гражданской войны они не считали это возможным. «Не ищите легальных основ для действий, – писал в конце апреля Маклакову Бахметев. – Мы идем и еще будем идти путем государственных переворотов. Только им пока обеспечен успех. Глубоко огорчен несочувствием Америки выступлениям Семенова и Алексеева. Национальное движение в России сосредоточивается около подобных попыток, а не заграничных конференций. Поэтому, всячески сочувствуя Вашей мысли морально поддержать вмешательство извне и для этого объединить заграничные русские силы, думаю, что настоящий толчок национальному возрождению даст появление в России военной силы, пришедшей на ее защиту»³⁸.

Между тем весной 1918 г. в Вашингтоне и Париже набралось достаточно свидетельств того, что идею иностранной интервенции в России одобряют многие политические силы, входившие в широкую, но разношерстную антибольшевистскую коалицию. Так, 3 июня 1918 г. Маклаков сообщал Бахметеву о позиции ЦК кадетской партии: «Мы можем заверить самым решительным образом, что сведения, будто русская демократия не сочувствует союзной помощи, ложны». Позднее посол в Париже делился с американским коллегой поступившими из России сведениями о том, что в Америку выехал представитель партии социалистов-революционеров О.С. Минор, которому поручалось заявить о поддержке интервенции партийным руководством, а также о «телеграмме патриарха Вильсону, обещающей помощь Церкви делу союзников»³⁹. «Из разнообразных и точных источников России прихожу к несомненному и согласованному с Вами заключению, что иностранное вмешательство ожидается с нетерпением... – в конце апреля делился своими наблюдениями с Маклаковым Бахметев. – От октябристов до социалистов-революционеров все согласны на японское вмешательство, если оно будет по поручению держав»⁴⁰. В США посыпались петиции. В Америку из Франции, сообщал Маклаков Бахметеву, послано обращение «за подписью полутораста имен». Высказывалась идея «командировать» за океан ведущих политиков и через них добиваться американской помощи. «Пишон считает желательным поездку Василия Алексеевича (Маклакова. – С.Л.) в Америку, – писал в начале июля

Сукин. – Указывает также на желательность использовать Терещенку, который здесь ожидается на днях»⁴¹.

Конечно, никто из белых политиков не сомневался в том, что предполагаемое выступление союзников будет направлено против большевиков. И все же 20 июня Маклаков признавал, что в отношении интервенции «некоторые сомнения и колебания есть и в России». Как указывалось в заявлении ЦК кадетской партии, «отношение русского общественного мнения к союзному действию находится в зависимости от условий его осуществления». Необходимо было обеспечить единство усилий союзников и русских антибольшевистских сил. При этом кадеты желали, «чтобы русское общественное мнение получило уверенность в том, что суверенные права государства и неприкосновенность его территории на Дальнем Востоке будут ограждены». Кроме того, участникам интервенции следовало «избегать создания новых лишений для истомившегося населения». По словам А.Ф. Керенского, «Союз возрождения» летом 1918 г. был готов поддержать интервенцию, если от ее участников последует «открытое обращение к России, заверяющее территориальную неприкосновенность и невмешательство в русские дела и призыв русских к помощи и содействию»⁴².

Готовя вторжение союзников на востоке России, русские дипломаты пытались учесть возможную реакцию на их высадку местного населения. Крупенский в середине мая свидетельствовал: «За союзное вмешательство стоят откровенно все несоциалистические группы, сочувствуют и правые социалисты, но, по практическим соображениям, скрывают это». Демократическое совещание в Харбине 17 и 21 июня 1918 г., по сведениям Бахметева, выявило широкий разброс мнений: «Большинство промышленников хотя японской интервенции, остальные ценовые элементы – японцев, но под контролем англичан и французов, интеллигентные социалисты – смешанных отрядов всех союзников, рабочие – никакого иностранного вмешательства. В Харбине у населения мало симпатий к американцам»⁴³. Учитывая столь сложную обстановку, в конце апреля Маклаков просил Востротина сообщить: «Возможно ли получить от каких-либо организованных демократических или иных сил заявление о сочувствии японскому выступлению, что крайне облегчило бы согласие Америки на это?»⁴⁴

Русские сторонники западной интервенции старательно избегали любых опрометчивых заявлений и шагов. «Сочувствую мысли поддерживать вмешательство именем находящихся за границей русских..., но отношусь скептически к мысли выписывать людей из России, например Савинкова и Церетели», – делился своими сомнениями с Маклаковым в конце апреля 1918 г. Бахметев, считавший, что серьезных людей придется отрывать от дела, и опасавшийся «упорных споров по мелким разногласиям». «Характерно также, – отмечал он, – что Вильсон отказывается принимать и выслушивать мнение русских, отклонившись от беседы с Коноваловым и находящейся здесь Бочкаревой». Объяснение этому, как утверждал Бахметев, «видят в невозможности избежать слухов, что на беспристрастное решение Америки было оказано давление», вследствие чего «американское правительство пока относится с нескрываемым опасением» к появлению в Вашингтоне русских политиков. Впрочем, предполагал посол, обстоятельства получат «совершенно иной оборот в случае, если решение будет уже принято Вильсоном»⁴⁵.

Бахметев прекрасно понимал, что президент вынужден учитывать военные и экономические возможности США, а также настроения в стране, где приближались выборы в конгресс. Сказывались и личные качества Вильсона, его нерешительность, привычка осторожничать. «С ужасом вижу, – сокрушался в конце апреля Бахметев, – что Вильсон слишком медленно понимает, что надо делать, и избытком корректности губит Россию»⁴⁶.

В то же время Бахметев видел, что в США нарастает убежденность в «необходимости исчерпать все средства, способные угрожать немцам», а это создает «благоприятную обстановку для согласия Америки на энергично предложенный ей союзниками план» вмешательства в дела России. В марте 1918 г. началась высадка английских и французских войск на севере России, которая обосновывалась угрозой захвата Мур-

манска и Архангельска немцами, обращением эсеров-меньшевистского исполкома мурманского совета к союзным силам за помощью и даже надеждой на то, что эти действия найдут поддержку у большевистского руководства в Москве. Учитывая ограниченный характер операции на русском Севере, а также отсутствие там пресловутого «японского фактора», Вильсона удалось убедить поддержать эту меру⁴⁷. В начале июня американцы присоединились к силам Антанты в Мурманске.

Между тем с востока России приходила информация о вооружении большевиками военнопленных стран Четверного союза, об угрозе захвата ими складов с военным имуществом. Это, казалось, подталкивало союзников к направлению туда своих войск, и русские дипломаты подбрасывали западным партнерам дополнительные факты в пользу такого решения. 17 мая Бахметев сообщал со ссылкой на некоего агента из Харбина «достоверные сведения» о том, что «среди противников Семенов уничтожил двести венгров». Востротин в конце апреля напоминал, что «продовольственные ресурсы... Сибири велики и могут быть использованы германцами при посредстве систематически вооружаемых большевиками военнопленных, коими возможен захват Сибирской железнодорожной магистрали». 29 июня, нагнетая напряжение, он извещал Маклакова о том, что «свергнутая в некоторых городах Сибири при содействии чехословаков большевистская власть начинает переходить к вооруженным пленным, руководимым из Москвы Мирбахом»⁴⁸. С точки зрения международного права высадку союзников на востоке России Бахметев обосновывал тем, что «непризнание почти всеми партиями Брестского мира равносильно признанию России воюющей стороной и разрешению перенести военные действия на ее территорию»⁴⁹.

В мае–июне сторонники интервенции увидели угрозу со стороны большевиков 60-тысячному чешскому корпусу, спешившему по Транссибирской магистрали через бескрайние просторы России во Владивосток, чтобы оттуда отправиться на фронт во Францию. «Вы знаете, что явная необходимость защиты их (чехов. – С.Л.) против большевиков может послужить толчком для Америки и хорошим поводом для интервенции», – писал Маклаков Бахметеву⁵⁰. Подобные аргументы, убедительные для общественного мнения западных стран, Маклаков предлагал выдвинуть на первый план, приглушив «антибольшевистские мотивы», поскольку, как признавал посол, «поддерживать здоровые элементы страны... в конце концов все-таки равносильно вмешательству во внутренние дела»⁵¹.

В мае 1918 г. Маклаков и Сукин пытались объединить союзных дипломатов, выработать приемлемые для американцев условия высадки в России. Поскольку ожидалось, что «кнемцы постараются рассорить союзников, парализуя совместные их действия»⁵², посол в Париже готов был согласиться на то, чтобы Япония с общего согласия начала действовать одна, а страны Антанты и США «подтянулись» бы потом. «Я довольствовался бы тем, – признавался он, – чтобы знать, что момент назрел, что Япония в Сибири не встретит негодующего отпора, а затем употребил бы все меры, чтобы убедить Вильсона, что, если он действительно хочет блага России, то медлить нельзя»⁵³. В начале июня 1918 г. Сукин, присутствовавший на заседаниях Высшего верховного военного совета союзников, доносил Бахметеву: «В результате обсуждения три союзных правительства пришли к решению сделать настойчивое выступление в Вашингтоне, опираясь на повелительную необходимость отвлечения германских сил на восточный театр. Однако, предварительно выступления в Вашингтоне, решено добиться от Японии формального согласия на ту форму вмешательства, которая была бы приемлема как для Америки, так и для России... Надеясь парализовать, таким образом, одно из главных возражений, которое тревожит Америку, союзники предполагают обнаружить при своем воздействии в Вашингтоне, одновременно и решительность – в отношении военной повелительности интервенции – и гибкость в вопросах формы и выполнения»⁵⁴.

В вовлечении Америки в интервенцию белые дипломаты больше всего уповали на помощь французов. Сукин сообщал Бахметеву из Парижа: французское правительство «посылает инструкции Бергсону, выехавшему только что в Америку для воздействия на Вильсона. Инструкции эти, как заявил Пишон, всецело основываются на высказанных

нами соображениях и предлагаемой нами новой постановке вопроса. Бергсон вступит с Вами в связь для окончательного выяснения всех обстоятельств. Ему поручено представить Вильсону энергичное предложение и по возможности конкретный план действий». Французскому посольству в США и миссии Тардьё предписывалось работать «в целях убедительной пропаганды и освещения перед американским общественным мнением необходимости истинного характера намечаемой интервенции»⁵⁵.

И все же целесообразность вмешательства во внутренние дела России до конца вызывала у Вильсона сомнения. Бахметев внимательно наблюдал за его колебаниями. «Вопрос о союзной помощи России находится на пути к решению», – писал он 1 июля. Даже 5 июля, накануне принятия президентом решения о согласии направить войска в Россию, Бахметев проявлял сдержанность: «Не усматривая в настроениях Вильсона признаков, которые давали бы основания пессимистическому прогнозу, тем не менее считаю, что решение далеко еще не созрело»⁵⁶. Только 6 июля в его письме Маклакову прозвучало долгожданное: «Весьма доверительно... время подоспело. За последние дни союзная дипломатия в самой энергичной форме представила непосредственно Вильсону мнение союзных военных начальников. Хотя со стороны Америки последовали возражения относительно негодности разбивать усилия посылкой войск на новый фронт, однако президент, по-видимому, примирился с желанием союзников, особенно ввиду новой постановки всего вопроса, предусматривающей для начала черпать подкрепления из японского резерва». Бахметев констатировал, что заявление Вильсона «по существу является переходом к активным действиям»⁵⁷. При этом еще 1 июля он исходил из того, что важно само «активное выступление, которое несомненно разрастется и примет грандиозные размеры, столь свойственные [при] всяком американском начинании»⁵⁸.

Однако действия президента настраивали на осторожность в прогнозах. Он медлил и источал неуверенность в правильности принятого решения. Объявленные цели интервенции выглядели весьма расплывчатыми⁵⁹, ее срок фактически ограничивался завершением мировой войны. И правящая элита, и американское общество в целом восприняли ее без особого энтузиазма, как неизбежную часть борьбы против Германии. Отношения США с союзниками и особенно с Японией уже в начале интервенции были натянутыми, что не могло не сказаться в будущем. В то же время от идеи возобновления диалога с Лениным и его единомышленниками в столицах западных держав не спешили отказываться. А потому практичный Бахметев, заметивший многие «шероховатости», полагал, что дальнейшее развитие интервенции может произойти только при «соответствующем дольороте событий в России»⁶⁰. Посол надеялся на появление национального антибольшевистского правительства, на объединение вокруг него широкой коалиции политических сил, на координацию военных усилий различных армий, которая обеспечила бы успех «белого дела» и придала бы ему массовый характер. Но еще в середине мая он четко осознавал, что пока движение это «не приобретет значительных размеров и пока оно не обнаружит с достаточной ясностью его широкий национальный характер, рассчитывать на поддержку Америки нельзя»⁶¹.

Западные демократии начали вмешательство с большой осторожностью, имея основательные сомнения в его целесообразности, обоснованности, успехе и благоприятных последствиях. У белых дипломатов начало интервенции пробудило как надежды, так и разочарования. На деле результат предпринятия был плачевен, как бы ни пытались его участники впоследствии спасти лицо. Летом 1919 г., когда неудача союзников становилась все более и более осознаемой, З.Н. Гиппиус, тонко улавливавшая состояние страны, записала в дневнике: «О, эта пресловутая “интервенция”! Хоть бы раньше, чем произносить это слово, европейцы полюбопытствовали взглянуть, что происходит с Россией. А происходит приблизительно то, что было после битвы при Калке: татары положили на русских доски, сели на доски – и пируют. Не ясно ли, что свободным, не связанным еще, – надо (и легко) столкнуть татар с досок. И отнюдь, отнюдь не из “сострадания”, а в собственных интересах, самых насущных! Ибо эти новые татары такого сорта, что чем дольше они пируют, тем грознее опасность для соседей попасть

под те же доски. Но, видно, и соседей наших, и Антанту Бог наказал – разум отнял. Даже просто здравый смысл. До сих пор они называют этот необходимый, и такой нетрудный, *внешний толчок*, жест самосохранения – “вмешательством во внутренние дела России”. Когда рассеется это марево? Не слишком ли поздно?»⁶²

Примечания

¹ См., в частности: *Мальков В.Л.* США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917–1933 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 125–146; *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, 1995; *Kenan G.* The Decision to Intervene. L., 1958; *Killen L.* The Search for a Democratic Russia: Boris Bakhmeteff and the United States // Diplomatic History. 1978. Vol. 2. N 3. P. 237–256; *Trani E.* Woodrow Wilson and the Decision to Intervene in Russia: A Reconsideration // Journal of Modern History. 1976. Vol. 48. N 3. P. 440–461; *Unterberger B.M.* America's Siberian Expedition. 1918–1920: A Study of National Policy. Durham, 1956; etc.

² Об отношении к Октябрьской революции русского дипломатического корпуса, в большинстве своем ее не принявшего, см.: *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны // «Совершенно секретно и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 1. М.; Стэнфорд, 2001. С. 44–57; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). М., 2004. С. 27–92; *Миронова Е.М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 57–73; *Killen L.* Op. cit.

³ ГА РФ, ф. 200, оп. 1, д. 225, л. 52 об.–53.

⁴ *Ганелин Р.Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975. С. 91–99, 106–113, 166–184; *Carley M.* Revolution and Intervention. The French Government and the Russian Civil War 1917–1919. Kingston etc., 1983. P. 34–38; *Gardner L.C.* Wilson and Revolutions. 1913–1921. Philadelphia, 1976. P. 35–38; etc.

⁵ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 44 об.

⁶ *Протасов Л.Г.* Всероссийское учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164.

⁷ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 73 об.

⁸ Там же, л. 7.

⁹ Там же, л. 6. А.В. Кривошеин, В.И. Гурко и ряд представителей партии кадетов, монархических групп, «Совета общественных деятелей», «Союза земских собственников», «Торгово-промышленного комитета» создали в марте 1918 г. в Москве «Правый центр», ориентированный на поддержку Германии в борьбе с большевиками. Просоюзнически настроенные члены центра (в том числе М.М. Федоров) в мае-июне 1918 г. образовали другую организацию – «Национальный центр».

¹⁰ Там же, л. 4.

¹¹ Там же, л. 4, 6.

¹² Бывший комиссар Временного правительства на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, поддерживаемый консервативно настроенными офицерами и русскими дипломатическими кругами, летом 1918 г. возглавил Дальневосточный комитет «Защиты Родины и Учредительного собрания». Для американцев более привлекательной фигурой являлся правый эсер П.Я. Дербер (глава Временного сибирского правительства), с марта 1918 г. спасавшийся в Харбине от большевиков. Перебравшись вскоре во Владивосток, Дербер обратился за помощью к американскому консулу Дж. Колдвеллу и командующему Азиатским флотом США О.М. Найту, который и сообщил в Вашингтон об образовании автономного правительства «союзнической ориентации», готового бороться с прогерманскими силами «к востоку от Уральских гор». Не остался без внимания Вашингтона и популярный среди военных адмирал А.В. Колчак, по совету русского посла в Пекине Н.А. Кудашева прибывший в зону КВЖД и занимавшийся там формированием воинских частей. Однако самым боевым казался забайкальский казак Г.М. Семенов, постоянно тревоживший красных своими вылазками из Маньчжурии и укравшийся там, когда ему начинало изменять счастье. В мае 1918 г. Семеновым было объявлено о создании Временного забайкальского правительства. Всех этих лидеров, находившихся в непростых отношениях друг с другом, поддерживали японцы, англичане и французы. Американцы держались более настороженно и выжидательно (*Foglesong D.* Op. cit. P. 151–154; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia. 1914–1921. Lawrence,

2001. P. 266–268; *Unterberger B.M.* Op. cit. P. 14–18). О развитии антибольшевистских центров на Востоке России в октябре 1917 – ноябре 1918 г., их программах и лидерах подробнее см.: *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории. М., 2007. С. 27–224; *Morley J.* The Japanese Thrust in Siberia. N.Y., 1957. P. 167–212.

¹³ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 54 об.

¹⁴ Там же, л. 22 об.–23 об. Хорват к этому времени сформировал «Всероссийское правительство» и возглавил его Деловой кабинет (июль–сентябрь), а 9 июля в станице Гродеково объявил себя «временным правителем», вплоть до восстановления порядка в стране и созыва свободно избранного Учредительного собрания. См.: С Колчаком – против Колчака: Краткий биографический словарь. М., 2007. С. 150.

¹⁵ The Papers of Woodrow Wilson (далее – PWW). Vol. 47. Princeton, 1984. P. 397–399.

¹⁶ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 5–6.

¹⁷ *Carley M.* Op. cit. P. 33–71.

¹⁸ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 14.

¹⁹ Значительная часть английской политической элиты после ноября 1917 г. энергично поддерживала идею вмешательства в России, взаимодействуя с французами и добиваясь согласия американских политиков. В декабре 1917 г. в Париже состоялись секретные переговоры помощника министра иностранных дел лорда Р. Сесия и министра британского кабинета Р. Милнера с Клемансо и Пишоном, завершившиеся подписанием меморандума о координации антибольшевистских действий двух стран на юге России. В Вашингтоне идею интервенции и участия в ней США активно «продвигал» посол Великобритании Р. Ридинг, а также пользовавшийся доверием президента В. Вильсона и поддерживавший неформальные контакты с британским военным кабинетом разведчик и дипломат У. Вайзман (См.: *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 27–29; *Carley M.* Op. cit. P. 27, 204; *Fowler W.* British-American Relations. 1917–1918: The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969. P. 165–194; *Trani E.* Op. cit. P. 446–447, etc.

²⁰ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 26. Решения работавшего в Париже Высшего верховного военного совета союзников, состоявшего из военных представителей участвовавших в боевых действиях на Западном фронте стран (от США – генерал Т. Блисс), весной 1918 г. стали одним из основных путей воздействия Англии и Франции на Вашингтон в пользу его участия в интервенции на территории России.

²¹ *Unterberger B.M.* Op. cit. P. 44.

²² АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 14 об.; Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М., 1993. С. 73.

²³ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 49 об.

²⁴ Там же, л. 2, 3.

²⁵ Министр иностранных дел Англии А.Дж. Бальфур в посланиях в Государственный департамент США и Хаузу в конце января 1918 г. доказывал, что «контролируемая» союзниками интервенция тайла бы в себе меньшую угрозу захвата русских земель японцами, чем их самостоятельные действия. Он считал, что русское население скорее согласится на вмешательство союзников, нежели на подчинение всей России Германии. Предполагалось также, что установление японского контроля над Транссибирской магистралью позволит поддерживать силы антибольшевистской оппозиции в различных регионах бывшей Российской империи. *Unterberger B.M.* Op. cit. P. 24–25. См. также: *Morley J.* Op. cit. P. 31–32.

²⁶ «Японский фактор» во многом сдерживал принятие Вильсоном решения об интервенции на востоке России. 29 мая, беседуя с У. Вайзманом, он говорил, что если бы англичане и американцы смогли высадить во Владивостоке значительные силы и наступать вдоль Транссибирской железной дороги, это побудило бы русских «выступить на защиту своей страны» против большевиков, однако если наступление предпримут японцы, даже с согласия союзников, русские будут сражаться против них (см.: *Fowler W.B.* Op. cit. P. 179–180).

²⁷ Архив полковника Хауза (дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914–1919 гг.). Т. III. М., 1937. С. 275–277.

²⁸ Там же. С. 294–295; *Killen L.* Op. cit. P. 240. 5 марта Вильсон обсуждал с помощником государственного секретаря Ф. Полком план «ограниченной экспедиции» на Востоке России с участием 14 тыс. японских войск, «уравновешенных» меньшими по численности контингентами англичан (до 2 тыс.), американцев (до 3,5 тыс.) и французов (400 человек). См.: PWW. Vol. 46. Princeton, 1984. P. 544. Данный проект, однако, не встретил энтузиазма у японцев, и Вильсон на время от него отказался (*Foglesong D.* Op. cit. P. 146–151).

²⁹ Политическая и военная элита Японии старалась не упустить благоприятные внешнеполитические возможности, открывшиеся в результате ослабления России и занятости западных держав войной в Европе. В странах Антанты и США было известно о борьбе между сторонниками интервенции (министр иностранных дел Мотоно и сменивший его на этом посту в конце апреля Ш. Гото, заместитель начальника Генерального штаба Г. Танака, военный министр К. Осима) и приверженцами более умеренного курса (занимавший до апреля 1918 г. пост посла Японии в России К. Утида, кандидат в премьер-министры К. Хара, бывшие министры иностранных дел Т. Като, Н. Макино и К. Исии, маршал А. Ямагата). Ряд влиятельных фигур, включая премьер-министра М. Тэраути, колебались, склоняясь скорее к интервенции. Поэтому ведущие японские политики то заявляли о намерении действовать в Сибири самостоятельно, то уверяли в отсутствии каких-либо агрессивных замыслов и желании работать в согласии с западными союзниками и США (См.: *Молодяков В.Э.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. СПб., 2006. С. 86–112; *Morley J.* Op. cit. P. 56–59, 141, 269–274, etc; *Unterberger B.M.* Op. cit. P. 28, 30, 45, 49–50, etc).

³⁰ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 22 об., 23 об.

³¹ Там же, л. 4 об.

³² Там же, л. 41 об.

³³ Там же, л. 44 об.

³⁴ Там же, л. 4.

³⁵ Там же, л. 43 об. Так, весной 1918 г. у американцев не было устоявшегося мнения о Г.М. Семенове. Посол США в Японии П. Рейнш считал его «реакционным военным правителем старого типа». Однако решительная борьба с большевиками расположила к нему профессора Д. Бэрроуза, работавшего на военную разведку США, и Б. Майлза, который в подготовленном в мае для Лансинга меморандуме признавал, что боевые успехи атамана «превызошли все ожидания». «О нем сообщают то как о либерале, то как о реакционере, – отмечал Майлз. – Кажется, первое ближе к истине» (PWW. Vol. 48. Princeton, 1985. P. 104–106). См. также: *Foglesong D.* Op. cit. P. 152–153).

³⁶ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 7 об.

³⁷ *Coffman E.* The Hilt of the Sword. The Career of Peyton C. March. Madison etc., 1966. P. 77–78.

³⁸ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 8.

³⁹ Там же, л. 23–24, 37. По-видимому, Минор до США не доехал. После прихода к власти большевиков, бегства из Москвы, где его освободили из тюрьмы ВЧК «до суда» под залог в 10 тыс. руб., и длительных скитаний по России (Симбирск, Уфа, Омск, Владивосток) он эмигрировал в Париж (*Сухомлин В.В.* Полвека на службе революции (к 70-летию О.С. Минора) // Воля России. 1931. VII–IX. С. 603–610).

⁴⁰ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 7.

⁴¹ Там же, л. 29, 37.

⁴² Там же, л. 23, 37, 56. Антибольшевистский Союз возрождения России был создан в марте 1918 г. по инициативе видных представителей народных социалистов (Н.В. Чайковский, А.В. Пошехонов, В.А. Мякотин), эсеров (Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаковский), меньшевиков-оборонцев (В.Н. Рязанов и др.), членов плехановской группы «Единство» и кадетов (Н.И. Астров, Н.М. Кишкин, кн. Д.И. Шаховской).

⁴³ Там же, л. 6 об.

⁴⁴ Там же, л. 3.

⁴⁵ Там же, л. 7, 41 об. Состоявший тогда при русском посольстве в США бывший министр торговли и промышленности Временного правительства А.И. Коновалов в своих письмах в Государственный департамент решительно поддерживал идею высадки в России союзных и японских войск под французским или американским руководством и высказывался в пользу установления тесных торговых отношений между Антантой, США и русскими деловыми кругами. С одним из этих писем Лансинг в конце июня ознакомил Вильсона. В нем Коновалов излагал свое видение целей интервенции, которая должна была защитить русский народ от агрессии со стороны Германии и обеспечить его права выбирать путь развития страны (PWW. Vol. 48. P. 406–410). Неизвестно, удалось ли Коновалову получить аудиенцию у Вильсона. Однако 10 июля президент принял в Белом доме сражавшуюся с лета 1917 г. в рядах женского «батальона смерти» и настроенную резко антибольшевистски М.Л. Бочкареву. По свидетельству очевидцев, он очень эмоционально воспринял ее рассказ о своей жизни и ратном труде, а также просьбу поддержать белые силы в России (*Saul N.* Op. cit. P. 286, 290–292; *Unterberger B.* Op. cit. P. 61).

⁴⁶ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 8.

⁴⁷ Там же, л. 4 об.

⁴⁸ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 1 об., 7 об.; 45 об. Сообщения относительно числа, национального состава, организованности военнопленных стран Четверного союза на территории Сибири и степени вовлеченности их в действия, способные нанести ущерб интересам союзников, поступали с декабря 1917 г. от консулов США во Владивостоке и Иркутске, от американских военных и членов железнодорожных миссий, а также от специально работавшей на месте англо-американской комиссии У. Вебстера – У. Хикса. При этом число вооруженных большевиками австрийцев и венгров в общей сложности не превышало нескольких тысяч человек (*Unterberger B.* Op. cit. P. 45–47; *Filene P.G.* *Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933.* Cambridge, 1967. P. 43–44).

⁴⁹ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 7.

⁵⁰ Там же, л. 36.

⁵¹ Там же, л. 5.

⁵² Там же, л. 15. Отметим, что первым серьезным шагом, положившим начало интервенции, стала высадка во Владивостоке 5 апреля 1918 г. двух рот японской и полуроты английской морской пехоты, в ответ на нападение «неизвестных лиц» на местное отделение японской торговой фирмы «Исидо». На следующий день их усилили 250 японских моряков.

⁵³ Там же, л. 4–6, 15.

⁵⁴ Там же, л. 26. Узнав, что на заседании Высшего верховного совета 3 июня будут рассматриваться вопросы о направлении японских войск в Россию, о поддержке этих действий Англией и Францией, а также о формах американского участия, Т. Блисс, представлявший США в этой организации, запросил инструкции из Вашингтона. Позицию президента ему передал генерал П. Марч: Вильсон считал интервенцию «через Владивосток» неосуществимой и возражал против компенсаций Японии за участие в боевых операциях за счет территории России. Со своей стороны, союзники желали, чтобы Япония приняла условия не посягать на территориальную целостность России, не вмешиваться в ее внутренние дела и действовать лишь против германской угрозы. Японцы умело парировали этот маневр, заявив 23 июня, что пока союзники не согласуют свою позицию с американской, Япония не считает возможным отвечать на запрос западноевропейских держав (*Kennan G.* Op. cit. P. 384; *Morley J.* Op. cit. P. 225–230).

⁵⁵ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 29. Близкий к Ж. Клемансо политик и дипломат А. Тардьё был направлен в годы войны в США в качестве верховного комиссара Франции. Взявший на себя дипломатические функции знаменитый философ А. Бергсон прибыл в США в июне 1918 г.

⁵⁶ Там же, л. 40 об., 44 об.

⁵⁷ Там же, л. 47 об. Решение об участии США в интервенции было принято 6 июля на встрече В. Вильсона с членами кабинета – Р. Лансингом, Н. Бейкером, Дж. Даниельсом, а также начальником штаба американской армии генералом П. Марчем и адмиралом Бенсоном (См.: *Kennan G.* Op. cit. P. 395–397).

⁵⁸ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 41 об.

⁵⁹ *Kennan G.* Op. cit. P. 398.

⁶⁰ АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3538, л. 47 об.

⁶¹ Там же, л. 54 об., 7 об.

⁶² *Гинтуус З.Н.* Петербургские дневники // Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Т. 1. Кн. 2. 1910–1925. М., 1990. С. 199.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА РУССКОГО СЕВЕРА В 1930-е ГОДЫ

Социальная идентичность различных групп советского общества сравнительно недавно привлекла к себе внимание исследователей. В российской историографии появились работы, освещающие социальную структуру деревни советского времени, в которых затрагивались и сюжеты, связанные с характеристикой самосознания крестьян¹. Современные зарубежные историки рассматривают проблему идентичности в контексте изучения коммуникации индивида и власти в Советском Союзе². Тем не менее пока еще нет работ, специально посвященных анализу идентичности сельских жителей 1930-х гг. как в России в целом, так и в отдельных ее регионах, в частности, на Русском Севере, входившем в 1929–1936 гг., наряду с национальными районами (Коми область и Ненецкий округ), в состав Северного края.

На протяжении 1930-х гг., несмотря на все превратности судьбы, изменения юридического статуса, характера производственной активности и социальной организации на селе, деревенские жители продолжали считать себя крестьянами. Вероятно, этому способствовали как сила традиции, так и высоко оцениваемый политической пропагандой статус крестьянства в иерархии социальных групп советского общества. Крестьянская идентичность жителей села проявлялась, прежде всего, в их антагонизме по отношению к городскому населению. И если в период сплошной коллективизации агитпроповская машина нередко вещала о союзе пролетариата и крестьянства в борьбе с эксплуататорским классом кулачества, то сельяне готовы были скорее признать отсутствие антагонизма внутри деревенского мира (безусловно имевшего место), нежели допустить мысль об общности своих интересов с жителями города. Противопоставление себя миру города было характерным и для колхозной деревни. «Деревня сеет хлеб, но голодает, зато город торгует», «коров держать – масло городу отдавать, а самим воду хлебать», – говорили между собой в 1934 г. колхозники колхоза им. Калинина Шенкурского района³. В 1937 г. та же мысль звучала в Нижне-Кулойском сельсовете Верхояжского района: «Пролетариат перевыполняет план промышленности, а мы сидим голодные»⁴. Мысль о неэквивалентности обмена между городом и деревней высказывал в 1929 г. на одном из собраний житель Грязовецкого района И.К. Пургин: «Нас кругом обманывают, обвешивают, посылают запакованные товары неполновесные. Рабочему дают все, а мужику ничего»⁵. Отразился этот антагонизм и в деревенской частушке 1930-х гг. «Ныне служащие ходят все в суконных пиджаках. Пятилетку выполняют на голодных мужиках», – распевали тогда школьники в Каргопольском районе⁶. География даже перечисленных выше случаев показывает широкое распространение подобных взглядов среди жителей села. Конечно, они в первую очередь отражали протест крестьянства против политики государственного ограбления деревни, но в них выражалась и общность сельских жителей, их противопоставление себя городу.

Другим важным признаком принадлежности к крестьянству для деревенских жителей было занятие земледелием. Иногда даже под словом «крестьянство» они понимали не определенный социальный слой, а вид хозяйственной деятельности, говоря, например: «ранее занимался крестьянством, потом имел подсобное предприятие»⁷. Особенно часто крестьяне ссылались на свою трудовую жизнь в «письмах во власть». В марте 1930 г., пытаясь доказать несправедливость проведенного раскулачивания, из Нижне-Матигорского сельсовета Холмогорского района писали в окружную рабоче-крестьянскую инспекцию: «Онегин Иван Егор[ович] с малых лет работает, трудится

* Кедров Николай Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Санкт-Петербургского государственного горного университета.

не покладая рук. Своими собственными руками построил дом со скотным двором и вся биография его трудовая... Михаил Петров... с малых лет работал в чужих людях в работниках и все время работал день и даже ночь... Леонтьев Николай Михайлович... трудовой крестьянин... никогда не выпьет вина, сам себя оскудняет в пище»⁸. Подобного рода характеристики можно обнаружить и в других письмах крестьян в государственные органы. М.Д. Ламов сообщал в редакцию «Крестьянской газеты» о своем дворе: «Самое трудолюбивое хозяйство, работая и день, и ночь и отказывая себе во всем и всю жизнь»⁹. Житель Кубино-Озерского района М.Н. Улитин в 1932 г. писал в Севкрайком ВКП(б) про свое имущество: «нажитое потом с мозолистых рук, перенося нужду и горе»¹⁰. Разумеется, в «письмах во власть» крестьяне, как правило, стремились доказать неэксплуататорский характер своих хозяйств, поэтому трудовое начало в них всячески подчеркивалось, однако постоянные обращения к этому доводу, часто в схожих выражениях, позволяют считать его еще одним сравнительно устойчивым признаком крестьянской идентичности.

Не менее важным элементом крестьянского самосознания в 1930-е гг. было стремление к свободе хозяйственной деятельности. Именно оно лежало в основе циркулировавших среди жителей северной деревни на рубеже 1920–1930-х гг. призывов к отмене классового налогообложения, развитию индивидуального крестьянского хозяйства и введению свободы торговли¹¹. Распространенность подобных взглядов в крестьянской среде была одной из причин неприятия колхозов. Для жителя села, привыкшего видеть в крестьянском дворе центр хозяйственной жизни и основу благосостояния семьи, идея колхоза выглядела по меньшей мере странно. Но эту установку крестьянского сознания можно увидеть и в колхозной деревне, где свобода хозяйственной деятельности была в принципе невозможна. Об этом, в частности, свидетельствуют широко распространенная практика «прирезок» земельных участков к личному подсобному хозяйству колхозников, с которой власти безуспешно пытались бороться¹², а также имевшие место в северной деревне случаи развода колхозных коров. «3 или 4 апреля 1932 года утром во время обеда приходит к нам в квартиру гражданин нашей деревни Груздин Сергей Иванович с газетой в руках и после пришел Никоноров Александр, – указывала в следственных показаниях жена председателя одного из колхозов Кубино-Озерского района. – Груздин читает газету и говорит: вот газеты пишут, что у каждого колхозника должна быть корова, веди с колхозного двора Яковлевна корову и ничего не будет. После чего читал газету и Никаноров. А Сергей говорит твой муж председатель колхоза, то защищает свою шкуру, но не дает разводить коров. В это время к нам набежало баб более 10, то им Сергей читает газету и говорит понимаете бабы газету, что каждый колхозник обязан иметь корову и вышел с бабами вместе на улицу и я вышла с ними. То на улице уговорились вести коров... И с этого сразу же разбежались раздоить коров и развели с ним вместе и я увела свою корову. Но на следующий день всех коров свели обратно на колхозный двор. И еще вместе с нами вновь коров Мелешин Иван и Левашев Василий Васильевич на принципах добровольности. Но продержали на колхозном дворе 2 ½ недели. Левашев Вас.В. увел корову со двора с женою Екатериной Ивановной. И только лишь сегодня 6 января 1933 года Левашев Василий вторично свел корову на колхозный двор»¹³. Показания хорошо передают внутреннюю борьбу в душе простого сельского труженика, показывают противоречие между установкой, основанной на историческом опыте самостоятельного хозяйствования, и обстоятельствами времени. Дилемма заключалась даже не в том, вести или не вести корову на колхозный двор, а в сохранении или изменении основ крестьянской идентичности, устоявшаяся практика хозяйствования сталкивалась со страхом наказания со стороны государства, старавшегося пресекать рецидивы прежних традиций. В результате коровы оказались на колхозном дворе, а участники их развода на скамье подсудимых. В условиях сталинской юстиции 1930-х гг. крестьянам нередко не оставалось ничего другого, как сожалеть об утраченной свободе и мечтать о том, что «в скором времени все переменится и мы опять заживем по-старому». «Доживем, что и мы опять будем хозяевами своего положения», – надеялись крестьяне в 1930-е гг.¹⁴

Проживание в сельской местности, труд на земле и желание самостоятельно хозяйствовать были основой крестьянской идентичности. Вместе с тем крестьяне сознавали и свою социальную неоднородность. Наивно полагать, будто деление крестьян на бедняков, середняков и кулаков было привнесено в российскую деревню советским режимом или же являлось следствием развития капиталистических отношений в пореформенной деревне. Деление сельских жителей на «лучших», «средних», «худых» и т.п. фиксируется еще в источниках XIV–XV вв.¹⁵ Всячески подчеркивалось оно и в партийных дискуссиях и налоговом законодательстве 1920-х гг. Особенно актуальной принадлежность к той или иной группе крестьянства оказалась на рубеже 1920–1930-х гг. Государственные органы были завалены крестьянскими письмами о переводе их из «зажиточных» в категорию середняков. Так, в 1931 г. житель деревни Сурковской Вожегодского района М.С. Куперов обратился в краевой исполнительный комитет с просьбой вывести его хозяйство из числа зажиточных. В причислении к ним он видел «грубый антисредняцкий перегиб», допущенный «и в отношении других однодеревенцев-средняков». При этом Куперов указывал, что у его семьи имеется только одна лошадь и одна корова, хозяйство ведется исключительно с помощью личного труда, а какие-либо излишки отсутствуют. Упомянул он и о своей политической благонадежности, объясняя нежелание вступать в колхоз лишь тем, что среди колхозников был «ряд лиц резко враждебно настроенных» против него¹⁶.

Состав раскулаченных в первые годы сплошной коллективизации зачастую отличался от круга тех лиц, которых сами крестьяне считали «кулаками». Так, в одном частном письме к брату-студенту (источнике в этом отношении менее пристрастном, нежели «письма во власть» и документы политического контроля) в 1930 г. говорилось: «Митя, у нас в деревне раскулачены следующие: 1) Леня Анкиндюшков, 2) Федя Гришин, 3) Федор Гаврилов, 4) кулак Николай Михайлович, 5) Паша Блинов и выселены из домов все»¹⁷. С.А. Гусарин из Грязовецкого района, прося вывести его отца из числа «зажиточных», писал в Рабоче-крестьянскую инспекцию, что при нэпе тот «покупал корову-две и водил к кулаку д. Гора Матвеем Сергееву. Последний давал рубля 4–5 прибыль»¹⁸. При этом подразумевалось, что сам отец автора письма, несмотря на мелкую торговлю, «кулаком» не считался. Судя по письмам-доносам рубежа 1920–1930-х гг., «кулацкие» хозяйства заметно отличались от средних крестьянских дворов. Так, Ф.А. Ануфриев сообщал о деятельности в годы нэпа Николая Александровича Домнина из Харовского района: «Этот был известный барышник скота и раньше тоже совместно торговал с братом Иваном Александровичем, а главное ездил по ярмаркам торговал мануфактурой и разным товаром, а также и во время советской власти спекулировал скотом и по несколько годов нанимал работницу на все лето»¹⁹. Следует отметить, что в понятия «зажиточника» и «кулака» крестьяне вкладывали разный смысл. Так, о «кулаке» С. Коняеве анонимный автор писал: «Построил смолокурный завод и стал жить поживать, да добра наживать. За дешевку скупал смолье и дорого продавал смолу»²⁰. Авторы писем обычно подчеркивали, что основной доход кулакам приносила неземледельческая деятельность.

Бедняка в деревне севера практически повсеместно считали лодырем²¹. Властью такие характеристики оценивались как «кулацкие» и «антисоветские», однако они отражали восприятие деревенских реалий рядовым крестьянином, для которого бедняк был человеком, не способным и не желающим развивать свое хозяйство, предпочитающим безделье интенсивному труду. У крестьян проскальзывали и нотки снисходительного отношения к беднякам и их полузависимому положению: «Ему нарезали покос, но он держится за кулака, дадут ему рюмку вина, а он что угодно для кулака сделает». Бедняк воспринимался как несамостоятельный хозяин («беднота в нашей деревне находится под влиянием кулаков»), а следовательно, и как неполноценный крестьянин²². Таким образом, кулаками и бедняками в народном понимании считались те, кто при сохранении черт крестьянской идентичности, все же заметно отклонялся от ее норм.

Несмотря на использование одних и тех же социальных категорий, народное понимание внутренней дифференциации крестьянства существенно отличалось от

официально принятого в большевистской партии. Однако эти две системы оценок не были полностью изолированы друг от друга. С одной стороны, представители низовых органов власти, по сути своей те же крестьяне, осуществлявшие в деревне классовую политику большевиков, привносили в нее элементы крестьянского отношения. С другой стороны, пропагандистская машина активно распространяла среди крестьян идеи партийных дискуссий и законодательства. На рубеже 1920–1930-х гг. от грамотного использования социальных «бирок» порою в прямом смысле зависели жизнь и благополучие жителя села. Вместе с тем происходило своего рода размывание представлений о границах и признаках социальных групп. Все это усугубляло и без того острые противоречия внутри деревни. Даже обычно чуткие к проявлениям «классовых антагонизмов» составители политических сводок в 1929 г. с удивлением отмечали, что «средняк смотрит на бедняка как на лодыря, бедняк на средняка как на кулака»²³.

Разумеется, всеобщим для крестьян в этих условиях было желание избежать отнесения их хозяйств к числу «кулацких», «зажиточных» или к «деревенской верхушке». Крестьянские письма в различные органы власти, содержавшие жалобы на неправильное окулачивание, позволяют выявить черты, которые, по мнению крестьян, указывали на «зажиточную» или «кулацкую» семью²⁴. Во-первых, это экономические признаки: владение мельницей, лавкой, заводом, наличие нескольких лошадей и голов крупного рогатого скота, сложного инвентаря (веялка, сепаратор и т.д.), активная торговля или ростовщическая деятельность, использование наемного труда, во-вторых – степень политической лояльности, отношение к советской власти и колхозному строительству, выполнение государственных повинностей. Некоторые крестьяне стремились теперь попасть в группу бедноты, ранее не пользовавшуюся уважением в деревне. Опека со стороны власти вела к росту престижа социального статуса бедняка. Так, один из корреспондентов «Крестьянской газеты» в 1929 г. писал о появлении «злоумышленных бедняков», использовавших «авторитет бедняка» в корыстных целях. При этом они, по словам автора, «не хотят поднять свое хозяйство с целью полегче работать и это же кушать по сравнению своих товарищей средняков»²⁵. В разгар сплошной коллективизации данная тенденция еще более усилилась: крестьяне не только не стремились развивать свое хозяйство, но и разными путями «разбазаривали» имущество (проводили «самораскулачивание», как выражались представители власти).

Порою зажиточные хозяева не находили для себя лучшего выхода, чем породниться с беднотой. Участвовавшие случаи таких браков привели к тому, что в ряде районов местные власти пытались даже воспретить их административным путем²⁶. В целом, категории социальной градации, использовавшиеся на рубеже 1920–1930-х гг. деревенскими жителями, представляли собой сложный симбиоз положений большевистской идеологии и крестьянских этических норм, в котором причудливо переплетались оттенки моральных, экономических и политических смыслов. Провести строгие границы применения той или иной категории в существовавшем хаосе оценок практически невозможно. Тем не менее все это свидетельствует о происходившем тогда в деревне кризисе социальной идентичности, из которого возникала новая социальная организация – колхозная система.

Одним из важных изменений, вызванных коллективизацией, стало деление крестьянства на колхозников и единоличников. Особенно хорошо видна обособленность этих групп в первой половине 1930-х гг., когда колхозная система еще не воспринималась как неотъемлемая часть сельской повседневности. Отношения между ними были тогда далеко не добрососедские, иногда в их взаимовосприятии проскальзывали нотки враждебности. «Колхозники не наши товарищи», – говорил в 1933 г. один из жителей Няндомского района²⁷. Наиболее резко неприязнь проявлялась среди молодежи. Порою колхозникам и колхозницам запрещали заходить на деревенские вечеринки, с криками «даешь колхозников, где колхозники» на них нападали во время гуляний²⁸. С другой стороны, колхозники, считавшие, что именно их государство должно снабжать товарами в первую очередь, иногда открыто выражали чувство зависти к единоличникам, если те, несмотря на все трудности, имели большой достаток. В деревне Харитонов-

ская Вельского района после образования там в 1929 г. колхоза население разделилось на два враждебных лагеря – колхозников и общинников. Праздники они отмечали в разных концах деревни, при встречах между ними постоянно возникали ссоры и потасовки, женщины даже предпочитали ходить друг к другу в гости поем, а не деревенской улицей, где легко можно было столкнуться с «товаркой» из противоположного лагеря. Столкновения между жителями привели к тому, что в ситуацию вынуждены были вмешаться следственные органы, усилиями которых в деревне был наведен относительный порядок²⁹. Впрочем, враждебность колхозников и единоличников не следует преувеличивать. И те, и другие понимали, что стали жертвой грубого вмешательства государства в мир деревни, и продолжали считать себя крестьянами. К тому же антагонизм между ними практически исчез уже во второй половине 1930-х гг., как только крестьяне осознали, что колхозы создаются «всерьез и надолго».

Единоличники, сохранявшие прежние признаки своего крестьянского статуса, прекрасно понимали и неоднократно подчеркивали в «письмах во власть» несправедливость направленной против них политики. «Если крестьянин не идет в колхоз, то его облагают налогом от 100 до 150 руб. и т.д. и сразу просят деньги. Если крестьянин не платит сразу денег, то продают последнюю корову или лошадь», – обращался в 1934 г. к И.В. Сталину М.И. Данилов из Леденского района³⁰. «Жизнь единоличника – насильно гонят в лес старых и малых на лесоработы, отбирают, зорят, продажа имущества до последнего», – описывал бедственное положение крестьян И.Д. Пестерев из Кич-Городецкого района³¹. В условиях жесткого налогового и административного давления любая производственная деятельность оборачивалась против самого крестьянина. Об этом в 1932 г. писали Сталину В. Беричевский и С. Замараев из Велико-Устюгского района. В частности, ссылаясь на практику наложения «твердых заданий» на единоличников в их местности, они спрашивали: «Стоит ли после этого улучшать свое хозяйство, то есть, стоит ли стараться распахать и засеять лишнюю полосу, выкормить лишнюю скотину? ...Улучшишь свое хозяйство и попадешь в твердозаданцы, так уж не лучше ли жить как попало, да лишний рубль пропить, тогда уж не оверхушат и не дадут твердого задания»³². Таким образом, предпочтительным оказывалось отношение к труду, ранее считавшееся в крестьянской среде уделом лодырей и лентяев.

Если единоличники рассматривались советским государством как потенциальные противники, то в колхозниках власть видела лояльных крестьян. Это отмечали и сами жители села. Неслучайно в «письмах во власть» они нередко указывали дату вступления в колхоз. Однако статус колхозника имел свою цену, получить его можно было, лишь отказавшись не только от части имущества, но и от свободы хозяйствования. Представление о зависимом положении колхозников было широко распространено в северной деревне 1930-х гг., причем далеко не только среди единоличников. «Коллективами разоряете средняков, хотите сделать его рабом», – говорили крестьяне Черевковского района. «У нас теперь барин все отобрал и землю и сенокос и скот. Мы все теперь на барина работаем. Работай, работай, а все что соберешь отдай барину», – толковали в Вельском районе. «Совхозы и колхозы являются второго вида формами угнетения», – утверждали в Вологодском округе. «Мы же являемся людьми мучениками ибо в колхоз мы зашли не по доброй воле, а по неволе. Житья нам по за колхозу не стало и таких как мы на всем свете много», – сетовали в Кич-Городецком районе³³. Зависимость от колхоза ощущалась не только в хозяйственной деятельности, но и в повседневной жизни. Отголоски представлений о колхознике как о подневольном человеке можно обнаружить в частушке 1930-х гг.: «Сероглазый на расстание поиграй в тальяночку // Из колхоза не отпустят боле на гуляночку»³⁴. Разумеется, отсутствие хозяйственной самостоятельности и слабая материальная заинтересованность в развитии колхозного производства, внеэкономические методы принуждения со стороны власти и колхозной администрации – все это меняло отношение крестьянина к труду. Во всяком случае, на протяжении 1930-х гг. государство вело бурную и по всей видимости безуспешную борьбу с трудовым саботажем («волынками»). Сами крестьяне говорили при этом, что «энтузиазм не рождается из рабства»³⁵.

Таким образом, при делении крестьян на единоличников и колхозников именно отношение к государству выступало фактором формирования идентичности³⁶. Вместе с тем труд и свобода ведения хозяйства утрачивали свое прежнее значение в иерархии крестьянских ценностей. Если учесть массовый отток крестьян в города и резкое падение престижа сельского образа жизни³⁷, можно сделать вывод о том, что в колхозной деревне происходил распад основ крестьянского самосознания.

Вместе с этим изменялись и представления о внутренней градации жителей села. Постепенно теряло смысл деление по имущественному признаку. Нагляднее всего это проявилось в эволюции понятия «кулак» в северной деревне 1930-х гг. После сплошной коллективизации кулаков на селе не осталось. «Великий перелом» нивелировал крестьянство. Однако наступление на «зажиточные слои деревни» продолжалось: на места рассылались строгие предписания об обложении в индивидуальном порядке, о твердых заданиях и прочих «антикулацких мерах», в первой половине 1930-х гг. активно проводились чистки колхозов от «кулацкого элемента». В этом поиске очередных врагов колхозного строя принимали непосредственное участие и сами крестьяне, выявлявшие ту или иную степень принадлежности к кулачеству своих односельчан³⁸. «Вохмятин Сергей Емельянович брат кулака, – указывалось с их слов в одном из политических дел в 1931 г., – хотя жил от него уже давно по разделу. Но и сам он крепкий средняк, судимый в 1930 году за растрату в кооперативе, был приказчиком. Дети его сейчас комсомольцы, один животноводом, а Павел счетоводом». Подозрение вызывало и наличие родственных связей с кулаками: «Фукалов Борис Андрианович, личность неблагонадежная, вступив в коммуну в 1930 году, из нее выходил, организовал ТОЗ, там ничего не вышло. Развалив дело, снова влился в коммуну. Он родственник Тарасовым. Его сестра за Тарасовым Тимофеем Николаевичем». Не спасали от обвинений ни социальное происхождение, ни видное положение в колхозе: «Зам. председателя коммуны Кокорин Прокопий Иванович, в прошлом бедняк, но женатый на дочери кулака. Жена привела хорошее приданое и он сейчас крепкий средняк уже даже и идеологически отключился от бедняка. Он хитрый и умеет подмазываться». В разряд потенциальных кулаков в 1930-е гг. с легкостью мог быть зачислен практически любой крестьянин. Этому способствовало и то, что родственные связи, материальный достаток, взгляды и индивидуальные качества каждого жителя были хорошо известны всей деревне и могли быть умело использованы при налогообложении или осуществлении иных мероприятий.

Результатом широкого употребления термина «кулак» в первой половине 1930-х гг. явилась практика «окулачивания» самых разных в имущественном отношении крестьянских хозяйств. Так, если верить «письмам во власть», в число зажиточных попали даже те крестьяне, которые до начала сплошной коллективизации считались в деревне бедняками и батраками³⁹. Это отразилось и в частушке того времени: «Раньше по миру ходил, собирал краюшки, // А советская власть перевела в верхушки»⁴⁰. Крестьяне шутя говорили, что таким образом партия собирается выполнить обещание сделать всех колхозников зажиточными⁴¹. Само понятие «кулак» постепенно стало употребляться вне связи с какими-либо материальными признаками. Так, 12 декабря 1935 г. в письме членов двинской парторганизации Тотемского района в Севкрайком ВКП(б) кулаками были названы бывшие крестьяне, после коллективизации маргинализировавшиеся и жившие за счет разбоя и кражи скота. Тем не менее авторы письма уверенно заключали: «Кулачество – преступники, забирают под свое влияние остальную часть единоличников, которые их прикрывают. Запугивают, угрожают колхозников и сельскую общественность, продолжают расхищать скот, воруют имущество»⁴². Показательно, что понятия «кулак» и «преступник» при этом неоднократно отождествляются. Однако, с одинаковой легкостью, кулаками могли быть признаны не только антисоциальные элементы, оказавшиеся вне колхозной системы, но и сами колхозники⁴³. Так, В.П. Шабakov в том же 1935 г. называл кулаками руководителей своего колхоза «им. Дмитрова» Вожегодского района только потому, что они «все время празднуют

религиозные праздники и в пьяном виде ходят по деревне и орут похабные частушки с матюгами»⁴⁴.

В рамках колхозной системы в северной деревне в 1930-е гг. формировались новые типы идентичности, одним из которых стали сталинские ударники (передовики производства). Образ ударников во многом был сконструирован советской пропагандой, однако это несколько не свидетельствует об искусственности данной общности. Напротив, активное агитационное воздействие, а также возможности повышения социального статуса и материального благосостояния довольно быстро принесли свои результаты, и уже к середине 1930-х гг. можно говорить о наличии на селе специфической социальной группы сталинских ударников, отличавших себя как от рядовых колхозников, так и от колхозной администрации. В деревне существовало даже выражение «выделиться ударником». Периодически проводившиеся слеты ударников различного уровня также способствовали формированию чувства обособленности. В своих письмах в структуры власти ударники прежде всего подчеркивали личный вклад в общественное производство (перевыполнение норм выработки, участие в соцсоревновании). Для того чтобы стать сталинским ударником, приходилось забыть о недобросовестном труде. Другой их характерной чертой являлась политическая активность – поддержка разного рода кампаний, займов, выборов в советы, выступления на собраниях, а также стремление к участию в управлении колхозом (участие в работе правления и различных комиссиях). Порою ударники, пытавшиеся по делу и не по делу вмешиваться в колхозные дела, вызывали острую неприязнь у местных руководителей, хотя в большинстве случаев те и другие ладили между собой. Ударники обычно стремились к повышению своих профессиональных знаний, просили партийных лидеров о направлении на сельскохозяйственные животноводческие курсы, интересовались специальной литературой, участвовали в работе агрокружков, применяли на практике технические новшества. Им была свойственна и забота о колхозной собственности, что проявлялось в борьбе с нерадивым отношением к ней и воровством. Так, сталинские ударницы М.Т. Разгулова и А.И. Задорина по собственной инициативе готовы были по ночам выходить на улицу, помогая отлавливать расхитителей общественного имущества. Разумеется, подобные действия вызывали резкую неприязнь у односельчан⁴⁵.

Особую социальную группу составляли руководители коллективных хозяйств, хотя сложно сказать, осознавали ли они в 1930-е гг. общность своих интересов. Слишком уж пестрым был состав председательского корпуса в этот период. Среди них были и городские жители – рабочие «двадцатипятипятисычники», присланные в деревню для создания колхозов, и местные активисты, и просто случайные люди. Так, председатель колхоза «Октябрь» Велико-Устюгского района М.П. Марков в 1933 г. просил Севкрайком ВКП(б) освободить его от занимаемой должности, ссылаясь на то, что «я совершенно малограмотный и руководить не могу». При этом он просил крайком выслать опытного председателя, так как «из своей среды выбрать некого»⁴⁶. Сменяемость председательского корпуса в 1930-е гг. была высокой⁴⁷. Тем не менее в письмах председателей колхозов конца 1930-х гг. в органы власти чувствуется их заинтересованность в руководящей должности. Работавший в 1929–1937 гг. председателем П.Е. Бардев, будучи снят в 1937 г. с должности руководителя сельхозартели им. Калинина Вожегодского района, ходил по различным инстанциям и собирал бумаги, добываясь перепроверки своей деятельности и пытаясь опротестовать решение правления. Идти на лесозаготовки вместе с рядовыми колхозниками он не желал⁴⁸. Работа на руководящем посту не только позволяла избежать тяжелого физического труда, но и открывала перспективы материального обогащения. В «письмах во власть» колхозники нередко жаловались на использование председателями колхозных средств в личных целях⁴⁹. С другой стороны, стараясь поддерживать интерес к труду, председатели часто были вынуждены идти на незаконное авансирование колхозников до выполнения обязательств перед государством⁵⁰.

В целом отношение к сталинским ударникам и представителям колхозной администрации в деревне 1930-х гг. было отрицательным. И те, и другие не пользовались

уважением среди крестьян⁵¹. Передовиков высмеивали, избивали, обливали кипятком, упрекали в наличии особых отношений с представителями власти и колхозной администрации (совместное пьянство, интимные связи), их трудовой энтузиазм публично поносили матерной бранью. Бывали случаи, когда им вредили в работе (тупили пилы, замазывали коров навозом), угрожали⁵². Между тем в деревне их считали людьми, находящимися под особым покровительством властей, открытое проявление враждебности к ним было чревато судебной ответственностью. Тем не менее к сталинским ударникам рядовые крестьяне относились не лучше, чем к руководству колхозов, жалобы на которых поощрялись. В этом отношении выражалось и сопротивление изменению крестьянской идентичности и новым установкам в сознании односельчан. Связь колхозной администрации и ударников с крупным общественным производством не соответствовала крестьянским представлениям о необходимости и ценности личного труда в собственном хозяйстве для обеспечения семейного благосостояния. Опора тех и других на власть, зависимость от нее противоречили стремлению крестьян к самостоятельности.

В то же время колхозники косо смотрели и на тех, кто пытался уклониться от активного труда в колхозе или от выполнения повинностей, когда им самим приходилось работать «в семь потов». Парадоксально, но фактором формирования новых черт отношения к труду мог выступать уравнилельный стереотип крестьянской психологии. Те, кто «разлагал трудовую дисциплину» или, «когда задумал выполнить данный ему наряд, так выполнит, а не задумал так не пойдет», не вызывали у других сочувствия. «На работу эта группа выходила после всех, – возмущались колхозники, – мы уже выходили на работу, а они еще только начинают завтракать»⁵³. Неравномерность приложения трудовых усилий в общественном производстве вызывала явное раздражение в деревне. Любопытно, что, несмотря на пренебрежительное отношение к применявшейся в колхозах оплате по трудодням, вопрос о правильности их начисления, судя по документам 1930-х гг., явно волновал крестьян⁵⁴.

Разумеется, процесс формирования новых типов социальной идентичности в 1930-х гг. был далек от своего завершения. Но уже тогда в сознании сельских жителей стали заметны черты, свойственные для складывавшейся колхозной системы и отличавшиеся в своих основных характеристиках от того типа идентичности, который принято называть крестьянским. Столкновение различных мировоззренческих принципов и ценностей обостряло повседневные конфликты и создавало атмосферу «неудержимой злобы», ставшую характерной чертой деревенской жизни предвоенного десятилетия⁵⁵.

Примечания

¹ *Доброноженко Г.Ф.* Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века (на материалах Европейского Севера России). СПб., 2008; *Глумная М.Н.* К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 265–286; *Ильиных В.А.* Единоличники Западной Сибири в 1930-е годы: социальные изменения, стратификация // Отечественная история. 2006. № 6. С. 95–105; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008; *они же.* Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2009; *Изюмова Л.В.* Колхозный социум 1930–1960-х гг.: социальная трансформация, идентификация и престиж // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 16. № 59. С. 103–118.

² *Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 174–207; *Коткин С.* Государство – это мы? Мемуары, архивы и кремленологи // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Вып. 11. Смена парадигм. Современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 97–116; *Халфин И.* Из тьмы к свету:

коммунистическая автобиография 1920-х годов // Там же. С. 216–247; и др. О социокультурном повороте в зарубежной историографии СССР см.: *Большакова О.В.* Новая политическая история России. Современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М., 2006.

³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 621, оп. 3, д. 198, л. 193.

⁴ Там же, д. 405, л. 103.

⁵ Там же, ф. 1470, оп. 2, д. 81, л. 31–32 об.

⁶ Там же, ф. 621, оп. 3, д. 337, л. 20–22.

⁷ Там же, ф. 1470, оп. 2, д. 11, л. 2–2 об.

⁸ Там же, Отдел Документов социально-политической истории (далее – Отдел ДСПИ), ф. 275, оп. 1, д. 49, л. 20–21 об.

⁹ РГАЭ, ф. 396, оп. 7, д. 6, л. 2.

¹⁰ ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1331, л. 76–77 об.

¹¹ Там же, д. 156; д. 159, л. 50; д. 155, л. 129–141; д. 389, л. 89–89 об.; ГА АО, ф. 621, оп. 3, д. 15, л. 26.

¹² *Артемова О.В.* Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х–1940-е годы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1997. С. 18–19; *она же.* Борьба крестьян Европейского Севера России за землю во второй половине 1930-х – 1940-х гг. // Сборник научных трудов к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспект (XIX–XX вв.) Вологда, 2004, С. 134–144.

¹³ ГА АО, ф. 1470, оп. 1, д. 305, л. 18–18 об.

¹⁴ Там же, д. 250, л. 69–73; ф. 621, оп. 3, д. 198, л. 245–246.

¹⁵ *Швейковская Е.Н.* Критерии зажиточности в российской деревне XVI–XVII вв. // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 40.

¹⁶ ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 16, л. 346–347.

¹⁷ Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ), ф. 1252, оп. 1, д. 39, л. 179.

¹⁸ ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 55, л. 16–17.

¹⁹ ВОАНПИ, ф. 1252, оп. 1, д. 39, л. 82–83 об.

²⁰ ГА АО, ф. 1470, оп. 2, д. 253, л. 6–7 об.

²¹ Там же, ф. 621, оп. 3, д. 16, л. 43; д. 325, л. 81–81 об.; Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 156, л. 23; д. 157, л. 9–16, 75; д. 74, л. 6; д. 290, л. 195–197; ф. 275, оп. 1, д. 29, л. 19 об.; Кулаки наступают // Правда севера. 1929. 17 июля; и др.

²² ГА АО, ф. 1470, оп. 2, д. 54, л. 4–5; д. 71, л. 7–8 об.

²³ Там же, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 157, л. 9–16.

²⁴ ВОАНПИ, ф. 1252, оп. 1, д. 39, л. 7–7 об., 117–117 об.; Государственный архив Вологодской области (далее – ГА ВО), ф. 521, оп. 1, д. 20, л. 47–47 об.; РГАЭ, ф. 396, оп. 7, д. 6, л. 2; д. 2, л. 10–10 об.; д. 4, л. 44; ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 16, л. 347–346; д. 55, л. 16–17; д. 134, л. 81; д. 133, л. 131; д. 148, л. 156–156 об. и др.

²⁵ РГАЭ, ф. 396, оп. 7, д. 3, л. 35.

²⁶ ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 565, л. 10.

²⁷ ГА АО, ф. 1470, оп. 1, д. 235, л. 8–9 об.

²⁸ Там же, ф. 621, оп. 3, д. 16, л. 51; Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 156, л. 23.

²⁹ ГА АО, ф. 1470, оп. 1, д. 269.

³⁰ Там же, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 2, д. 221, л. 78–78 об.

³¹ Там же, оп. 1, д. 1615, л. 21.

³² Там же, д. 1331, л. 72–72 об.

³³ Там же, д. 159, л. 42; оп. 2, д. 312, л. 607–110; оп. 1, д. 1196, л. 206; ГА АО, ф. 1470, оп. 1, д. 250, л. 69–73.

³⁴ ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1198, л. 80–81.

³⁵ ГА АО, ф. 621, оп. 3, д. 238, л. 125.

³⁶ Это могло бы служить дополнительным аргументом в пользу выдвинутой Ш. Фицпатрик концепции «приписывания к классу», согласно которой колхозники и единоличники являлись двумя советскими сословиями (*Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» ... С. 174–207). Однако следует иметь в виду переходный характер данного типа идентичности. В.А. Ильиних первым обратил внимание на проблему социальной природы «единоличников» и показал, что под воздействием государственной политики данная группа утрачивала производственные и демографические характеристики, присущие крестьянству. (*Ильиних В.А.* Указ соч. С. 95–105).

³⁷ См.: *Изюмова Л.В.* Указ. соч. С. 106–108.

³⁸ ГА АО, ф. 1470, оп. 1, д. 253, л. 113–114 об.

³⁹ ГА ВО, ф. 1298, оп. 1, д. 55, л. 160–161 об., 170–171 об.; ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 16, л. 346–347.

⁴⁰ ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1198, л. 80–81.

⁴¹ Там же, оп. 2, д. 462, л. 59 об.–60.

⁴² Там же, д. 289а, л. 82–83 об.

⁴³ Там же, оп. 1, д. 1331, л. 76–77 об.; оп. 2, д. 462, л. 62–76, 86–88 и др.

⁴⁴ Там же, оп. 2, д. 1171, л. 2–3.

⁴⁵ См., в частности, следующие документы: ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1534, л. 27–27 об., 222–222 об.; оп. 2, д. 221, л. 43–45 об.; д. 729, л. 28–30; д. 731, л. 141–142; д. 732, л. 198–199; д. 1179, л. 6; ГА АО, ф. 621, оп. 3, д. 417, л. 5 об.–б.

⁴⁶ ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1534, л. 52–52 об. Примечательную в этом отношении историю рассказал в своем письме М.И. Калинину житель деревни Багино Кубино-Озерского района А. Талалов. В частности, он писал, что первым председателем новообразованного в их деревне колхоза, благодаря содействию сельсовета, был избран сектант-евангелист. Вероисповедальная принадлежность последнего вызывала острое неприятие со стороны крестьян, и в конце концов им удалось добиться его отстранения от должности. Новый председатель вызывал у местных жителей доверие, однако поскольку каждый приезжавший в Багино начальник пугал его «судом» и «ответственностью», он «стал совсем больной» и решил свести счеты с жизнью. Третьим председателем колхоза избрали школьного работника, который, быстро смекнув, что дело «горит», на второй день своего председательства ушел в отпуск. В результате колхоз в деревне Багино распался (ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 193, л. 11–12 об.).

⁴⁷ *Глумная М.Н.* К характеристике колхозного социума... С. 273–275.

⁴⁸ ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 1, д. 139, л. 71–72 об.

⁴⁹ См., например: ГА ВО, ф. 903, оп. 1, д. 48, л. 128–128 об.; ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 2, д. 64, л. 84; д. 1171, л. 2–3; ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 143, л. 64–64 об.

⁵⁰ *Глумная М.Н.* К вопросу об организационной культуре колхозов Европейского Севера России в 1930-е годы // Стратегия и механизм управления: опыт и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2008. С. 137.

⁵¹ Подробнее см.: *Глумная М.Н.* К характеристике колхозного социума... С. 273.

⁵² ГА АО, ф. 621, оп. 3, д. 338, л. 13–17; д. 274, л. 192; ф. 1470, оп. 1, д. 794, л. 14–15, 20–20 об.; д. 870, л. 5–5 об.; д. 879, л. 5–6; ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 2, д. 700, л. 63–70; ВОАНПИ, ф. 645, оп. 1, д. 230, л. 68–73; Нядомский райком работал неудовлетворительно // Правда Севера. 1937. 9 января. См. также письма сталинских ударников, указанные в сноске 45.

⁵³ ГА АО, ф. 1470, оп. 1, д. 253, л. 113–114 об.

⁵⁴ РГАЭ, ф. 396, оп. 10, д. 4, л. 321; д. 5, л. 3–4; оп. 11, д. 5, л. 27; ВОАНПИ, ф. 2522, д. 86, л. 80–80 об.; ГА АО, ф. 621, оп. 3, д. 412, л. 24–25; ф. 1470, оп. 2, д. 236, л. 24–24 об.; Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1198, л. 80–81; оп. 2, д. 711, л. 16; Они хотели отнять у колхозников зажиточную счастливую жизнь // Правда Севера. 1937. 28 января.

⁵⁵ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М., 2001. С. 261–292.

© 2012 г. Д. В. КИБА*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ВЛАСТЬ В 1950–1960-х ГОДАХ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Общественно-политическое развитие СССР 1950–1960-х гг. неоднозначно освещается в обширной отечественной и зарубежной историографии. Огромный интерес представляет проблема самореализации художественной интеллигенции и ее взаимодействия с властью в указанный период. Хотя эти вопросы не раз уже становились предметом исследования¹, однако на региональном уровне данная тема требует новых

* *Кибя Дарья Валерьевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Государственного технического университета Комсомольска-на-Амуре.

изысканий. Недостаточно изученной остается деятельность художественной интеллигенции, которая, сохраняя и приумножая местное культурное наследие, отразила в своем творчестве не только общесоюзные тенденции, но и региональную специфику.

Художественную интеллигенцию Дальнего Востока в 1950–1960-е гг. можно условно разделить на несколько взаимосвязанных структур, выделяемых на основе такого критерия как вид творчества (изобразительное, словесное, музыкальное, хореографическое, актерское, режиссерско-организационное); каждому из них соответствовали организационные формы, в рамках которых люди творческих профессий осуществляли свою деятельность. Представители изобразительного искусства находились в штатном расписании артелей, театров и кинотеатров, газет, клубов, домов культуры, производственных мастерских Художественного фонда региона.

К концу 1950-х гг. мастерские этого фонда существовали в Благовещенске, Южно-Сахалинске, Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске и Владивостоке (наиболее многочисленны и творчески активны были сообщества художников в последних трех городах). В 1961 г. также сложились коллективы художников в Магаданской обл. и на Камчатке. Приморское и Хабаровское отделения Союза советских художников функционировали уже с 1939 и 1941 г. соответственно. К 1955 г. в Приморском отделении работали секции живописи, графики, скульптуры, в Хабаровском, помимо названных, в 1958 г. действовали секции театральных и молодых художников. На Дальнем Востоке существовала школа мастеров станковой живописи. В Приморском крае особенно выделялись художники-маринисты, среди которых самым выдающимся был И.В. Рыбачук. В начале 1960-х гг. коллективы художников Владивостока и Хабаровска пополнили только что окончившие соответствующие высшие учебные заведения Москвы и Ленинграда В.И. Бочанцев, В.Н. Доронин, Н.П. Жоголев, демонстрировавшие высокий уровень мастерства в области фигурной композиции. В конце 1960-х гг. в регионе приобрели известность появившиеся в результате активного поиска новых художественных средств работы местных молодых художников В. Рачева и В. Серова.

Дальневосточное отделение Союза писателей СССР было организовано в 1937 г.² После создания в 1949 г. самостоятельной писательской организации Приморского края³, Дальневосточное отделение Союза писателей переименовали в Хабаровское. В своей работе отделения Союза писателей ориентировались на литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Дальний Восток» и альманаха «Советское Приморье» (с 1958 г. – «Тихий океан»). К концу 1950-х гг. при Хабаровском отделении работали писатели Р.К. Агишев, Г.Г. Ходжер, Ю.А. Шестакова и поэты С.А. Смоляков, С.Г. Феоктистов, Р. Казакова. В Приморском крае творили талантливые прозаики Г.Г. Халилецкий, В.Т. Кучерявенко, Т.Л. Терешонков. 1956–1958 гг. отмечены притоком молодых писателей в литературные объединения Дальнего Востока, наиболее многочисленным из которых стало Магаданское, преобразованное в 1960 г. в Магаданское отделение Союза писателей.

В 1950–1960-е гг. на Дальнем Востоке работали 14 театров, в том числе в Хабаровске – Краевой театр драмы, Музыкальной комедии, Юного зрителя, во Владивостоке – Юного зрителя, драматический им. М. Горького, кукол, Тихоокеанского военно-морского флота Приморского военного округа (с 1956 г. переведен в г. Советскую Гавань), в Петропавловске-на-Камчатке – Областной драматический театр, в Уссурийске – театр Дальневосточного военного округа (ДВО). Также в регионе действовали Приморская и Хабаровская краевые, Амурская и Сахалинская областные филармонии, ансамбль песни и пляски ДВО, два цирка «Шапито» (во Владивостоке и Хабаровске), цирк в Уссурийске. Представители музыкального искусства работали в симфонических оркестрах Приморского и Хабаровского радио и телевидения. На Дальнем Востоке творили талантливые композиторы: С.Л. Томбак, Ф.М. Садовой, Ю.Я. Владимиров, Н.Н. Менцер, В.А. Румянцев, П.А. Мирский, Г.П. Щербаков. После создания в апреле 1960 г. Союза композиторов РСФСР⁴ началось формирование его отделений и секций в регионах; его Дальневосточное отделение возглавил Ю.Я. Владимиров, немало сделавший для объединения композиторских сил.

Таким образом, культура на Дальнем Востоке в 1950–1960-х гг. находилась в состоянии поступательного движения вперед, но ее развитие осуществлялось под бдительным оком партии. Отступление творческих работников от партийной линии развития искусства казалось представителям власти опасным. Руководство культурой в СССР осуществлялось через партийные и государственные органы, а также творческие союзы.

После смерти И.В. Сталина в СССР произошли перемены в сфере культуры. В 1954 г. проходили съезды писателей и композиторов, как всесоюзные, так и республиканские. Согласно приказу Министерства культуры СССР от 13 декабря 1954 г., всем театрам предоставлялось право совместной работы с драматургами над созданием пьес⁵. В апреле 1955 г. состоялся IX съезд Всероссийского театрального общества, до того владычествующего жалкое существование и оторванного от творческой деятельности. В том же году в Москве в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина открылась выставка французского искусства, где были представлены работы художников-импрессионистов. При Сталине не только выставка, само упоминание этих художников с положительной интонацией было невозможно. Происходившие в стране изменения послужили толчком «оттепели» первой волны (1953–1955 гг.), оживлению культурной жизни, раскрепощению сознания некоторой части общества. В среде интеллигенции появились надежды на перестройку форм и методов партийно-государственного руководства искусством. Эти чаяния отражались в «письмах во власть», в которых содержались протесты против излишней административной опеки над искусством, связи искусства и политики, заявления о необходимости большей свободы творчества⁶.

Представители дальневосточной интеллигенции также обращались в государственные органы управления культурой с письмами, но вопросы, затрагиваемые в них, касались проблем материального и кадрового характера. «Приехав в театр в 1955 г., – писал главный режиссер хабаровского Театра музыкальной комедии М. Веризов начальнику Хабаровского управления культуры 30 июня 1955 г., – я застал его в жутком материальном положении. Смена режиссеров и коллегия, которая одно время руководила творческой жизнью театра, все это привело театр к низкому творческому уровню и материальному краху, что установил в 1954 г. старший инспектор управления музыкальными театрами СССР Халаджиев. Театру необходимо выдать сумму на оформление спектаклей, помочь кадрами. Для решения данного вопроса в дальнейшем при театре необходимо организовать студию с набором 10–12 человек»⁷. «Для улучшения работы Хабаровского краевого театра драмы, – докладывал в управление культуры главный режиссер этого театра С.А. Бенкендорф в том же году, – необходимо изменить ряд условий: 1. Переформировать труппу, так как ряд актеров, работая много лет, утратили интерес для зрителей. Прошу заменить их новыми актерами. 2. Прислать двух художников, постановщиков, третьего режиссера. 3. Создать в театре оркестр»⁸.

XX съезд КПСС послужил толчком «оттепели» второй волны. Дальневосточная художественная интеллигенция на официальных мероприятиях демонстрировала удовлетворение политикой партии: прошли собрания первичных партийных организаций театров региона, отделений Союзов художников, писателей, ознакомившиеся с постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» и одобrivшие его⁹. Иная ситуация была невозможна, поскольку в СССР творческие союзы являлись элементом государственного аппарата. Они располагали оплачиваемыми штатами и представляли собой подобия министерств, являясь низшим звеном в системе партийно-государственного управления искусством. Произведенные либеральные подвижки не подразумевали отказа от формулы «искусство – служанка политики». В записке отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах развития современной советской литературы» указывалось, что распространенное среди работников искусства «представление о несовместимости свободы творчества и партийного руководства» является ошибочным: «Восстановление ленинских принципов означает не отказ от руководства, а укрепление и совершенствование партийного руководства искусством»¹⁰.

В этой связи естественна реакция властей на появление произведений, в которых писатели показывали, например, негативные стороны жизни деревни, бюрократический гнет. Сочтя такие «очернительские» произведения за сопротивление партийному руководству, власть отреагировала «окриком» – выступлением Первого секретаря ЦК Н.С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства» (оно было сокращенным изложением его речей на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая, на приеме писателей, художников, скульпторов, композиторов 19 мая и на партийном активе 6 июля 1957 г.). «Среди наших писателей и деятелей искусства еще встречаются отдельные люди, которые порою теряют почву под ногами, сбиваются с правильного пути... – заявил Хрущев. – Они пытаются представить дело так, что будто бы литература и искусство призваны выискивать только недостатки, говорить преимущественно об отрицательном в жизни, о фактах неустроенности и замалчивать все положительное»¹¹. В марте 1958 г. в Хабаровске состоялось собрание интеллигенции по обсуждению выступления Первого секретаря ЦК, закончившееся его одобрением делегатами и заверением в том, что художники и писатели Дальнего Востока оправдают доверие партии и будут ей опорой в идеологической борьбе. Писатель Чижевский, усомнившийся, что Хрущев сказал что-то новое в своем выступлении, был раскритикован. Секретарь крайкома КПСС Ажгибков заявил: «Активно участвовать в строительстве нового, передового, неустанно учиться у жизни, неустанно работать над повышением своих знаний и мастерства – такие обязательные условия для успеха в любой отрасли литературы и искусства, к этому призывает нас ЦК партии. И конечно глубоко неправ товарищ Чижевский, который ничего нового не увидел в этом документе. Надо полагать, что после собрания товарищ Чижевский более тщательно его прочитает, продумает все выступления, и нет сомнения, что он поймет ошибочность своих суждений». Его поддержал главный редактор журнала «Дальний Восток» Н. Рогаль: «В книге Дудинцева “Не хлебом единым” за новаторством, “смелостью писательской” мы не сразу разглядели идеи декаденства. Неправильно сказал Чижевский, что Хрущев ничего нового в выступлении не сказал, он много интересного сказал, над чем мы должны думать»¹².

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о порядке издания в эти годы художественной литературы в СССР. Издательства составляли тематические планы выпуска литературы, согласовывая их в управлении культуры и краевых комитетах КПСС и широко обсуждая в писательских организациях и научных учреждениях. Затем планы утверждались в Министерстве культуры РСФСР. В разделе «Художественная литература» плана любого издательства значительное место должны были занимать произведения, посвященные советской действительности. Утвержденный местными органами и рассмотренный Министерством культуры тематический план являлся государственным заданием, подлежащим безусловному выполнению. Однако, несмотря на существующий порядок, дальневосточные издательства порой выпускали «очернительские», по мнению партии и руководства творческих организаций, литературные произведения. Например, в Благовещенске в шестой книге альманаха «Приамурье» в 1957 г. были опубликованы повесть Д. Федорова «Потомки ланцетупов» и поэма Д. Цирулика «Начало биографии», которые областной комитет КПСС Амурской обл. охарактеризовал как идейно порочные¹³. Признавая, что Федоров «исходил из благих намерений, хотел высмеять тех, кто рассчитывает жить за счет государства», главный редактор журнала «Дальний Восток» Рогаль порицал его за то, что «автор лобуется наглостью героев, язык повести местами граничит с ерничеством. Кажущаяся острота и значительность повести – ложная, бьющая мимо цели». Особое возмущение руководства Хабаровского отделения Союза писателей вызвали заключительные строки поэмы Цирулика: «И поднялось утро в клочьях дыма, // И над миром приподняв его, // Ветер мая пролетает мимо. // Ветер поколения моего». Рогаль с возмущением заметил, что ветру мая полагаются поднимать всех на борьбу за новую жизнь. Обком КПСС потребовал перестроить работу редакционной коллегии альманаха в свете задач, определенных в выступлении «За тесную связь литературы и искусства»¹⁴.

Дальневосточные отделения творческих союзов выступали в роли внутренних цензоров, не допускавших «идейно неполноценные» произведения в планы издательств. Так, составленный в 1956 г. приморским писателем Г.Г. Халилецким сборник рассказов не был опубликован, поскольку партийное собрание Приморского отделения Союза писателей сочло тон его повествования унылым¹⁵. 2 октября 1957 г. во Владивостоке прошло открытое партийное собрание писателей и художников Приморского края, на котором в свете выступления Хрущева были раскритикованы произведения многих писателей. Было указано на печальный тон в книге О. Щербановского «Дорога через перевал», на идеологические срывы в повести Ю. Лясота «Корень жизни». На собрании утверждалось, что Щербановский «оглуляет хороших по замыслу людей»¹⁶. В справке о работе Приморского отделения Союза писателей, направленной в краевой комитет КПСС, указывалось, что «прошедшее в отделении писателей партийное собрание, посвященное выступлению Н.С. Хрущева “За тесную связь литературы и искусства” показало, что в писательской организации есть случаи отрыва писателей от жизни народа. Бюро неоднократно поправляло Щербаковского и Гука, пытавшихся исказить жизнь советских людей»¹⁷. В Хабаровске молодые авторы, в частности Куперман и Мартынюк, порой допускали критический взгляд на советскую действительность: в своих произведениях они поднимали вопросы социальной несправедливости, коррупции, привилегий номенклатурных работников, изображали пьющую деревню, разоблачали карьеризм работников партийно-государственного аппарата. Естественно, что их повести и рассказы не допускались к печати. Рогаль назвал их предвзятыми, мешающими видеть все богатство советской действительности, утверждая, что писатели должны «идти не путем В. Дудинцева, а путем, указанным партией»¹⁸. В 1957 г. на совещании литературных и театральных критиков Рогаль призывал писателей к бдительности: «Это самоуспокоение, что у нас нет В. Дудинцева, что у нас все хорошо... когда мы критикуем, нужно думать над каждым произведением»¹⁹.

Поиски надуманных идеологических диверсий стали нередким явлением. В 1958 г. в газете «Тихоокеанская звезда» была помещена резко отрицательная рецензия С. Смолякова на стихи молодой поэтессы Р. Казаковой. Критик назвал стихи ревизионистскими, заявив, что она сбилась с генерального курса партии²⁰. На заседании секции поэзии Хабаровского отделения Союза писателей он говорил: «Я не мог не написать той рецензии. Нельзя проходить мимо строчек, которые имеют не только поэтическое, но и политическое содержание»²¹. Такая критика соответствовала общему потоку, обрушившемуся в эти годы на молодых поэтов в Хабаровске. Например, ту же Казакову и поэта П. Халова обвиняли в том, что они, называя свое творчество новаторством, создавали особые выражения, речевые обороты и тем самым засоряли стихи «словесной шелухой»²². На общем собрании Хабаровского отделения Союза писателей и актива журнала «Дальний Восток», состоявшемся в январе 1959 г., Рогаль отметил, что «не надо преуменьшать опасность влияния нежелательных тенденций, рядом с которыми стоят отдельные стихи Р. Казаковой. У части молодых литераторов стало модой игра слов, их нагромождение. За этим либо ничего нет, либо идеи, чуждые нашей литературе. Необходимо Казаковой напомнить это»²³. Подобная борьба с крамоллой там, где ее не было, в соответствии с линией партии, не могла не осложнять положение творческой интеллигенции.

Та же ситуация сложилась в сфере партийно-государственного руководства театральным искусством, в частности контроля над репертуаром. Репертуарные планы обсуждались на художественных советах театров и предоставлялись на утверждение в управление культуры, в свою очередь передававшее их для утверждения в Министерство культуры РСФСР. Однако полного соответствия между утвержденными планами театров и текущими постановками не было. Областные и краевые управления культуры иногда не предоставляли вовремя эти планы в Министерство культуры, не контролировали их выполнение театрами. В итоге выпускались пьесы, характеризующиеся как «низкопробные, порочные по идейному содержанию». Бывали случаи, когда художественные руководители и режиссеры театров сознательно приступали к постановке пьес,

не одобренных органами культуры. Например, в Комсомольске-на-Амуре в 1953 г. главный режиссер театра приступил к работе над пьесой «Опасный перекресток», изъятой из репертуара театров страны и не значившейся в утвержденном плане. Управление культуры, обнаружив данный факт, немедленно запретило работу над ней²⁴. В 1954 г. руководство Областного драматического театра Петропавловска-на-Камчатке без санкции управления культуры изменило утвержденный план. Результатом явилась работа над пьесой «Великий еретик»²⁵. В изменении репертуарных планов, утвержденных в управлении культуры, включении в них пьес, не одобренных контролирующими инстанциями, проявилось стремление режиссеров к самостоятельности, освобождению от опеки партийно-государственных структур, однако советская система непримиримо относилась к подобным попыткам.

Факты сопротивления художественной интеллигенции Дальнего Востока такому давлению были немногочисленны. Известно выступление приморского художника С.П. Ясенкова. Во время партийного собрания первичных партийных организаций драматического театра, Приморского Союза художников, редакции газеты «Тихоокеанский комсомолец» и художественного училища Приморского края в 1957 г. обсуждалось постановление Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова». Ясенков заявил, что ему очень трудно понять постановление Пленума ЦК КПСС, так как ранее о Молотове говорили как об одном из старейших большевиков, а теперь осуждают. «Я как коммунист не знаю, кому верить, – говорил он. – Раньше художникам жилось лучше, так как они свободно выбирали тему и творили свои произведения, например Репин. В период Сталина художники писали много произведений со Сталина, затем писали о членах ЦК и правительстве, в том числе и о Молотове. А теперь куда эти полотна? А потом говорят, что мы, художники, пишем много пейзажей и этюдов. Трудно в наше время писать, не знаешь что можно, а что нельзя писать. Если бы Ленин не умер, и его в чем-нибудь обвинили бы». Ясенкова обвинили в вольнодумстве, клевете на советское искусство и непонимании политики партии. Художник отметил, что он откровенно поделился своими мыслями, но его неправильно поняли: «Некоторые товарищи книжно говорят, а я так не умею. Трудно говорить, когда отрываешь от сердца, то, с чем сжился годами». В результате он признал, что запутался, и вместе с собранием одобрил постановление пленума ЦК²⁶.

В 1956 г. писатель Халилецкий в одном из своих рассказов описал ситуацию, когда у 35-летнего мужчины возникли чувства к 25-летней девушке. Его пригласили в партийные органы и объяснили, что с точки зрения этики такая ситуация нетипична. В ответ на это автор на заседании Приморского отделения Союза писателей, посвященном обсуждению альманаха «Советское Приморье», выразил протест против грубого вмешательства в его творчество: «За всем этим внешне внимательным отношением к писательскому творчеству стоит мещанство, с которым невозможно бороться. Союзу писателей пора поставить во всесоюзном масштабе вопрос о том, что на местах партийное руководство литературными делами должно быть умным и тонким»²⁷.

Член литературного объединения при Магаданском издательстве В. Сергеев на творческой конференции молодых писателей Дальнего Востока в 1958 г. в Хабаровске позволил себе ряд крамольных высказываний о жизни коренных народов Чукотки. На той же конференции состоялось обсуждение его поэмы «Разговор с правдой», которая после его «политически вредной» речи была названа идейно-порочной, содержащей политические двусмысленности и ошибки. Писатель Дементьев отметил, что «не следует беречь не зажившие раны партии и народа»²⁸. Недовольство вызвала «политическая незрелость» молодого поэта, а также то, что «интонации поэм и стихотворений его слишком мрачны, пессимистичны, он односторонне видит жизненные явления»²⁹. На заседании бюро областного литературного объединения при Магаданском издательстве совместно с редколлегией альманаха «На Севере Дальнем», состоявшемся в сентябре 1958 г., был вновь поднят вопрос о хабаровской речи Сергеева и его поэме. Настаивая на своей правоте, молодой поэт заявил, что в настоящее время «у оленеводов тундры положение хуже, чем было раньше, лет 20–30 назад. Раньше оленеводы жили лучше.

Сейчас труд их организован неправильно, семья разорвана, быт не устроен; отец кочует, мать работает в колхозе, дети – учатся в школе и живут в интернате. Бригады работают по-старинке, техника еще до Чукотки не дошла. До революции было 500 тысяч оленей, а сейчас – меньше 400 тысяч»³⁰. «Откуда у Вас такой пессимизм? – все плохо, везде нехорошо!», – вопрошали его писатели областного литературного объединения, утверждавшие, что «в поэме Сергеева “правда поджала хвост”»³¹. Также на заседании бюро было отмечено, что «ошибки Сергеева вызваны идейными шатаниями и колебаниями. Следует усилить воспитательную работу с писателями, чтобы не допускать таких эксцессов. Наша литература должна быть партийной»³².

Слова и действия Сергеева были смелыми для того времени. После осуждения его произведения на конференции молодых писателей в Хабаровске поэт хотел передать рукопись поэмы польскому писателю Казимиру Завадскому, чтобы он высказал свое мнение о ней. Но на заседании литературного объединения Магадана в сентябре 1958 г. его члены осудили это намерение, сравнив поведение Сергеева с действиями Б. Пастернака. Писатель Козлов заявил: «Вы, Сергеев, апеллируете к польскому писателю, и хотя он член польской объединенной рабочей партии, он зарубежный писатель, и его идейные убеждения, как и убеждения многих польских литераторов, выступавших против социалистического реализма, нам известны. Ваше поведение можно рассматривать как измену Родине. Ведь поэма политически порочная»³³. Хабаровский крайком КПСС рекомендовал Завадскому отделению Союза писателей пересмотреть вопрос о приеме Сергеева в число своих членов. Его вывели из состава бюро литературного объединения Магадана (вместо него был введен чукотский писатель В. Кеулькут). В протоколе общего собрания членов литературного объединения Магаданской обл. от 9 октября 1958 г. отмечено, что когда Сергеева пригласили на собрание бюро для обсуждения вопроса о его исключении, поэт не пришел, заявив, что «на собрании будут заниматься глупостями»³⁴.

Следует отметить, что случай с Сергеевым единичный. В основном творческие работники Дальнего Востока были осторожны в силу своей материальной зависимости от творческих союзов и организаций и возможности исключения из них, прекращения публикации произведений.

Более «смелым» на Дальнем Востоке оказалось студенчество. Осенью 1956 г. на уборочных работах в одном из совхозов студенты историко-филологического факультета Хабаровского педагогического института выпустили три номера газеты и один номер рукописного журнала, в которых, по мнению бюро Хабаровского крайкома, в «пошлом и вульгарном духе» изображали советскую действительность и студенческую жизнь. Литературный кружок кафедры литературы этого института в том же году выпустил газету «Первое слово», в которой была обнаружена, как отмечало бюро, проповедь буржуазно-мещанской идеологии. Выяснилось, что молодые люди критиковали и советскую литературу, и решения ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Студентов обвинили в распространении антисоветских анекдотов и различного рода «вредных» измышлений. В январе 1957 г. был арестован студент Овсиенко, уличенный в якобы антисоветской деятельности. Студенты Котенко, Куперман, Машуков, Корчмарев, поддерживавшие Овсиенку и распространявшие среди молодежи свои взгляды, были исключены из института и ВЛКСМ³⁵. Литературный кружок института прекратил свое существование. Писатель В. Александровский на собрании писателей и литературного актива Хабаровска, посвященном итогам работы III Пленума Союза писателей СССР, отметил, что действия студентов стали прямым следствием вредных и неверных настроений в столичной периодике. «Удивительна нам была и политика редколлегии “Нового мира”, на страницах которого был опубликован ряд материалов с неверных позиций, – говорил он. – Потом мы узнали о неправильных выступлениях Берггольц, Алигер, Симонова. А к чему все это привело и у нас? Мы все знаем печальную историю со студентами литфака Хабаровского пединститута»³⁶.

Анализируя данные события, необходимо отметить, что молодые люди не занимались антисоветской пропагандой, их целью было не расшатывание основ советского

строя, а свобода творчества и самовыражение. «Оттепель» активизировала самосознание, критическое мировоззрение отдельных представителей художественной интеллигенции. Поведение молодежи понятно: во-первых, студенты не были обременены грузом ответственности за семью, над ними не довлел фактор материальной зависимости, во-вторых, они принадлежали к другому поколению, не знавшему террора 1930-х гг., были более раскрепощены и уверены, что при новых веяниях их поведение допустимо.

Разгромная критика Н.С. Хрущевым 1 декабря 1962 г. выставки художников-авангардистов в Москве³⁷ открыла череду «воспитательных мер», предпринятых партийно-государственным руководством в отношении творческой интеллигенции. Была развернута кампания против формализма и абстракционизма. Эта тема обсуждалась 17 декабря 1962 г. на встрече деятелей культуры с членами Президиума ЦК, 24 декабря – на заседании идеологической комиссии ЦК КПСС, куда пригласили молодых литераторов, художников и музыкантов, 7–8 марта 1963 г. – на встрече в Кремле высшего советского руководства с художественной интеллигенцией. В июне 1963 г. состоялся пленум ЦК КПСС, на котором также рассматривались проблемы, связанные с литературой и искусством. Стараясь обосновать в глазах общественности преследование несогласных с партийным диктатом – «проводников буржуазного влияния», партийное руководство выдвинуло тезис об обострении идеологической борьбы между социализмом и капитализмом. В данных условиях интеллигенция должна была, как полагали представители власти, быть как никогда ответственной за идейное содержание своих творений. Малейшая критическая направленность произведения становилась свидетельством о недовольстве советским строем³⁸.

На Дальнем Востоке после встреч советского руководства с художественной интеллигенцией управления культуры пересмотрели репертуарные планы театров, добиваясь их высокого идейного уровня, и усилили роль художественных советов в репертуарной политике. Проанализировав содержание литературы, выпущенной Хабаровским книжным издательством в 1963 г., идеологический отдел Хабаровского крайкома принял решение о недопущении впредь выпуска слабых в идейно-художественном отношении произведений. В июле 1963 г. на III пленуме промышленного крайкома Приморского края во время обсуждения итогов Июньского пленума ЦК КПСС³⁹ признаны неприемлемыми теория мирного сосуществования двух идеологий, «автомобильная» теория (отрыв художника от жизни вследствие фиксации им только мимолетных впечатлений), теория инертности народа в понимании искусства. В отчетном докладе бюро Приморского отделения Союза писателей говорилось, что «в среде приморских писателей растленого проявления моды Запада и абстракционизма не было. Были высказывания иных писателей, от которых отдавало душком отклонения от социалистического реализма. Некоторые считали, что необязательно писать стихи, которые были понятны широким массам трудящихся. Другие видели в “творчестве” абстракционистов новаторство, следовательно имевшее право на существование. Другие утверждали, что при оценке произведений писателя нечего требовать партийности. Такие настроения резко осуждались коллективом»⁴⁰. Таким образом, хотя на официальных собраниях громко провозглашалась борьба с формализмом, абстракционизмом и буржуазным трюкачеством, в среде творческой интеллигенции шли процессы глубокого осмысления действительности и давались оценки, не соответствовавшие духу партийных документов.

Деятели театра также объявляли бой формализму и абстракционизму, однако это нередко приводило к плачевным результатам. Например, главный режиссер Хабаровского краевого театра юного зрителя А. Никитин на заседании режиссерской секции Всероссийского театрального общества в 1963 г. предостерегал коллег от загона понятия «реализм» под шапку трусости и оглядки, лишения возможности поиска образных выразительных средств. «Нельзя забывать наши ошибки прошлой борьбы с формализмом. Мы часто ретиво выбрасывали из театра яркую форму, наклеивая на нее позорный ярлык “формализм”. В искусстве, – утверждал режиссер, – необходим постоянный поиск, а мы живем трусливо»⁴¹.

Элементов абстракционизма в творчестве художников Дальнего Востока в 1960-е гг. не наблюдалось, поскольку среди них никто не знал, что представляет собой абстракционизм, каковы его принципы. В художественном творчестве шли поиски новых выразительных средств, сами мастера были уверены, что не занимаются пропагандой буржуазной западной культуры. Но власть навешивала ярлык абстракционизма на любые непривычные штрихи в изобразительном искусстве. На общем собрании художников Хабаровского края в феврале 1960 г. художник В.Г. Зуенко отмечал, что «влияние западного формализма имеется и у нас. Например, Короленко из Комсомольска»⁴². «Абстракционизм надо отметить, – поддержал его начальник краевого управления культуры Л.Н. Слободской. – Художнику Короленко надо сказать, что он заблуждается. Мы не можем мириться с тем, что человек изображен в виде кляксы»⁴³ Е.В. Короленко, обвиняемый в склонности к формализму и абстракционизму, на собрании Хабаровского отделения Союза художников в 1962 г. пытался оправдаться, утверждая, что «понятие “реализм” сравнивается с искусством XIX в., которое было трехмерным, в связи с этим любое двухмерное изображение расценивается как нереалистическое. Это неверно»⁴⁴. Какими формами и методами пользуется художник – это, по его мнению, вопрос сугубо творческий и личный. Поскольку Короленко был талантливым мастером, ему, несмотря на «крамольное» выступление, предоставили возможность по-прежнему заниматься творческой деятельностью. Правление Хабаровского отделения Союза художников в своем отчетном докладе отметило лишь то, что «в отделении недостаточно проводится идейно-воспитательная работа, и необходимо активизировать усилия в данном направлении»⁴⁵.

Некоторые мастера прямо заявляли, что творчество абстракционистов – это новаторство, имеющее право на существование. Подобные взгляды высказывались как до проведенной «воспитательной работы» в Москве, так и после, что было вдвойне опасно для художников. Иногда им удавалось отстоять свое видение того или иного произведения. Так, в начале 1960-х гг. руководители Приморского отделения Союза писателей и Приморского издательства обвинили сотрудника издательства художника Гетелева в том, что он оформлял некоторые книги с «душком абстракционизма». Особое недовольство вызвала обложка книги «Бурелом», где «на зеленых клетках небрежно намазаны тушью вертикальные мазки, а на них отрывки каких-то линий. Все это должно было выражать поломанный бурей лес или что-то еще»⁴⁶. Хотя в результате Гетелев сумел убедить начальство, что его картина является новаторством, в отчетном докладе бюро Приморского отделения Союза писателей указывалось, что художественный совет издательства утвердил обложку, так как его члены «побоялись прослыть отсталыми людьми»⁴⁷. Но после начавшейся в стране «воспитательной работы» руководство стало более бдительным и запрещало все, что хоть как-то выбивалось из общего ряда.

В 1965 г. на собрании Приморского отделения Союза художников обсуждался вопрос новаторства в изобразительном творчестве. В своем выступлении художник Балашева отметила, что на выставках Московского отделения Союза художников стала выявляться тенденция увлечения новыми формами в искусстве, однако к настоящим новаторским произведениям стали приклеивать ярлыки абстракционизма. В результате дискуссии приморские художники, положительно оценив новаторство, дали ему такое определение: «совершенное видение, создание картин, волнующих зрителя»⁴⁸. Однако дефиниция «свободное творчество» являлась опасной, поскольку то, что для режиссера, актера, художника было поиском образной формы, партийные органы считали отклонением от социалистического реализма и трактовали как отход от классовых позиций и идеологическую диверсию.

В середине 1960-х гг. советское общество наблюдало начало процесса «очищения» образа Сталина. Чиновники от идеологии доказывали, что вся критика вождя на XX и на XXII съездах КПСС была вызвана только личным эгоистическим интересом Хрущева⁴⁹. В 1965 г. на торжественном заседании, посвященном юбилею Победы, в докладе Первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева впервые после XX съезда было сказано о заслугах Сталина в годы Великой Отечественной войны. Реакцией на слова Брежнева

стало письмо 25 выдающихся деятелей культуры в адрес руководства страны, в котором выражалось беспокойство появлением тенденций, направленных на реабилитацию Сталина⁵⁰.

Однако тема культа личности оказалась теперь «неудобной» для творчества. Так, на отчетно-выборной конференции Всероссийского театрального общества в 1966 г. начальник управления культуры Хабаровского края, говоря о репертуарной политике театров Дальнего Востока, заявил, что нельзя поддерживать увлечение лагерной темой, так как оно не приносит пользы и односторонне искажает действительность⁵¹. «Договорились, некоторые, что во имя развенчивания культа личности ставилась под сомнение политика коллективизации, – утверждал он. – Все это сказалось на настроении молодежи. У нее появилось недоверие к политике партии в коммунистическом строительстве. Нужно поправить все это. Необходимо восстановить это доверие. Тенденции в сфере искусства – издержки борьбы против культа личности»⁵². В докладе Отдела пропаганды и агитации Хабаровского крайкома о работе отделения Союза писателей в 1967 г. было обращено особое внимание на опубликованную в журнале «Дальний Восток» рецензию Ю. Шестаковой на повесть И. Гарающенко «Прописан на Колыме». Шестакова утверждала, что творчество писателя – это «попытка осмыслить в художественных образах события, связанные с эпохой культа личности»⁵³. Возмущение партийного отдела вызвало упоминание имени А.И. Солженицына с положительной окраской. «Вызывает удивление легковесное утверждение Ю. Шестаковой по поводу повести И. Гарающенко “Прописан на Колыме”, – говорилось в справке отдела пропаганды и агитации Хабаровского крайкома о работе парторганизации Хабаровского отделения Союза писателей. – По ее словам, это произведение лагерной темы, начало которой положила повесть Солженицына “Один день Ивана Денисовича”. Это утверждение сделано Ю. Шестаковой уже после правильной партийной оценки творчества Солженицына. И подтягивание Гарающенко до Солженицына, хотя его произведение прямо противоположно Солженицыну и “эпоха культа личности”, которой не было в жизни нашей страны, не добавляет славы ни автору рецензии, ни редколлегии журнала»⁵⁴.

Решения о снятии спектакля с репертуара любого театра принимались не на его художественном совете, а на совещании театрального руководства в краевом комитете партии. Совет лишь подтверждал это решение, а утверждения репертуаров театров происходило как в управлении культуры, так и в идеологических комиссиях крайкомов КПСС. За идеологические ошибки творческие работники вызывались в крайкомы для воспитательных и разъяснительных бесед. Так, в 1968 г. в партийных органах Хабаровского края обсуждался спектакль «Традиционный сбор» Краевого театра драмы. Члены крайкома предъявляли претензии. В частности, по поводу того, что в пьесе «происходит путаница между культом личности и линией борьбы партии с кулачеством»⁵⁵.

Своеобразной вехой, окончательно завершившей период некоторых либеральных тенденций в искусстве, стало постановление ЦК КПСС 1969 г. «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Затем региональные краевые комитеты партии приняли постановления с таким же названием. Политика ужесточения идеологического контроля на Дальнем Востоке привела к тому, что некоторые представители художественной интеллигенции, не провозглашая открыто своих воззрений, в кругу единомышленников одобряли теории, противоречившие принципам социалистического реализма. Иногда подобные высказывания становились известны партийному руководству и становились предметом проработки на официальных собраниях отделений творческих союзов в рамках борьбы с «нездоровыми тенденциями». Несмотря на это, писатели и драматурги Дальнего Востока в своих произведениях продолжали обращаться к темам, которые казались им актуальными, хотя и характеризовались партийно-государственным руководством как «мелкотемщина» и «обывательщина». Стоит отметить, что на Дальнем

Востоке власть не предпринимала карательных мер в отношении художественной интеллигенции, а в процессе руководства искусством сочетала контрольно-запретительные меры с «воспитательными».

Примечания

¹ Белова Т. Культура и власть. М., 1991; Богарцева С.С. Художественная интеллигенция и власть в СССР второй половины 1950-х – 1960-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Бородай А.Д. Н.С. Хрущев и молодое поколение художественной интеллигенции. М., 1999; Бортников С.Д. Художественная интеллигенция Сибири (1961–1980 гг.). Барнаул, 1997; Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы. М., 1999; Конец В.П. Советская художественная интеллигенция в 1960–1980-е гг. // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Тезисы докладов XI международной научно-теоретической конференции. Иваново, 2000; Раскатова Е.М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964–1985 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011; Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Ч. 1–2. Омск, 2001; Соколов К.Б. Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953–1991 гг.). СПб., 2007.

² Государственный архив Хабаровского края (далее – ГА ХК), ф. Р-1738, оп. 1, предисловие, л. 1.

³ Государственный архив Приморского края (далее – ГА ПК), ф. Р-1504, оп. 2, предисловие, л. 1.

⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы. М., 2005. С. 380.

⁵ ГА ХК, ф. Р-1690, оп. 1, д. 288, л. 74–75.

⁶ Фадеев А.А. Об улучшении методов партийного, государственного и общественного руководства литературой и искусством // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001. С. 153; Пертосян А.А. О положении в советской литературе и о работе Института мировой литературы // Там же. С. 269; Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о «нездоровых» настроениях среди художественной интеллигенции // Там же. С. 198–201; Письмо Б.Н. Полевого П.Н. Поспелову о вредных идеологических настроениях в литературных кругах // Там же. С. 206–207.

⁷ ГА ХК, ф. Р-1690, оп. 1, д. 288, л. 127.

⁸ Там же, д. 292, л. 68.

⁹ ГА ПК, ф. П-295, оп. 1, д. 6, л. 43–45.

¹⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957... С. 520.

¹¹ Хрущев Н.С. За тесную связь литературы и искусства // Дальний Восток. 1957. № 5. С. 20.

¹² ГА ХК, ф. Р-1690, оп. 1, д. 61, л. 111.

¹³ РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 267, л. 3.

¹⁴ ГА ХК, ф. Р-738, оп. 1, д. 82, л. 9, 12.

¹⁵ ГА ПК, ф. Р-4504, оп. 2, д. 5, л. 63.

¹⁶ Там же, л. 56.

¹⁷ Там же, ф. П-68, оп. 30, д. 134, л. 45.

¹⁸ ГА ХК, ф. Р-1738, оп. 1, д. 59, л. 108.

¹⁹ Там же, д. 80, л. 78.

²⁰ РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 382, л. 31.

²¹ ГА ХК, ф. Р-1738, оп. 1, д. 59, л. 140.

²² Там же, л. 138.

²³ Там же, л. 133–134.

²⁴ Там же, ф. Р-1690, оп. 1, д. 4, л. 87.

²⁵ Там же, д. 15, л. 311.

²⁶ ГА ПК, ф. П-295, оп. 1, д. 7, л. 69.

²⁷ Там же, ф. Р-1504, оп. 2, д. 32, л. 17.

²⁸ ГА ХК, ф. Р-1738, оп. 1, д. 81, л. 76.

²⁹ Там же, л. 94.

³⁰ Там же, л. 76.

³¹ Там же, л. 82.

³² Там же, л. 88.

³³ Там же, л. 80.

³⁴ Там же, л. 97.

³⁵ Там же, ф. П-35, оп. 7, д. 89, л. 21–24. Среди этих студентов был сын дальневосточного писателя Ивана Машукова – Владимир (Там же, ф. Р-1738, оп. 1, д. 59, л. 46).

³⁶ ГА ХК, ф. Р-1738, оп. 1, д. 59, л. 45.

³⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964... С. 540.

³⁸ *Пыжиков А.В.* Опыт модернизации советского общества в 1953–1964 гг.: общественно-политический аспект. М., 1998. С. 269.

³⁹ ГА ПК, ф. П-290, оп. 1, д. 12, л. 82–86.

⁴⁰ Там же, ф. Р-1504, оп. 2, д. 40, л. 6.

⁴¹ Там же, ф. Р-905, оп. 1, д. 15, л. 18.

⁴² ГА ХК, ф. Р-910, оп. 1, д. 49, л. 149.

⁴³ Там же, л. 152.

⁴⁴ Там же, д. 59, л. 11.

⁴⁵ Там же, л. 57.

⁴⁶ ГА ПК, ф. Р-1504, оп. 2, д. 40, л. 16.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, д. 47, л. 14.

⁴⁹ *Файнбург З.И.* Не сотвори себе кумира...: Социализм и «культ личности» (Очерки теории). М., 1991. С. 286.

⁵⁰ Миф о застое. М., 1991. С. 59–61.

⁵¹ ГА ХК, ф. Р-905, оп. 1, д. 30, л. 28.

⁵² Там же, л. 10.

⁵³ Там же, ф. П-35, оп. 90, д. 567, л. 113.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, ф. Р-1900, оп. 1, д. 40а, л. 19–21.

© 2012 г. А. С. ИВАНОВА*

ИСТОРИЯ ТОРГОВОЙ СЕТИ «БЕРЕЗКА» В СССР (конец 1950-х – 1980-е гг.)

Магазины «Березка», находившиеся в ведомстве всесоюзного объединения (в/о) Внешпосылторг (ВПТ), существовали в СССР на протяжении 30 лет и играли заметную символическую роль в повседневной жизни горожан в 1960–1980-е гг. Почти каждый советский гражданин знал, что «Березка» – воплощение потребительской мечты, сосредоточение дефицитных импортных товаров, которых не найти в обычном магазине. При этом доступ к такому источнику изобилия был ограничен: «валютные» магазины часто приравнивались к закрытым распределителям для номенклатуры и вызывали среди населения ненависть и зависть. Существование в СССР подобного полузакрытого канала распределения, где дефицитные иностранные товары продавались определенным категориям граждан за валюту и ее заменители (специальные чеки и сертификаты), вызывает множество вопросов: зачем была создана торговая сеть «Березка»; кто именно имел туда доступ; действительно ли там продавались товары, не поступающие в обычную розничную сеть; насколько закрытой была эта система и почему она закончила свое существование?

До настоящего времени торговля на иностранную валюту и ее заменители в СССР изучалась лишь применительно к 1930-м гг. Так, Е.А. Осокина, проанализировав деятельность «Торгсина» в 1931–1936 гг., пришла к выводу о том, что эта система,

* **Иванова Анна Сергеевна**, соискатель Института российской истории РАН.

являясь жестоким способом выкачивания золота из всех слоев населения, не только помогла большому количеству советских граждан пережить голод, но и способствовала государству в получении средств на нужды индустриализации¹. В более поздний период этот вид торговли привлекал внимание специалистов по истории банкнот (бонистов), изучавших данный феномен с точки зрения обращения специальных сертификатов и чеков². Существуют исследования, посвященные аналогичной проблематике в других социалистических странах, прежде всего в ГДР³. Советские «Березки» до сих пор не становились предметом отдельного исследования. В данной статье впервые предпринята попытка реконструировать историю продажи на иностранную валюту и ее заменители дефицитных товаров и услуг советским и иностранным гражданам в СССР в конце 1950-х–1980-х гг. На основании архивных документов рассмотрено возникновение такой торговли, принципы ее работы, критерии допуска в эту систему и причины ее заката⁴.

Начало валютной торговли с советскими гражданами – Внешпосылторг

В период «оттепели» (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) Советский Союз стал активно участвовать в международных проектах, открывать новые посольства, торговые представительства и корреспондентские пункты, оказывать «техническую помощь» странам Азии и Африки и т.д. Все это влекло за собой выезд большого числа советских граждан на работу за границу, а значит и получение ими заработной платы в иностранной валюте. «Иностранцы могли накапливать свои сбережения, переводя их на свои счета в США и Западную Европу, а у нас такой возможности тогда не было: свои валютные сбережения мы не могли помещать ни в японские, ни в советские банки, – вспоминал И.К. Латышев, направленный в 1957 г. в Токио для работы специальным корреспондентом газеты “Правда”. – Да и привозить заработанную нами иностранную валюту на родину в конце 50-х еще не разрешалось... Поэтому логика нашего поведения в Японии была иной, чем у иностранцев из капиталистических стран: получаемые в качестве зарплаты иены мы могли либо превращать в какие-то ценные товары, которые затем после их провоза на родину в качестве личных вещей можно было продать соотечественникам, либо целиком растрачивать все свои доходы в самой Японии, не отказывая себе ни в чем»⁵. Одновременно стремительно росло количество иностранцев, посещавших СССР по работе или в качестве туристов, которые тоже имели с собой зарубежную наличность. В условиях высокой потребности государства в валюте для покупки за границей оборудования (а вскоре и предметов первой необходимости, и продуктов питания, в частности пшеницы)⁶, было решено предложить советским и иностранным гражданам расплачиваться валютой за недоступные в обычных советских магазинах товары.

Впервые (после закрытия торгсинов в 1936 г.) дефицитные товары стали продаваться советским гражданам на иностранную валюту в 1958 г. На основании секретного постановления Совета Министров СССР в декабре 1958 г. была издана «Инструкция о порядке продажи товаров в СССР за иностранную валюту советским гражданам, работающим за границей»⁷, согласно которой советские работники могли оплачивать в «валюте страны пребывания» покупку на родине легковых автомобилей, мотоциклов, холодильников, телевизоров, стиральных машин, магнитофонов, фотоаппаратов, радиоприемников и пылесосов. За валюту советским гражданам предлагались только товары отечественного производства, но обязательно дефицитные. После добавления к этому списку в 1960 г. мотороллеров, велосипедов, швейных машинок, часов, пианино и мебели, он полностью совпал с тем набором, который советская статистика использовала для замера «обеспеченности населения предметами культурно-бытового и хозяйственного назначения длительного пользования»⁸.

Люди, работавшие за границей, заказывали товары по каталогам советских внешнеторговых объединений (т.е. из числа продукции, предназначенной для экс-

порта), а при возвращении могли получить их в магазинах СССР. В 1958 г. выдача товаров производилась в 19 городах. В Москве товары, купленные за валюту (кроме автомобилей) выдавались в ГУМе. Загранработники могли получить товары сами или поручить это своим родственникам по доверенности. Оплачивались покупки безналично – переводом части валютной зар платы со счета, специально открывавшегося заграничному во Внешторгбанке (ВТБ) СССР, на счет внешнеторгового объединения. Система торговли на инвалюту быстро расширялась. Увеличился ассортимент (в 1960 г. помимо вышеперечисленного граждане получили право покупать за валюту путевки в советские санатории⁹, а затем одежду, обувь, ковры и посуду); к магазинам получили доступ новые группы лиц: временно командированные работники, резмигранты и репатрианты, возвращавшиеся в СССР из-за границы, советские граждане, получавшие валюту из-за рубежа по наследству (т.е. никогда сами не бывавшие за границей)¹⁰. За два года количество магазинов, где товары оплачивались валютой, выросло по Союзу почти в четыре раза. В Москве таких магазинов, которые тогда не имели специального названия, было уже 6, а всего по стране – 73¹¹.

С 1961 г. у советских граждан появилась возможность получать дефицитные товары еще одним путем: иностранцы могли прямо из-за границы оплатить с доставкой на дом для своих родственников в СССР промышленные товары, а также «корейку, грудинку, колбасы» и прочие продукты экспортного качества, упакованные в дефицитные тогда целлофановые и полиэтиленовые пакеты¹². Кроме того, товары теперь направлялись по заказам заграничных работников непосредственно в страну их пребывания. В мае 1961 г. розничная торговля на иностранную валюту в СССР была институционально оформлена: в составе Министерства внешней торговли была создана ответственная за этот вид торговли организация – всесоюзная контора Внешпосылторг¹³. В ведении этой организации были операции по продаже на территории СССР за валюту товаров работникам советских учреждений за границей, репатриантам и людям, получившим валюту по наследству; отправка посылок советским коллективам за границу, а также продажа там иностранцам товаров для подарков их родственникам в СССР. В апреле 1963 г. «в связи со значительным ростом операций по продаже промышленных товаров советским гражданам за иностранную валюту с отпуском в СССР»¹⁴ контора ВПТ была преобразована во всесоюзное объединение. Если в его первоначальном уставе был прописан уставной капитал 10 тыс. руб., а штатное расписание насчитывало 21 сотрудника, то теперь уставной капитал составлял 50 тыс. руб., а работали там уже 66 человек, включая аппараты уполномоченных в Ленинграде и Одессе¹⁵.

Торговля через ВПТ сразу стала очень популярна среди заграничных работников, особенно в странах Азии и Африки. Так, руководитель группы советских специалистов по линии Тяжпромэкспорта в Монголии открыл в 1959 г. счет во Внешторгбанке для накопления там иностранной валюты и за два года работы за границей перечислил с него деньги в оплату за автомашину «Волга» и холодильники «Ока» и «Саратов»¹⁶. Оклад в инвалюте заграничным работникам обычно рассчитывался исходя из так называемого бюджетного набора: специалисты Министерства финансов СССР должны были оценить, сколько стоят необходимые советскому человеку товары в стране пребывания и назначить ему соответствующее жалованье¹⁷. Однако для развивающихся стран с неустойчивыми экономиками оценка часто производилась неверно. В частности, советские работники в Гвинее, Конго и Алжире в начале 1960-х гг. вдруг стали получать очень большую зарплату и сразу же обратили эти деньги во внешпосылторговские товары. Например, врач советского посольства в Гвинее приобрела себе за полгода работы (с ноября 1962 г. по июль 1963 г.) холодильник, телевизор, часы, машину «Волга» и две путевки в дом отдыха «Алушта», а советская переводчица в Алжире – машину «Москвич», 4 шины, радиоприемник, ковер-гобелен, мужское и женское пальто и ботинки на меху¹⁸.

Торговля с иностранцами – появление «Березок»

С 1961 г. иностранцы могли не только оплачивать за границей подарки для своих советских родственников, но и покупать товары за наличную валюту, находясь в СССР. Согласно секретному постановлению Совмина, министерства торговли союзных республик должны были открыть по всей стране специальные магазины, где иностранные граждане могли бы расплачиваться валютой¹⁹. Их предполагалось открывать в аэропортах, на бортах самолетов, в гостиницах и около туристических достопримечательностей. Главной целью при этом по-прежнему оставалось получение как можно большего количества валюты. Название «Березка» (так впоследствии именовали все виды торговли на иностранную валюту в СССР) появилось именно для таких магазинов, находившихся на территории РСФСР. 26 июня 1961г. Министерство торговли РСФСР отчитывалось первому заместителю председателя Совмина СССР А.И. Микояну: «Министерством торговли РСФСР организована в системе Росювелирторга торговля на свободную иностранную валюту. Магазинам и киоскам, производящим продажу товаров за инвалюту, присвоено название “Березка”»²⁰. У иностранцев слово «березка» к тому времени уже прочно ассоциировалось с образом СССР: еще в 1930-е гг. название «Березки» носил поселок для иностранных специалистов в Магнитогорске²¹, а с 1948 г. регулярно выезжал на гастроли за границу танцевальный ансамбль «Березка».

Ассортимент товаров в этих магазинах был рассчитан на туристов, поэтому в основном там продавались сувениры (к ним относились также водка и икра). Однако вскоре в валютные магазины начали поставлять в «экспортном исполнении, оригинальном оформлении и улучшенной упаковке» часы, хрусталь, фарфор, фотоаппараты, киносъёмочные камеры, музыкальные инструменты, авторучки и чемоданы²². Торговля велась только на свободно конвертируемую валюту (СКВ) – к разочарованию множества туристов, прибывавших из стран, чья валюта была неконвертируемой²³. В одном из отчетов говорилось: «Магазины “Березка” посещали финны, индусы, представители стран народной демократии, которые высказывали недовольство тем, что на валюту их стран товар в магазинах “Березка” не продается»²⁴.

В 1963 г. ВТБ СССР организовал проверку состояния торговли с иностранными туристами за валюту в республиках (в РСФСР – магазины «Березка», на Украине – «Каштан», в Латвии – «Дзинтарс»²⁵) и остался очень недоволен²⁶. Инспекторы писали, что в РСФСР, например, «работники не стараются улучшить торговлю именно за инвалюту. Среди работников конторы имеется мнение, что торговля за инвалюту в системе “Росювелирторга” является ей несвойственной и дополнительной нагрузкой к ее основной большой работе»²⁷.

Тем не менее, сеть магазинов по продаже иностранцам товаров за инвалюту увеличилась только на территории РСФСР с 8 магазинов в 1961 г. до 52 в 1966 г. Оборот за тот же период возрос со 158 тыс. руб. до 6.5 млн руб.²⁸ В 1967 г. в составе Главювелирторга РСФСР была организована отдельная контора «Березка», которая теперь отвечала за торговлю с иностранцами, предлагая за валюту типично русские товары. По структуре товарооборота в валютных магазинах в РСФСР в 1970 г. около 40% товаров составляли сувениры, 24 – продовольственные товары, 16 – меховые изделия, 5 – часы, 4 – ювелирные изделия, 3% – фототовары²⁹. Однако на заседаниях специальной комиссии Минторга РСФСР высказывалось мнение о том, что ради извлечения наибольшей валютной прибыли следует продавать и импортные товары: «Можно значительную часть торговли перевалить на импорт – это выгодно! В 1970 г. нам было выделено на покупку товаров 309 тысяч валютных рублей, мы отдали 878 тысяч, то есть взяли 300 кг золота, отдали – 900: покупаем товары по оптовым ценам, а продаем – по розничным»³⁰. В условиях советского дефицита «Березки» могли предложить иностранцам и товары повседневного спроса. Чиновники Минторга РСФСР считали, что для этого тоже понадобится импорт: «Пива нет. Нам надо торговать в жестбанке, но мы не имеем крышек. Я считаю, что надо пойти на то, чтобы этот ассортимент был, на закупку этих крышек с кольцами в Югославии или Чехословакии. Может быть, начать продажу жевательной резинки? Только с этикеткой “Березка”»³¹. При этом предполагалось не

только, что запрое у иностранцев выше, чем у советских граждан, но и что для их удовлетворения можно пренебречь потребностями последних: «Нужно больше внимания уделять вопросам художественных изделий, выпускаются изделия грубые, не удовлетворяющие спрос даже советского покупателя»³², «о чем договорились по линии местной, пищевой промышленности и другим ведомствам – насколько возможно увеличить объем поставок для “Березки”. Может быть, в ущерб внутреннему рынку»³³.

За 10 лет существования конторы «Березка» в рамках Росювेलторга (1967–1977) розничный товарооборот по продаже товаров на валюту вырос более чем в 8 раз, поэтому в 1978 г. решили вывести, наконец, контору из Росювелторга и создать отдельное оптово-розничное объединение по торговле на иностранную валюту – Росинвалютторг Минторга РСФСР.

«Березки» развивались тогда и в довольно необычных для СССР направлениях: например, в 1976 г. иностранным туристам разрешили расплачиваться кредитными карточками³⁴. Помимо «Березок» наличную валюту от иностранцев на территории СССР принимали в ресторанах и барах, в гостиницах, на пассажирских судах заграничного плавания, в поездах международного сообщения, представительствах Ингосстраха, бюро обслуживания Всесоюзного акционерного общества «Интурист», а также в кассах Аэрофлота³⁵.

Магазины для моряков – «Альбатросы»

В 1963 г. по постановлению Совмина СССР право заниматься розничной торговлей за иностранную валюту на территории страны получило и Главное управление торговли на морском транспорте Министерства морского флота СССР (Главторгмортранс). Магазины региональных контор Главторгмортранса, позднее получившие название «Альбатрос», должны были за валюту обслуживать советских моряков, вернувшихся из заграничного плавания, а также моряков иностранных судов³⁶.

Порядок торговли в таких магазинах отличался и от «Березок» для иностранных туристов, и от магазинов ВПТ для советских граждан. В отличие от иностранцев, плативших наличной валютой, и от заграничных работников, поначалу перечислявших деньги безналично, морякам взамен заработанной валюты выдавались специальные чековые книжки ВТБ СССР, номинированные в рублях; эта форма оплаты получила название «отрезные чеки ВТБ серии “А”». Если магазины ВПТ выдавали товары за любые виды валют, а магазины для иностранцев принимали только СКВ, то моряки могли получить чеки ВТБ СССР за все виды валют, кроме валют социалистических стран³⁷. Магазины Главторгмортранса отличало от магазинов Внешпосылторга еще одно важное свойство: как и иностранцам, морякам за валюту продавались не только промышленные, но и продовольственные товары (советские же граждане могли получить их в то время, лишь находясь непосредственно на работе за границей или в посылке от заграничных родственников).

Магазины для моряков открывались только в портовых городах (с 1963 г. – на территории РСФСР в Архангельске, Владивостоке, Мурманске, Ленинграде, а также на Украине (в Одессе), в Латвии и Эстонии)³⁸. Местные конторы Государственного банка СССР сообщали, что вся продукция пользуется спросом у моряков, однако товары в магазины Главторгмортранса приходили не в экспортном исполнении (в отличие от магазинов ВПТ и «Березок»). О тотальном дефиците продуктов питания в обычных, рублевых, магазинах СССР в начале 1960-х гг. свидетельствует следующее замечание инспекторов одесской конторы Госбанка: «Моряки просят пустить в продажу в магазинах Торгмортранса муку, рис, гречневую крупу и масло животное»³⁹.

Появление сертификатов – «Березки» для советских граждан

Торговля с советскими гражданами на иностранную валюту сначала была безналичной – в виде переводов со счетов заграничных работников в ВТБ на счета внешнеторговых объединений, а с 1961 г. – на счет ВПТ. Это делало торговлю очень неповоротливой –

невозможно было выбрать товар на месте, доплатить за ранее заказанный и т.д. Поэтому в 1964 г. ввели специальные платежные документы – сертификаты Внешпосылторга – для валютных расчетов за покупки советских граждан. Госбанк по заказу ВПТ выпускал сертификаты достоинством 1, 3, 5, 10, 20, 50, 100 и 250 руб., а также 1, 2, 5, 10, 25 и 50 коп. Эти банкноты выдавались гражданам вместо причитавшейся им валюты для покупок в магазинах ВПТ по всему СССР. Сертификаты были трех видов: с отличительной полосой синего цвета (в случае обмена валюты социалистических стран), полосой желтого цвета (валюта развивающихся стран), а также вовсе без полосы (валюта капиталистических стран)⁴⁰.

Зарплаты в валюте и наследство из-за границы сначала пересчитывались по курсу Госбанка в рубли («инвалютные») – так назывались рубли, полученные в результате обмена валюты), а затем по специальному курсу выдавались сертификаты (считавшиеся рублевыми). Бесполосные сертификаты – по номиналу: за 400 инвалютных рублей – 400 сертификатов. Сертификаты с желтой полосой выдавались с так называемыми поправочными коэффициентами от 1.1 до 1.9. Например, для советских работников в Мали был коэффициент 1.8, т.е. за 400 инвалютных рублей им выдавалось лишь 222 сертификата⁴¹. Коэффициент для каждой валюты определялся Министерством внешней торговли. Для чеков с синей полосой система была другой. Выдавались они, как и бесполосные, по номиналу (400 сертификатов за 400 инвалютных рублей), однако цены в спецмагазинах на эти сертификаты были в 2–5 раз выше, чем при покупке за более престижные виды сертификатов (т.е. покупательная способность синих чеков оказывалась намного меньше). Оформлялось это, однако, замысловатым образом: формально считалось, что за синие сертификаты клиенты покупают товары по розничным ценам (как в обычных, рублевых, магазинах, но с оплатой в сертификатах), а обладателям желтых и бесполосных полагалась скидка на эти товары от 50 до 85%⁴². К тому же если за бесполосную «валюту» можно было купить все товары, представленные в магазинах, то за желтые – ассортимент был несколько ограничен, а при покупке за синие – и вовсе сокращен до минимума⁴³.

Помимо сертификатов трех типов появился и еще один вид заменителей валюты – чеки ВТБ СССР – как для моряков, только серии «Д». Этими чеками могли расплачиваться в тех же магазинах Внешпосылторга сотрудники иностранных посольств и прочих представительств иностранных организаций на территории СССР – иностранцы, долго жившие в Советском Союзе⁴⁴. Ценились чеки ВТБ серии «Д» так же, как бесполосные сертификаты, их специфика заключалась в том, что владелец мог по желанию обменять их обратно на валюту. Статистика показывает, что заменителями валюты сразу стали активно пользоваться как советские, так и иностранные граждане. Так, в 1966 г. продажа чеков серии «Д» составляла в среднем 750–800 операций в месяц⁴⁵, а советские работники за границей в 1967 г. тратили около 40% своей зарплаты на приобретение сертификатов⁴⁶.

Торговля с советскими гражданами на иностранную валюту продолжала расширяться. В 1965 г. им разрешили покупать на сертификаты продовольственные товары высокого качества (все, кроме хлеба⁴⁷). В Москве Мосгорплодоовощ должен был «обеспечивать бесперебойное и полное удовлетворение потребности магазина на валюту, в свежих овощах и фруктах, завоз скоропортящихся продуктов производить ежедневно до начала работы магазина, а в необходимых случаях и в течение дня»⁴⁸. Вообще все конторы оптовой торговли должны были предоставить сертификатным магазинам право преимущественного отбора товаров, которые поставлялись «в экспортном исполнении, оригинальной упаковке с яркими красочными ярлыками» и «в первоочередном порядке вне фондов»⁴⁹. В отношении ассортимента торговли на заменители валюты в 1965 г. произошли изменения: советские граждане получили возможность покупать через ВПТ импортные товары⁵⁰, а также кооперативные квартиры вне очереди⁵¹. Единственным ограничением стало требование, чтобы квартира находилась в том же городе, где человек прописан. Если работнику на оплату всей квартиры не хватало валюты, он мог сделать в ней только первый взнос, а остальное заплатить рублями.

Почему название «Березка» перешло с магазинов для иностранных туристов на сертификатные магазины для советских граждан? Дело в том, что в ведение образованной в 1967 г. конторы «Березка» Минторга РСФСР, занимавшейся торговлей за наличную валюту (преобразованной затем в Росинвалютторг), перешла также и торговля – но только в Москве – за сертификаты ВПТ и чеки серии «Д». К конторе «Березка» от Мосгорисполкома перешло семь магазинов, торговавших с советскими гражданами и иностранными дипломатами – сначала безналично, а позже на заменители валюты. Организация торговли по-прежнему контролировалась Внешпосылторгом, однако сама торговля осуществлялась в Москве в магазинах розничной сети конторы «Березка». Потом по аналогии с московскими внешпосылторговскими магазинами во многих других городах тоже стали называться «Березками». В 1965 г. торговля на заменители валюты шла в 33 городах; по всему СССР насчитывалось более ста магазинов ВПТ⁵². Теперь это были не просто секции по выдаче заказов, оплаченных безналично, а полноценные магазины по продаже, в основном, импортных товаров с оплатой специальной нововведенной валютой (сертификатами и чеками). В том же году выпустили и новый устав Внешпосылторга, отразивший рост организации за два года. Уставной капитал объединения вырос с 50 тыс. руб. до одного миллиона⁵³.

Что в основном покупали советские граждане во внешпосылторговских магазинах, можно узнать на примере московских «Березок». В 1970 г. структура товарооборота этих магазинов выглядела следующим образом: 50% средств они получали от продажи автомобилей, 11 – швейных изделий, 9 – трикотажных, 6 – галантереи, 3,2 – радиотоваров, 5,3% – продовольственных товаров⁵⁴. При этом 75% всех товарных ресурсов магазинов ВПТ в Москве составлял импорт⁵⁵. Если сравнивать сертификатные «Березки» с валютными (для иностранцев), то в 1970 г. товарооборот «по операциям Внешпосылторга» занимал 87% в общем товарообороте конторы «Березка» – т.е. объем торговли только московских магазинов, торговавших с советскими гражданами по сертификатам, был почти в 9 раз больше объема торговли магазинов для иностранцев во всей РСФСР.

Увеличивалось и количество людей, имевших доступ к дефицитным товарам за заменители валюты: помимо иностранных граждан, заграничников, людей, получавших из-за границы наследство, обрели право пользоваться магазинами и люди, получавшие из-за границы денежные переводы – гонорары или просто подарки от друзей и родственников. В годы «оттепели» наличие родственников за рубежом уже не считалось криминалом, а получение гонорара в иностранной валюте не рассматривалось как «низкопоклонство». Советские граждане теперь не так сильно боялись контактов с заграницией, поэтому восстанавливали отношения с потерянными за железным занавесом близкими, а некоторые писатели даже решались печатать свои произведения на Западе. Государство, оформляя переводы, приходившие частным гражданам из-за границы, стремилось как можно большую часть поступивших средств забрать себе. Власти руководствовались рациональным расчетом: совсем не выдавать переводы или выдавать их только в рублях было неразумно, ведь чем увереннее граждане будут в выгоде получения переводов, тем больше переводов придет, а значит, тем больше валюты получит государство. Однако, выдавая сертификаты вместо поступившей валюты, финансовые органы шли на невероятные ухищрения. Так, если на имя гражданина приходил перевод в размере, например, 120 долларов, получателя извещали письмом о том, что данная сумма была пересчитана по официальному курсу в рубли (около 70 коп. за один доллар), из нее была вычтена комиссия, в результате чего сумма сокращалась до 81 руб. Затем гражданину сообщали, что на эти деньги он может получить бесполозные сертификаты, продажа товаров на которые осуществляется по ценам специального прейскуранта ВПТ. Но чтобы приобрести эти товары, получатель должен был отправиться в специализированные магазины ВПТ, цены в которых, как говорилось в письме, на 35% ниже цен, указанных в прейскуранте, а значит и сертификатов гражданину выдадут на 35% меньше, т.е., в конечном итоге, на сумму 52 руб. 64 коп. С помощью таких хитростей государство не только забирало себе весь валютный пере-

вод, но и сертификатов для покупки дефицитных товаров старалось выдать как можно меньше⁵⁶.

Если человек получал в валюте гонорар, а не просто денежный подарок, «коэффициент пересчета» был меньше. Диссидент Андрей Амальрик вспоминал о том, как пытался в 1968 г. получить гонорар за опубликованное им на Западе эссе «Просуществоет ли СССР до 1984 года». Однако поскольку документы, на основании которых он доказывал, что деньги им заработаны, а не получены в дар, были иностранными, и никакая советская организация не могла подтвердить передачу рукописи за границу, ему пришлось получать деньги за публикацию в виде подарка⁵⁷. Но все же «подарок» он обменял на сертификаты с правом покупки дефицитных товаров. Так торговля на инвалюту рождала парадоксы.

Несмотря на расцвет торговли за сертификаты, статус валютных заменителей не был юридически определен. 16 августа 1968 г. вышло постановление Совмина СССР «О повышении материальной ответственности работников, виновных в хищении, недостаче и сверхнормативных потерях драгоценных металлов, драгоценных камней и других валютных ценностей», где указывалось, что сертификаты являются ценными бумагами в рублях, приобретаемыми за иностранную валюту для покупок в специализированных магазинах определенным кругом лиц, и что в случае их недостачи или хищения работники несут материальную ответственность в 5–10-кратном размере (как и в случае недостачи наличной валюты)⁵⁸. В остальном сертификаты оставались явлением юридически неясным. Суды разных городов и республик многократно обращались в валютное управление Минфина СССР с просьбой прояснить ситуацию. Верховный суд РСФСР спрашивал, какова стоимость одного сертификата ВПТ в рублях; это нужно было знать, например, для раздела имущества супругов при разводе. Валютное управление отвечало, что «денежный эквивалент в рублях для сертификатов ВПТ не устанавливается»⁵⁹, уточняя, что существует как минимум три совершенно различных оценки сертификатов: с одной стороны, они могут быть официально обменены на рубли, по курсу один сертификат – один рубль, с другой – при покупке на сертификаты без полосы и с желтой полосой среднее соотношение цен на аналогичные товары в специализированных и магазинах обычной розничной сети СССР составляет 1:4,7, и, наконец, следовало учесть, напоминая Минфин, что за недостачу или хищение сертификатов работники торговли несли материальную ответственность в 5–10-кратном размере⁶⁰. Когда же суды просили сообщить, какими нормативными актами регламентируется обращение сертификатов ВПТ – например, по какой статье судить людей, продающих свои сертификаты за рубли другим гражданам, валютное управление, не ссылаясь на какие-либо законы, ограничивалось только замечанием, что «нельзя признать правомерным сделки между гражданами по покупке или продаже указанных ценных бумаг»⁶¹.

Регламентация торговли на иностранную валюту в СССР

Сначала советские граждане, обладавшие наличной валютой, могли отовариться на нее в магазинах для иностранных туристов, так как валютную торговлю еще не регламентировали и не было прописано, кто имеет право посещать валютные «Березки»⁶². После ввода сертификатов и чеков советским гражданам иногда обменивали валюту по ошибке на чеки серии «Д» для иностранных дипломатов, а последним, наоборот, выдавались сертификаты для советских граждан⁶³. Наконец, в мае 1969 г., согласно секретному постановлению Совмина СССР, было решено, что советским гражданам на территории СССР промышленные и продовольственные товары должны продаваться только за сертификаты ВПТ, а не за наличную валюту или чеки серии «Д» (поскольку последние, в отличие от сертификатов, могли быть вновь обменены на валюту)⁶⁴. Чеки серии «Д» должны были продаваться только дипломатам, представителям международных организаций, иностранных фирм и иностранных СМИ строго по списку, который утверждался МИД и Министерством внешней торговли⁶⁵. Советский гражданин, имевший по тем или иным причинам наличную валюту и желавший приобрести на

нее дефицитные товары, должен был сдавать ее в ВТБ СССР для последующего получения сертификатов. Принимать от граждан валюту можно было только на основании следующих документов: таможенные – о ввозе валюты из-за границы, письмо организации, посылавшей человека за границу, справка Госбанка о том, что валюту обменяли для визита за границу к родственникам, а в случае дарения – нотариально заверенная бумага⁶⁶. Объяснения, что человек якобы «нашел доллары на улице», не имели смысла: отыскавшему клад полагалось 25% его стоимости в рублях, а нашедшему «потерянную иностранную валюту» – ничего. Если человек не сдавал ее в соответствующие органы (милицию, исполком, учреждение Госбанка или ВТБ), то он нес ответственность как «недобросовестный владелец»⁶⁷. Позже и денежные переводы из-за границы стали строже контролироваться: наравне с получением наследства и алиментов из-за рубежа, когда переводы поступали на счет специальной организации – Инюрколлегии, гонорары за переводы и прочие издания произведений советских авторов за границей, а также выплаты их наследникам должны были идти через образованное в 1973 г. Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП)⁶⁸.

С 1 января 1976 г. право на посещение магазинов ВПТ имели только те, кто получал валюту из-за границы «по делу» – через Инюрколлегию или ВААП. Те же, кому ее присылали в качестве подарков, могли теперь получить переводы только в рублях и при обязательной уплате пошлины в размере 30%. Это была своего рода замаскированная дискриминация по политическому принципу, направленная против «неблагонадежных» (диссидентов, «сионистов», авторов «тамиздатских» публикаций). Сначала появилось секретное постановление Совмина СССР о том, что денежные подарки не должны обмениваться на сертификаты Внешпосылторга⁶⁹, затем – постановление, уже не секретное, согласно которому все переводы из-за границы облагались пошлиной в 30%, однако некоторые категории граждан (получавшие суммы через Инюрколлегию и ВААП, а также переводы от советских заграничных работников семьям и из стран СЭВ) освобождались от ее уплаты⁷⁰. Сертификаты ВПТ нельзя было получить и за иностранную валюту, которая выдавалась советскими гражданами в обмен на рубли при выезде за границу по личным делам (в турпоездки или по приглашениям родственников). Если не все деньги были истрачены за границей, по приезде их следовало обменять обратно на рубли⁷¹.

В 1975 г. прекратилось существование трех видов сертификатов. По мнению бывшего сотрудника Внешпосылторга, за этим стояло возмущение некоторых заграничных работников: «Выявилось явное несоответствие, которое заключалось в том, что, условно посол в Монголии, заслуженный человек, проработавший долгое время в системе, получал сертификаты с синей полосой, в то время как уборщица в нашем посольстве в любой капиталистической стране получала бесполосные сертификаты и могла купить что-то, чего не мог купить посол»⁷². Еще одной причиной стали всевозможные незаконные обмены одного вида сертификатов на другой: торговые работники докладывали, что наличие двух уровней цен – розничных для покупателей с «синеполосными» сертификатами и цен со скидками – для обладателей сертификатов с желтой полосой и без полосы «серьезно осложняло работу» и «служило причиной для различного рода злоупотреблений»⁷³. Вообще система, сочетавшая коэффициенты при выдаче сертификатов, скидки при продаже товаров, а также ограничения ассортимента, была слишком сложной.

Согласно постановлению Совмина СССР, с 1 января 1977 г. продажа товаров советским гражданам по операциям Внешпосылторга должна была производиться «по розничным ценам СССР в советской валюте с оплатой чеками единого образца»⁷⁴. Теперь и цены, и банкноты, и доступность ассортимента стали одинаковыми для всех допущенных в спецмагазины, кроме того, номинально цены оказались такими же, как в обычных магазинах (при сохранении отличий в ассортименте товаров и способе оплаты). Однако равенство чека Внешпосылторга обычному рублю лишь провозглашалось. Сумма в валюте переводилась, как и раньше, в рубли по официальному курсу. Но, что-

бы компенсировать его невыгодность, при выдаче чеков каждый рубль умножался на единый для всех коэффициент 4.6. Так, если зарплата работника составляла 500 долларов США, что при курсе 70 коп. за доллар давало 350 руб., то на руки человек получал 1610 чеков.

Еще одним нововведением 1977 г. стал запрет на продажу советским гражданам за чеки ВПТ продуктов питания. Теперь продовольственные товары продавались через систему ВПТ только иностранцам, работавшим в СССР, а также посылались заграничным работникам в страну их пребывания (по-прежнему можно было и получать продуктовую посылку в подарок от иностранцев). Объяснений этому ограничению найти не удалось, но можно предположить, что по мере нарастания продовольственного дефицита продажа продуктов за валютные чеки в «стране социализма» в глазах советских граждан выглядела бы вопиющей несправедливостью.

После 1975 г. система торговли на иностранную валюту распространялась на заграничных работников, сотрудников, временно командированных за границу, людей, получавших официальные гонорары за литературную, артистическую и спортивную деятельность, а также наследство, пенсию и алименты из-за границы. Однако если формально система постоянно упорядочивалась, а круг допущенных туда граждан сужался, то на практике – чем дальше, тем все большее число людей имели к ней доступ. Во-первых, росло количество тех, кто выезжал по работе за границу (пусть даже всего на несколько дней) или чьи произведения (художественные или научные) переводились на иностранные языки и там печатались. Во-вторых, система торговли на иностранную валюту, как и общая торговая сеть, постепенно разъедалась «второй» (или «теневой») экономикой⁷⁵. Сертификатами, а затем едиными чеками, все больше торговали за рубли на черном рынке: с 1976 г. за такую деятельность, считавшуюся мелкой спекуляцией, а не валютным преступлением, наказание было не строгим⁷⁶. Внешпосылторговские «Березки» – магазины для избранных – постепенно становились еще одним каналом добытия качественных товаров в условиях дефицита.

О постоянном росте объема торговли на заменители валюты свидетельствует то, что в 1979 г. в объединении Внешпосылторг были созданы отдельные «фирмы» – «Продтовары», «Промтовары» и «Техника», которые занимались заказом соответственно продовольственных, промышленных и технических товаров, как советских экспортных, так и импортных. Фирма «Услуги» продавала на чеки кооперативные квартиры, гаражи и путевки в санатории и дома отдыха, а фирма «Чековые операции» обменивала валюту на чеки. Уставной фонд объединения составлял уже 5 млн руб.⁷⁷

Ассортимент магазинов ВПТ в то время был следующим: одежда, меха, ткани, обувь, галантерея, парфюмерия, ковры, часы, ювелирные изделия, посуда, радиотовары, фотокинотовары, электробытовые товары, автомобили, мотоциклы, автопринадлежности и ружья (страны-производители, помимо СССР – Австрия, Англия, Бельгия, Голландия, Дания, Италия, Испания, Португалия, США, Франция, Финляндия, ФРГ, Швейцария и Япония), также ВПТ продолжал продавать кооперативные квартиры, гаражи и путевки в санатории⁷⁸. Всего в СССР таких магазинов в 1980 г. было 72, из них 28 торговали автомобилями⁷⁹.

Товарооборот всего Росинвалютторга (московские магазины для советских граждан и иностранных дипломатов, а также магазины для иностранцев за наличную валюту по всей РСФСР) все время рос и в 1978 г. составил 322 млн руб. (прибыль – 7 млн), 1979 г. – 343 млн (прибыль 10 млн), 1984 г. – 407 млн (прибыль 17 млн). Из этих сумм только около 20% приходилось на торговлю за наличную валюту с иностранцами, а 80% – на московские магазины за чеки ВПТ или ВТБ серии «Д»⁸⁰. Объем торговли по операциям Внешпосылторга в масштабе СССР оценить довольно сложно – документы остаются пока недоступными⁸¹. Бывший глава ВПТ вспоминал, что в 1984 г. прибыль магазинов составляла 120–130 млн инвалютных руб.⁸² Другой бывший сотрудник ВПТ утверждал, что к моменту закрытия «Березок» в 1988 г., обладателями чеков были около 2 млн человек с накоплениями на общую сумму около 780 млн инвалютных руб.⁸³

Конец системы торговли на иностранную валюту и ее заменители в СССР

Во второй половине 1980-х гг. валютная политика в СССР начала резко меняться. Сначала заграничным работникам разрешили при возвращении из-за границы не обменивать наличную валюту на чеки ВПТ, а тратить ее в валютных магазинах для иностранцев, как это было до 1969 г.⁸⁴ В 1987 г. советским организациям позволили образовывать с иностранными фирмами совместные предприятия⁸⁵. С декабря 1988 г. предприятия, производившие товары на экспорт, получили право забирать себе часть валютной выручки, что стало первым шагом на пути к отмене государственной валютной монополии⁸⁶. В принятом в 1988 г. постановлении Совмина СССР говорилось, что «в целях устранения негативных явлений, связанных с продажей товаров в специализированных магазинах министерств торговли союзных республик на чеки в/о Внешпосылторг, а также упорядочения обмена иностранной валюты, получаемой советскими гражданами, работающими за границей» с 1 июля этого года как чеки ВПТ, так и соответствующие магазины прекращают свое существование⁸⁷. Деньги, оставшиеся на валютных счетах, можно было потратить на дефицитные товары только безналично (как в начале 1960-х гг.). Чеки для моряков отменили лишь в 1991 г.⁸⁸ Наличная же валюта становилась все менее «опасной» и все более распространенной. В августе 1989 г. в трех московских гостиницах открылись первые валютные казино. Официально им разрешалось обслуживать только иностранных граждан, но основной доход приносили отечественные игроки⁸⁹. Следствием выхода валюты из тени было и то, что с 1 ноября 1989 г. рубль по отношению к доллару официально обесценили почти в 10 раз: вместо символических 70 коп.⁹⁰ стал стоить 6 руб. 26 коп.⁹¹

В июле 1990 г. вышло постановление Совмина, согласно которому торговать на наличную иностранную валюту получили право все советские организации, независимо от форм собственности⁹², с сентября открыты валютный счет в ВТБ (переименованном во Внешэкономбанк) было разрешено любому советскому гражданину, а указывать источники получения валюты больше не требовалось. Тогда же из валютных магазинов удалили представителей ОБХСС и КГБ, которые ранее вели наблюдение за ходом валютной торговли⁹³. Однако окончательно рынок наличной валюты легализовал подписанный 15 ноября 1991 г. указ Президента РСФСР, согласно которому граждане получили возможность на законных основаниях осуществлять операции с наличной иностранной валютой, заниматься экспортом и импортом⁹⁴. Государственная валютная монополия, официально существовавшая с 1937 г., была отменена. Впрочем, через некоторое время, с укреплением рубля и развитием рыночной экономики, исчез и дефицит, и в торговле за наличную валюту, а тем более за ее заменители, отпала всякая необходимость.

Примечания

¹ См.: *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации. Торгсин. М., 2009.

² *Парамонов О.* Березкины деньги // *Родина*. 1999. № 4. С. 74–75; *Истомин М.* Заменители валюты в СССР. Харьков, 2005.

³ *Zatlin J.R.* «Consuming Ideology: Socialist Consumerism and the Intershops, 1970–1989» // *Arbeiter in der SBZ–DDR*. Essen, 1999. P. 555–572; *Boeske K.* Abwesend anwesend. Eine kleine Geschichte des Intershops // *Wunderwirtschaft. DDR–Konsumkultur in den 60er Jahren*. Koeln, 1996. S. 214–222. О польской системе валютной торговли «Певекс» см.: *Burrell K.* The enchantment of western things: children's material encounters in late socialist Poland // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 36. Issue 1. January 2011. P. 143–156. Обзор валютных магазинов в социалистических странах (Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польше и Румынии) был также проведен «Радио Свободная Европа / Радио Свобода» в 1977 г. *Kerr J.L.* Hard-Currency Shops in Eastern Europe. October 1977 // Архив «Открытое общество» при Центральноевропейском университете в Будапеште. URL: <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/text/116-2-87.shtml> (дата обращения: 27.02.2012).

⁴ При этом торговля с советскими гражданами рассматривается более подробно, чем с иностранцами, в региональном отношении акцент сделан на магазины, находившиеся на территории РСФСР, прежде всего в Москве, а в институциональном – на деятельность «Внешпосылторга». Описание роли этих магазинов в повседневной жизни граждан, криминальной деятельности вокруг них, а также восприятия их населением не входит в задачи данной публикации. На эту тему см.: *Иванова А.* Моральная оценка привилегий и экономических преступлений в советском обществе: дискуссия о магазинах «Березка» в конце 1980-х гг. // «Die Konstruktion des Sowjetischen». Materialien zur Internationalen Konferenz in Petersburg, 14–15 April. 2011 (Bulletin. ДНМ; 6.). М., 2012. С. 168–183.

⁵ *Латышев И.К.* Япония, японцы, японоведы. М., 2001. С. 99–100.

⁶ *Пыжиков А.В.* Хрущевская оттепель 1953–1964. М., 2002. С. 161.

⁷ РГАЭ, ф. 7733, оп. 49, д. 806, л. 106–112.

⁸ См., например: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. М., 1987. С. 472.

⁹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 106, д. 1182, л. 156–157.

¹⁰ РГАЭ, ф. 7733, оп. 49, д. 806, л. 5а.

¹¹ Там же, л. 11–13.

¹² Там же, ф. 195, оп. 1, д. 73, л. 11–22.

¹³ Там же, ф. 413, оп. 13, д. 8893, л. 223–230.

¹⁴ Там же, д. 9643, л. 12.

¹⁵ Там же, ф. 413, оп. 13, д. 9644, л. 91–94.

¹⁶ Там же, ф. 7590, оп. 17, д. 154, л. 228–231.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Иванова А.* «Солнце село ниже ели...»: потребительские пристрастия советских работников за границей (1960–1970-е гг.) // Родина. 2011. № 3. С. 116–117.

¹⁸ РГАЭ, ф. 7733, оп. 55, д. 44, л. 20, 27.

¹⁹ Там же, ф. 7590, оп. 17, д. 155, л. 79.

²⁰ ГА РФ, ф. А-410, оп. 1, д. 1570, л. 255.

²¹ *Скотт Д.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., 1991. С. 105.

²² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 9683, оп. 1, д. 712, л. 49.

²³ Конвертируемых валют на тот момент было 12: бельгийские франки, датские кроны, голландские гульдены, итальянские лиры, канадские доллары, марки ФРГ, английские фунты стерлингов, французские франки, швейцарские франки, доллары США, шведские кроны, норвежские кроны.

²⁴ ГА РФ, ф. А-410, оп. 1, д. 1570, л. 255.

²⁵ Позднее и в других республиках были открыты подобные сети. Они часто получали названия по характерным деревьям: «Чинара» в Азербайджане, «Ивушка» в Белоруссии. В дальнейшем в тексте все магазины, торговавшие в СССР на валюту, именуется «Березками».

²⁶ РГАЭ, ф. 7590, оп. 17, д. 155, л. 78–88.

²⁷ Там же, л. 83.

²⁸ ГА РФ, ф. А-410, оп. 1, д. 1989, л. 194.

²⁹ Там же, ф. 259, оп. 46, д. 1924, л. 70.

³⁰ Там же, л. 19.

³¹ Там же, д. 1928, л. 24.

³² Там же, л. 17.

³³ Там же, л. 25.

³⁴ РГАЭ, ф. 465, оп. 1, д. 1951, л. 112–118.

³⁵ Инструкция Госбанка СССР № 64 «О порядке совершения банковских операций с иностранной валютой». 27 апреля 1979 г. // База калужского регионального правозащитного центра. URL: <http://ruspravo.org/list/33729/1.html> (дата обращения: 27.02.2012).

³⁶ РГАЭ, ф. 2324, оп. 27, д. 3308, л. 17–26.

³⁷ Там же, л. 20. Помимо СКВ и валют социалистических стран, существовал еще такой вид валюты, как «замкнутая»: австралийские фунты и финляндские марки.

³⁸ РГАЭ, ф. 2324, оп. 27, д. 3308, л. 42–43.

³⁹ Там же, л. 43.

⁴⁰ Там же, ф. 195, оп. 1, д. 73, л. 72–89.

⁴¹ Там же, ф. 7733, оп. 58, д. 500, л. 218.

⁴² См.: Сборник № 1 действующих скидок с розничных цен СССР на промышленные товары, подлежащие продаже по операциям в/о «Внешпосылторг» за сертификаты без отличительной

полосы и с отличительной желтой полосой, а также за свободно конвертируемую валюту и чеки серии «Д». М., 1968.

⁴³ «На бесполовые ты могла купить все что ты хочешь, абсолютно. Вот, например, шубку каракулевою – можно было купить только на бесполовые, а на полосатые мне ее не продавали, – вспоминала жена заграничника. – Были еще с синей полосой – для тех, кто работал в Монголии и во всяких таких вот странах – им уже вообще очень мало чего разрешилось покупать. Мы получали желтые, но доставали бесполовые – через знакомых. Некоторые вещи можно было покупать на все виды сертификатов и тогда мы говорили: “Слушай, тебе какая разница (мы же все среди этих корреспондентов крутились) – купить эту вещь на полосатые или на бесполовые? Ты мне дай бесполовые, а я тебе дам полосатые”. И я таким образом как раз купила шубку себе» (интервью с В.В.Д., вдовой корреспондента советского телевидения, работавшего в Египте в 1973–1978 гг., взятое автором 20 марта 2009 г. Личный архив автора).

⁴⁴ РГАЭ ф. 7590, оп. 17, д. 187, л. 153–154.

⁴⁵ Там же, д. 205, л. 359.

⁴⁶ Там же, ф. 7733, оп. 58, д. 86, л. 97.

⁴⁷ Центральный архив города Москвы (далее – ЦАГМ), ф. 2057, оп. 1, д. 218, л. 1.

⁴⁸ Там же, ф. 346, оп. 1, д. 2218, л. 29–30.

⁴⁹ ГА РФ, ф. А-410, оп. 1, д. 2072, л. 66, 70–71.

⁵⁰ ЦАГМ, ф. 474, оп. 1, д. 258, л. 3.

⁵¹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 106, д. 1437, л. 270–272.

⁵² РГАЭ, ф. 7733, оп. 56, д. 2, л. 303–305.

⁵³ Там же, ф. 413, оп. 31, д. 522, л. 224–228.

⁵⁴ ГА РФ, ф. 259, оп. 46, д. 1924, л. 72.

⁵⁵ Там же, л. 75.

⁵⁶ Письмо академику А.П. Ершову из в/о Внешсбыторг. 7 февраля 1973 г. // Архив академика А.П. Ершова. URL: <http://ershov.iis.nsk.su/archive/eaindex.asp?orgid=1207&did=2292> (дата обращения: 27.02.2012).

⁵⁷ *Амальрик А.А.* Записки диссидента. Анн Арбор, 1982. С. 106–110.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 822, л. 108.

⁵⁹ РГАЭ, ф. 7733, оп. 58, д. 2846, л. 42.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, л. 70–71.

⁶² В СССР с 1937 г. действовала валютная монополия: иметь дело с иностранной валютой могло только государство (Постановление ЦИК и СНК №83/49 «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. 29 января. № 8. С. 49–50). Незаконные операции с иностранной валютой до конца советской власти были уголовным преступлением, каравшимся вплоть до смертной казни. В 1961 г., когда появились «Березки», по «валютной» статье были расстреляны трое советских граждан (знаменитое дело Рокотова-Файбышенко-Яковлева).

⁶³ РГАЭ, ф. 7590, оп. 17, д. 188, л. 237.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 5446, оп. 106, д. 1586, л. 136–138.

⁶⁵ РГАЭ, ф. 7590, оп. 17, д. 344, л. 56–57.

⁶⁶ Там же, ф. 7733, оп. 58, д. 2846, л. 107–108.

⁶⁷ Там же, л. 108.

⁶⁸ ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 869, л. 42.

⁶⁹ Там же, оп. 106, д. 1817, л. 304–305.

⁷⁰ РГАЭ, ф. 413, оп. 31, д. 7399, л. 19.

⁷¹ Инструкция ВТБ СССР № 8 «О счетах и вкладах в иностранной валюте и в рублях». 10 декабря 1976 г. // Справочная правовая система «Консультант Плюс», URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 27.02.2012).

⁷² Интервью с А.А.У., работавшим в в/о ВПТ в 1981–1995 гг., взятое автором 10 марта 2010 г. Личный архив автора.

⁷³ ГА РФ, ф. 259, оп. 46, д. 1924, л. 75.

⁷⁴ Там же, ф. 5446, оп. 106, д. 1823, л. 219.

⁷⁵ Термин введен Г. Гроссманом: *Grossman G.* The «second economy» of the USSR // *Problems of communism.* 1977. Sept.-Oct. P. 25–40.

⁷⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. 8 декабря. № 49. Ст. 714.

⁷⁷ РГАЭ, ф. 413, оп. 31, д. 1, л. 3.

⁷⁸ Каталог в/о «Внешсбыторг». Весна-лето 1982. М., 1982. С. 2–3.

⁷⁹ См.: В/о «Внешпосылторг» информирует. М., 1981.

⁸⁰ ГА РФ, ф. А-410, оп. 1, д. 3288, л. 211; д. 3416, л. 177; д. 4022, л. 159.

⁸¹ Отдельного фонда Внешпосылторга, где хранились бы статистические данные о торговле на заменители валюты по всему СССР, не существует. Отрывочные и очень скудные документы в/о ВПТ присутствуют в фонде Министерства внешней торговли (РГАЭ, ф. 413), торговля по операциям ВПТ также активно обсуждалась на заседаниях Комиссии при Президиуме Совета министров СССР по внешнеэкономическим вопросам, однако ее материалы до сих пор остаются секретными.

⁸² «Умеем ли мы торговать?» Интервью с А.В. Казанцевым // Азия и Африка сегодня. 1990. № 7. С. 44.

⁸³ Интервью с А.А.У., работавшим в в/о ВПТ в 1981–1995 гг., взятое автором 10 марта 2010 г. Личный архив автора.

⁸⁴ Интервью с М.И., работавшим в 1986–1988 гг. в Анголе переводчиком по линии Министерства энергетики СССР, взятое автором 24 июня 2010 г. Личный архив автора.

⁸⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 2. Ст. 35.

⁸⁶ Собрание постановлений правительства СССР. 1989. № 2. Ст. 7.

⁸⁷ ГА РФ, ф. 5446, оп. 106, д. 2305, л. 161–165.

⁸⁸ Красная звезда. 1991. 5 декабря. С. 4.

⁸⁹ Настоящая Игра (приложение к газете «Коммерсант»). 2008. 26 марта. № 10.

⁹⁰ См., например: Бюллетень курсов иностранных валют Госбанка СССР на май 1986 г. // Известия. 1986. 5 мая. № 124. С. 6.

⁹¹ Правда, 28 октября 1989, № 301. С. 3.

⁹² Собрание постановлений правительства СССР. 1990. № 17. Ст. 92.

⁹³ Weekly (Коммерсант Власть). 1990. 3 сентября. № 35.

⁹⁴ Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1612.

Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Факсимильное издание; Исследования, тексты, научно-справочный аппарат. Тобольск, 2011. 692 с.

Исследователям истории Сибири нет нужды представлять имя С.У. Ремезова. Тобольский сын боярский, живший во второй половине XVII – начале XVIII в., он известен прежде всего как картограф Сибири, трудами которого на географическую карту были положены результаты походов русских землепроходцев, всего за столетие прошедших от Урала до Тихого океана. Картографическое наследие Ремезова состоит из трех рукописных атласов Сибири, известных как «Чертежная», «Служебная» и «Хорографическая» книги Сибири, а также ряда чертежей. Несмотря на то, что карты Ремезова достаточно часто помещаются в качестве иллюстраций в книгах по истории Сибири, целиком его картографические труды вплоть до последнего времени изданы не были. Только в начале XXI в., во многом благодаря деятельности общественного фонда «Возрождение Тобольска», эта задача была решена. Свет увидели факсимильные издания «Чертежной» и «Служебной» книг Сибири, оригиналы которых хранятся в Российской государственной и Российской национальной библиотеках¹.

Ныне очередь дошла до издания «Хорографической книги», которая является наиболее ранним (была составлена в 1697 г.) и наиболее полным из составленных Ремезовым атласов. Современному читателю необходимо объяснить название книги, поскольку термин «хорография» (от греческих: *choros* – место, *grapho* – пишу) вышел из употребления. В эпоху Ремезова оно использовалось для описания отдельной страны или местности (но не всего земного шара) и довольно близко к понятию «страноведение». В отличие от привычных нам географических карт атлас Ремезова построен на принципах русской картографии XVII в. Для людей этого времени главным в карте было не изображение всей территории края, а показ водных путей – именно реки и волоки между ними служили основными путями проникновения русских землепроходцев в Сибирь. В соответствии с этой задачей ряд местностей вдоль речных

дорог отображен с большой тщательностью, тогда как другие участки картографируемого района бедны содержанием и даются крайне условно. Чисто утилитарную функцию имеют пометы на оборотах листов с картами, где даются подробные объяснения пути и расстояния между отдельными объектами. По сути, «Хорографическая книга» является именно собранием чертежей отдельных местностей вдоль некоторых рек (начиная с их низовьев и далее – к истокам). Несмотря на отсутствие математической основы, карты Ремезова очень точны. Показателен тот факт, что составители карты реки Таз на севере Западной Сибири в 1920-х гг. с удивлением отмечали, что чертежи XVII в. были гораздо ближе к действительности, нежели те, что были выпущены на два века позже.

Судьба оригинала книги Ремезова достаточно драматична и заслуживает отдельного рассказа. Как следует из посвящения на одном из листов рукописного атласа, он предназначался для поднесения Петру I. Однако, по неизвестным для нас причинам, он так и не был вручен царю. Судя по всему, окончательное оформление атласа было отложено (об этом говорит отсутствие комментариев на оборотах карт после листа 14), и он остался в семье Ремезовых в Тобольске. Тем не менее работа над ним продолжалась и позднее – свидетельством этого являются вклейки к картам (как самого Ремезова, так и его сыновей), которые дают дополнительную информацию.

Даже через полвека после составления атласа о его существовании было широко известно, и в середине XVIII в. с него было снято несколько копий, в том числе и для академика Г.Ф. Миллера.

Затем следы атласа теряются, а в начале XX в. он оказывается в составе библиотеки графа И.И. Воронцова-Дашкова (1837–1916) в усадьбе Новотомниково Шацкого уезда Тамбовской губ. Незадолго до его кончины «Хорографическая книга» попала в поле зрения историка русской картографии Л.С. Багрова (1881–1957), который упомянул о ней во

вводном очерке к «Атласу Азиатской России», изданному Переселенческим управлением в 1914 г.²

В первые послереволюционные годы книга вновь пропадает из поля зрения историков. По словам Багрова, «Хорографическая книга» попала в руки Археографической комиссии, у которой она была одолжена Переселенческим управлением для издания Атласа Азиатской России. Однако ее поиски, предпринятые во второй половине 1920-х гг. Постоянной историко-археографической комиссией АН СССР, результатов не дали. Не обнаружили ее и в усадьбе Новотомниково, которая была разгромлена местными крестьянами в 1918 г. В конце 1930-х гг. атлас Ремезова оказался в составе коллекции старинных карт Багрова. По словам коллекционера, он был обязан обнаружением и покупкой атласа Сибири Хьюго Стиннесу, который приобрел его у московского букиниста в 1923 г. Объяснение это выглядит явной натяжкой, если знать, что сам Багров еще в 1918 г. эмигрировал в Германию. Как бы то ни было, в Германии он опубликовал ряд работ по истории русской картографии и издал несколько карт, входивших в состав «Хорографической книги». В мае 1945 г. Багров бежал из Германии в Швецию, где уже после его кончины «Хорографическая книга» была издана в 1958 г. в черно-белом варианте довольно невысокого качества, с отдельными пропусками³. Что касается оригинала атласа, то он был приобретен у Багрова Гуфтоновской библиотекой Гарвардского университета, где находится и в настоящее время. Наконец, уже в XXI в. после довольно долгих переговоров Гарвардский университет согласился предоставить ее для факсимильного издания, которое и было осуществлено фондом «Возрождение Тобольска».

Издание состоит из двух отдельных частей – собственно факсимильного воспроизведения «Хорографической чертежной книги» и научно-справочного аппарата, который включает предисловие председателя президиума общественного фонда «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимова, издавшего книгу, а также вступительную статью В.Э. Булатова. Для удобства читателя к каждой карте атласа приложен список указанных на ней топонимов.

При этом издатели воспользовались тем обстоятельством, что большая часть карт уже вскоре после создания была разграфлена в целях копирования. Подобная методика, когда поверх оригинала наносится карандашная сетка, и по отдельным квадратам информация переносится с оригинала на копию, была весьма характерна для русских картографов XVIII в. Поэтому на карте легко отыскиваются нанесенные на ней топонимы, список которых дается в отдельном указателе.

В качестве приложения к изданию печатается текст докторской диссертации Л.А. Гольденберга (1920–1989) «С.У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII в.», которую он защитил в 1967 г. Ее основой явились значительно переработанная и дополненная автором книга о Ремезове, вышедшая двумя годами ранее⁴, и ряд статей. Несмотря на то, что после защиты диссертации прошло почти полвека, она до сих пор не утратила своего научного значения.

Завершение публикации всего комплекса атласов Ремезова полностью вводит в научный оборот его картографическое наследие, благодаря чему до нас в неискаженном виде дошел портрет того времени – графическое изображение подвига русских людей в эпоху Великих географических открытий, расширивших границы страны далеко на восток.

К.А. Аверьянов,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боряским Семеновым Ремезовым в 1701 году. В 2 т. М., 2004; *он же*. Служебная чертежная книга. Тобольск, 2006.

² Атлас Азиатской России. Издание переселенческого управления Главного управления земледелия и устройства. СПб., 1914. С. 1–4.

³ The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Gravenhage, 1958.

⁴ Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов: сибирский картограф и географ (1692 – после 1720). М., 1965.

H.F. Jahn. Armes Russland. Bettler und Notleidende in der russischen Geschichte vom Mittelalter bis in die Gegenwart. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010. 250 S.*

Изучение нищенства имеет давнюю традицию. В новейшей европейской историографии существует специальное направление, в рамках которого рассматриваются практики включения/исключения «чужих и бедных» в широком историческом (от античности до наших дней) и сравнительном (на примере различных стран) контексте¹. Россия до недавнего времени оставалась не охваченной этими исследованиями, несмотря на то, что бедность и нищенство в ней не только имеют многовековую историю, но и являются актуальными проблемами сегодняшнего дня. Появление «новых нищих» неизбежно должно было вызвать интерес к изучению истории «старого» нищенства и традиций борьбы с ним в дореволюционной России и Советском Союзе. Однако в большинстве современных публикаций исторические экскурсы, как правило, схематичны или в лучшем случае основаны на исследованиях конца XIX – начала XX в. В СССР актуальные исследования положения социальных маргиналов, в том числе нищих, были прекращены в конце 1920-х гг. и возобновились лишь в начале 1990-х гг. В тех же 1990-х гг. сюжеты, так или иначе связанные с нищенством, привлекли интерес историков. Однако этот интерес имел «побочный» характер, т.е. нищенство рассматривалось в контексте других проблем — как их следствие или сопутствующий фактор (например, в работах, посвященных процессам урбанизации, социальной политике, благотворительности, детской беспризорности, положению инвалидов и др.).

Книга Хубертуса Яна – первое комплексное историческое исследование, в фокусе которого находится проблема нищенства в России. С выходом этой книги можно говорить о восстановлении традиции изучения российского нищенства, прерванной 80 лет назад. В то же время исследование Яна является оригинальным и новаторским – по постановке проблемы, источникам и используемой методике.

Нищенство как социальное явление (или способ существования) и нищие как социальная группа – довольно сложный объект для анализа. Само понятие социальной группы применительно к нищим является весьма условным, а результаты всех известных попыток подвергнуть их классификации остаются

довольно спорными. Еще сложнее описывать мир нищих и бродяг «изнутри», поскольку это люди «без собственного голоса», практически не оставившие письменных источников (S. 13). Конечно, невозможно создать «универсальную историю нищенства в России» (S. 152), как и универсальную историю чего бы то ни было, и вряд ли это необходимо: феномен нищенства интересен не столько сам по себе, сколько как угол зрения на ряд социальных проблем и как «ключ» к их пониманию. Среди этих проблем – бедность, маргинализация и депривация населения, возможности ресоциализации для аутсайдеров, границы социальной мобильности, качество социальной политики, особенности общественного уклада, взаимоотношения «основного» общества и социальной периферии и т.д.

Конфигурации исследования Яна определяют три опорные рамки – хронологическая, географическая и содержательная. Хронологически изложение концентрируется на XVIII–XIX вв., хотя в книге присутствуют экскурсы в более раннее время, а небольшой очерк по истории нищенства в XX в., вплоть до современности, позволяет зафиксировать некоторые важные тенденции в эволюции этого социального феномена. Географическим центром исследования выступает Санкт-Петербург. Содержательную доминанту книги автор определяет как социальную имиджинерию бедности: проблема нищенства рассматривается через призму формирования представлений о бедных и нищих и влияния этих представлений на политику по отношению к ним. Таким образом, в фокусе исследования находится не социальная история бедности или описание повседневной жизни нищих, а имиджи бедности и «коллективная реакция на бедность».

Вместе с тем в книге присутствуют не только имиджи, но и реальность бедности, особенности нищенского промысла в разных регионах России, развитие законодательства о нищих, практики социального контроля. Специальная глава посвящена деятельности петербургского Комитета для разбора и призрения нищих (1837–1903), в ней впервые на основе широкого круга источников реконструирована история этого во многом уникаль-

¹ Х.Ф. Ян. Бедная Россия. Нищие и нуждающиеся в русской истории от Средневековья до современности. Пaderborn: Издательский дом Фердинанда Шёningга, 2010. 250 с.

ного учреждения. Не обошел автор стороной и реальную жизнь нищих — в том числе и за пределами Петербурга. Его наблюдения основываются на данных земской статистики, этнографических описаниях, материалах комиссий по исследованию положения нищих, документах полиции и других источниках. Особого внимания заслуживают опубликованные в приложении статистические таблицы, которые во многом дополняют лаконичное изложение автора.

Главными источниками анализа имиджей бедности служат русские журналы и газеты XVIII–XIX вв., в том числе так называемая бульварная пресса, рассчитанная на массового читателя (всего около 60 изданий), и художественная литература. Ян показывает, как в течение столетия менялось восприятие бедности и бедных, а также отношение к ним в среде интеллектуальной элиты — от создания образа «благородной бедности» и нищего как объекта морализаторства к пониманию нищенства как реальной социальной проблемы, как сферы общественной и гражданской ответственности. Вместе с тем автор замечает, что даже русская литература эпохи реализма не вполне адекватно отражала мир реальных нищих, увлекаясь созданием литературных типажей обитателей социального «дна» (S. 121). Вопрос о том, в какой степени эти описания были результатом творчества, является довольно спорным, поскольку многие авторы создавали свои «типы» в режиме «включенного наблюдения», что следует признать скорее социологическим, а не литературным приемом. Бесспорно другое: именно типы-имиджи нищих и образы бедности в литературе формировали общественное мнение вокруг проблемы нищенства, в конце концов, под влиянием литературы эти явления стали предметом научного анализа.

Гораздо менее очевидна связь между общественным (отраженным в литературе и периодике) и нормативным дискурсами бедности и нищенства в России. По наблюдениям Яна, эти дискурсы, как правило, не пересекались, а развивались в параллельных полях. Публицисты и литераторы, пишущие о проблемах бедности, нередко, например, были не знакомы с историей российского законодательства о нищих и предлагали меры, уже апробированные законодателем (S. 68). Вместе с тем у обоих дискурсов был, по крайней мере, один общий момент: влияние западноевропейских идей и западноевропейского опыта решения этой проблемы.

Влияние европейской традиции на российское законодательство о нищих стало заметным уже во времена царя Алексея Михайловича,

а император Петр I пошел по пути прямого заимствования европейского опыта, не всегда при этом соотнося его с российскими реалиями. Причину неудач петровских попыток ликвидировать нищенство Ян видит прежде всего в феномене реформ сверху. Так, например, намерение Петра I, по примеру некоторых городов Европы, заменить привычную практику подачи милостыни централизованным сбором пожертвований на нужды бедных не встретило понимания среди русских обывателей именно в силу принудительного характера этого нововведения (в Европе подобная практика была введена по инициативе муниципалитетов — т.е. снизу).

Идеи европейского Просвещения и рационализма, транслируемые через литературные журналы, как и публикуемые там рассказы о жизни европейских нищих, должны были изменить устоявшийся, основанный на религиозной традиции, сакральный стереотип восприятия нищего в России, лишив его ореола «святости», как это произошло в Европе. Исследование Яна показывает, что в России эта задача была решена лишь отчасти: в то время как в среде интеллектуальной и политической элиты действительно происходила европеизация сознания, основная масса народа продолжала воспринимать нищих как людей, «угодных Богу» (отсюда русский синоним нищего — «убогий»), а подачу милостыни — как путь к спасению собственной души.

Сохранение традиционного отношения к нищенству, по мнению Яна, объясняет, почему меры властей и полиции, направленные против данного явления, не встретили широкого понимания и поддержки у населения. Устойчивость традиции стала одной из главных причин провала попыток решить проблему нищенства методами государственного регулирования — проекта, утопичного с самого начала его реализации (S. 150–151).

Проблема нищенства перешла по наследству к советскому режиму. Этот этап истории борьбы с бедностью пока лишь фрагментарно освещался в историографии. К сожалению, и книга Яна вносит немного нового в исследование данного сюжета. Автор пишет, что он сознательно отказался от изучения архивных материалов советского времени, поскольку вплоть до Перестройки существование нищенства в СССР официально не признавалось (S. 19). Это утверждение, однако, справедливо лишь отчасти. Действительно, с конца 1920-х до середины 1950-х гг. в открытой советской печати проблема нищенства не обсуждалась. В это время с ним боролись с помощью паспортной системы и секретных указов (в 1951 г. появился специальный указ против нищих).

В 1954 г. о нищенстве впервые заговорили публично, и впервые после 30-летнего перерыва занялись изучением этого феномена на государственном уровне. В 1960-х гг. нищенство в СССР перестало быть массовым явлением и существовало только в виде профессионального промысла и в незначительных масштабах. Оно возродилось вместе с крахом советского проекта. Уже одно это обстоятельство делает изучение советского опыта решения проблемы нищенства отнюдь не бесполезным.

Е.Ю. Зубкова,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечание

¹ Исследование практик включения/исключения «чужих и бедных» на примере различных стран Европы проводилось в рамках большого международного проекта университета г. Трир (Германия). Результаты «трирского проекта» представлены в целом ряде публикаций: *Althammer B.* (Hrsg.), *Bettler in der europäischen Stadt der Moderne. Zwischen Barmherzigkeit, Repression und Sozialreform.* Frankfurt am Main [u.a.], 2007; *Gestrich A., Raphael L.* (Hrsg.) *Inklusion/Exklusion Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart.* Frankfurt am Main [u.a.], 2004; *Raphael L., Uerlings H.* (Hrsg.) *Zwischen Ausschluss und Solidarität. Modi der Inklusion/Exklusion von Fremden und Armen in Europa seit der Spätantike.* Frankfurt am Main [u.a.], 2004.

Ю.А. Тихонов. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). Изд. 2, испр. и доп. М.: Кучково поле, 2011. 400 с., ил.

Повседневная жизнь российского дворянства до сих пор остается малоизученной проблемой, между тем ее исследование дает ключ к ответам на многие вопросы, касающиеся менталитета высшего сословия. По словам академика Ю.А. Полякова, «двуединая задача историка – показать человека и обстановку»¹. Именно такую цель преследовал автор рецензируемой книги Ю.А. Тихонов, подробно отобразив сложившийся быт, т.е. сплав материального и духовного, прежде всего мир вещей представителей отечественной элиты конца XVII – первой половины XVIII в., характеризуя его как неотъемлемый компонент культуры того времени.

Рассуждая о научной проблеме «вещь в культуре», академик А.М. Панченко писал, что предметы быта испытывают «воздействие историко-культурных процессов» и в какой-то мере участвуют в них². И действительно, об этом взаимовлиянии культуры и быта наглядно свидетельствуют описания жилищ и имущества в городских усадьбах боярина В.В. Голицына (1689 г.), адмиралтейств-советника А.В. Кикина (1718 г.), сибирского губернатора кн. М.П. Гагарина (1721 г.), членов Верховного тайного совета: князей А.Г. и В.Л. Долгоруковых (1730 г.), кн. В.В. Долгорукова (1731–1732 гг.), кн. Д.М. Голицына (1737 г.); кабинет-министров: А.П. Волынского (1740 г.), гр. А.И. Остермана (1741–1742 гг.), гр. М.Г. Головкина (1741–1742 гг.); опального генерал-адъютанта С.В. Лопухина (1754 г.) и других сановников, их жен и детей (с. 291).

Присоединяясь к высказанному в литературе мнению о том, что проблема мира вещей органически входит в широкое понятие «повседневная жизнь», автор уделяет внимание приказным и дворцовым людям, обслуживавшим городскую усадьбу, а также состоятельности владельцев, тративших немалые денежные средства на возведение построек и закупку продовольственных товаров. Им определены долговые обязательства сановников, многие из которых надолго затягивали выплату денег кредиторам из дворян, ремесленников и купцов.

Столкнувшись с тем, что число введенных в научный оборот источников, раскрывающих образ жизни, пристрастия, уровень образования, доходы и расходы обитателей «дворянских гнезд», крайне невелико, исследователь поставил задачу выявить новые материалы, описывающие усадьбы как жилые комплексы, включая все, что в них находилось. «Кладзем» таких документов оказались хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) описи конфискованного имущества арестованных и преданных суду высших сановников. Этот особый пласт материалов, который лег в основу книги, подробно характеризуется автором в главе «Источники». Тихонов установил, что наряду с судебными органами создавались отдельные следственные комиссии, которые осуществляли выявление и описание имущества в городских домах обвиняемых.

Так, когда в 1727 г. вследствие интриг окружения Петра II был арестован

кн. А. Д. Меншиков, стало ясно, что для описания всего его имущества не обойтись без специальных комиссий. У светлейшего князя было пять жилых домов в Москве, однако основная резиденция, затмевавшая по роскоши все остальные в стране, в том числе и монаршие, находилась в Петербурге, на Васильевском острове с собственной пристанью на Неве. Именно там Петр I устраивал приемы, отмечал государственные и семейные праздники, отчасти из-за этого мирясь с казнокрадством своего любимца. Владения самого богатого человека в империи отличались не только пышностью, но и лучшей в столице кухней, огромным количеством иноземных слуг, прекрасным оркестром. Однако описания мира вещей этого дворца (как и особняков в Кронштадте, Ораниенбауме, Копорье, Нарве и проч.), к сожалению, не обнаружены (с. 22–28).

Создавали подобные комиссии и в дальнейшем – политическая борьба в 1727–1743 гг. заканчивалась расправой над терпевшими поражение группировками. Она сопровождалась конфискацией, передачей в казну или царским приближенным принадлежавших опальным сановникам земельных наделов и имущества или распродажей последнего с торгов, чем и ведали упомянутые органы, состоявшие в основном из преданных престолу офицеров-гвардейцев, чиновников, канцеляристов, а также торговых людей, реализующих изъятые вещи на аукционах. Однако после 1743 г. от этих комиссий отказались. По мнению автора, это объяснялось тем, что значительная доля движимого имущества гонимых вельмож оставалась в собственности супругов, детей, наследников и ближайших родственников.

Городские усадьбы сановников располагались в самых престижных районах обеих столиц: в Петербурге – на Адмиралтейской стороне у Невы, на набережной Мойки, на Васильевском острове, в Москве – на Тверской, Никитской, Сретенской, Знаменской улицах, в Немецкой слободе, у Мясницких ворот и т.д. Правда, в исследованных автором документах не зафиксирован внешний вид жилищ вельмож, указан лишь материал строения (кирпич или дерево) и число этажей. В первой половине XVIII в. у столичной знати сформировалось представление о том, каким должен быть городской дом: непременно каменное, двух- или трехэтажное сооружение с представительными палатами (залом), кабинетом хозяина, спальнями, детскими комнатами и т.д. Помещения первого этажа имели своды, второго и третьего – накатные потолки (из хорошо подогнанных бревен) «со штукатурной работой» (в московском особняке А. П. Волынского на них были написаны 48 картин). Стены

декорировались дубовыми панелями или обоями, в том числе атласными или парчовыми китайскими, штофными немецкими, полотняными итальянскими, украшались иконами (в основном греческими), зеркалами, картинами и гравюрами. Покои отапливались печами, выложенными нарядными цветными поливными изразцами, производство которых с 1740-х гг. было широко поставлено на гончарных дворах при петербургских кирпичных заводах и в московских мастерских. Кроме того, в самом жилом здании или во дворе устраивали хозяйственные помещения: поварню, хлебный амбар, конюшню, кузницу, каретный сарай, погреба, ледник и пр. (с. 195–197).

Значительное место в книге занимают обширные переписи находившегося в усадьбах имущества (необходимые, по мнению автора, поскольку речь шла о том, что окружало человека в повседневной жизни и требовало комментариев), каждой из которых предшествует краткая биография владельца. Поражают разнообразие и богатство мира вещей российской элиты, не жалевшей средств для их приобретения, причем чаще всего отдававшей предпочтение работам иностранных мастеров (английских, немецких, французских, турецких, иранских, китайских и др.). Многие из того, что попало при конфискации в царскую казну, можно сейчас увидеть в музеях Московского Кремля и Эрмитаже, судьба же остальных раритетов, к сожалению, неизвестна.

Тихонов расположил вещи по 15 группам (домашняя утварь и предметы обихода, посуда, одежда, обувь, ткани, меха, мебель, кровати и принадлежности к ним, предметы религиозного культа, произведения изобразительного и прикладного искусства, учебно-научные предметы, музыкальные инструменты, оружие и амуниция, средства передвижения, конский убор). Он ввел для их классификации понятия «вид вещи» и ее «подвид» («разновидность»), с указанием назначения или названия по материалу, внешних особенностей, места изготовления (город, страна) и т.д. Оказалось 925 видов и 3 025 разновидностей (с. 310).

В перечень не входят монеты, медали, декоративное оружие и амуниция, книги и т.п. – все, что отнесено автором к области собирательства и перечислено отдельно. Так, у гр. Головкина насчитывалось 80 икон (написанных не только на дереве, но и на тафте, холсте, стекле, финифти, резной кости), в том числе в золотых, серебряных, медных окладах, 6 крестов серебряных и деревянных, складни, в частности кипарисовые, оправленные серебром, а также книги: 33 богослужебные, 20 певческих, более 250 светского содержания (с. 241). У Ю. В. Долгорукова реквизирова-

ли 81 образ, некоторые из них – вкладах с жемчугом и драгоценными камнями, золотые панагия и крест (с. 182); у Кикина – 45 икон (26 из них в серебряных окладах), 1 золотой, 8 серебряных, 2 кипарисовых, 3 янтарных, 1 яшмовый, 2 алмазных креста, Евангелие в красном бархатном переплете, украшенное позолотой, Библию, Псалтырь и проч. (с. 85); у Д.М. Голицына – 40 икон в позолоченных и серебряных окладах с финифтью (с. 190) и многое другое.

Серьезный характер в тот период уже носили фалеристика и нумизматика: начиная с 1730 г. переписчики фиксировали наличие больших коллекций у Голицына, Долгоруковых, Остермана, Лопухина, Головкина, Волынского, П.И. Мусина-Пушкина (собрания у троих последних поразили составителей описей имущества обширностью и разнообразием). Так, у Головкина, среди прочего, изъяли знаки ордена Андрея Первозванного, 35 звезд кавалерских (в том числе 2 ордена Александра Невского), 8 золотых медалей (в том числе по случаю заключения мира со Швецией 1721 г. и с Турцией в 1739 г., на погребение Петра Великого, на коронавание Екатерины Алексеевны, Петра II и Анны Иоанновны), а также 100 серебряных (с. 233). Волынскому же принадлежало 135 золотых монет XV–XVII вв. (Священной Римской империи, Испании, Голландии, Англии, Польши и т.д.) и 376 серебряных (с. 208), Мусину-Пушкину – соответственно, 191 и 71 (с. 208–209). Впечатляюще выглядел и перечень 149 серебряных монет азиатских государств, конфискованных у Остермана (с. 222).

С большим увлечением в ту пору собирали и оружие, особенно старинное. У В.Л. Долгорукова обнаружили 12 медных пушек, одну чугунную, 3 мортиры, 2 датских фузеи и 3 турецких пищали, оправленные серебром, 2 немецких штуцера и 3 французских пищали, оправленные медью, одну позолоченную писталь работы тульских мастеров, 5 персидских пищалей, 8 пар пистолетов, 5 птыков грановитых старинных, 2 палаша, 2 серебряные с позолотой французские шпаги, 11 сабель, оправленных серебром, 2 копыя булатных и т.д. (с. 119–121). У Головкина – 7 пушек, 2 мортиры, 16 пар пистолетов, 20 фузей, 2 пищали, 30 ружей. Отдельного упоминания заслуживает его коллекция холодного оружия: 25 шпаг, в том числе с серебряными эфесами, палаш (с роговой посеребренной рукоятью), 8 кортиков (эфесы позолоченные, один «со львовой головкою»), трость с клинком в медной оправе, 10 бердышей, 3 меча, 14 сабель с серебряными позолоченными оправами, украшенными яхон-

тами, бирюзой, яшмой, изумрудами, и многое другое (с. 242–243).

Специальные разделы в описях имущества подвергнувшихся опале вельмож составляли драгоценные камни и золото. Например, у Кикина изъяли 42 изумруда, 115 алмазов, 35 яхонтов, ящик с янтарем, 16 золотых и серебряных перстней (некоторые с алмазами, изумрудами, яхонтами), печать, вырезанную в изумруде, 22 золотые запонки (с. 84), у Волынского – яхонты, изумруды, жемчуг, 22 перстня, старинные золотые с бриллиантами серьги, 7 золотых табакерок и одну сердоликовую, оправленную серебром (с. 197). Нередко владельцы пытались скрыть ценные вещи от переписчиков: так, дочери арестованного Волынского попытались утаить ларец с 17 бриллиантами, 13 крупными жемчужинами, 6 яхонтами и проч., а также изделия из золота – 118 монет, 3 кольца, перстень и др., но были выданы прислугой (с. 206–207).

Появившиеся в то время первые личные библиотеки, включавшие, наряду с церковными книгами, произведения художественной литературы на французском и немецком языках, – важный показатель духовных запросов дворянской верхушки. Книжное собрание славившегося ученостью кн. Д.М. Голицына в его подмосковной усадьбе «Архангельское» насчитывало около 6 тыс. томов, среди которых были сочинения Н. Макиавелли и итальянского поэта конца XVI – начала XVII в. Т. Боккалини. Как сетовал историк, географ, экономист В.Н. Татищев (1686–1750), многое оттуда, самое редкое и древнее, было расхищено при описании (с. 188).

Наличие в апартаментах помещений разного назначения вело к расширению спектра образцов мебели. Так, у Лопухина реквизировали 14 столов, 8 кабинетов из дуба, ореха, красного дерева, 5 кроватей, 12 кресел с резьбой и проч. (с. 262). Такие изделия заказывали у столяров и резчиков российских государственных учреждений (Адмиралтейства, Канцелярии от строений и проч.), а также привозили из-за рубежа. Большею частью они были из резного и шошеного ореха или дуба, но не составляли ансамбль: отечественная мебель соседствовала с английской, немецкой, французской, голландской, усиливался и приток китайских изделий. Особой популярностью у вельмож пользовались столики, табуреты, кресла, ларцы, шкафчики для бумаг и драгоценностей, расписанные золотом по черному лаку.

Второе издание книги дополнено описаниями московских домов сибирского губернатора, известного казнокрада, кн. Гагарина (1721 г.) и стат-дамы Е.И. Нарышкиной (1746–1747 гг.).

Добавлен также «Перечень» вещей в городских усадьбах Москвы и Петербурга (14 и 7 домов соответственно) по их группам, видам и разновидностям, существенно облегчающий поиск отдельных предметов среди их многотысячной массы. В доме кн. Гагарина было немало вещей из Китая, в том числе счеты, изображения на листах, столики чайные и конские седла; особенно впечатляет количество китайской фарфоровой посуды (950 предметов). Если обычно вещевые описи составлялись особыми следственными комиссиями в домах опальных владельцев, то описи московской усадьбы Нарышкиной появились после ее брака с гр. Кириллом Григорьевичем Разумовским. Видимо, по просьбе его брата Алексея Елизавета Петровна распорядилась за казенный счет переписать, оценить и перевезти в Петербург вещи Нарышкиной общей стоимостью более 10 тыс. руб. (среди них мебель, посуда, одежда, ткани, инструменты для научных и учебных занятий).

Следует особо отметить, что рецензируемая книга выдвигает перед исследователями весьма актуальную задачу – показать мир вещей в домах иностранцев, занимавших важные придворные и государственные должности (Э.И. Бирон, Р.Г. Левенвольде, К.Л. Менгден, Б.Х. Миних). Их описания включены в обширное дело, хранящееся в РГАДА (ф. 6). Думается, это внесет лепту в дискуссии о роли иностранцев («немцев») в царствование Анны Иоанновны и позволит ярче высветить их место среди русской аристократии. Так, Е.В. Анисимов выступает против «историографических штампов» о преобладании во время «бионовщины» иностранцев среди высшего состава российской бюрократии, сомневается в существовании при дворе Анны Иоанновны «немецкой партии» и ее роли в «разграблении богатств» страны³. И.В. Курукин считает, что Бирон сумел превратить придворную должность обер-камергера «в высший государственный пост», а в армии иностранцев было сравнительно немного. «Немецкое» правительство, по его мнению, «не стремилось ослабить русскую промышленность или подчинить ее иностранцам», поскольку государственный аппарат оставался, как и прежде, главным контролером, покупателем и заказчиком промышленной продукции. В итоге автор приходит к не вполне ясному выводу, что «Россия “пере-

болела немцами”»⁴. Иной взгляд на проблему высказал Н.И. Павленко: «Бироновщина – понятие собирательное, это весь комплекс событий царствования Анны Иоанновны», включая «сосредоточение верховной власти в руках горстки немцев, покровительство им императрицы... грабеж казны». Простой люд страдал «от беспощадных выколачиваний подати и рекрутских поборов», «немецкое засилье» олицетворялось Бироном, в руках которого императрица «стала марионеткой, подчинявшейся его воле и безоговорочно выполнявшей его прихоти»⁵.

Таким образом, при Петре I в России сложилась всеобъемлющая система бюрократического правления во главе с императором и дворянской аристократией. Мир вещей позволяет судить о цивилизационном уровне домов высшей бюрократии в первой половине XVIII в., который был недоступен для остального дворянства. При этом пропасть между элитой и другими социальными слоями принимала такой очевидный характер, что можно говорить об ее особом образе жизни.

В заключение отмечу, что рецензируемое издание содержит около 80 иллюстраций и солидный справочный аппарат: именной и географический указатели, понятийный словарь и перечень вещей в городских усадьбах. Являясь своеобразной энциклопедией московского и петербургского сановного дворянства первой половины XVIII в., книга Ю.А. Тихонова будет полезна для специалистов и привлечет внимание всех интересующихся отечественной историей.

С.Н. Базанов,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 2. М., 2004. С. 116, 121, 132.

² Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половине XX вв. М., 1995. С. 5.

³ Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002. С. 283–310.

⁴ Курукин И.В. Бирон. М., 2006. С. 96, 110, 130, 138, 217, 268, 403, 406.

⁵ Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002. С. 103, 106, 113, 123–127, 200–201, 359, 369.

А.Ю. Минаков. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2011. 560 с.

Исследование А.Ю. Минакова посвящено истории становления и идеологии раннего русского консерватизма. Потребность в таком обобщающем труде давно назрела. Интерес к русскому консерватизму, в том числе к его раннему периоду, на протяжении последних двух десятилетий стремительно растет. Между тем изучение консерватизма эпохи Александра I до сих пор носило преимущественно очерковый характер: предметом исследования, как правило, становились отдельные темы и сюжеты. И хотя порой они получали довольно глубокую разработку, тем не менее общей картины становления русского консерватизма в историографии не было. Теперь благодаря монографии Минакова этот пробел восполнен.

Автор не просто обобщил собранный его предшественниками материал. На протяжении многих лет он сам основательно изучал множество частных аспектов данной темы, ввел в научный оборот немало новых материалов и получал порой неожиданные результаты. Сочетание собственных научных штудий с накопленным в современной историографии багажом делает рецензируемую монографию поистине энциклопедическим трудом.

Первая глава книги традиционно посвящена историографии и характеристике источников. Минаков воссоздает историю изучения русского консерватизма, начатого еще в XIX в., продолженного, хотя и с большими идеологическими перекосами, в советское время и пережившего новый всплеск в 1990-е гг. До недавнего времени, как показывает автор, главным образом изучался не консерватизм как течение, а отдельные консерваторы, их биографии и взгляды. Во второй главе рассматривается формирование русского консерватизма как идейного и общественного течения. Представляется вполне обоснованным мнение Минакова, что это течение складывается именно в первые годы правления Александра I. Действительно, отечественные мыслители XVIII в., высказывавшие традиционалистские идеи, не образуют единого консервативного лагеря; их условный «консерватизм» являлся реакцией на те или иные инициативы правительства, а не целостным мировоззрением. Минаков показывает и причины, по которым русский консерватизм складывается именно в начале XIX в. Прежде всего выделяется, конечно, влияние Французской революции, трагедия и боль которой были восприняты

русскими мыслителями как что-то свое, близкое, то, что в любой момент может произойти с Россией. Отсюда и негативная реакция на вестернизацию, ведущуюся с начала XVIII в., и стремление поднять престиж православной Церкви и возродить народные традиции, положив их в основу общенациональной культуры.

В общем смысле все это, безусловно, справедливо. Сложности возникают, когда речь в книге заходит об отношении ранних консерваторов к конкретным действиям русского правительства. Минаков совершенно прав, когда говорит о неприятии ими реформаторских инициатив Негласного комитета, но что касается реформ Петра I, то здесь точка зрения автора представляется несколько противоречивой. В действительности однозначного отношения к Петру I у русских консерваторов не было. Как бы они ни оценивали отдельные аспекты политики царя-преобразователя, его личность и деятельность являлись в их глазах прежде всего символом славного исторического прошлого России. Петр уже успел стать для них фигурой глубоко национальной.

В работе удачно сочетается теоретическое осмысление проблем русского консерватизма с яркими портретными характеристиками отдельных консерваторов. Особенно масштабно в этом отношении показан Г.Р. Державин. В монографии впервые в исторической литературе столь обстоятельно анализируются его общественно-политические взгляды начала XIX в. Именно Державин стал одной из наиболее ярких фигур на первом этапе развития русского консерватизма, который приходится на 1801–1807 гг. Но ключевым моментом в становлении консерватизма в России, как справедливо полагает автор, стало появление книги А.С. Шишкова «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка».

Второму периоду, который приходится на временной отрезок между Тильзитским миром и Отечественной войной 1812 г., посвящена третья глава монографии. Минаков создает широкую панораму русского консерватизма предвоенных лет. Ярко и по существу характеризуется деятельность «Беседы любителей русского слова», масонских лож, тверского салона вел. кн. Екатерины Павловны, анализируются «Мысли на Красном крыльце» Ф.В. Ростопчина и записка «О древней и но-

вой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н.М. Карамзина. Вывод автора о том, что именно в эти годы происходит «резкое усиление политических позиций консерваторов», хорошо обоснован и не вызывает ни малейшего сомнения. Однако следовало бы, как представляется, подчеркнуть некоторую парадоксальность данной ситуации. Рост влияния консерваторов происходил на фоне союзнических отношений России с наполеоновской Францией и либерализации правительственного курса (реформы М.М. Сперанского). Исследование Минакова не только объясняет этот парадокс, но и позволяет сделать любопытные выводы о политике Александра I в этот период. На первый взгляд, царь предпочитал играть сразу на двух полях. Он «дружит» с Наполеоном, продвигает Сперанского и в то же время не только позволяет, но и поощряет деятельность «Беседы любителей русского слова» с ее ярко выраженным националистическим уклоном, а также допускает существование консервативного кружка внутри императорской семьи (салон вел. кн. Екатерины Павловны). Однако в действительности эта политика целостна и хорошо продумана. Сохраняя видимость дружеских отношений с Францией и втайне готовясь к войне с ней, Александр переходит на позиции консерватизма, понимая, что именно такая идеология способна сплотить нацию в военное время.

Отечественная война 1812 г., как справедливо отмечает Минаков, стала звездным часом консерваторов. Автор показывает роль «русской партии» в лице вел. кн. Екатерины Павловны, Шишкова, Ростопчина, С.Н. Глинки и А.А. Аракчеева в событиях 1812 г. При этом акцент ставится на организационной и служебной деятельности этих лиц, меньше внимания уделяется их идеологии. Это отчасти оправдано, так как идеология консерваторов детально анализируется в последней главе книги. Но лишь отчасти, поскольку 1812 г. – не только важный момент в выдвижении консерваторов на первые государственные роли, но и особый этап в истории осмысления самой войны. Не случайно представители «русской партии», и в первую очередь государственный секретарь Шишков, стали главными идеологами войны. Возможно, на этой проблеме имело бы смысл остановиться несколько подробнее.

Автор обращает внимание на письмо вел. кн. Екатерины Павловны, в котором она в июле 1812 г. предлагала кн. В.П. Оболенскому выяснить, «в какой мере начатая война есть война народная» (в оригинале «combien cette guerre était nationale»¹). Кажется, это первый случай употребления термина «народная вой-

на» применительно к событиям 1812 г. Правда, слово «народная» в данном контексте еще не подразумевало стихийного участия народа в боевых действиях. Речь шла о готовности русского дворянства добровольно встать под знамена формируемого ополчения. Но очень скоро «народная война» станет одной из важнейших идеологией 1812 г. Будущий декабрист Ф.Н. Глинка еще до Смоленского сражения напишет: «Народ просит воли, чтоб не потерять волиности. Но война народная слишком нова для нас»². Для идеологов национально-патриотического толка, о которых говорится в монографии, война с французами, как справедливо полагает Минаков, являлась составной частью и своего рода кульминацией в развитии их галлофобских идей. Участие народа в этой войне, безусловно, служило важным аргументом в их народническо-шовинистической пропаганде, но в то же время консервативно-монархические взгляды накладывали определенные ограничения на понимание ими народного характера войны. Строго говоря, ни у Шишкова, ни у Ростопчина, ни у Сергея Глинки в 1812 г. выражение «народная война» не встречается, но Шишков постоянно упоминает народ как действующую военную силу в своих манифестах (правда, на последнем месте, после дворянства и купечества), а афиши Ростопчина написаны народным, в его понимании, языком. С. Глинка, который тоже принес обильную дань «народности», позже не без некоторого облегчения писал: «Войны 1812 года нельзя в полном смысле назвать *войною народною*. (И слава Богу!) Война народная за Россию была у предков наших в *трехлетнее междуцарствие*, когда, по словам грамот и летописцев того времени, *престол вдовствовал*. Но в наш *двенадцатый* год, Россия, под щитом Провидения, восстала за Отечество в полноте жизни своей; в недрах ее действовали: *Царь, войско и народ*; действовали нераздельно мыслию, душою и мышцею»³. Стоит также заметить, что если для некоторых консерваторов, например, Г.Ф. Фабера, участие русского народа в войне стало важным доводом в защиту неприкосновенности крепостного права, то для либералов это обстоятельство служило аргументом в пользу его отмены.

После войны 1812 г., как показывает Минаков, деятельность консерваторов в основном сосредоточилась в сфере высшего образования. Справедливо трактуя политику Министерства духовных дел и народного просвещения, возглавляемого кн. А.Н. Голицыным, как консервативную, автор отмечает, что взгляды министра отличались «от магистрального на-

правления русского консерватизма, в основе которого лежали прежде всего православные ценности и патриотизм, что в дальнейшем привело к острому конфликту между Голицыным и православными консерваторами». При этом Минаков очень убедительно опроверг давно сложившуюся схему, согласно которой реакционное министерство душило отечественное образование. В частности, исследуя ревизию Казанского университета, проведенную М.Л. Магницким в 1819 г., историк развеял миф о якобы учиненном им там погроме. Проанализировав огромный по объему отчет Магницкого об этой ревизии, он показал, что укорененные в историографии представления о вреде, причиненном ревизором, сильно преувеличены, а сам университет и до ревизии представлял собой довольно жалкую картину. Действительно, российские университеты, открытые Александром I в первые годы его царствования, тяжело и медленно вставали на ноги. Средств на их содержание хронически не хватало, преподавание велось на низком уровне, а набор студентов носил случайный характер. Учить было практически некому и почти некого. Вполне естественно, что тогдашние чиновники учебного ведомства смотрели весьма пессимистично на саму возможность создать в стране полноценное университетское образование.

Пожалуй, наиболее сложными в теоретическом и историческом плане являются проблемы «консерватизм и православие» и «консерватизм и масонство». Следует согласиться с автором в том, что борьба Ростоичина с масонами – это противостояние внутри консервативного лагеря, а само русское масонство в некоторых его проявлениях может рассматриваться как один из видов отечественного консерватизма.

Очень интересно в книге интерпретируется конфликт Аракчеева и Голицына, закончившийся отставкой главы «сугубого министерства» в 1824 г. Минаков убедительно показал, что это было не банальное столкновение временщиков, боровшихся за место под солнцем, как традиционно считается в историографии, а спор, в основе которого лежали серьезные идейные расхождения, касавшиеся судеб Русской Церкви, престола и государства. При этом, как верно отмечает Минаков, эта борьба внутри консервативного лагеря питалась религиозными истоками: традиционное православие с одной стороны, и европейский мистицизм – с другой. Если сразу после Отечественной войны мистицизм выполнял функцию консервативного сдерживания и противопоставлялся революции как религиозное начало безбожному, то теперь в аналогичной роли

выступило православие, противопоставляемое мистицизму как истинная вера – ложной, под маской которой скрывается все то же революционное безбожие. Новая волна революций в Европе, поднявшаяся в начале 1820-х гг., и их подавление державами Священного союза поставили Александра примерно в то же положение, в котором он находился после победы над Наполеоном. Тогда царь искал средств для предотвращения новых революций в универсальном христианстве. Теперь оказалось, что мистицизм не способен остановить революционную угрозу, и царь обратился к православию, что привело внутри страны к победе «православной партии» во главе с Аракчеевым.

В этом контексте особое значение приобретает сложная фигура архимандрита Фотия (Спасского). Кажется, впервые в литературе она получает вполне определенный идейный облик. Минаков удачно избегает оценочных суждений, которые традиционно сопровождают Фотия в отечественной историографии. Он показывает, что если Аракчеев выступил как глава «православной партии», то Фотий стал ее главным идеологом.

Русский консерватизм, в концепции Минакова, за два с небольшим десятилетия проделал значительную эволюцию, пройдя путь от полемики по вопросам языка, начатой Шишковым, через мистические искания Священного союза до победы «православной партии» на государственном уровне. Автор показывает, как он модифицировался, принимая вид то националистической пропаганды, то поиска мистических откровений, то христианизации образования, то православного изоляционизма.

Заключительная и самая обширная глава монографии строится по иному принципу, чем все предшествующие. Если в первых главах речь шла об основных этапах в становлении консерватизма, то в последней Минаков показывает его как единую идеологическую систему. При том, что русский консерватизм не был единым и внутри него нередко шла ожесточенная борьба, есть множество признаков, позволяющих идентифицировать различные его виды как грани единой ментальной структуры. Прежде всего это проявляется во взглядах консерваторов на государственное устройство, где ими не допускалась никакая иная форма правления, кроме самодержавной. Консерваторы также сходились в признании целесообразности сохранения в России того времени крепостного права. Единственное исключение, о котором пишет Минаков, – аракчеевский проект крестьянской реформы 1818 г. – подтверждает правило. Аракчеев в

данном случае выступал не как идеолог, а как чиновник, исполнявший волю царя. Автор сводит воедино все аспекты раннего русского национализма, тщательно реконструируя консервативные модели образования, экономики, религии, русской истории и культуры в целом.

А.Ю. Минаков давно и заслуженно пользуется репутацией ведущего специалиста в области русского консерватизма Александровской эпохи. Его перу принадлежат десятки исследований, в том числе и монографических, под его редакцией неоднократно выходили тематические сборники, по его инициативе в Воронеже созывались научные конференции, посвященные проблемам консерватизма. Его монография подводит своего рода итог этой многолетней и многогранной деятельности и

открывает новую перспективу для дальнейшего научного изучения отечественного консерватизма.

В.С. Парсамов,
доктор исторических наук
(Саратовский государственный
университет
им. Н.Г. Чернышевского)

Примечания

¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка Императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 21.

² *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1987. С. 8.

³ *Глинка С.* Записки о 1812 году. СПб., 1836. С. 263.

Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011. 888 с.

Как известно, о терминах не спорят, о них договариваются. Вероятно, относительно понятия «гражданское общество» исследователи пока еще не вполне договорились. О нем дискутируют и историки, и политологи, и социологи, причем вопросов со временем становится все больше. Что такое гражданское общество? Применим ли этот термин к российским реалиям Нового времени? Формировалось ли гражданское общество в России в XIX–начале XX в.? А может быть, к 1917 г. оно уже сложилось? Приблизиться к ответу на такие вопросы – цель коллективной монографии «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в.» Столь значимая научная задача потребовала участия ведущих отечественных и зарубежных исследователей, уже многие годы разрабатывающих эту проблематику: А.С. Тумановой, В.Я. Гросула, О.Ю. Елиной, И.С. Розенталя, А.Е. Иванова, А.Д. Степанского, Дж. Бредли, Д.И. Раскина, И.В. Зубкова, П.П. Щербинина, А.А. Сафонова. В этом ряду столь известных имен не могло не быть Александра Давидовича Степанского, памяти которого и посвящена книга. Именно он был «первооткрывателем» темы и зачинателем историографической традиции изучения общественных организаций¹.

Анализ деятельности такого рода объединений с неизбежностью подводит исследователя к узловым проблемам истории России XIX – начала XX в. Трудно говорить об общественных организациях, не определив состоя-

ние общества, не охарактеризовав общественную мысль эпохи. В книге констатируется, что в условиях урбанизации, распространения образования, растущей популярности периодических изданий коммуникативная среда становилась существенно более «плотной», а процесс общественной самоорганизации протекал значительно быстрее. В монографии была проанализирована эволюция законодательной базы, регулировавшей деятельность общественных организаций. Также рассмотрено становление научных, просветительских, благотворительных, экономических, сельскохозяйственных, национальных, конфессиональных обществ. Отдельный очерк посвящен формированию клубной культуры в России. Исследованы формы общественной самодеятельности (издательская, просветительская деятельность, благотворительность), представлена широкая панорама сетевых, горизонтальных связей, сформировавшихся с конца XVIII в. Может быть, не хватает лишь характеристики периодических изданий, связывающих воедино разрозненные кружки, разделенные порой тысячами верст.

XIX век – время складывания общественной, с ее сложной внутренней структурой и свойственной ей собственной логикой развития. Конечно, речь идет о «долгом XIX веке» (1789–1914). Эти хронологические границы, характерные и для данной монографии, вполне обоснованны. Одной из первых вех в становлении общества стали жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г.² Их привилегии

на первых порах означали сословные рамки складывавшегося общества. Но постепенно они раздвигались. За «первым непоротым» дворянским поколением последовали второе и третье, среди которых представители благородного сословия становились все меньше. Все это лишний раз подчеркивает, насколько зыбка грань между архаикой и модерном. Наделенная новыми смыслами структура как будто бы традиционного, сословного общества становилась той основой, на которой формировалось (или хотя бы начинало формироваться) общество гражданское. Впрочем, сословная структура российского общества к архаике может быть причислена лишь с некоторой долей условности. Сословия в России сложились отнюдь не в средние века, а как раз в конце XVIII в., вместе с ними пришло представление о юридически установленных правах отдельных социальных групп, а в итоге – о правах как таковых.

Русское общество стремительно эволюционировало, пройдя за полтора столетия путь от аристократических салонов к политическим партиям. Эти метаморфозы лишь опосредованно нашли свое отражение в книге, поскольку политическая сфера в ней намеренно не исследовалась. Авторы сконцентрировали свое внимание на легальных общественных организациях, действовавших в пределах существовавшего тогда правового поля.

Политическая борьба, подпольные кружки, их программные документы остались за рамками книги. Вместе с тем политические сюжеты все же получили в монографии новое, неожиданное освещение. Исследуя общественные организации, трудно обойти вопрос о политике правительства по отношению к ним. Столкнувшись, казалось бы, с дозволенной «самодельностью» обывателей, власть следовала привычным ей бюрократическим лекалам. Общественная же жизнь все более усложнялась и, соответственно, все чаще выходила за искусственные границы, установленные администрацией. Ответная реакция власти – репрессии, в результате которых самые невинные вопросы местного самоуправления, организации быта в провинции обретали политический характер. Активный землец мог считаться потенциальным революционером. В итоге – чем меньше «политики» дозволялось властью, тем больше ее появлялось. Правительство невольно само формировало оппозицию, в которую так или иначе рекрутировались все представители общественности. Сравнительно малочисленная и плохо организованная оппозиция определяла язык эпохи, вынуждая «высшие сферы» идти на уступки. Все это во многом объясняет природу событий 1905–1906 гг.

Рецензируемая книга – о том, как сугубо неполитическая конструкция общественной са-

моорганизации становится каркасом, на основе которого выстраивается политическая сфера. Сам факт создания весьма далеких от борьбы за власть объединений, например, Русского технического общества или же Педагогического общества при Московском университете, становился важнейшим фактором политической жизни. Русское общество нового времени – это не совокупность представлявших его организаций или даже популярных тогда идей. Прежде всего это определенная среда, формировавшая нормы поведения, «правила игры». Для ее изучения недостаточно «социологических замеров». Точно так же нельзя в данном случае ограничиться исследованиями в области интеллектуальной истории. Русское общество того времени можно «ухватить» лишь на стыке социальных, интеллектуальных, политических процессов XIX – начала XX в. Оно детище власти, его отражение и вместе с тем вечный оппонент правительства. В структуре же ответственности сказывались все противоречия модернизационного курса властей, не справлявшихся с бурей, которую они сами вызывали.

Динамика взаимоотношений власти и общества – вопрос ключевой как для данной монографии, так и в целом для российской истории XVIII – начала XX в. Авторы книги многое сделали, чтобы ответить на него. Тем самым были открыты и новые перспективы для будущих исследований. Правительство и общественность сталкивались друг с другом в условиях асинхронности развития различных институтов и сегментов российского социума. Империя знала сосуществование очень непохожих друг на друга политических культур³. Каждая из них «конструировала» собственную Россию, стремясь навязать ей свой язык. Однако все эти попытки наталкивались на «сопротивление материала». В итоге возникали кризисы – и политические, и социальные.

К.А. Соловьев,
кандидат исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)

Примечания

¹ См.: Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; *он же*. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980; *он же*. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв. М., 1982.

² Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 178–180.

³ Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX вв. Т. 2. Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 160.

Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. М.: Памятники исторической мысли, 2009. Вып. 1: 1883–1897 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. 549 с.; Вып. 2: 1898–1903 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев, С.В. Тютюкин. 574 с.

В 2006 г. в соответствии с планами мемориального кабинета Б.И. Николаевского и Центра межархивных публикаций РГАСПИ началось издание серии документальных сборников «Русский революционный архив»¹. Название серии и сам замысел издания принадлежали в свое время известному историку и архивисту Б.И. Николаевскому (1887–1966). Он был выслан еще при Ленине из Советской России за границу и в 1920-х гг. приступил к публикации ставших ныне библиографической редкостью документальных материалов по истории русского революционного движения и общественной мысли². В начале XXI в. эту ценную работу после долгого перерыва продолжила при содействии РГНФ целая группа московских и петербургских историков. Новое, постсоветское издание переписки членов группы «Освобождение труда» готовили П.Ю. Савельев, С.В. Тютюкин, Э. Вагенаар (Голландия), Н.В. Макаров, А.П. Ненароков, М.В. Пронина, И.В. Смирнова, Т.И. Филимонова. В основу публикации был положен двухтомник, изданный в СССР в 1925 г. Составители не ставили перед собой задачи репринтного его воспроизведения, но следовали критериям отбора материалов, выдвинутым родоначальниками серии. Публикуемые документы отделились в личных архивах, которые в силу целого ряда обстоятельств оказались разбросанными по разным хранилищам. Это потребовало сотрудничества архивистов нескольких учреждений – Архива Дома Плеханова (отдела Российской национальной библиотеки в Петербурге), РГАСПИ и Архива Международного института социальной истории в Амстердаме (ISH). В новом издании, в отличие от исходного, впервые представлена переписка не только Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода, но и других членов группы «Освобождение труда» – В.И. Засулич, Л.Г. Дейча, С.М. Ингермана, а также Р.М. Плехановой (за исключением ее переписки с мужем). В итоге из общего числа (662 документа) около четверти опубликованы впервые, с прочими проведена значительная работа по сверке с оригиналами. Особенно это относится к тем материалам, которые в свое время публиковал Дейч. Не умаляя его роль как публикатора и мемуариста, приходится признать, что он позволял себе большие вольности: позднейшие вставки в документы, зна-

чительные купюры, «реконструкцию» писем из разновременных оригиналов.

Публикуемые в двух рецензируемых выпусках письма содержат большой объем информации. Многие из них являются образцами эпистолярного жанра, столь характерного для культурной жизни XIX и начала XX в. В соответствии с тематикой сборников они отражают общее дело членов группы «Освобождение труда» и в то же время выразительно раскрывают личный вклад в это дело и индивидуальные черты каждого из них. Автобиографические и другие подробности, сообщаемые в письмах, свидетельствуют о пристрастиях, интересах, взаимоотношениях членов группы, об их отношении к событиям, происходившим тогда в России и в Западной Европе. Содержание сборника не сводится, таким образом, к истории российской социал-демократии. Собранный составителями материал дает чрезвычайно много для изучения истории общественной мысли во взаимодействии с европейскими идейными течениями и судеб интеллигенции в России.

Каждый публикуемый документ сопровождается легендой, в которой указывается архивное местоположение документа и его копий, а также все предыдущие его публикации, если они были. В ходе этой работы выявлено несколько документов, оригиналы которых ныне утрачены. Содержательные комментарии, которыми составители сопроводили каждый документ, учитывают достижения современной историографии. В некоторых случаях сохранены в качестве комментариев тексты Николаевского, Плеханова и Дейча – прежде всего представляющие собой мемуарные эссе (они выделены курсивом). Значительно уточнены датировки писем, иногда они отличаются от прежних на несколько лет.

В приложении даются два эпистолярных комплекса, рассказывающие о попытках группы «Освобождение труда» создать заграничные союзы русских социал-демократов: переписка с Я. Тышкой 1891–1892 гг. (вып. 1) и документы, связанные с I съездом «Союза русских социал-демократов» в ноябре 1898 г. (вып. 2). Помешенное в первом выпуске археографическое введение Савельева и Филимоновой, предваряющее публикацию, рассказывает о формировании и современном состоянии ар-

хива группы «Освобождение труда» и истории публикации переписки Плеханова и Аксельрода в 1925 г.

Второй выпуск издания завершается обширными послесловиями Савельева и Тютюкина, в которых анализируется содержание всего публикуемого комплекса документов. По сути это краткий очерк деятельности группы «Освобождение труда» с новой интерпретацией ряда ее аспектов. Авторы отмечают, что группа создавалась как прежде всего литературно-издательское объединение немногих единомышленников, отсюда ее узкий и закрытый характер. Вместе с тем издательская деятельность поставила членов группы перед необходимостью решать ряд организационных вопросов, вытекавших из составленного Плехановым проекта программы российских социал-демократов. Проект выдвинул, в частности, задачу способствовать развитию нелегальных социал-демократических кружков в России и объединению их в общую организацию. Предполагалось, что эта организация, создаваемая для борьбы с самодержавием, станет основой для работы будущей партии в конституционный период. Первым кружком, с которым была установлена связь, стала петербургская группа Димитра Благоева. Трижды (в 1887–1888, 1892–1893 и 1894–1895 гг.) предпринимались попытки создания заграничной организации, более широкой, чем группа «Освобождение труда», но во всех случаях она переживала расколы, в чем-то предвосхитившие раскол «искровцев» на II съезде РСДРП.

Дальнейшим исследованиям темы будут способствовать приложенные к публикации списки неразысканных писем, упоминаемых в публикуемых документах, обстоятельный библиографический указатель, в составлении которого принимала деятельное участие М.Д. Дворкина, и развернутый указатель имен.

И.С. Розенталь,
доктор исторических наук
(Российский государственный архив
социально-политической истории)

Примечания

¹ В редакционный совет серии входят С.В. Мироненко, О.В. Наумов, В.В. Журавлев, А.П. Ненароков, В.В. Шелохаев и руководитель проекта П.Ю. Савельев. Кроме рецензируемых сборников, в серии вышли: Из архива П.Б. Аксельрода. Вып. 1: 1880–1892 гг. М., 2006; Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1: Переписка 1892–1905 гг.; Вып. 2: Письма А.М.Калмыковой. 1894–1905 гг. М., 2007; Из архива Б.И. Николаевского. Переписка с И.Г. Церетели 1923–1958 гг. Вып. 1: Письма 1923–1930 гг. М., 2010.

² Из архива П.Б. Аксельрода (1881–1896). Берлин, 1924; Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. 1901–1916. Берлин, 1924; Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1–2. М., 1925; Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т. 1. М.; Л., 1928. См. также: Ленинский сборник II, III, IV; Переписка Плеханова, Аксельрода и Засулич с Лео Иогихесом (Грозовским, Тышкой) // Пролетарская революция. 1928. № 82–83.

F. Wcislo. Tales of Imperial Russia. The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2011. XIV; 314 p.*

Сергей Юльевич Витте – исключительный персонаж российской историографии и зарубежной русистики. Трудно представить, чтобы жизнь и деятельность какого-либо другого российского государственного деятеля конца XIX – начала XX в. привлекала к себе столь устойчивое внимание. Интерес к его фигуре не зависит от всплесков «юбилейной» заинтересованности или требований политического момента. Он объясняется просто – без оценки роли Витте как политика, дипломата, теоретика-реформатора и, наконец, мемуариста невозможно объективно разобраться в общественно-политической и социально-экономиче-

ской истории Российской империи последних десятилетий ее существования. Поэтому выход книги известного американского русиста Фрэнсиса Вчисло, посвященной столь масштабной фигуре, нельзя не считать значимым событием в современной историографии.

«Мало кто из людей императорской России оставил историкам в наследство жизнь, столь богатую мечтами и предательствами о будущем, как Сергей Витте» (р. 10), – с этими словами автора трудно не согласиться. Такое бережное и трепетное отношение Вчисло к своему герою, несомненно, повлияло на композиционное построение его исследования.

* Ф. Вчисло. Рассказы об императорской России. Жизнь и время Сергея Витте. 1849–1915. Нью-Йорк; Оксфорд: Издательство Оксфордского университета. 2011. XIV; 314 с.

Оно соответствует мемуарам самого Витте. В пяти главах последовательно излагается история его жизни, начиная с генеалогических подробностей его происхождения и заканчивая последними годами пребывания на государственной службе. На протяжении всего повествования книги четко прослеживаются две сюжетные линии: собственно мемуары Витте, как литературное и историческое явление, и роль Витте в российской истории. Автор монографии далек от безоговорочного доверия к воспоминаниям своего героя. По его образному выражению, они «в большей степени дают возможность почувствовать, чем докопаться до истины», а потому, по мнению Вчисло, внимания заслуживают не столько отдельные факты, сколько контекст эпохи (р. 14). Такой подход не удивителен, ибо содержание мемуаров хорошо известно не только по их многочисленным изданиям, но и по богатой исследовательской литературе (в том числе зарубежной). Более того, сам Вчисло был одним из публикаторов последней, полной их версии¹. Что же нового дает монография для понимания сложного сплетения внутри- и внешнеполитических событий последних десятилетий существования Российской империи?

Историк считает Витте одним из крупнейших реформаторов российской экономики, стремившимся к хозяйственному освоению необъятных просторов империи путем роста сырьевого экспорта, развития внутреннего потребления и привлечения международных инвестиций. Вместе с тем он убежден, что Витте не смог экономическими рычагами укрепить имперскую государственность: преодолеть центробежные тенденции, приспособить весьма самодостаточную российскую экономику к роли ключевого звена международного рынка. Оценивая реформаторские заслуги героя своей книги, Вчисло отмечает большую значимость денежной реформы, создавшей в стране благоприятный инвестиционный климат. Однако в целом виттевская модернизация, считает он, обошлась России дорогой ценой, и следствием ее было снижение уровня жизни населения.

В книге особо подчеркивается, что огромную роль в формировании мировоззрения Витте сыграло то обстоятельство, что детство, юность и начало его карьеры прошли вдали от столиц, на окраинах империи. Возможно, поэтому для Витте были характерны космополитизм, национальная толерантность, чрезвычайно широкий и разнообразный круг связей и знакомств. Здесь же, по мнению автора, коренилась и та заряженность на борьбу, даже агрессивность, которая отличала Витте как государственного деятеля.

Вчисло пытается ответить на вопрос, в какой мере деятельность Витте повлияла на драматическую развязку 1917 г., знаменовавшую конец имперского строя, укреплению которого он посвятил всю свою жизнь. В связи с этим историк выделяет три «ошибочных линии» в политике самодержавия, которые и обусловили революцию 1917 г. Первые две, по собственному признанию Вчисло, хорошо известны историкам. Одна касалась изоляции «верхов» (династии, аристократии, бюрократии) от страны. Другая отражала глубокие социально-культурные метаморфозы русского общества к рубежу XIX–XX вв., углубление пропасти между «верхами» и «низями». Самодержавие так и не смогло смягчить резкое обострение социальных контрастов, поляризацию общества. Третья же «ошибочная линия», по мнению Вчисло, была непосредственно связана с крушением надежд и расчетов Витте как многолетнего руководителя экономической политики. Его экономические мероприятия предполагали, что торгово-промышленные успехи помогут империи преодолеть центробежные тенденции, обеспечить ее целостность. Но Первая мировая война разрушила международный финансовый порядок, на котором зиждились эти расчеты, и привела к краху тот проект индустриальной евразийской державы, за создание которой он боролся (р. 242–243).

Автор книги симпатизирует своему герою, погружен в его жизнь, идеи и замыслы. Страницы монографии обильно испещрены не только цитатами из сочинений Витте, но и отзывами о нем его окружения. Однако подобная творческая методика таит в себе опасность увлечения своим персонажем, преувеличения его роли в событиях тех лет. Так, одной из спорных проблем является вопрос о времени реального ухода Витте с политической сцены. Как известно, и после отставки с поста председателя Совета министров в 1906 г. он постоянно стремился вернуться к активной политической жизни. Собственно, этой цели во многом была подчинена и его работа над мемуарами. В этой связи историк обращает внимание на П.А. Столыпина, считая, что именно тот своим восхождением на политический Олимп отодвинул Витте с привычной для него лидерской позиции. По мнению автора книги, Витте явно проигрывал молодому министру в умении находить контакт с императором. В дальнейшем же Столыпин, как пишет Вчисло, воспользовался плодами реформ Витте для своей «более авторитарной» политики (с. 193–194). Думается, что председательство в Совете министров во время революции 1905–1907 гг. вряд ли можно рассматривать как кульминацию карьеры Витте. Время его наивысшего могущества пришлось

на период пребывания во главе финансового ведомства, где ему удалось разработать и реализовать многие свои замыслы. Потеря реального влияния на внутривластные дела действительно была связана с его противостоянием с Министерством внутренних дел, но во времена В.К. Плеве, а не Столыпина.

Вчисло справедливо пишет о непримиримом противостоянии Витте и Плеве, однако односторонне оценивает природу этого конфликта как ведомственную борьбу (р. 196–197). На самом деле конфликт был обусловлен не просто разногласиями по ряду направлений государственного курса, а противостоянием двух философий политики. Витте, одержимый стремлением к безраздельному доминированию в правительстве, использовал любую возможность, чтобы лишить Плеве влияния. Наглядным примером стала их борьба за контроль над аграрно-крестьянским вопросом, который во многом был ключом к инициативе во внутренней политике. Министр финансов попытался использовать его как инструмент в продвижении не только своей программы, но и своего персонального лидерства. Именно для этого он энергично взялся за организацию работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Тем самым он сделал ставку на широкие институциональные реформы, рассчитывая на общественное участие в них как на весомый аргумент в пользу своих идей. Опытный бюрократ Плеве, наоборот, стремился к кропотливому восстановлению былого значения своего министерства, опасность утраты которого наметилась при его предшественнике, попавшем под полное влияние энергичного министра финансов. Его противодействие Витте руководствовалось стремлением к решению повседневных внутривластных задач, а действовать Плеве предпочитал с помощью привычных бюрократических процедур. Вместе с тем соперничество двух ведомств и их лидеров в разработке программы аграрных преобразований обнаруживало не только полярность подходов, но и точки соприкосновения. И Витте, и Плеве являлись «сторонниками сохранения помещичьего землевладения, оба не считали главной причиной аграрного кризиса крестьянское малоземелье, оба готовы были облегчить выход из общины зажиточного крестьянства»². Таким образом, реальная картина оказывается гораздо сложнее хрестоматийного противостояния «прогрессивного» и «реакционного» государственных деятелей.

Подобным образом обстояло дело и в дальневосточном вопросе, где, по мнению Вчисло, политическим и финансовым амбициям Витте противостоял «безобразовский» кружок

(р. 185). На самом деле, сосредоточив в своих руках решение проблем, прямо касавшихся иных ведомств (военного, морского, путей сообщения и др.), Витте откровенно провоцировал конфронтацию с коллегами по правительству. Плеве также стремился к активному участию в дальневосточных делах, но его «присоединение» к дискуссиям по этому поводу произошло гораздо позднее принятия ключевых решений, к которым Витте имел непосредственную причастность: об аренде Порт-Артура, строительстве КВЖД и проч. Поэтому обличением Плеве как виновника «маленькой победоносной войны» и союзника «безобразовцев»³, Витте стремился затушевать свою ответственность за провал дальневосточной политики.

Именно принципиальная позиция Плеве, его последовательность в полемике в конечном итоге определили поражение Витте в этой жесткой межведомственной борьбе. Поэтому трудно согласиться с автором книги, который полагает, что конец этому противостоянию положила гибель Плеве. Политический закат Витте начался гораздо ранее трагической кончины его оппонента.

Что касается Столыпина, то вряд ли критика его деятельности в мемуарах Витте могла рассматриваться как весомое оружие в арсенале политической борьбы. Столыпин никогда не видел в опальном политике серьезного конкурента. Действительно, в основу столыпинских реформ легли материалы, подготовленные до того, как он пришел к власти. Однако отнюдь не Витте был главным автором этих разработок. Так, проект реформы местного управления во многом основывался на идеях, высказывавшихся еще во времена Плеве.

Понимание обстоятельств и характера трансформации российской политической и экономической истории невозможно без анализа персонального влияния на них С.Ю. Витте. Выход новой интересной книги о нем – яркое тому подтверждение.

А.С. Минаков,
кандидат исторических наук
(Орловский государственный
университет)

Примечания

¹ См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Т. 1. Кн. 1–2; Т. 2. СПб., 2003.

² *Корелин А.П.* Истоки российской предреволюционной драмы // Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 50.

³ См.: Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 611, 652.

О «дневнике Распутина»

В 2003 г. и 2008 г. в Санкт-Петербурге и Москве появилось два издания «дневника Распутина»*. Выйдя впечатляющим по нашим временам тиражом (4–5 тыс. экземпляров), они снабжены предисловиями публикаторов и комментариями, в первом из них имеется также библиография и указатель имен. Издание 2003 г. открывает обширное (более 300 страниц) исследование доктора медицинских наук, профессора А.П. Коцюбинского и кандидата исторических наук Д.А. Коцюбинского, посвященное характеристике личности Г.Е. Распутина и основанное как на материалах самого «дневника», так и на других источниках. Авторы предисловия к этому изданию отстаивали подлинность публикуемого ими документа. В 2008 г. те же публикаторы уже оставили некоторое место для сомнений и не были столь категоричны. Однако в аннотациях к обеим книгам упорно указывалось, что «дневник» принадлежит именно Распутину.

Что же представляет собой данный документ и что известно о его истории? Эта рукопись, насчитывающая 192 листа, хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 612, оп. 1, д. 36). Там же находится и ее машинописная копия (ф. 623, оп. 1, д. 23). Когда и каким образом они попали в архив, ныне уже не известно (в соответствии с оставшейся на рукописи пометкой, она была сдана в Центрархив «товарищу Максаккову» 14 марта, однако год не указан). На титульном листе рукописи имеется название ««Дневник Распутина» и 2 письма «Мушки»» и пояснение, согласно которому текст является копией с оригинала рукописи, надиктованной Распутиным его личному секретарю А.Н. Лаптинской («Мушке»). Во втором пояснении уточняется, что текст был переписан Л.П. Крамер с черновиков некой «Гедымин». Публикаторы небезосновательно пишут: «Историки крайне не любят иметь дело с подобными копиями. Сразу возникают вопросы: насколько добросовестно они сняты, нет ли пропусков, описок (особенно в названиях, фамилиях, датах), вставок “от себя” и т.п. Наконец, самое неприятное: за такими “копиями” зачастую скрываются фальшивки» (2008, с. 6). Признавая оправданность подобных вопросов, нельзя не откликнуться

на призыв публикаторов принять участие в расшифровке этого исторического ребуса» (2008, с. 34).

К сожалению, сами А.П. и Д.А. Коцюбинские отказались от обстоятельного историко-ведческого анализа опубликованного ими документа (2003, с. 340–341), ограничившись лишь кратким изложением своей версии его происхождения. По их мнению, записи могли быть изъяты у Лаптинской фрейлиной А. Вырубовой сразу же после гибели Распутина для редактуры, которая не была осуществлена или завершена из-за начавшейся вскоре революции. Впоследствии Вырубова могла передать оригинал неизвестному лицу «для сведения разрозненных отрывков в единый текст, а, может быть, и просто для сохранности», однако он затерялся, тогда как его рукописная копия попала в архив. Машинописную копию у Вырубовой изъяли чекисты, также передавшие затем ее в архив. Как полагают Коцюбинские, «представить, что в личных бумагах Вырубовой хранилась рукопись подложных мемуаров “старца”, к тому же имеющих вид “грязного пасквиля”, попросту немыслимо» (2003, с. 347).

Между тем нет никаких оснований утверждать, будто Вырубова вообще что-либо знала о данном документе. Действительно, машинописная копия «дневника» хранится ныне в ее личном фонде, однако трудно сказать, как и когда он туда попал. Но даже если допустить наличие машинописной копии «дневника» в личных бумагах Вырубовой, почему у нее не мог храниться «грязный пасквиль», требовавший опровержения? Все, что касается происхождения рукописной копии, вовсе относится к области догадок и домыслов. В то же время нельзя не отметить, что «распутинский дневник», как признают и сами публикаторы, по структуре, лексике и титульному листу имеет сходство с «Дневником Вырубовой» – одной из самых громких фальшивок в русской истории XX в., созданной в 1920-е гг. «красным графом» А.Н. Толстым и известным историком-архивистом П.Е. Щеголевым (2008, с. 8). Фальшивка была разоблачена практически сразу же после публикации. «Дневник Распутина» тогда опубликован не был и никаких дискуссий не вызывал.

* Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный: Житие опытного странника сквозь призму его личности. Дневник Распутина. СПб.: Лимбус Пресс, 2003. 400 с. (в рецензии – 2003); Дневник Распутина / Рукопись подготовлена к печати Д.А. Коцюбинским и И.В. Лукьяновым. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 416 с. М., 2008 (в рецензии – 2008).

При сравнении двух изданий «дневника Распутина» обнаруживается, что хотя, согласно предисловиям, оба они сделаны на основе рукописной копии, однако в 2003 г. опубликовались ее «отрывки», а в 2008 г. – полный текст (2003, с. 340; 2008, с. 5–6). Между тем структура «дневника» в этих публикациях совершенно разная. Если первый (сокращенный) вариант построен по хронологии и представляет собой целостное повествование с изредка обозначенными в тексте купюрами (которые, кстати, практически никак не соответствуют полной версии), то «дневник», изданный в 2008 г., – это разнородные фрагменты, расположенные в совершенно ином порядке и без соблюдения хронологической последовательности. Публикаторы утверждают, что по времени «дневник» охватывает события 1914–1916 гг. (2003, с. 345; 2008, с. 22). Судя по описанию в нем двух встреч Распутина с А.Ф. Треповым в середине ноября 1916 г. (2003, с. 416, 419–421; 2008, с. 162, 168–170), текст рукописи якобы продолжал составляться и в последний месяц жизни Распутина. Он в это время был преисполнен грандиозных политических планов, осуществление которых в ближайшем будущем для него не представляло никакого сомнения. Между тем в научной литературе пока не было доказано, что Распутин являлся инициатором состоявшейся замены хотя бы одного министра или равнозначной фигуры.

При этом «дневник» изобилует скандальными «фактами» и такими «сведениями», которые не подтверждаются никакими иными источниками. Так, в нем говорится про целую сеть дворцовых заговоров, сплетенных вокруг царской семьи: про спасение Распутиным императора и наследника престола от отравления, про причастность В.Н. Коковцова к убийству П.А. Столыпина, про подготовку полковником М.С. Комиссаровым ложного покушения на царя для устранения дворцового коменданта В.А. Дедюлина и усиления личного влияния Распутина и т.д. Разумеется, в тексте немало и никому не ведомых пикантных подробностей, касающихся жизни Николай II и императрицы Александры Федоровны (император, к примеру, насилует некую Настюшу, которая делает ему «шрам во всю щеку»), происхождения цесаревича, родившегося будто бы не от царя и т.п. (2003, с. 362–363, 367–370, 375–378, 401, 415, 418; 2008, с. 94–95, 102–103, 135–136, 256–259, 276, 291–293). Кроме «неизвестных подробностей», в «дневнике» упоминаются и многочисленные неизвестные лица. В полном тексте их насчитывается до полусотни (тогда как реальных исторических деятелей – 122), в том числе фигурирует и некий Эрик – пер-

сонаж, общий для данного документа и фальшивого «дневника Вырубовой». «Если все это – выдумки фальсификаторов, то чересчур смелые и заведомо рискованные», – пишут авторы публикации (2008, с. 10). В самом деле, чересчур.

Полная версия «дневника» хорошо передает бытовавшие в 1920-х гг. стереотипные представления о предреволюционной эпохе. Распутин предстает дебоширом и развратником, пария, находящаяся с ним в интимной связи, – немецкой шпионкой, готовой свергнуть и убить мужа ради заключения сепаратного мира, и проч. (2008, с. 90–91, 157–158). Все это не мешает авторам публикации предположить, будто «рукопись Лаптинской» составлялась как материал для будущего его «жития» (2003, с. 345). Судя же по тексту «дневника», он составлялся по инициативе самого Распутина (2003, с. 425; 2008, с. 240). Непонятно только, зачем ему понадобилось столь резко изменять тот образ «опытного странника», который был создан им и его окружением одновременно или незадолго до написания «дневника». Сокращенный вариант композиционно усовершенствован, очищен от наиболее одиозных «фактов» (тотальный шпионаж в пользу Германии, участие Коковцова в убийстве Столыпина) и мелочей, в нем значительно реже говорится о заговорах, однако резко очерчен негативный образ Николая II и его дочерей, изображенных истеричными натурами, буквально поклоняющимися Распутину (2003, с. 363–366, 373–375).

Литературный стиль «дневника» поражает разнообразием и используемой фразеологией. «А Думу – закрыть, – настаивает в нем Распутин. – Закрыть Думу! А то Гучков нас всех прикроет. Из под яго крышки не выскочишь. Вот». «Но уже она не спрашивала, – с неожиданной сентиментальностью описывает он свою встречу с императрицей. – Тихия слезы капали на мои руки... И она шептала, целуя мои пальцы». Распутин то говорит языком прорицателя («Черный орел – это не вестник смерти, а вестник великой царской радости! Случится чудесное избавление от тех, кто от тебя и от Солнышка заграждает милость Божию»), то выражается с репортерской сухостью («Расследование показало следы яда в каштанах. Кроме их двоих никто не пострадал. Виновных не оказалось. Были аресты в поварской части. Ни к чему не привели»), иногда даже пускается в гамлетовские размышления («Что я несу или спасение – или гибель Дому... но все равно, ежели это от судьбы, то от судьбы не уйдешь»). «Ух, и страшное же время, – делится автор «дневника» своими впечатлениями. – Порой

кажется, будто не живешь это сам. А кто-то тебе про такое рассказывает. Главное то, што все люди, которых мне дают и которых мы с Мамой уставляем на место министров, — либо подлец над подлеем, либо продажная шкура. До чего подлый народ... Один любит баб, другой — вино, третий — карты. Одному — чтобы честь, почет, другому — деньги». Записаны в «дневнике» и указания, будто бы переданные Распутиным через императрицу Николаю II: «Што он должен это константинопольское дело так повести, штобы и английские, и французские правители уже знали, што это секретные разговоры, а што если што сказано, то и выполнить надо: што будет того требовать потом вся Рассея. А не то, штобы разговорами прохладаться» (2003, с. 361, 372, 373, 376, 391, 401, 422, 424).

В «дневнике» часто и пространно цитируются различные документы (письма, телеграммы) и чужая речь. В частности, приведены в пересказе слова, якобы сказанные Дедюлиным: «Царь, от тебя твой народ откажется, потому, грит, большой позор российским столбовым дворянам быть под мужиком, ...а всего страшнее, што об нас уже печалится... и заграничная страна» (2003, с. 365–366, 386–388; 2008, с. 38–39, 219 и др.). Вместе с тем в тексте обильно используются нецензурная лексика, простонародные выражения, междометия, выдающие стилизацию под живую речь Распутина. В этой имитации «народной стилистики» публикаторы увидели «неповторимый распутинский стиль» (2003, с. 341). Между

тем тексты, принадлежность которых Распутину не вызывает сомнения, несмотря на то, что они также были литературно обработаны разными лицами, стилистически гораздо более цельны и однообразны¹. Хорошо известные записочки и телеграммы Распутина, не прошедшие редактуру, и вовсе отличаются путанным изложением и малограмотностью².

Публикаторы «дневника» утверждают, что, независимо от его подлинности или подложности, он создает «едва ли не наиболее достоверный и целостный из имеющихся на сегодня в исторической литературе психологический портрет Распутина» (2008, с. 33–34). На самом деле «дневник» вовсе не раскрывает личность предполагаемого автора, действующего и говорящего на его страницах скорее как герой второсортного авантюрного романа. Это, безусловно, один из ярких образчиков фальсификаторства 1920-х гг., воплотивший в себе весь творческий напор и этическую неразборчивость той эпохи.

Ф.А. Гайда,
кандидат исторических наук
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Примечания

¹ *Распутин Г.* Житие опытного странника. СПб., 1907; *он же.* Мои мысли и размышления. Ч. 1. Пг., 1915.

² Подробнее см.: *Варламов А.Н.* Григорий Распутин-Новый. М., 2008. С. 450–455.

С.В. Болотов. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2011. 315 с.

Взаимоотношения Церкви и государства в СССР посвящено уже немало диссертаций, монографий, а также множество статей и публикаций. При этом простор для исследований до сих пор остается весьма широким. Материалы отечественных и зарубежных архивов постепенно дополняют и проясняют картину данного периода нашей истории. 1930–1950-е гг. — один из наиболее интересных этапов сложного пути церковно-государственных отношений. Поворот государственной политики от уничтожения Церкви к ее восстановлению может показаться необъяснимым (отчасти из-за недоступности некоторых документов) и допускает разные трактовки,

нередко зависящие от политических симпатий и антипатий авторов. К сожалению, даже в серьезные статьи и монографии проникают неподтвержденные документально легенды о митрополите Илии (Караме), о покаянии руководителей СССР в прежнем безбожии и т.д. В связи с этим каждая новая научная работа, раскрывающая нюансы церковно-государственных отношений середины XX в., становится заметным событием в научной жизни. В полной мере это относится и к рецензируемой книге Сергея Вячеславовича Болотова.

Основанная на анализе архивных документов, она привлекает внимание строгим научным подходом к истории сотрудничества

Русской Церкви и советского государства. Но здесь возникает серьезная богословская и историческая проблема. Конечно, в сотрудничестве государства и Церкви нет ничего предосудительного. Идеалом церковно-государственных отношений долгое время считалось сложившееся во времена императора Юстиниана представление о симфонии Священства и Царства, при которой Церковь заботилась об укреплении и могуществе государства, возглавляемого православным монархом. Однако в конце 1930-х – начале 1950-х гг. ситуация была далека от византийских образцов. Ведь Русская Церковь была вынуждена поддерживать могущество государства, идеологическим стержнем которого был воинствующий атеизм. При этом власть, с одной стороны, стремилась к внешнему укреплению авторитета Русской Церкви для использования его в своих политических интересах, а с другой стороны, вела с ней упорную идеологическую борьбу, что блестяще показано Болотовым.

Во введении автор знакомит читателя с историографией исследуемой темы и основными источниками, рассмотренными в его работе. В первой главе выявлены причины, побудившие партийное руководство изменить свой курс в отношении Церкви, отказаться от планов ее уничтожения и предоставить ей некоторую свободу. Вслед за ведущими исследователями данного вопроса Болотов связывает смену курса со стремлением советского правительства улучшить свою репутацию за рубежом, демонстрируя терпимость к Церкви, а также с намерением использовать духовенство во внешней политике, выдвинув Московский патриархат в центр мирового православия. Разумеется, это предполагало не ликвидацию Церкви, а жесткий контроль над ней (с. 94–95). Болотов отмечает, что государство пыталось заставить Церковь действовать в его интересах еще в 1920-е гг., добиваясь от церковного руководства публичных заявлений об отсутствии гонений. Но с началом Второй мировой войны положение несколько изменилось. Теперь представители Церкви должны были не только отрицать репрессии, но и действовать в установление советского образа жизни на территориях, отошедших к СССР в 1939–1940 гг. (с. 45–46). Еще одной причиной ослабления давления на Церковь стало массовое распространение по всему миру литературы о преследованиях религии в СССР. Автор отмечает, что эти сведения проникали даже в западные коммунистические газеты (с. 48). Поэтому в условиях Великой Отечественной войны необходимо было показать союзникам, что Церковь в Советском Союзе свободна (на-

стойчивые просьбы прекратить гонения шли от президента США Ф.Д. Рузвельта (с. 64)).

Болотов обращает внимание на то, что наиболее значимые мероприятия в религиозной жизни государство специально проводило накануне важных международных совещаний. Такие мероприятия демонстрировали благожелательное отношение к религиозным общинам и выглядели весьма эффектно. Так, избрание патриарха Сергия, а также съезд мусульманского духовенства, открытие медресе в Бухаре и Ташкенте были приурочены к Тегеранской конференции (с. 71). Поместный собор 1945 г. начал работу накануне Ялтинской конференции, а в день ее открытия 4 февраля был избран патриарх Алексий. Наконец, собор Армянской церкви сознательно проводился в июне 1945 г., незадолго до Потсдамской конференции. Восстановление разгромленной Армянской церкви было политически выгодно не только для улучшения имиджа советского руководства, но и в связи с претензиями СССР на территории Армении, оказавшиеся после Первой мировой войны в составе Турции (с. 74–75). Кроме того, 1944–1946 гг. были ознаменованы активными контактами представителей Московского патриархата с православными общинами в странах Восточной Европы. Нельзя не согласиться с важным замечанием автора, что Русская Церковь и сама была заинтересована в восстановлении международных связей, разорванных в 1920–1930-е гг. (с. 114–115).

Во второй главе Болотов рассматривает взаимоотношения Церкви и государства в середине 1940-х гг. Как показано в книге, патриарх Алексий I после своего избрания сразу же включился в международную деятельность, оправдывая в своих выступлениях политику советского режима и способствуя его укреплению в мире. Со своей стороны, советское руководство всячески способствовало распространению влияния Московского патриархата за границами СССР и, в частности, изоляции Русской Зарубежной Церкви, жестко обличавшей коммунистическую идеологию (с. 153–154). Болотов приводит данные о том, что в 1945–1946 гг. за границу было отправлено 17 делегаций Русской Церкви и принято 13 делегаций от других поместных церквей (с. 173–174). Политические задачи решались и в ходе поездки на Ближний Восток патриарха Алексия I. С помощью Русской Церкви Советский Союз рассчитывал получить влияние на другие поместные церкви и даже оказывать им материальную помощь, как, например, Болгарской Церкви (с. 165, 167). Укрепление позиций Русской Православной Церкви в различных странах использовалось для усиления в них советского влияния. Именно этим Болотов

объясняет активную деятельность Московской патриархии в Албании, Чехословакии, Румынии, Венгрии и Финляндии.

Острой проблемой являлся тогда униатский вопрос, беспокоивший власть и затрагивавший религиозные чувства жителей Западной Украины. Поначалу к униатам в СССР относились спокойно, и мирное развитие отношений с ними казалось вполне возможным. Однако уже в апреле 1945 г. государство изменило свою политику, начав атаку на католичество. По мнению Болотова, на это повлияла смерть Рузвельта, выступавшего в защиту религиозных свобод, а также осложнение отношений СССР с западными державами. Видя в Ватикане врага коммунистического движения, советское руководство решило привлечь к борьбе с ним Русскую Православную Церковь (с. 132). В сложившейся обстановке греко-католики оказались в наиболее уязвимом положении. Условия для их постепенного перехода к православию существовали, среди униатов немало священников и мирян искренне стремились к объединению с Русской Православной Церковью. Однако насилие со стороны государства, принуждавшего к воссоединению под угрозой ареста, тюремного заключения и ссылки, погубило благие начинания сторонников церковного единства (с. 134–136).

Не менее интересна третья глава монографии, посвященная международной деятельности Московской патриархии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Большое внимание уделено в ней проведению в Москве в 1948 г. Всеправославного совещания, которое до сих пор вызывает заметный интерес у богословов и историков. Его участники обсуждали ряд сложных экклесиологических проблем. Так, при рассмотрении вопроса о признании англиканской иерархии приходилось решать, действительны ли таинства, совершаемые духовенством, находящимся вне православной Церкви. Не менее серьезны были затруднения, связанные с церковным календарем: по сути, речь шла о возможности сохранить единство православного мира в условиях, когда заметная его часть, приняв новый календарь, попала под церковное отлучение, и прежде всего, под анафемы Собора 1583 г. Вызывала разногласия и целесообразность участия православной Церкви в экуменическом движении. При этом требовалось определить границу допустимых взаимоотношений между Церковью и отделившимися от нее конфессиями. В настоящее время решения Совещания 1948 г. переиздаются, а его строгая антиэкуменическая позиция противопоставляется последующим заявлениям Русской Церкви¹.

Безусловно, Всеправославное совещание проводилось в рамках политики советского правительства, стремившегося превратить Москву в некий «православный Ватикан»². Для этого нужно было перехватить церковно-политическое лидерство у Константинопольского патриарха, имеющего первенство чести в православном мире (с. 205), одновременно предполагалось активизировать критику католицизма (с. 195–197). Тщательно исследовав предысторию и подготовку Совещания, Болотов показал, что организация государством данного мероприятия отнюдь не была нацелена на то, чтобы принести пользу Русской Церкви. От этого лидеры СССР, возобновившие в 1947 г. гонения на Церковь (с. 260–261), как раз были далеки. Любопытно, что даже темы докладов на Совещании придумывали не служители Церкви, а Г.Г. Карпов (с. 199). Представители поместных церквей привлекались к участию в Совещании с помощью давления и подкупа (с. 215).

Между тем, как показал Болотов, изначально в Москве планировалось провести более крупное мероприятие – всехристианскую конференцию (с. 203), не состоявшуюся из-за противодействия Ватикана. Так или иначе, уже в 1940-е гг. советское государство, меньше всего заботившееся о чистоте православия, было готово сотрудничать с международным экуменическим движением и привлечь к нему Московскую патриархию. По мнению Болотова, этому помешало лишь осознание невозможности играть в межконфессиональном диалоге лидирующую роль (с. 224–225). Действительно, было бы наивно полагать, что Русская Церковь, всего лишь 10 лет назад стоявшая на грани полного физического уничтожения, не восстановив силы после репрессий 1937–1938 гг. и по-прежнему находясь под гнетом государства, сможет направлять ход международной церковно-политической игры. Со своей стороны, главы поместных церквей, и прежде всего вселенский патриарх, не собирались уступать лидерство. Кроме того, как отмечает автор исследования, Запад активно оказывал давление на восточных патриархов, стараясь не допустить их участия в московском Совещании (с. 220–223). В результате, несмотря на известный резонанс, оно так и не выполнило задач, изначально ставившихся советским руководством (с. 257), которому оставалось лишь саботировать инициативы, возникавшие на православном Востоке. Так, из-за позиции Московской патриархии было сорвано Вселенское Предсоборное совещание. Однако это не могло принести заметного урона Церкви (с. 280). В то же время Болотов совершенно справедливо указывает на то, что

попытки государства использовать силы Русской Православной Церкви в своих внешнеполитических целях позволили ей восстановить межправославные и международные связи и приобрести «иммунитет к открытым гонениям и репрессиям внутри СССР» (с. 286). Впоследствии власти уже не удалось возобновить гонения на Церковь в довоенных масштабах.

При всех явных достоинствах книга Болотова не лишена и некоторых недостатков. Нельзя, например, согласиться с тем, что публикация «Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 г.» о прекращении гонений на Церковь вызвала «разлад в среде специалистов» (с. 7). То, что этот документ является подделкой, было убедительно доказано И.А. Курляндским³. Более того, как раз среди *специалистов* разлада из-за публикации данной фальшивки не было.

Неточно и утверждение автора, будто настоятель прихода в Буэнос-Айресе протоиерей, а затем протопресвитер Константин Изразцов до 1926 г. находился в подчинении Московской патриархии, после чего перешел в РПЦЗ (с. 189). На самом деле этот известный миссионер с начала 1920-х гг. подчинялся напрямую Зарубежному Синоду, который в 1923 г. передал управление приходами в Южной Америке митрополиту Евлогию (Георгиевскому). В 1926 г. протопресвитер К. Изразцов поддержал Зарубежный Синод во время его конфликта с митрополитом Евлогием. К тому же до 1927 г. в эмиграции не было разделения на «приходы Московского патриархата» и «приходы Русской Зарубежной Церкви». В первой половине 1920-х гг. все находившиеся за границей русские архиереи поминали на богослужениях московских предстоятелей и в большинстве своем участвовали в управлении Русской Зарубежной Церковью, поддерживая связь с Карловацким Синодом. Даже иерархи, державшиеся обособленно, как, например, архиепископ Сергей (Тихомиров) в Японии или митрополит Платон (Рождественский) в Северной Америке, старались сохранять отношения с зарубежным церковным центром. Разделение началось лишь во второй половине 1927 г., после того как заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) потребовал дать подписку о прекращении антисоветской деятельности. Как известно, часть зарубежных иерархов, включая митрополита Евлогия (Георгиевско-

го), согласилась с этим требованием и перешла в прямое ведение митрополита Сергея. Только с этого момента можно противопоставлять приходы Московской патриархии и Русской Зарубежной Церкви.

Несколько невянятно в монографии говорится о том, что после «Декларации» митрополита Сергея Русская Зарубежная Церковь «разорвала все связи с Москвой и заняла по отношению к СССР непримиримую позицию» (с. 36). Враждебность РПЦЗ к Советской России проявилась задолго до 1927 г. Неприятие же в Зарубежной Церкви политики митрополита Сергея объяснялось не столько его «Декларацией», сколько все тем же требованием подписки о прекращении выступлений против СССР. При этом в 1927 г. РПЦЗ разорвала с московской церковной властью не все связи, а только административные, в то время как евхаристическое и молитвенное общение формально сохранялось до 1931 г. Наконец, не совсем корректно именовать движение последователей митрополита Иосифа (Петровых) «церковным расколом» (с. 204). Хотя иосифлянство находилось в оппозиции к Московской патриархии, в нем скорее следует видеть разделение, а не раскол. Не случайно многие иосифляне причислены Русской Церковью к лику святых.

Впрочем, все это никоим образом не умаляет достоинств проделанной С.В. Болотовым работы. Его зрелое и научно значимое исследование будет полезно как профессиональным историкам, так и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым нашего Отечества.

А.А. Кострюков,
кандидат исторических наук
(Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет)

Примечания

¹ См., например: Разорвать экуменическое кольцо. Всеправославное Совецание 1948 г. об экуменизме. М., 1998. С. 11–59.

² Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 1999. С. 166; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 300–301.

³ Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М., 2011. С. 523–549.

Дискуссия о российском крепостном праве и его последствиях

В 2011 г., когда отмечалось 150-летие освобождения крестьян, Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН) при поддержке Отделения историко-филологических наук РАН организовал научную дискуссию по истории крепостного права в России. Проводившаяся как в очной, так и в заочной форме, она началась 17 февраля 2011 г. с заседания «круглого стола» на тему «Крепостное право в истории России», а продолжилась в ходе ряда научных конференций, посвященных 150-летию крестьянской реформы 1861 г. и прошедших при активном участии ученых ИРИ РАН: в Российском государственном аграрном университете – Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (4–5 марта), Государственном Историческом музее (15–17 марта), Музее-заповеднике «Горки Ленинские» (23–24 марта).

Ведущие историки из академических институтов и ряда вузов страны обсудили ряд важных и продолжающих оставаться спорными проблем, связанных с историей крепостнических порядков и их влиянием на жизнь России на протяжении четырех столетий, с XV по вторую половину XIX в. Открывая дискуссию, директор ИРИ РАН д.и.н. *Ю.А. Петров* остановился на сущности крепостного права, общественной значимости крестьянской реформы 1861 г. и ее 150-летнего юбилея, а также на последствиях освобождения крестьян. От первой фиксированной даты – Судебника 1497 г. до 19 февраля 1861 г. прошло больше трех с половиной веков. За это время сама система крепостничества эволюционировала, развивалась в сторону ужесточения и, казалось, уже достигла своего пика при царе Алексее Михайловиче, когда в 1675 г. был издан указ о разрешении продажи крестьян без земли. Собственно, с этого момента

крепостничество по существу постепенно сближалось с рабством. Эта система особенно интересна с точки зрения причин ее появления. Конечно, сыграли свою роль аппетиты дворянского сословия, его желание получить дармовые рабочие руки. Но едва ли не решающим фактором здесь были интересы самого государства, поскольку Россия могла поддерживать свой великодержавный статус лишь за счет напряжения внутренних ресурсов, за счет народа. Эта система достигла своего апогея в XVIII в., когда Российская империя попыталась добиться некоего синтеза западных технологий и рабского труда.

Такая модель модернизации более или менее эффективно действовала до середины XIX в. Однако Крымская война показала, что она, мягко говоря, уязвима. Прежде всего обнаружился громадный технологический разрыв между Россией и ведущими западными державами, причиной которого, в конечном счете, было крепостничество. Именно осознание этого факта стало главным мотивом, по которому Александр I приступил к подготовке крестьянской реформы. Можно ли говорить в этом контексте, что крепостное право экономически себя изжило, что оно абсолютно утратило экономическую эффективность? Есть точка зрения, что благосостояние крепостных крестьян в целом было в это время не столь уж плохим по сравнению, скажем, с положением английских пролетариев. Но поскольку при разработке крестьянской реформы 1861 г. на первом месте было все-таки не благосостояние народа, а интересы государства, то отмена крепостного права проводилась по привычной модели, то есть за счет народа. Вместе с тем в связи с реформой 1861 г. обрела осязаемые черты и иная модель экономической модернизации, основанная на свободном труде, на рыноч-

ных отношениях: то, что можно назвать «капитализмом». Эта модель оформилась именно под влиянием отмены крепостного права. Достаточно вспомнить, какими громадными темпами росло (разумеется, за счет крестьян) во второй половине XIX в. городское население России.

Перед участниками дискуссии были поставлены следующие вопросы, связанные с историей крепостного права: 1. Понятийно-терминологические аспекты изучения истории российского крепостного права. 2. Причины зарождения и формы крепостного права в России и других государствах Европы. 3. Влияние крепостнических отношений на социально-правовой статус, экономическое положение и психологию крестьянства, дворянства и других социальных групп. 4. Зарождение антикрепостнической идеологии в России в XVIII в. 5. Проекты освобождения крестьян предреформенного периода. 6. Крестьянская реформа 1861 г. и ее реализация. 7. Социально-экономические, политические и культурные последствия отмены крепостного права.

Как отметил в своем выступлении к.и.н. *В.Б. Перхавко* (ИРИ РАН), в научных трудах, школьных и вузовских учебниках по истории феодальной России часто, но далеко не всегда корректно используются понятия «закрепощение», «прикрепление крестьян», «крепостное право», «крепостные крестьяне», «крепостные люди», «крепостные работники», «крепостная община», «крепостная мануфактура», «крепостничество», и др. Все они нуждаются в конкретизации и уточнении. Так, термин «крепостные люди» первоначально, в XVI–XVII вв., применялся только по отношению к полным и старинным холопам и лишь с первой четверти XVIII в. распространился на помещичьих крестьян, которые именно в петровскую эпоху окончательно слились с холопами в одну социальную группу. Между тем научной литературе (вопреки лексике исторических источников) крепостными нередко именуется разные категории крестьянства XVII в. (вотчинные, помещичьи, монастырские крестьяне), XVIII в. (государственные, удельные, кабинетские, приписные, посессионные крестьяне).

Словосочетание «крепостное право» впервые прозвучало в выступлениях помещиков во время обсуждения крестьянского вопроса на заседаниях Уложенной комиссии 1767–1768 гг., но более активно стало использоваться и государственными деятелями и публицистами только с первой четверти XIX в. При этом подразумевалось помещичье право собственности на землю и на крестьянские души. В основе самого термина лежит слово «крепость» в значении «документ, удостоверяющий право собственности на недвижимое имущество». В более широком общественно-политическом смысле русские просветители и историки XVIII в., а позже декабристы называли зависимость крестьян рабством.

Лишь накануне крестьянской реформы 1861 г. в употребление вошли слова «крепостничество» и «крепостник», которые применялись по отношению к непоколебимым защитникам крепостного права, но затем приобрели в марксистско-ленинской историографии слишком широкое толкование. Неправомерно ставить знак равенства между понятиями «крепостное право» («крепостничество») и «феодалная зависимость крестьян». Классическое крепостное право (по крайней мере, в его российской модели), представлявшее собой наиболее суровую форму феодальной зависимости крестьян, выражалось в прикреплении их не только к земле, но и к личности феодала, в лишении крепостных, находившихся в полной (в том числе судебной-полицейской) власти владельца, юридических и экономических прав, наконец, в продаже их без земли.

По мнению д.и.н. *В.А. Кучкина* (ИРИ РАН), крепостное право – это внеэкономическое принуждение крестьян, и есть целый ряд показателей этого внеэкономического принуждения. Крестьяне рассматривались как часть недвижимой собственности помещика и могли закладываться, продаваться, дариться и т.д. Между тем в литературе внеэкономическое принуждение часто смешивается с экономической зависимостью крестьян, которая обуславливалась тем, что крестьяне имели в пользовании помещичью землю. Но экономическая зависимость была присуща не только крепостным крестьянам, но

и так называемым свободным сельским обывателям (государственным, удельным крестьянам и ряду других категорий), т.е. тем, кто не был в крепостной зависимости. Нельзя (вслед за петербургским историком Б.Н. Мироновым) распространять вполне конкретное понятие «крепостничество» на все российское общество.

По мнению к.и.н. *Л.Н. Вдовиной* (МГУ им. М.В. Ломоносова), в основе этимологии терминов «крепостное право» и «крепостное состояние» лежит слово «крепкий», т.е. человек, «крепкий земле», приписанный к земле, лишенный права свободного перехода; человек, «крепкий владельцу», прикрепленный к помещику, крепостной. В исторической литературе под «крепостным правом» обычно имеют в виду высшую степень неполной собственности феодала на крестьянина. Крепостное право в правовом отношении выражалось в прикреплении крестьянина к земле, в праве землевладельца отчуждать крестьянина без земли, в ограничении его дееспособности. «Крепостничество» как систему социальных отношений в ряде случаев принято отличать от «крепостного права» как юридической формы их выражения.

Продолжая разговор о понятийно-терминологических аспектах истории крепостного права, д.и.н. *В.Я. Гросул* (ИРИ РАН) отметил, что при сравнении положения крестьян феодальной эпохи в России и других странах Европы возникают проблемы адекватного перевода с европейских языков на русский тех или иных терминов. В частности, термин *Leibeigenschaft*, упомянутый в «Капитале» К. Маркса, И.И. Скворцов-Степанов перевел как «крепостничество», т.е. крепостное право. В действительности его следовало бы перевести как «феодализм», поскольку для настоящего крепостничества в немецком языке имеется другой термин – *Hörigkeit*. Следует остановиться и на таком понятии, как «крепостное состояние», которое означает фактическое крепостничество. Во взаимоотношениях крестьян и феодалов бывало и такое, когда крестьянин, будучи опутан различного рода обязанностями, не мог покинуть своего места жительства, фактически являясь прикрепленным либо к земле, либо

к личности помещика, хотя формально не был закрепощен.

Член-корреспондент РАН *С.М. Кауштанов* (Институт всеобщей истории РАН) выразил точку зрения, что, отказавшись от материалистического подхода к истории, историки лишились важной основы для понимания многих проблем истории феодальной России, в том числе крепостного права. По его мнению, закрепощение крестьян на Руси с конца XV в. было закономерным и в силу этого прогрессивным этапом развития феодальных отношений. Вместе с тем само понятие «крепостное право» в историографии трактуется по-разному. Иногда его понимают как разновидность феодальной зависимости. Кто-то считает, что для оформления крепостного права достаточно прикрепления крестьян к земле. Тем самым в «крепостном праве» как бы сливаются две составляющих – феодальная и рабовладельческая, причем считается, что первая предшествовала второй. По отношению к крестьянам (не к холопам) российское крепостное право естественно развивалось до тех пор, пока их не стали продавать отдельно от земли со второй половины XVII в.

Для анализа крепостного права в России очень важен компаративный контекст, прежде всего – сопоставление с аналогичными институтами в других европейских странах. Как полагает д.и.н. *М.В. Винокурова* (Институт всеобщей истории РАН), по отношению к Западной Европе более уместен широкий термин «феодализация», описывающий становление феодализма как системы, формирование земельной собственности и феодального поместья, складывание отношений господства и подчинения. Чтобы выразить состояние, близкое термину «крепостничество» в России, по отношению к феодально-зависимому крестьянству Англии, сегодня чаще всего используют термины «вилланство», «вилланы», к крестьянству средневековой Франции – «серваж», «сервы».

В закрепощении крестьян и оформлении системы крепостного права в России, по мнению Перхавко, ведущую роль сыграло государство. Начало прикрепления крестьянства к земле далеко не случайно совпало с завершающим этапом объединения русских земель вокруг Москвы и

созданием единого государства. С одной стороны, возникновение крепостного права в России, как и в соседних странах Центральной и Восточной Европы (Венгрии, Польше, Литве, Прибалтике), было естественным и закономерным процессом в условиях становления крупной собственности феодалов на землю и борьбы феодалов за рабочие руки. Прикрепление крестьян к земле и к личности землевладельца позволили государству сконцентрировать за счет эксплуатации крепостных значительные финансовые и продовольственные ресурсы, использовавшиеся для содержания государственного аппарата, вооруженных сил, активной и наступательной внешней политики. Нельзя не учитывать и суровые природно-климатические условия Восточной Европы, позволявшие создавать в основной отрасли экономики – сельском хозяйстве слишком ограниченный совокупный общественный продукт. Как справедливо указывал Л.В. Милов, крепостное право сыграло роль своеобразного механизма выкачивания средств из деревни. С другой стороны, полное прикрепление к земле и к личности феодала вызвало протест у значительной части крестьян, особенно недовольных барщиной. Он выливался и в бегство крепостных на южные окраины, в Сибирь, и в крестьянские волнения разного масштаба. Крепостное право отрицательно сказалось и на крестьянской психологии.

В.Д. Назаров (Институт всеобщей истории РАН) согласился с утверждением Каштанова о безотрадном состоянии современной отечественной историографии по истории зарождения крепостнических отношений в России. До середины 1980-х гг. среди советских историков господствовала точка зрения о постоянно нарастающем развитии крепостничества, которая явно нуждалась в коррективах. Становление крепостного права не было линейным и происходило в основном в последней четверти XVII и первой половине XVIII в. По отношению к более раннему времени можно говорить лишь о прикреплении к земле. Эту точку зрения поддержал Перхавко. По его мнению, крепостное право в России окончательно сложилось не в 1649 г., а после указов

1675 и 1688 гг., когда государство разрешило вотчинникам свободно продавать и приобретать крестьян без земли. Родственники могли делить между собой вотчинных крестьян, передавать их по наследству и в качестве приданого. До 1714 г., т.е. до окончательного слияния поместья с вотчиной, поместные крестьяне могли перейти от одного владельца к другому лишь на основании поступных грамот. Заключительными аккордами оформления системы российского крепостного права в петровскую эпоху стали слияние частновладельческих крестьян и холопов в одну социальную группу крепостного населения и распространение на нее подушной подати (1718–1724 гг.). С 1721 г. лица недворянского происхождения, владевшие мануфактурами, получили право приобретать для них крестьян. Государственных и дворцовых крестьян (своего рода полукрепостных) с конца XVII до начала XIX в. правители России могли раздавать в частные руки, превращая в крепостных. К.и.н. *В.А. Аракчеев* (Псковский педагогический университет), не соглашаясь с концепцией Л.В. Милова об определяющем значении природно-географического фактора в формировании системы крепостного права в России, подчеркнул, что первостепенную роль в этом длительном и постепенном процессе сыграло государство, крайне заинтересованное в прикреплении всех податных групп населения к тяглу.

На истоках закрепощения крестьян сконцентрировал свое внимание Кучкин. В период политической раздробленности, несмотря на отдельные ограничения, крестьяне могли переходить и внутри княжества, и даже за его пределы. Их зависимость от феодалов имела главным образом экономический (долговой) характер и была связана с кредитованием. Закрепостительные правовые тенденции, отчасти основывавшиеся на практике, которая существовала в различных княжествах, резко усилились в эпоху завершения объединения русских земель вокруг Москвы. Как только образовалось централизованное государство, стало ясно, что крестьянину уходить некуда, и именно в этот период начинаются отливы населения, когда беглые люди уходят на юг, туда,

где не было власти русского правительства. Но значительно усилившаяся великокняжеская (а затем царская) власть пошла по пути постепенного прикрепления крестьян к земле, с тем чтобы с помощью уже внеэкономического принуждения заставить их работать и на государство, и на землевладельца.

Д.и.н. *К.А. Аверьянов* (ИРИ РАН) настаивал, что длительное обсуждение двух концепций оформления крепостного права (так называемого указного и безуказного закрепощения), возникших еще в дореволюционный период, сыграло определенную негативную роль в отечественной историографии. За юридическими деталями самого процесса прикрепления крестьян к земле в тени оставались основные причины закрепощения русского крестьянства. Он также подверг сомнению тезис советских историков о том, что непосредственно перед эпохой закрепощения крестьян, в 1570–1590-х гг., в стране разразился «хозяйственный кризис». Присоединение в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств открыло путь для освоения плодородных районов Центрального Черноземья и Поволжья. Постепенно сюда направляется возрастающий поток переселенцев. Все это привело к известному запустению основной территории страны. Если раньше в центральных районах России при сохранении права крестьянского «выхода» происходил своеобразный круговорот рабочих рук, то в новых условиях здесь начинает наблюдаться их нехватка. Для правительства самым простым способом решения этой проблемы стало временное, а затем постоянное запрещение крестьянского выхода.

По мнению Вдовиной, крепостное право являлось важнейшей частью системы государственного феодализма в России. Режим крепостничества стал для российского государства и дворянства надежным средством изъятия прибавочного продукта у крестьянства. Милов называл систему крепостного права механизмом «выживания» в российских условиях. Еще одним компонентом выживания была крестьянская община, которая регулировала хозяйственные, податные, судебные отношения между собственником земли и крестьянами, обеспечивала до определен-

ных пределов социальную стабильность, помогая отдельным крестьянским хозяйствам в критической ситуации. Система государственного феодализма, а также сохранение крестьянской общины тормозили вызревание у крестьян представлений о частной собственности на землю.

Принимая объяснения объективных причин зарождения и длительного существования крепостничества в России, его нельзя не рассматривать как абсолютное нравственное зло, — полагает д.и.н. *Ю.Н. Смирнов* (Самарский государственный университет). Хотя временами принудительная мобилизация могла приносить некоторый положительный эффект, цена за это, по его мнению, была чрезмерна. Крепостное право не только унижало зависимых людей, парализовало их активность и способности, оно развращало и само господствующее сословие.

Винокурова привела в своем выступлении материалы по Западной Европе, где по сравнению с Восточной Европой (в частности, с Россией) процесс закрепощения крестьян был более ранним и интенсивным. Так называемое закрепощение (точнее, попадание в феодальную зависимость) западноевропейского крестьянства приходится на период VIII–XIII вв. и начинается с раздачи феодалам иммунитетных хартий и передачи им публично-правовых функций в отношении крестьян. Таким образом последние оказались в прямой зависимости от феодалов, но не от государства. С XI в. в английских источниках появляется информация о феодально-зависимых крестьянах-вилланах, во Франции они именовались «сервами». Крайнее развитие «вилланства» приходится на XIII в. (век «феодальной реакции» в Англии), когда, согласно общему праву, выраженному особенно четко в доктрине известного английского правоведа Генри Брактона, статус виллана приравнивали к статусу раба римского права. Уже с конца XIII в. и на протяжении следующих двух столетий в связи с переходом к денежной форме феодальной ренты (коммутация барщины) происходит постепенное освобождение вилланов от личной зависимости. Это освобождение могло совершаться по грамоте (за выкуп в присутствии свидетелей) или путем бегства в города. Вилланство

в Англии эволюционирует в сторону копигольда (формы держания, при которой на право владения земельным участком крестьянам выдавалась копия документа), распространившегося с XV в. Во Франции серваж постепенно замещается цензивой – формой держания, при которой крестьянин-цензитарий также освобождается от личной зависимости и его право на вещный объект (крестьянский надел) фактически приближается на протяжении XV–XVIII вв. к мелкой крестьянской собственности, юридически освобожденной во время Французской революции и далее получившей правовую фиксацию в Кодексе Наполеона. В XVI в., когда в России продолжается процесс прикрепления крестьян к земле, в Англии и отчасти в Северной Франции начинается раннекапиталистическая эволюция крестьянского хозяйства и хозяйства лендлордов. Таким образом, темпы и формы социально-экономического развития на западе и востоке Европейского континента явно не совпадали.

О необходимости продолжения целенаправленной разработки проблемы зарождения и функционирования крепостного права в России в сравнении с соседними странами Европы (прежде всего Польшей) говорил, выступая в дискуссии, член-корреспондент РАН *Б.Н. Флоря* (Институт славяноведения РАН). Д.и.н. *Н.А. Иванова* (ИРИ РАН) выдвинула положение об отсутствии в дореформенной России сословия крепостных крестьян и позднее (после 1861 г.) оформлении крестьянского сословия в целом. Крепостное крестьянство, по ее мнению, находилось вне сословного правового поля, в котором обязанности сочетались с правами. По мнению к.и.н. *А.В. Ковальчука* (ИРИ РАН), необходимо отличать несвободных работников мануфактур (посессионных, «вечноотданных к заводам», находившихся на положении полукрепостных и прикрепленных прежде всего к предприятию, а не к его владельцу, от частновладельческих помещичьих крестьян. Первых, в отличие от вторых, нельзя было продавать отдельно от недвижимости (предприятий).

Расцвет системы крепостного права, распространявшейся как вширь (на новые районы страны), так и вглубь (с

помощью антикрестьянского крепостнического законодательства), приходится на 1725–1797 гг., когда крепостные крестьяне, лишённые экономических и юридических прав, оказались в полной власти помещиков и феодально-абсолютистского государства. Вместе с тем именно к екатерининской эпохе относится зарождение антикрепостнической идеологии в России. Продолжая участие в дискуссии, Вдовина отметила, что Уложенная комиссия 1767–1768 гг. впервые обозначила существование крестьянского вопроса, дала возможность публично, в печати обсуждать тяжелое положение крестьянства. Как соотносить просвещенный абсолютизм Екатерины II и очевидное укрепление крепостного права в ее царствование? Ответ на этот вопрос после разговора с Д. Дидро она дала сама, заметив, что высокими идеями философа хорошо наполнять книги, но действовать по ним плохо. Осознав неготовность русского общества решить крестьянский вопрос, сделала вывод д.и.н. *Л.М. Артамонова* (Самарская государственная академия культуры и искусств), Екатерина II перенесла свои аболиционистские намерения и ожидания в сферу образования и воспитания, т.е. Просвещения в первоначальном и узком смысле этого слова. Некоторые другие участники дискуссии напомнили об указе Павла I 1797 г. о трехдневной барщине как о первой вехе на пути к смягчению крепостного права.

Оживленную дискуссию вызвали выступления, посвященные отношению Церкви к крепостному праву. Как утверждала к.и.н. *В.С. Румянцева* (ИРИ РАН), патриарх Никон негативно воспринимал (не только в период своей опалы, но сразу же по вступлении на патриарший престол) Соборное Уложение 1649 г. и называл его «беззаконной книгой». Д.и.н. *Н.Н. Лисовой* (ИРИ РАН) отстаивал тезис об отсутствии у Церкви реальных возможностей повлиять на изменение государственной крепостнической политики, хотя в отдельных случаях священники и епископы ратовали за более мягкое отношение помещиков к крестьянам.

К.и.н. *И.В. Ружницкая* (ИРИ РАН), остановившись на анализе проектов освобождения крестьян первой половины XIX в.,

пришла к выводу, что деятельность Секретных комитетов по крестьянскому вопросу в николаевскую эпоху создала «теоретическую базу» реформы 1861 г. В ходе их работы был сформулирован целый ряд положений будущего преобразования (необходимость переходного периода, отказ от выкупа личной свободы и от безземельного освобождения), разработан порядок наделения крестьян землей при сохранении дворянского землевладения, определены будущие административное и судебное устройство крестьян. При Николае I к отмене крепостного права было подготовлено общественное мнение и сформированы силы, осуществившие реформу. Это «просвещенные» или «либеральные бюрократы»: представители правительственного реформизма старшего поколения и молодые чиновники, проявившие себя уже в ходе подготовки преобразований 1860-х гг. По мнению Флори, при изучении истории подготовки крестьянской реформы 1861 г. целесообразно обратиться к опыту осуществления аграрных преобразований в Австрии и Пруссии, который анализировался в свое время сторонниками отмены крепостного права в России.

Гросул обратил внимание на важность изучения всего разнообразия настроений русского крестьянства накануне 1861 г. Наряду с теми, кто жаждал поскорее обрести свободу, были даже такие крестьяне, которые соглашались при определенных условиях на сохранение крепостных отношений. Больше всего крестьянство желало или сохранить свои прежние земельные наделы при ликвидации обязательности работ на помещиков или даже полностью разделить все помещичьи земли. Не случайно в известной прокламации «Великорус» в 1861 г. говорилось о двух партиях среди крестьянства, одна из которых желала полного перехода всей земли в собственность крестьян без выкупа, а другая ратовала за сохранение прежних участков, но тоже без выкупа.

По мнению выступавших на «круглом столе» и конференциях, освобождение крестьян и последовавшие за ним другие реформы при всей их ограниченности все-таки открыли дорогу для ускоренного развития капитализма в России и станов-

ления в стране зачатков гражданского общества, хотя еще сохранялись многочисленные пережитки прошлого.

Гросул привлек внимание участников дискуссии именно к ограниченности отмены крепостного права. Наделы крестьян сократились за счет так называемых отрезков. Острейший аграрный вопрос конца XIX – начала XX в. был порожден во многом именно крестьянской реформой 1861 г. К.и.н. *А.С. Минаков* (Орловский государственный университет) привел материалы о крестьянской реформе в Орловской губ., где с момента оглашения Манифеста 19 февраля до конца 1861 г. было отмечено 123 выступления крестьян, недовольных условиями своего освобождения. 230 тыс. бывших крепостных получили в результате реформы наделы от 1 до 3 десятин на душу мужского пола, что препятствовало нормальному ведению хозяйствования. Денежный оброк за 3 десятины составлял 9 руб. в год, а в результате выкупной операции стоимость надела возрастала более чем вдвое. Крестьянин оставался в разорительной экономической зависимости от помещика.

Д.и.н. *С.А. Козлов* (ИРИ РАН) также заострил внимание на негативных последствиях отмены крепостного права. Если сразу же после реформы 1861 г. в российском обществе появляется заметная эйфория, связанная с оживлением надежд на быстрое преодоление хозяйственной и культурной отсталости, то вскоре на передний план вновь выступают нерешенные проблемы: слабая техническая оснащенность помещичьих и крестьянских хозяйств, отсутствие средств для их развития, бедность и малоземелье сельских тружеников. Субъективные же проблемы коренились в особенностях традиционного менталитета: пресловутой «обломовщине» у землевладельцев, печально знаменитом крестьянском «авось», неумении и зачастую нежеланием тех и других работать интенсивно. В первое пореформенное десятилетие помещичьи хозяйства Центральной России пережили острейший кризис. Многие землевладельцы разорились и бросили свои имения, переселившись в города. Зачастую как крестьяне, так и землевладельцы проявляли поразительную неуступчивость по

отношению друг к другу, не желая идти на какие бы то ни было компромиссы. Крестьяне диктовали цены на вольнонаемный труд, нередко превышавшие разумные, а их бывшие владельцы не желали уступать землю в аренду по приемлемой цене. Государственная аграрная политика была крайне непродуманной. Практически ничего не делалось для того, чтобы помочь перестройке помещичьих хозяйств. Отсутствовала система краткосрочного кредита, не был законодательно урегулирован рынок наемного труда. Главное же заключалось в том, что реформа 1861 г. никак не способствовала укреплению у крестьян частнособственнических инстинктов.

Российский опыт относительно свободной социальной конкуренции и налаживания социального партнерства оказался очень краток и беден, констатировал Смирнов. Полувек пореформенного развития не хватило, чтобы россияне разных классов и состояний оказались готовы встретить вызовы XX в. национальной солидарностью, а не гражданским противостоянием. Напротив, по мнению д.и.н. *М.А. Давыдова* (Российский государственный гуманитарный университет), Великие реформы заслуживают самой высокой оценки. Помимо ликвидации крепостного права они дали стране независимый суд, местное самоуправление, реальную свободу слова, реформы образования, свободу передвижения и многое другое, что с течением времени должно было преобразить ее. Но Россия могла бы добиться гораздо большего, если бы сразу после 1861 г., а не с конца 1906 г. начала реализоваться концептуальная идея крестьянской реформы – превращение крестьян в собственников своих наделов. Вместо этого с середины 1870-х гг. был взят курс на закрепление общинного начала в русской деревне. Давыдов связал сохранение уравнильно-передельной общины с крепостническим мышлением значительной части образованного общества, а также с эпидемическим распространением в пореформенной России социалистических идей (в народническом, марксистском, земском и государственно-бюрократическом вариантах).

К.и.н. *И.А. Христофоров* (ИРИ РАН) обратил внимание на противоречивость правительственной политики в деревне на протяжении всего пред- и пореформенного периода. С одной стороны, реформаторы руководствовались желанием сделать крестьян более предсказуемыми и управляемыми, рационализировать их и поставить под контроль в качестве производителей и налогоплательщиков (причем не столь важно, считалась ли лучшим средством для этого мелкая собственность или же община). С другой стороны, те же самые реформаторы систематически романтизировали крестьянство как носителя и оплот исторических традиций, как тот самый «народ», который является опорой стабильности и гарантом уникального «русского пути» развития. Эта противоречивость отчетливо проявилась не только в реформе 1861 г., но и в непомерно идеализируемой сейчас столыпинской аграрной реформе. По уровню административного регулирования и вмешательства в жизнь деревни она намного превосходила все предыдущие попытки власти что-то сделать с крестьянами. Но никуда не делась во времена Столыпина и прежняя патерналистская парадигма – просто место воображаемого патриархального общинника занял в ней столь же мифический хуторянин. В этом смысле столыпинская реформа парадоксальным образом оказалась возвращением к идеям 1830–1840-х гг., когда община еще не стала в бюрократических и общественных кругах предметом культа, а нормой считалось насаждение семейных хозяйств (в том числе и на хуторах). Именно этим пыталось заниматься Министерство государственных имуществ при П.Д. Киселеве. Между тем бесконечные споры об общине и метания правительства от попыток ее разрушения к поддержке и обратно очень часто отвлекают внимание историков (как это происходило и с современниками) от реально происходивших в экономической, административной, правовой сферах процессов.

Многие участники дискуссии с сожалением констатировали ослабление внимания в отечественной исторической науке последних десятилетий к проблемам истории крестьянства и сельского хозяйства

как России, так и других стран мира. Был выделен целый ряд вопросов, которые нуждаются в дальнейшем объективном изучении: 1) содержание понятий, связанных с крепостным правом; 2) сравнение российской модели крепостного права с феодальной и крепостной зависимостью крестьянства в других странах Европы; 3) роль крепостного труда в истории российской мануфактурной промышленности; 4) вопрос о кризисе феодально-крепостнической системы накануне 1861 г.; 5) сильные и слабые стороны реформы

1861 г., соотношение ее с последующей правительственной политикой. Артамонова выразила мысль о своевременности идеи о создании обобщающего труда по истории крепостничества в России, основанного на надежном источниковом фундаменте и новейших разработках российских историков.

В.Б. Перхавко,
кандидат исторических наук
(Отделение
историко-филологических наук РАН,
Институт российской истории РАН)

Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»

27 апреля 2011 г. состоялось первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» – совместного постоянно действующего проекта Центра аграрных исследований¹ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЦАИ РАНХиГС) и научного проекта «Народ и власть: история России и ее фальсификации»². В первом заседании семинара приняли участие ученые, представлявшие журналы, научно-исследовательские организации и вузы Москвы, Казани, Пензы, Тамбова. Внимание выступавших было сконцентрировано на анализе различных моделей решения аграрного вопроса, определении его места в истории, сопоставлении отечественного и зарубежного опыта аграрных реформ. На обсуждение участников были вынесены доклады главного редактора журнала «Российская история» А.Н. Медушевского и казанского историка-крестьяноведа Д.И. Люкшина.

Медушевский в докладе «Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России» рассмотрел аграрный вопрос как теоретическую конструкцию, выражающую кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. Решающим фактором инициирования реформ были не экономика и демография, а философско-этические соображения, связанные с моральной экономикой и нравственными основаниями распределения собственности. Роковой для судеб реформ оказалась ситуация правового дуализма – параллельного существования двух конфликтующих систем права – позитивного (отражавшего западные представления и насаждавшегося государством в интересах модернизации) и обычного (соответствовавшего порядкам общины с ее традиционализмом, коллективизмом, уравнительно-распределительными началами трудовой этики, противоположными принципам рыночной экономики). Представления о несправедливости распределения земли нарастали по мере юридического закрепления крестьян. Планка социальных запросов крестьянства оказалась выше его способности конвертировать новый правовой статус в рациональную экономическую деятельность. Радикальная интеллигенция развивала этот потенциал недовольства, не задумываясь о его деструктивных последствиях. В этом состоял «специфический российский феномен завышенных ожиданий», приведших к аграрной революции. Возможность революционного срыва превратилась в реальность в результате комбинации традиционалистского массового сознания (протестующего против позитивного права, не соответствующего обычно-правовым представлениям), авторитаризма политической власти (не допускающей изменения позитивного права и отношений собственности) и экстремизма радикальной интеллигенции (использующей конфликт позитивного и обычного права для достижения своих политических целей)³.

В докладе *Люкшина* «Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос» прозвучал тезис, согласно которому вопрос этот (как проблема предоставления крестьянам земли) в России не существовал, поскольку не мог быть решен. Нехватка земли перестала быть злобой дня лишь после ликвидации крестьянства во второй половине прошлого

века. Аграрный вопрос носил искусственный характер, выступая в роли симулякра, к которому были стянуты претензии адептов освободительного движения. Российское государство, проводя реформы, исходило из реализации своих конкретных интересов. Главной причиной реформы 1861 г. было не альтруистическое стремление государя, а желание получить с крестьян деньги на модернизацию вооруженных сил (столыпинская же реформа – попытка второй раз ограбить уже ограбленное крестьянство и уверить его в том, что это снова делается для его же блага). В целом реформа привела к коллапсу аграрно-социальной хозяйственной организации, который был преодолен только к началу второго десятилетия XX в. «Общинная революция» проходила в рамках оборонительных стратегий крестьянства, которые в патримониальной монархии облекались в форму агрессии.

В состоявшейся в ходе обсуждения докладов дискуссии, кроме самих докладчиков, приняли участие: профессор РАНХиГС В.В. Бабашкин, профессор Тамбовского государственного технического университета В.Б. Безгин, заведующий сектором Института научной информации по общественным наукам РАН А.В. Гордон, профессор РАНХиГС В.В. Зверев, профессор Пензенского государственного педагогического университета В.В. Кондрашин, доцент Московского университета МВД России и Российского государственного гуманитарного университета П.П. Марченя, директор ПАИ РАНХиГС А.М. Никулин; доцент Института гуманитарного образования С.Ю. Разин; профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.Л. Роголина; ведущий научный сотрудник Российского государственного архива экономики Т.А. Савинова.

Гордон отметил, что аграрный вопрос появляется не в Новое время, а известен с древности, став причиной движения Гракхов в Древнем Риме. В России он возник задолго до 1861 г. – обсуждался Уложенной комиссией еще в XVIII в. Проблема правового дуализма тоже не нова, поскольку коллизия писаного (римского) и обычного права (кутумы) существовала в средневековой Франции. *Роголина* отметила новизну предложенной Медушевским трактовки аграрного вопроса и значимость вывода о проведении реформы 1861 г. без разрыва правовой преемственности с формулой социального компромисса. Столыпинская реформа также основывалась на компромиссном подходе, наличии выбора, многообразии форм собственности и последовательном закреплении прав новых собственников. По мнению *Бабашкина*, позитивные оценки реформы 1861 г. не учитывают того, как отреагировали на реформу сами крестьяне. Земельная аристократия утратила в их глазах моральное право на землевладение, поскольку пренебрегала своими морально-экономическими обязанностями. Это и стало главным горючим материалом революционных событий. *Кондрашин* также напомнил, что реформа 1861 г. заложила мину замедленного действия, взорвавшуюся в XX в. Крестьяне, несмотря на все усилия реформаторов, так и не признали частную собственность на землю, и видели в общине систему коллективной безопасности, спасавшую их от окончательного разорения и голода. *Савинова* не согласилась с Медушевским в том, что аграрный вопрос есть теоретическая конструкция, а его экономическая составляющая вторична. По ее мнению, хозяйство – категория прежде всего практическая, затем метафизическая, и только потом правовая. Она поддержала тезис о том, что процессы, протекавшие в общинах, имели собственное содержание, и напомнила о наличии альтернативы столыпинской модели аграрной модернизации, выраженной в идее организационно-производственной школы. *Разин* высказал сомнение в эффективности столыпинской реформы в деле предотвращения революции. Она сама стала одним из факторов, приведших к революции. Не случайно первыми, кого весной 1917 г. пошли громить общинники, стали отрубники и хуторяне. *Марченя* выразил солидарность с Медушевским в признании важности психологической составляющей революции. Однако ее объяснение через ситуацию неразрешенного правового дуализма, которой воспользовались лишь «левые экстремисты», не делает, по его мнению, достаточно убедительным представление о том, что абсолютное большинство населения усилиями незначительной радикальной группы было увлечено не поиском Правды, а исключительно «разрушением позитивного права». *Безгин* отметил обоснованность постановки Медушевским проблемы правового дуализма и отметил важность выводов Люкшина о незакрепленности моралью вызванных реформой изменений в архитектуре моральной экономики. Этим и объясняется легкость, с которой были ликвидированы хозяйства хуторян и отрубников, и торжество общинной архаики в целом: аграрные преобразования вызвали к жизни механизм самосохранения общины. *Зверев* поблагодарил Медушевского за провокативную постановку вопроса, отметив актуальность проблемы соотношения права и морали и высказав убежденность, что и сегодня в российском массовом сознании справедливость выше закона. Наряду с этим он подчеркнул, что нельзя ограничиваться психологическими моментами и исключать из рассмотрения характер собственности и его влияние на право. Он выразил принципиальное несогласие с позитивной

оценкой реформы 1861 г., напомнив о ее спекулятивном характере и катастрофических последствиях в контексте моральной экономики.

Медушевский, отвечая на замечания участников семинара, еще раз подчеркнул, что аграрный вопрос предполагает осознание большей частью общества несправедливости распределения земли и возникает в связи с переходом от традиционного, сословного общества к индустриальному, гражданскому (основной принцип которого – равенство всех перед законом). Существовавший в Древнем Риме конфликт из-за распределения земли между плебеями и сенатской знатью не охватывал все общество. В эпоху Екатерины II аграрный вопрос в России не существовал в аутентичном смысле слова, применительно к этому времени целесообразно говорить лишь о крестьянском вопросе, о начале осознания передовыми мыслителями аморальности крепостного права. Аграрный вопрос как феномен общественного сознания появляется в Европе после Французской революции. А в России отделение аграрного вопроса от крестьянского происходит после 1861 г., когда формируется конфликт права и справедливости.

Люкин, комментируя состоявшееся обсуждение, подчеркнул, что в изучении аграрного вопроса и его роли в революции нельзя ко всем регионам России применять единый подход, без учета местных особенностей. Это положение он подкрепил конкретными примерами из истории Казанской губ., на материалах которой проиллюстрировал регионально-национальную специфику аграрного вопроса. «Общинную революцию» спровоцировало само государство, не желавшее понимать собственное крестьянство и цинично отказавшееся от вступления с ним в освященный исторической традицией «правильный» диалог по поводу поправных прав.

Подводя итоги заседания, его ведущий *Никулин* уточнил, что при изучении аграрного вопроса следует иметь в виду противоречия, известные мировой истории издревле. Они существовали и в Римской империи, и в великих азиатских цивилизациях. И везде, если они не разрешались правовым путем, то приводили к беспорядкам, гражданским и крестьянским войнам. В таком смысле революция 1917 г. в России – одно из величайших событий в области разрешения аграрного вопроса. Не случайно изучение аграрного / крестьянского вопроса и русской революции намертво соединили в своих теоретических построениях и революционеры, и либералы, и консерваторы.

Таким образом, уже первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» выявило различные подходы к пониманию сущности аграрного вопроса, оценке реформы 1861 г. и столыпинских начинаний, интерпретации смысла российских революций и советской аграрной политики. В то же время участники оказались едины во мнении, что актуальность семинара обусловлена сохраняющейся крестьянской подоплекой многих современных процессов, вне осмысления которой адекватное понимание истории недостижимо.

П.П. Марченя,
кандидат исторических наук
(Московский университет МВД России и Российский
государственный гуманитарный университет),
С.Ю. Разин (Институт гуманитарного образования)

Примечания

¹ О центре подробнее см. на сайте РАНХиГС: <http://www.anet.ru/struktura-akademii/nauchnye-centry/47-cas>.

² О деятельности и публикациях в рамках этого проекта см.: <http://www.google.com/profiles/narodivlast>.

³ Подробнее см.: *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005; *он же.* Великая реформа и модернизация России // *Российская история.* 2011. № 1. С. 3–27.

Научно-практическая конференция «История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания»

1 декабря 2011 г. на факультете истории, управления и сервиса Московского государственного областного социально-государственного института (МГОСГИ, Коломна) состоялась V Областная научно-практическая конференция «История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания». С 2003 г. такие встречи проходят регулярно (каждые два года), что свидетельствует об устойчивом научном и общественном интересе к региональной истории, в данном случае, к истории Московской обл. Специфика конференций в Коломне состоит в при-

существовании солидного практического педагогического компонента, т.е. тесной связи историко-научной составляющей с преподаванием обществоведческих курсов в высшей и средней школе, а также с популяризацией исторических знаний. Указанное объясняет весьма представительный состав (6 докторов и 25 кандидатов наук, 20 школьных педагогов) участников конференции: это научные сотрудники Института российской истории РАН, преподаватели и аспиранты столичных и подмосковных вузов (Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Московского педагогического гуманитарного университета (МПГУ), Российского государственного социального университета (РГСУ), Российского государственного аграрного университета–Московской сельскохозяйственной академии (РГАУ–МСХА) им. К.А. Тимирязева, МГОСГИ и др.), специалисты-археологи, работники архивной службы (Главное архивное управление г. Москвы) и музеев (Бронницкого, Зарайского, Коломенского, Сергиево-Посадского), краеведы, методисты управлений образования, директора и учителя общеобразовательных школ.

Пленарное заседание конференции открыла декан факультета истории, управления и сервиса к.и.н. *Т.М. Жиркова*. В выступлении ректора МГОСГИ д.и.н. *А.Б. Мазурова* была подчеркнута особая важность изучения истории Московского края, который на протяжении многих веков являлся ядром русской государственности. Приветствие в адрес конференции прислал академик Российской академии образования, почетный председатель Союза краеведов России *С.О. Шмидт*. Доклад председателя Союза краеведов России к.и.н. *В.Ф. Козлова* (Историко-архивный институт РГГУ) был посвящен основным направлениям деятельности и судьбе комиссии «Старая Москва» по изучению и охране памятников старины Подмосковья. События, происходившие в Южном Подмосковье на завершающем этапе Смуты, стали предметом детального анализа в докладе старшего научного сотрудника Института российской истории РАН к.и.н. *Д.В. Лисейцева*.

Последующая работа конференции происходила в 6-ти секциях – «Московский край от древности до конца XVIII в.», «Московская губерния в XIX – начале XX в.», «Проблемы социально-политической и экономической истории Подмосковья XX в.», «Культура и образование», «Изучение истории родного края в высшей и средней школе», «История родного края во внеклассной и внешкольной работе образовательных учреждений». Всего на секционных заседаниях было заслушано 62 сообщения.

Интересные результаты изучения археологических памятников Подмосковья представили к.и.н. *А.С. Сыроватко* (Коломенский археологический центр), *О.Ю. Потемкина* (Коломенский археологический центр), *Е.А. Клеценко* (Институт археологии РАН), *А.О. Гуськова* (МГОСГИ), *И.Л. Чернай* (Бронницкий краеведческий музей). *О.Ю. Купцова* (Коломенский краеведческий музей) поведала о методике работы с археологическими коллекциями на базе музея. В ряде выступлений были рассмотрены различные аспекты средневековой истории Коломенского края, в том числе новая версия причин возведения в XVI в. коломенского кремля (*В.Ю. Кириченко*), рыночный ассортимент «москотильного товара» в XVII в. (д.и.н. *М.Б. Булгаков* – Институт российской истории РАН), состояние питейных заведений во второй половине XVII в. (к.и.н. *А.В. Барсукова* – МГОСГИ), содержание жалованных грамот ловецким сообществам XVII – начала XVIII в. (*С.А. Кочетков* – Дединовская средняя школа). К.и.н. *А.В. Белов* (Институт российской истории РАН) подверг тщательному анализу первый проект административно-территориальной реформы Московской губ., разработанный в середине 1770-х гг. *Ф.А. Остерманом* и *П.В. Завадовским*. К.и.н. *Е.Л. Ломако* (Коломенский краеведческий музей) проиллюстрировал на материалах Коломны застройку провинциальных городов в екатерининскую эпоху. Эволюция земельной политики Троице-Сергиевой лавры за 1760–1910-е гг. была рассмотрена в докладе *В.А. Ткаченко* (Сергиево-Посадский музей-заповедник).

Проблемы социально-экономической жизни региона в XIX – начале XX в. нашли отражение в выступлениях, посвященных эволюции пореформенной городской промышленности (к.и.н. *Л.Н. Соза* – МГОСГИ), особенностям развития Рузы (к.и.н. *А.В. Долгопятов* – РГСУ), экологическим аспектам истории Подмосковья (к.и.н. *А.Н. Давыдов* – Главное архивное управление г. Москвы), управлению зарайскими дворянскими экономиями (*К.В. Кондратьев* – музей «Зарайский Кремль», Зарайск), состоянию зарайских сел по данным этнографических обследований 1899 г. (к.и.н. *А.А. Шаблин* – МГОСГИ). К.и.н. *М.А. Виноградов* (школа № 1294, Москва), опираясь на данные ревизской сказки 1816 г., рассмотрел реакцию Можайских крестьян на нашествие Наполеона. Взаимоотношения органов местного самоуправления по вопросам благоустройства Москвы и опекунская деятельность дворянского сословного самоуправления были освещены, соответственно, к.и.н. *П.В. Галкиным* (МГОСГИ) и *В.С. Цветковым* (Московский государственный областной университет (МГОУ)). Тема истории общественных организаций получила продолжение в выступлениях к.и.н. *Е.В. Ивановой* (МГОСГИ) о создании в Коломне отдела Общества помощи погорельцам под пат-

ронажем вел. кн. Елизаветы Федоровны и *Н.И. Шепелева* (Коломна) о знаках коломенской земской почты.

В контексте изучения историко-конфессиональных сюжетов новые материалы о взаимодействии православного духовенства с пенитенциарными учреждениями представил *С.О. Колоухин* (МГОСГИ), роль «сторожек» и келий в гуслицком старообрядчестве рассмотрел *С.С. Михайлов* (Центр истории и культуры старообрядчества, Москва), изменения социокультурных ориентиров старообрядцев проследила к.и.н. *А.Н. Иванова* (Московский государственный университет приборостроения и информатики), о судьбе храмов Бронницкого уезда в 1920-х гг. сообщила *Е.А. Джагарян* (Историко-архивный институт РГГУ).

В содержании докладов об исторических событиях XX в. в регионе преобладали сюжеты, относящиеся к 1918–1930-м гг. Д.и.н. *А.В. Аксиutin* (МГОУ), подробно изучив массовые настроения в Московской губ. летом 1918 г., обоснованно сделал вывод о нарастании недовольства и озлобленности среди населения в это время. Результаты исследования процесса социализации земли и его влияния на состояние крестьянской поземельной общины в 1918 – начале 1920-х гг. были доложены д.и.н. *Д.В. Ковалевым* (МГОСГИ). Разнообразием отличалась тематика сообщений культурно-исторического плана: это экскурсионно-краеведческая работа Московского областного музея краеведения во второй половине 1920-х – 1930-е гг. (к.и.н. *А.Г. Смирнова* – Историко-архивный институт РГГУ), досуг подмосковной интеллигенции в 1920-х гг. (*Т.А. Обжигалова* – МПГУ), повседневная жизнь населения Воскресенска (к.и.н. *О.Г. Пивоварова* – Российская международная академия туризма (Химки)), материальное состояние детских домов в 1929–1941 гг. (*А.А. Карасева* – МПГУ). Традиционная тема истории Великой Отечественной войны была представлена в выступлениях к.и.н. *М.В. Юдина* (МГОУ) – «Битва за Москву: сюжеты повседневности» и *О.Е. Бариновой* (гимназия № 2, Зарайск) – «Зарайский 58-й истребительный батальон». Восприятие жителями Подмосковья внешней политики СССР в 1964–1982 гг. проанализировал *А.В. Чернявский* (МГОУ). Отрадно, что на конференции нашлось место и фактам современной истории – с интересом были встречены сообщения к.полит.н. *С.Н. Федорченко* (МГОУ) о таком новом социально-политическом явлении, как флэш-мобы, и *Ю.В. Плехановой* (МГОСГИ) о роли Коломенского конструкторского бюро машиностроения в оборонно-промышленном комплексе страны.

На заседании секции «Культура и образование» доминировали сообщения о различных аспектах истории высшей, средней и начальной школы. *А.Н. Ферёбов* (МГОУ) рассмотрел возможности использования сведений газеты «Московские ведомости» для реконструкции численности студентов Московского университета в 1802–1812 гг. В выступлении д.и.н. *В.Н. Захарова* (МГОУ) был обобщен вклад ученых Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской в изучение истории Подмосковья. «Среднешкольная» тема была представлена сюжетами по истории отдельных учебных заведений: в выступлении к.и.н. *Н.С. Ватника* (МГОСГИ) получили отражение обстоятельства ученических волнений 1905–1906 гг. в мужской и женской гимназиях Коломны, а *Е.В. Петровой* (школа № 1, Зарайск) – основные этапы истории Зарайского реального училища. Сообщения *Н.Ю. Рябовой* (РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева) и *О.А. Грицай* (школа № 29, Коломна) позволили, опираясь на данные земской статистики, определить основные этапы формирования сети начальных учебных заведений в губернии в пореформенное время. Новые сведения по истории краеведческого движения в Зарайском районе представила *Е.Ю. Крупочкина* (лицей № 5, Зарайск), а *Ж.В. Михальчева* (школа № 6, Зарайск) рассказала о жанрах устного народного творчества Зарайского края. Удачный пример комплексного использования архивного и литературного материалов продемонстрировал *С.И. Добренький* (Главное архивное управление г. Москвы), выступивший с сообщением «И.С. Шмелев и Подмосковье (по материалам Центрального исторического архива Москвы и страницам романа “Лето Господне”)».

Проблематика пятой и шестой секций была тесно увязана как с вопросами преподавания истории родного края в высшей и средней школе, так и с формами использования краеведческих материалов в воспитательной работе с учащимися. В выступлениях к.и.н. *Д.Д. Богоявленского* (МГОУ), к.и.н. *И.Е. Дронова* (РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева), к.и.н. *Т.М. Жирковой* (МГОСГИ), к.и.н. *С.А. Насоновой* (МГОУ), к.и.н. *М.В. Шерстюка* (РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева) отразилось желание преподавателей вузов поделиться многолетним опытом изучения истории столичного региона со студентами исторических и неисторических специальностей. В ходе работы секции выявилось стремление педагогов к многообразию форм и методик введения краеведческих сюжетов в канву уроков и внеклассных мероприятий. В сообщении к.пед.н. *Л.Ф. Греханкиной* (Педагогическая академия последипломного образования) было обосновано применение культурологического подхода для создания образа территории в школьном курсе «Родное Под-

московье». Учителя истории городских и сельских школ на конкретных примерах проиллюстрировали целесообразность использования: метода проекта (*Е.В. Булгакова, В.В. Морозов*), потенциала школьных музеев (*Е.А. Юшина, Л.А. Володькина*), виртуальных экскурсий (*А.В. Литовка, Ю.Н. Литовка*), возможностей ранней пропедевтики (*Е.Ю. Огуенко*). На секциях также была рассмотрена специфика краеведческой работы в сельских школах (*Е.Ю. Широкова, Е.Н. Кротова, О.С. Федулова, И.Н. Подболотова*) и Центрах детского творчества (*Т.Ю. Бородина*).

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы каждой секции и конференции в целом, приняты рекомендации, направленные на расширение научных исследований по региональной тематике, подготовку соответствующих учебных пособий и справочных изданий для студентов и учащихся, системное использование краеведческого материала в практике учебной и воспитательной работы вузов и школ Подмосковья. По общему признанию, конференция прошла успешно и продемонстрировала высокую заинтересованность как историков-специалистов, так и педагогов в изучении проблем истории Московского края. Материалы конференции будут опубликованы в виде сборника научных докладов.

Н.С. Ватник,
кандидат исторических наук
(Московский государственный областной социально-
государственный институт, Коломна)

«Аршином общим не измерить»? Семинар «Массовые источники для изучения социальной и экономической истории России, XVI–XXI вв.»

Источниковедческий семинар, предметом обсуждения которого стал вопрос о массовых источниках для изучения социальной и экономической истории, состоялся 9–10 декабря 2011 г. в Москве. Он прошел под эгидой Российской экономической школы (РЭШ), Международного института социальной истории (Амстердам) и Междисциплинарного центра изучения истории, экономики и общества в рамках научного проекта «Электронный архив российской исторической статистики, XVIII–XXI вв.», осуществляемого при поддержке благотворительного фонда «Династия» Дмитрия Зимины, финансирующего перспективные проекты в области науки и образования.

Отбор докладчиков проводился на конкурсной основе, и в результате для участия в двухдневном семинаре были приглашены (после рассмотрения около 50 заявок) 25 участников, представлявших семь стран: Россию, Нидерланды, Украину, США, Канаду, Италию, Францию. В программном докладе организаторов семинара *Х. Кесслера* (Институт социальной истории, Нидерланды) и *А.М. Маркевича* (РЭШ) было отмечено, что в последние годы меняется фокус в применении массовых источников. Создание баз данных диктует необходимость стандартизации, без которой невозможно сопоставление рядов данных. При этом сбор массовых данных подразумевает проверку статистики по всем возможным достоверным источникам. Дальнейшая программа семинара была построена по проблемным блокам докладов.

В секции «Использование массовых источников в изучении социальной и экономической истории России: методологические вопросы» было представлено три доклада. *М.Ф. Румянцева* (Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета) в своем выступлении «Массовые источники и статистика: соотношение понятий с точки зрения феноменологической концепции источниковедения» поставила вопрос о существовании нескольких трактовок понятия «массовые источники», рассмотрела взгляды историков предшествующих поколений (*В.К. Яцунского, И.Д. Ковальченко, О.М. Медушевской, Б.Г. Литвака* и др.) по этому вопросу. Два последующих доклада раскрыли эту проблему на конкретно-историческом материале. *К. Евтухова* (Джорджтаунский университет, США) показала, как можно работать с массовыми материалами для реконструкции местной истории на примере одной губернии, а именно Нижегородской в XIX в., о которой у докладчицы недавно вышла монография. *А.В. Крайковский* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) продемонстрировал в увлекательном докладе «возможности комплексного использования массовых источников различного происхождения» на примере учетной документации таможен и монастырей XVII–XVIII вв. В частности, ему удалось провести плодотворное исследование о Вологодском рынке соли по данным приходно-расходных монастырских книг.

В секции «Освоение и систематизация массовых источников: текущая работа» выступил *Т.Я. Валетов* (МГУ им. М.В. Ломоносова), рассказавший о возможностях и ограничениях в применении такого источника как «Обзоры внешней торговли Российской империи 1802–1915 гг.». Вопрос информативности стал центральным в докладах *С.А. Новоселовой* (участница проекта «Электронный архив», Европейский университет в Санкт-Петербурге) «Специфика губернаторских отчетов середины XIX в. как исторический источник» и *В.П. Богданова* (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Записи на книгах печатной кириллицы XVI–XVIII вв. как массовый источник».

Участники следующего блока докладов («Использование микроданных в изучении домохозяйств») продемонстрировали ювелирную работу с весьма рассеянной фактографией таких источников, как ревизские сказки, исповедные ведомости и писцовые книги. В докладе *И.А. Троицкой* (МГУ им. М.В. Ломоносова) и *А. Авдеева* (Университет Сорбонна, Франция) «Case studies в российской исторической демографии» были поставлены вопросы работы с демографическими выборками, дана оценка предсказуемых (например, необходимость гомогенной выборки) и непредсказуемых (например, связывание записей от ревизии к ревизии «вручную») проблем при анализе данных. *В.Н. Беляева* (Нижегородский институт менеджмента и бизнеса), выступив с темой «Динамика изменений социальной и демографической структуры крупного торгово-промышленного села (по материалам писцового делопроизводства села Лысково Нижегородского уезда XVII в.)», продемонстрировала успешное применение созданной ею базы просопографических данных для анализа социально-экономических изменений в селе на протяжении жизни нескольких поколений. *А.А. Селин* (Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров / Санкт-Петербургский филиал Государственного университета – Высшей школы экономики) рассказал о работе с писцовыми и дозорными книгами Водской пятины. Этот источник, в частности, показывает взаимовлияние русских и шведских бюрократических традиций в изучаемом регионе в конце XVI – начале XVII в.

Массовым источникам, характеризующим российские сословия, были посвящены доклады *А. Смит* (Университет Торонто, Канада) «Дела сословных обществ как источник по социальной истории имперской России» и *И.П. Щербинина* (Тамбовский государственный университет им. Г.А. Державина) «Отражение социальной и экономической истории в массовых источниках по военно-мобилизационной деятельности в Российской империи в XVIII – начале XX в.». Канадская исследовательница посвятила доклад материалам из РГАДА и ЦИАМ, характеризующим изменения в составе и идентичности купцов, мещан и ремесленников, и особо остановилась на вопросах социальной мобильности и обретения фамильных прозвищ как тенденции, наблюдавшейся с 1860-х гг. Щербинин поделился своими впечатлениями от работы с губернаторскими отчетами, земской статистикой, военно-статистическими обозрениями для описания и анализа такого явления, как военной посыл.

Большой интерес участников семинара вызвало обсуждение массовых источников по проблемам аграрной истории конца XVIII–XX в. Этому были посвящены 6 докладов. *А.А. Акашева* (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) сделала доклад о возможностях использования бухгалтерских приходных книг для изучения земельно-арендных отношений в русском городе второй половины XIX – начала XX в. *Б. Пенати* (Назарбаев Университет, Астана, Казахстан) представила результаты своей работы в докладе «Колониальные и местные сводные ведомости земельного налога как источник по экономической истории Туркестана в период “русского владычества”». *Е.С. Корчмина* (Рязанский филиал Московского государственного открытого университета) в выступлении на тему «Социально-экономическая история дворянства Рязанской губернии конца XVIII – первой половины XIX в. по материалам ревизских сказок» поставила вопрос о применимости этого источника для характеристики дворянства.

С.Г. Каценко (Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Массовые источники по истории реформы 19 февраля 1861 г. на севере России. (Традиционные и новые методы анализа)» показал, что обработка и анализ десятков тысяч документов, извлеченных из архивов, корректирует оценку крестьянской реформы, сложившуюся в историографии. Обращение к массовым источникам дало возможность прийти к выводу о том, что реформа имела разные результаты для различных групп крестьянства (в частности, выиграли сильные оброчные и проиграли барщинные крестьяне). Это открывает для исследователей большую перспективу в освоении новых источников и постановке аналитических задач более высокого уровня. *М.А. Давыдов* (Российский государственный гуманитарный университет) дал оценку массовым источникам по аграрному развитию России в конце XIX – начале XX в. Критический настрой его выступления выразился в замечаниях о том, что историки зачастую используют принципиально недостоверные источники, в то время как, к примеру, результаты земских обследований и ста-

тики МВД всегда следует оценивать с точки зрения возможных погрешностей. *Г.Е. Корнилов* (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург) в докладе «Похозяйственные книги 1930-х годов как источник изучения жизни и экономики крестьянских дворов Урала» показал выявленные им особенности избранного источника, представлявшего единую форму учета земель, скота, других параметров крестьянского хозяйства. Работа с этими источниками позволяет дать более точную оценку итогам коллективизации.

Два доклада были посвящены возможностям использования массовых источников в оценке такого параметра, как «капитал». *Г.Н. Ульянова* (Институт российской истории РАН) представила доклад «Проблема оценки народного богатства в России конца XIX – начала XX в. (по статистике страхования от огня)», в котором проанализировала методику А.Л. Вайнштейна по применению страховых данных для исчисления народного богатства и перспективы использования данных страховой статистики 1897 и 1899 гг. для изучения вопроса о народном благосостоянии на рубеже XIX–XX вв. *И. Воскобойников* (Университет Гронингена, Нидерланды) в докладе «Историческая статистика основных фондов в Российской экономике. 1961–2004. Данные и источники» рассказал, как складывалась терминология и система показателей в статистике основных фондов. В постсоветский период принципы сбора статистики изменились, и это создает сложность в сопоставлении, требуются досчеты на смыкание рядов. Основная же цель ученых – сделать их выкладки сопоставимыми с данными по другим странам, например, США.

Результаты плодотворной работы с массовыми источниками по российской истории начала XX в. были представлены в докладах *А.К. Кириллова* (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск) «Массовые документы промыслового налога начала XX в.: возможности использования для изучения социальной и экономической истории России» и *В.А. Куликова* (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина) «Система управления базами данных как способ организации динамической базы данных промышленных предприятий украинских губерний Российской империи в начале XX в.». Кириллов провел оценку полноты охвата сибирских предпринимателей промысловым налогообложением, что дает возможность дальнейшей работы по реконструкции торгово-промышленной статистики. Куликов представил созданную им на основе обработки материалов переписей 1900 и 1908 гг. электронную базу данных о предприятиях украинских губерний. Использование баз данных значительно корректирует прежние научные представления о районировании и структуре промышленности.

Выигрышным моментом практически всех докладов было то, что их авторы при характеристике массовых источников стремились проследить историю становления и развитие формуляра каждого типа источника. Творческая атмосфера семинара, самобытность докладов показали, что значение массовых комплексов документов для работ по экономической и социальной истории чрезвычайно велико. Их сплошное изучение позволяет обращаться к проблемам, недоступным при работе с индивидуальными свидетельствами, к примеру, исследовать темпы экономического роста, изучать динамику социальных изменений в обществе и т.д. В то же время «массовость» источников выдвигает на первый план методологические вопросы их использования. Начавшееся в последнее время активное создание компьютерных (электронных) баз и банков данных по истории в целях систематизации нашего знания о прошлом, ставит проблемы источниковедения массовых источников на новую ступень осмысления.

Г.Н. Ульянова,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды»

16–18 ноября 2011 г. Советом молодых ученых Института российской истории РАН была проведена школа-конференция молодых ученых. Организаторам удалось создать представительный форум, на котором присутствовали студенты, аспиранты, молодые преподаватели и научные сотрудники 66 высших учебных и научно-исследовательских учреждений. Кроме российских ученых в работе конференции принимали участие исследователи из Германии, Польши и Украины. В рамках школы работало четыре секции: «История России до XVIII века» (модераторы – П.С. Стефанович, С.М. Шамин, Д.В. Лисейцев); «История России Нового времени» (модератор –

А.В. Белов); «История России XX века» (модератор – Т.А. Мухаматулин) и «Историография и методология историй» (модератор – В.В. Тихонов).

Формат школы-конференции предполагал выступления известных историков. Прозвучали лекции *С.О. Шмидта* (Советник РАН), *Ю.А. Петрова* (Институт российской истории (ИРИ) РАН), *Н.М. Рогожина* (ИРИ РАН), *А.К. Соколова* (ИРИ РАН), *В.П. Козлова* (член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)), *Н.А. Макарова* (член-корреспондент РАН, Институт археологии РАН). В работе секций приняли участие *А.А. Горский* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), ИРИ РАН), *В.Б. Жиромская* (ИРИ РАН), *Т.Ю. Красовицкая* (ИРИ РАН), *В.А. Кучкин* (ИРИ РАН), *М.Ю. Мухин* (ИРИ РАН), *В.А. Невежин* (ИРИ РАН), *Л.А. Сидорова* (ИРИ РАН), *Н.В. Середа* (Тверской государственный университет), *А.Н. Сахаров* (член-корреспондент РАН, ИРИ РАН). Приглашенные специалисты не только выступили с собственными лекциями, но и комментировали доклады участников. Именно эти комментарии стали важнейшим элементом обучения методике и технике исторического исследования.

Доклады, сделанные на заседаниях секций, отразили весь спектр направлений современной исторической науки. Разнообразным аспектам источниковедческих исследований всех периодов отечественной истории посвятили свои сообщения *А.М. Введенский* (Институт русской литературы РАН, Санкт-Петербург), *И.С. Агафонов* (Университет Российской академии образования), *Д.М. Котышев* (Челябинский государственный университет), *А.А. Голубинский* (РГАДА), *А.Н. Ерендеева* (Поволжская социально-гуманитарная академия, Самара), *Л.А. Фадеев* (МГУ), *И.В. Рябухин* (Пермский государственный университет), *М.В. Шульгина* (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск) и др. Опыт создания базы данных безвозвратных людских потерь Куйбышевской обл. в годы Великой Отечественной войны поделилась *О.Ю. Бушуева* (Самарский медицинский институт «РеаВиз»). *Н.С. Петкевич* (Институт истории СССР и России Польской академии наук, Польша) предложила вниманию слушателей доклад на тему «Женщина как читательница в произведениях раннего периода советской культуры», где указала на специфику использования литературных текстов как исторического источника. Архивоведческая и археографическая проблематика стала центральной в сообщениях *А.Н. Ерендеевой*, *Е.Л. Киселевой* (ГА РФ), *Е.Л. Субботы* (Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)), *Е.А. Долговой* (РГГУ), *А.А. Акашевой* (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского).

С новыми теоретико-методологическими подходами к решению различных научно-исторических проблем выступили *К.Д. Дроздов* (ИРИ РАН, ГА РФ), *И.А. Устинова* (ИРИ РАН), *А.К. Кириллов* (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск), *А.Л. Кузьминых* (Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний). Активную полемику вызвал доклад *А.Т. Уршадзе* (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН), сделавшего сообщение о возможностях применения концепта «фронтир» в изучении истории Кавказа XVIII–XIX вв. По его мнению, предложенный подход позволит не только рассмотреть регион как единое культурно-историческое целое, но и будет способствовать снижению культурной и этнической напряженности. *Ю.В. Селезнев* (Воронежский государственный университет) продемонстрировал возможности количественных и компаративных методов в изучении взаимодействия элит в Деш-и-Кыпчак и на Руси в XI–XV вв. *Т.И. Пелипенко* (СПбГУ) посвятила свое сообщение проблемам сравнительного изучения гендерных сценариев женщин привилегированного сословия в обществе Московской Руси и Великого княжества Литовского в XVI в.

Многие выступавшие остановились на историографических вопросах. Новым научным направлениям посвятили свои доклады *Е.Н. Наседкин* (РГАДА), *А.В. Васильев* (Томский государственный университет), *А.Е. Чельцова* (РГГУ), *В.А. Пивень* (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина). *П.В. Майер* (Университет им. Юлиуса Максимилиана г. Вюрцбург, Германия) рассказала о методологическом и институциональном развитии нового историко-культурологического направления в германской историографии – «образоведения» (Bildwissenschaft). *Г.Н. Бибииков* (ИРИ РАН) коснулся вопросов, связанных с методологией изучения недавнего прошлого. Он проанализировал западноевропейскую и отечественную исследовательскую практику, отметив не только дискуссионность, но и перспективность нового направления. Анализ интеллектуального наследия выдающихся ученых был представлен в выступлениях *Г.В. Захарова* и *Г.А. Малютина* (Московский государственный областной университет), а также *И.В. Сидорчука* (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет).

Проблемы истории России XVII в. нашли свое отражение в докладах *Д.А. Ляпина* (Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина), *Т.В. Жибровой* (Воронежский государственный университет), *Ю.С. Белянкина* (МГУ), *П.В. Чеченкова* (Нижегородский государственный технический

университет им. Р.Е. Алексеева), *Л.Д. Демидовой* (Институт истории Сибирского отделения РАН). *И.А. Устинова* продемонстрировала возможности применения институционального подхода к изучению церковно-государственных отношений XVII в. Социально-экономическая и политическая история Российской империи была представлена в докладах *Е.В. Суровцевой* (МГУ), *Р.Р. Хаммурзина* (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского), *А.В. Харченко* (Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», Украина), *А.Н. Комолятовой* (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова), *А.В. Перегудова* (Воронежский государственный университет), *А.В. Ключаревой* (Тульский государственный университет). *О.К. Ермакова* (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН) в своем докладе указала на значительную роль немецких специалистов в развитии оружейной промышленности Урала в XIX в. Истории церемоний, празднований и юбилеев коснулись *С.А. Рябова* (МГУ), *К.А. Ключкова* (Институт археологии РАН), *С.А. Серова* (Архив РАН), *Ю.О. Толмачев* (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина).

Социально-экономическую, культурную и политическую историю СССР осветили *Ю.А. Борисова* (Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики), *И.А. Горелова* (Курский государственный медицинский университет), *Б.А. Синанов* (Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания), *О.Ю. Стародубова* (Магнитогорский государственный университет), *А.С. Мартынов* (Донецкий национальный университет, Украина), *Р.Е. Романов* (Институт истории Сибирского отделения РАН), *А.В. Захарченко* (Поволжский филиал ИРИ РАН). *М.И. Гумерова* (Европейский университет в Санкт-Петербурге) проанализировала феномен советской «непрерывки» (1929–1931 гг.) в контексте опыта конструирования нового социального времени. Докладчик пришла к выводу, что причина неудачи реализации непрерывной производственной недели – в ее противоречии традиционным рабочим ритмам, выработанным в России. *О.Ю. Попова* (Донецкий национальный университет) рассмотрела процесс складывания образа врага в советской пропаганде как реакции на социальный заказ. Ею были охарактеризованы основные типы «врагов» по материалам советской прессы, а также выделена значимая черта этого образа – представление о том, что враги находятся везде, маскируясь под обычных советских людей. *Т.А. Мухаматуллин* (ИРИ РАН) выявил идеологический контекст приезда сборной Страны Басков по футболу в СССР в 1937 г., отметив конфликт пропагандистских установок при его освещении – между демонстрацией солидарности с Испанией и необходимостью для советских спортсменов побеждать в любом соревновании с внешним миром. Основываясь на материалах газеты «Комсомолец Татари», *А.С. Бушуев* (Институт истории АН Республики Татарстан) проанализировал формы досуга молодежи Казани во второй половине 1980-х гг. Процесс развития российского казачества на современном этапе оказался в центре внимания *Р.И. Хандошко* (Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону) и *Е.В. Годовой* (Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ).

В последний день работы конференции на секции «Историография и методология истории» прошел круглый стол, посвященный проблемам и особенностям работы молодых ученых-историков в сфере высшего образования и в системе РАН. На заседании шел активный обмен мнениями. Участники признали плодотворность работы школы-конференции, ставшей интеллектуальной площадкой для обсуждения новых научных подходов, исследовательских достижений, обмена опытом между молодыми учеными. По итогам работы конференции планируется издание ее материалов.

В.В. Тихонов,
кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)

II Всероссийская научная конференция «Смутное время: итоги и уроки»

Среди многочисленных значительных дат «Года российской истории» – юбилей событий 1612 г., которые продолжают привлекать пристальное внимание исторического сообщества, общественности и политиков. За последние несколько лет Институтом российской истории (ИРИ) РАН и крупнейшими университетскими центрами страны проведено несколько научных конференций, семинаров, круглых столов, посвященных истории Смутного времени и проблемам восстановления и защиты российской государственности. В числе этих мероприятий прошла и II Всероссийская научная конференция «Смутное время: итоги и уроки», прошедшая 20–22 апреля 2012 г. в городах Иваново, Кохма и Шуя.

Конференция была организована правительством Ивановской области, администрация-ми городских округов Иваново, Кохма и Шуя, Ивановским государственным университетом, Ивановским филиалом Российского фонда культуры и Ивановским областным краеведческим обществом. Инициаторами выступили к.и.н. *А.Ю. Кабанов* и к.и.н. *А.М. Семененко* – авторы книги по истории Ивановского края в Смутное время начала XVII в.¹ Данная конференция явилась продолжением предыдущей, прошедшей в апреле 2010 г. в Кохмe – на родине полководца кн. М.В. Скопина-Шуйского². Общее число ее участников и гостей составило свыше 100 человек, было заслушано более 40 докладов, в том числе 12 пленарных. Высокую планку мероприятия, несомненно, задавало то обстоятельство, что особенно представительной была группа участников от ИРИ РАН (6 человек) и других ведущих научных центров Москвы (Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Государственный исторический музей, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)). В работе конференции также приняли участие докладчики из Владимира, Волгограда, Воронежа, Иваново, Нижнего Новгорода, Палеха, Саратова, Сергиева Посада, Твери, Шуи, Ярославля.

Конференция включала два пленарных заседания, работу секций и «круглые столы». После официальных приветствий от руководства области и города Иваново первое пленарное заседание было открыто докладом д.и.н. профессора *В.Н. Козлякова* (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина) «Смута и модернизация России». Д.и.н. профессор *И.О. Тюменцев* (Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) в своем докладе предложил опыт реконструкции русского архива гетмана Яна-Петра Сапеги. Источникам периода Смуты были также посвящены доклады д.и.н. *Д.В. Лисейцева* (ИРИ РАН) и д.и.н. *Я.В. Леонтьева* (МГУ). К.и.н. *А.В. Малов* (ИРИ РАН) раскрыл понятие «выход» и «выходцы» в Смуту, что будет содействовать более корректному прочтению и столкновению исторических источников рассматриваемого времени. На пленарных заседаниях были затронуты многие актуальные проблемы современных исследований по истории Смутного времени. Д.и.н. *К.А. Аверьянов* (ИРИ РАН) на основе широкого круга источников проследил историю Тушинского лагеря. Спорные вопросы биографии руководителя I Ополчения Прокопия Петровича Ляпунова осветила в своем докладе д.и.н. *Л.Е. Морозова* (ИРИ РАН). К.и.н. *С.Ю. Шокарев* (РГГУ) проанализировал роль московских стрелецких голов в событиях начала XVII в., а к.и.н. *О.В. Скобелкин* (Воронежский государственный университет) заострил внимание на участии служилых иноземцев в событиях Смуты. В пленарных докладах была обозначена роль ряда региональных центров и территорий в Смутное время. В частности, к.и.н. *А.Ю. Кабанов* (Ивановский государственный университет) представил результаты изучения луховской дворянской корпорации, а д.и.н. *В.М. Марасанова* (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова) раскрыла роль Ярославля как базы для усиления земского Ополчения Козьмы Минина и кн. Дмитрия Пожарского. К.иск. *М.А. Барашев* (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) рассказал о русских оборонительных сооружениях изучаемого периода. Затронутые проблемы получили дальнейшее развитие в ходе «круглых столов» и секционных заседаний.

Затем работа конференции продолжилась в секциях: «Смутное время начала XVII в. в исторической памяти» (7 докладов) и «История Смутного времени: региональный аспект» (8 докладов). Наибольший интерес на первой секции вызвали выступления историографического плана: д.и.н. *А.А. Кузнецова* и к.и.н. *А.В. Морохина* (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) об исследовании Смутного времени нижегородскими историками XIX в., д.и.н. *К.Е. Балдина* (Ивановский государственный университет) и д.и.н. *Ю.А. Иванова* (Шуйский государственный педагогический университет) об исследователе Смутного времени М.Д. Бутурлине, к.и.н. *Я.Н. Рабиновича* (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского) о труде В.Н. Тагичева. На второй секции специалисты отдела научной информации и публикации документов РГАДА *С.В. Сироткин* и *А.И. Гамаюнов* в своих докладах реконструировали жизнь городов Луха и Лебедяни в начале XVII в., показав на практике широкие возможности подходов микроистории и истории повседневности в локальных исследованиях. Тему изучения городских оборонительных сооружений продолжил на основе проведенных археологических раскопок *А.Т. Разживин* (Тверь). К.и.н. *Г.С. Гадалова* (Тверской государственный университет) проанализировала канонизацию церковных подвижников конца XVI – начала XVII в. Представители Палехского краеведческого общества *М.М. Субботина* и *О.С. Субботина* выступили с докладами о землевладении князей Пожарских на территории современного Палехского района Ивановской обл. Интерес участников конференции вызвал и показанный видеоряд сюжетов о героическом прошлом русского народа в творчестве масте-

ров Палеха. Этнограф *А.Т. Тавризов* (Москва) предпринял попытку реконструкции возможного пути отряда Давыда Жеребцова от Мангазеи до Калязина с помощью географических карт и аэрофотосъемки. Представление результатов локальных исследований на конференции с широкой географией участников позволило соотнести их с изучением разных исторических территорий и всей России. В то же время на секции обозначился переход от локальных сюжетов к проблемам методологии и методики, была отмечена необходимость дальнейшей разработки понятийного аппарата и терминологии конкретно-исторических и краеведческих исследований.

Участники «круглых столов» «Смутное время: правда и вымысел» и «Смутное время: проблемы сохранения памятных мест и развития туризма в Ивановском крае» наметили первоочередные задачи по популяризации знаний о периоде Смуты; ими были затронуты проблемы сохранения историко-культурного наследия Ивановской обл. и его использования как туристского ресурса региона. «Круглые столы» способствовали выявлению дискуссионных научных проблем и практических аспектов изучения событий начала XVII в. и обозначили перспективы дальнейших научных исследований.

В рамках конференции состоялась презентация новых книг, в частности, найденной и опубликованной рукописи Германа Андреевича Замятина (1882–1953) «К Российскому царству пристоят», посвященной борьбе за освобождение русских городов, захваченных шведами в 1613–1614 гг. (составители А.Н. Одинокоев и к.и.н. Я.Н. Рабинович). К.и.н. *В.В. Возилов*, директор Шуйского историко-художественного и мемориального музея им. М.В. Фрунзе, представил третий выпуск краеведческого «Борисовского сборника». «Резервами» продолжения научных исследований в данном направлении являются исторические источники, которые еще не в полной мере введены в научный оборот и лишь частично опубликованы. На пленарных и секционных заседаниях также была поставлена задача составления и уточнения исторических карт, связанных с событиями Смуты, походами земских ополчений и неприятельских отрядов по территории Российского государства в начале XVII столетия.

Проведенный в ходе конференции обмен мнениями подводит к выводу о том, что уроки Смуты показали способность русского народа в самое трудное и, казалось бы, безнадежное время сплотиться и защитить свою государственность от внутренних раздоров и внешних врагов. Благодаря народному единству была сохранена сама возможность существования страны. События 1612 г. могут и должны стать символом преодоления вызовов и угроз. Они показывают важность усиления государства и консолидации гражданского общества в современной России. Задача историков состоит в том, чтобы восстанавливать объективную картину событий далеких лет и хранить историческую память граждан великой страны.

К.А. Аверьянов,
доктор исторических наук,
Л.Е. Морозова, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН),
В.М. Марасанова,
доктор исторических наук
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Примечания

¹ *Кабанов А.Ю., Семенов А.М.* Ивановский край в Смутное время. Иваново, 2010.

² Смутное время: итоги и уроки: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Кохма, 23–24 апреля 2010 г. Иваново, 2011; *Аверьянов К.А.* Всероссийская конференция «Смутное время: итоги и уроки» // Российская история. 2010. № 6. С. 199–200.

Юбилей Ирины Михайловны Пушкаревой

29 апреля 2012 г. отметила свой юбилей доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН И.М. Пушкарева – продолжатель лучших традиций отечественной исторической науки. Ее труды, имеющие высокий индекс цитирования, – это труды истинного профессионала, блестящего знатока источников, отмеченные широтой взгляда на исследовательские проблемы и связью с современностью.

Ирина Михайловна принадлежит к поколению историков, становление которых пришлось на нелегкие военные и послевоенные годы. Ранняя смерть матери предопределила становление ее характера – самостоятельность, целеустремленность, и умение достигать желаемого. Ей всегда были свойственны убежденный коллективизм и страстная тяга к знаниям. Окончание школы с золотой медалью открыло ей путь на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где в то время преподавали А.В. Арциховский и Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин и К.В. Базилевич, Е.В. Тарле и М.В. Нечкина.

После защиты дипломной работы по истории общественно-политической мысли XIX в. (научный руководитель – профессор С.С. Дмитриев) Пушкарева была распределена в сектор истории СССР периода капитализма Института истории СССР. Сектор, руководимый вначале Н.М. Дружининым, а затем Л.М. Ивановым, был одним из сильнейших в институте. Он стал для юной сотрудницы отличной научной школой. В нем Ирина Михайловна работает и сейчас, подготовив кандидатскую (1959) и докторскую (1975) диссертации и опубликовав за полвека с лишним более 300 работ – книг, статей, эссе, рецензий... Эти работы внесли огромный вклад прежде всего в историю наемного труда и трудовых отношений, рабочего и, шире, протестного движения, революций и общественных отношений начала XX в. В последние 20 лет в свет вышли ее труды по истории русской дворянской усадьбы пореформенного периода.

Своеобразие творческого пути Пушкаревой – в ее огромной преданности жизни институту, сосредоточенности на коллективных темах. В молодости она немало сил и времени отдала подготовке фундаментальных коллективных трудов Института – нескольких томов «Очерков по истории СССР», многотомного издания «Революция 1905–1907 гг. Материалы и документы». Ею были написаны актуальные и поныне главы, посвященные истории массовых социальных движений, в книгах по истории труда и рабочего класса («Революция 1905–1907 гг. в России» (1975), «Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг.» (1981), «Первая революция в России. Взгляд через столетие» (2005). Именно она выявила в архивах считавшиеся утраченными письма и записки царю очевидцев расстрела рабочих 9 января 1905 г., а также доказала, что роль священника Георгия Гапона преувеличивалась, тогда как значимость всеобщей стачки рабочих в Петербурге недооценивалась в историографии.

Почти десять лет Ирина Михайловна входила в состав Редакционной комиссии по написанию многотомной «Истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции»; была ученым секретарем одноименного сектора (а потом временно исполняла обязанности его заведующего), членом авторского коллектива шестого тома этого издания. Создание коллективных трудов – особая и своеобразная черта научной деятельности академических институтов, требовавшая связи с множеством историков в союзных республиках, переговорах и согласований, технической работы (многократной перепечатки глав и томов, организации широких обсуждений каждой части издания). Не стоит забывать, что в это время историки вынуждены были писать с оглядкой на заданные идеологические ориентиры, умело избегая историографических штампов и стараясь внести действительно новое в изучение избранных тем.

Найденные в ходе работы над коллективными трудами интересные материалы заставили Пушкареву заняться изучением положения рабочих-железнодорожников и их роли в революционном движении. Еще при подготовке кандидатской диссертации она обнаружила уникальный источник о квартирном довольствии рабочих и служащих. Случайная находка заставила ее задуматься над проблемой дифференциации оплаты лиц наемного труда, что получило одобрение крупных специалистов в области экономической истории – А.Г. Рашина и В.К. Яцунского. Книга Пушкаревой «Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях» (1975), защищенная ею в качестве докторской диссертации, получила положительные отклики в отечественных журналах и за рубежом. Издание ее оказалось делом непростым: в пору развернувшейся в то время дискуссии о гегемонии пролетариата на работы, в которых были представлены позиции разных политических сил, смотрели без одобрения. От автора требовали всячески подчеркивать роль рабочих-большевиков в протестах железнодорожников, в то время как по

архивным документам складывалась иная картина: Всероссийский железнодорожный союз был создан эсерами, а из социал-демократов туда попали лишь меньшевики. Издание книги затягивалось, Ирине Михайловне угрожали уничтожением уже набранного в типографии текста... Но принципиальность и умение тактично настоять на своем сделали свое дело: исследование все же увидело свет, помимо прочего, впервые в историографии поставив вопрос о средних городских слоях и включении их в общественно-политическую жизнь.

Многие годы отдала Пушкарева и разработке истории Февральской революции. Впервые обратившись к этой теме 45 лет назад, Ирина Михайловна опубликовала в 1967 г. статью, ставшую первым в историографии обзором литературы и источников по этой теме. Позже этот материал вошел в книгу «Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России» (1982), в которой были введены в научный оборот и новые источники – данные фабричной инспекции о стачечной борьбе, позволившие предпринять попытку пересмотра консервативно-догматического, ориентированного лишь на историю партии, подхода к освещению событий 1917 г.

Именно потому написанные на, казалось бы, идеологически востребованные и приветствуемые в тогдашней науке темы, книги и статьи Ирины Михайловны были действительным вкладом в отечественную науку: фактический материал, скрупулезно собиравшийся тогда их автором, бесценен. Он, по сути, позволил создать объемную и полнокровную историю дореволюционного рабочего класса, трудовых конфликтов и рабочего движения в стране. После ухода из жизни Л.М. Иванова именно Пушкарева взяла на себя труд завершить составление тома документов «Рабочее движение 1901–1904 гг.» (1975); затем подготовила (как редактор) выпуск в свет четырех книг «Хроники рабочего движения в России в годы реакции с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г.» (1981–1982). Тем самым она продолжила научное направление, начало которому было положено работами А.М. Панкратовой – публикацию документов по истории рабочего движения. В этой теме Пушкарева всегда находила научную актуальность и особый интерес. Возможно, с ней автора связывает по сей день ее социальное происхождение: отец Ирины Михайловны – инженер, выпускник Петербургского политехнического института и коренной петербуржец, был сам из рабочей среды и до конца жизни проработал на заводе. О чаяниях рабочих Пушкарева писала в монографии «Рабочее движение в России в период реакции» (1989), заполнившей лакуны в изучении наемного труда России между двумя революциями. Готовя издание хроники рабочих протестов начала XX в., она настаивала на необходимости создания полноценной информационной базы по этой проблеме. Эта идея была ею воплощена в международном проекте по созданию банка данных о рабочем движении в индустриальных странах Европы и США. Войдя в редколлегию по подготовке издания (председатели – В.И. Бовыкин и Ю.И. Кирьянов), активно участвуя в выработке методических принципов отбора материала, Пушкарева включилась в координацию работы в центральных и местных архивах. Однако завершение проекта совпало с распадом СССР: новые общественные настроения существенно снизили интерес к рабочему движению, в том числе и к публикации источников, собранных историками и архивистами в 110 архивах бывшего СССР.

Верная высокой идее защиты интересов подчас безымянных героев ее научных трудов, Ирина Михайловна стала одной из тех, кто не отступился от «рабочей темы». Именно Пушкарева в 1980–1990-х гг. последовательно добивалась продолжения сбора материалов и подготовки их к печати. Вместе с небольшой группой таких же ученых-энтузиастов она, как ответственный составитель и редактор, организовала издание 16 книг хроники «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг.» (1992–2008) общим объемом более 300 печатных листов. Информационный и эвристический потенциал этого колоссального материала выявлен Пушкаревой в большом коллективном труде «Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв.» (2011). Эта книга – яркое свидетельство авторского и архивного опыта Ирины Михайловны, ее широкой эрудиции, ее вклада в мировую историографию протестных движений.

В последние 20 лет Пушкарева ярко проявила себя как историк-исследователь и публикатор. К столетнему юбилею парламентаризма в России она участвовала в подготовке к изданию материалов стенографических отчетов Государственной думы 1906–1917 гг. Под ее редакцией в эти годы были опубликованы мемуары политических деятелей рубежа XIX–XX вв., в том числе эсера Б.В. Савинкова и московского губернатора В.Ф. Джунковского (совместно с З.И. Перегудовой), а также биографии Савинкова и Джунковского. Интерес исследовательницы к биографии первого премьера Временного правительства кн. Г.Е. Львова нашел выражение в поддержке деятельности «усадебного музея» князей Львовых в их родовом имении Поповка Тульской обл.

В эти же годы параллельно с изучением рабочего класса и социальных движений в творчестве Ирины Михайловны возникает новое важное направление: интерес к возрождению истории русской усадьбы. Отражением его стали главы коллективного труда «Дворянская и купеческая

сельская усадьба в России XVI–XX вв.», в которых Пушкарева показала, что экономическая перестройка усадебных «миров» в начале XX в. позволила им не исчезнуть, сохраниться как культурным центрам. В настоящее время Ирина Михайловна принимает активное участие в работе Общества изучения русской усадьбы, руководит аспирантами по темам, связанным с «усадьбоведением».

Роль Пушкаревой как педагога трудно переоценить, она уважаема и любима ее учениками. На протяжении многих лет она активно поддерживает научно-педагогические контакты с коллегами из различных вузов в Москве, Петербурге, Костроме, Белгороде, Иванове, Твери, Тамбове, Владимире, Ярославле... С 2004 г. она является куратором регулярной зональной (теперь международной) научной конференции «Власть – предприниматели – рабочие России», проводимой в Костромском государственном университете.

Пушкарева сотрудничала с большинством крупных газет и журналов в качестве автора, была научным консультантом киностудии им. М. Горького (по фильмам «Товарищ Арсений», «Сердце матери», «Верность матери», «Пароль не нужен», «Ленин в Париже» и др.).

На длинном творческом пути Ирина Михайловна всегда демонстрировала коллегам пример оптимизма и веры в успех общего дела. Эти качества ценят и уважают все, кто знаком с ней, – слова признательности за добрый жизненный пример, открытость, дружелюбие звучат во многих поздравлениях, полученных к юбилею от коллег-историков из Санкт-Петербургского института истории РАН, РГГУ, Костромского, Ярославского, Владимирского университетов.

Дирекция Института российской истории РАН, редколлегия журнала «Российская история», коллеги по Центру «История России в XIX – начала XX в.» поздравляют Ирину Михайловну Пушкареву со славным юбилеем, желают доброго здоровья и новых творческих достижений.

Юбилей Андрея Павловича Павлова

23 мая 2012 г. исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору Андрею Павловичу Павлову, известному специалисту по истории России XVI–XVII вв.

Его отец Павел Николаевич Павлов, историк и боевой офицер, прошедший всю войну, окончил Ленинградский университет и уехал работать в Красноярск, где в 1952 г. у него и родился сын Андрей. После окончания школы Андрей Павлович поступил на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Здесь под руководством Р.Г. Скрынникова он защитил дипломную работу «Состав Боярской думы в конце XVI – начале XVII в. (царствования Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I)». Окончив институт, Павлов в 1973–1974 гг. проходил службу в Советской армии, после чего вернулся в родной город и в 1974–1975 гг. работал ассистентом кафедры истории в Красноярском государственном педагогическом институте. В 1975 г. он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Дальнейшая научная судьба Андрея Павловича вплоть до 2005 г. оказалась связана с этим научным учреждением. Здесь под руководством выдающегося советского ученого Николая Евгеньевича Носова он в 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию, а затем работал, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника.

В 2005 г. Павлов перешел на работу в Санкт-Петербургский государственный университет, став профессором кафедры истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института, а с 2008 г. является профессором кафедры истории России с древнейших времен до XX века исторического факультета. Преподавательскую деятельность Андрей Павлович совмещает с работой в Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Основное направление научного поиска Андрея Павловича определилось уже в его кандидатском исследовании «Правящие слои московского общества при Борисе Годунове (1598–1605 гг.): Опыт социально-политической характеристики», в котором он выступил не только как историк, но и как источниковед. Его перу принадлежит также исследование «Утвержденной грамоты» царя Бориса Годунова¹. Научную деятельность юбиляра характеризуют источниковедческие исследования, оканчивающиеся публикацией документов. Из числа последних работ в этом направлении стоит отметить публикацию Осадного списка 1618 г.²

Область научных интересов Андрея Павловича охватывает широкий спектр проблем истории России XVI–XVII вв.: история Государева двора, уездного дворянства, служилого землевладения, Боярской думы, земских соборов, приказов, местного управления. Но все же основным в научном творчестве ученого было и остается исследование социальных процессов в Московском государстве. Уже много лет в фокусе его внимания – изучение Государева двора и

эволюции его персонального состава. Этой проблеме была посвящена докторская диссертация Павлова, защищенная им в 1993 г.: «Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.)»³. Процессы формирования правящих групп, определявших политику России в XVII в., Андрей Павлович исследует с учетом факторов, влиявших на место индивидуума в средневековом российском обществе: профессионально-служебной деятельности, особенностей карьерного роста, влияния родственного окружения, землевладения, местнического статуса. Большое значение для развития отечественной науки имел выход в свет в 2006 г. изданной под редакцией и с предисловием Павлова коллективной работы «Правящая элита Русского государства, IX – начало XVIII вв.»⁴.

В настоящее время А.П. Павлов полон творческих замыслов и планов. В определенной степени итогом многолетней работы является почти завершенное объемное монографическое исследование по истории социального состава и структуры Государева двора в царствование Михаила Федоровича. Новых творческих успехов, нового творческого поиска дорогому Андрею Павловичу!

Ю.Г. Алексеев,
доктор исторических наук, профессор
(Санкт-Петербургский государственный университет),
К.В. Петров,
кандидат исторических наук
(Российская национальная библиотека)

Примечания

¹ Павлов А.П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л., 1978.

² Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 2009.

³ Годом ранее вышла одноименная монография: Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.

⁴ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006.

Памяти Анатолия Викторовича Ремнёва

24 января 2012 г., после тяжелой болезни, на пятьдесят восьмом году прекратилась жизнь видного российского ученого – Анатолия Викторовича Ремнёва, доктора исторических наук, профессора кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ).

А.В. Ремнёв родился 30 июля 1955 г. в селе Строкино Колосовского района Омской обл. Его родители трудились на ниве народного просвещения: отец был учителем истории, мама заведовала школьной библиотекой. Путь книжника был ему предначертан, хотя пришлось пробиваться самому: проработать и пройти три года срочной службы на Тихоокеанском флоте. В 1977 г. 22-летним человеком, уже имевшим жизненный опыт, он поступил на исторический факультет ОмГУ и стал учеником А.П. Толочко. Пытливость и хорошие способности студента были замечены, и в 1979 г. Ремнёв был направлен для продолжения учебы на исторический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ), который он с отличием окончил в 1982 г. и тогда же был принят в аспирантуру по кафедре истории России.

«Пятничной» спецсеминар на истфаке ЛГУ академика Б.В. Ананьича по внутренней политике поздней имперской России, который Анатолий Викторович посетил с третьего курса и затем в аспирантуре, стал важнейшим этапом в формировании его как исследователя. Он занимался историей Комитета министров, его председателями (особенно Куломзинным и Витте). Тогда же у Ремнёва проявился интерес к изучению Сибирской железной дороги как фактора освоения Сибирского края. Затем, по возвращении в Омск, он стал готовить исследование по управлению Сибирью, продолжая работать в библиотеках и архивах Ленинграда (Петербурга) и Москвы. Систематические занятия в архивах, источниковедческая строгость – приоритет школы, к которой принадлежал Анатолий Викторович. На его ученые вкусы повлияло общение с Р.Ш. Ганелиным, В.С. Дякиным, В.Г. Чернухой и другими коллегами в Санкт-Петербургском институте истории РАН (прежде ЛОИИ), СПбГУ и РГИА, а также в Институте российской истории РАН и МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1986 г., после защиты в ЛГУ кандидатской диссертации «Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (1860–1906 гг.)», Ремнёв начал работать в ОмГУ, где прошел путь от ассистента до профессора. В течение 1996–2002 гг. он совмещал преподавательскую деятельность с работой проректором по научной работе, способствуя открытию новых специальностей в аспирантуре и докторантуре, созданию диссертационных советов, привлечению средств фондов для финансирования исследований.

В 1997 г. в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН Ремнёв защитил докторскую диссертацию «Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX вв.». С 1998 г. и до последних дней своей жизни он трудился в должности профессора кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения ОмГУ. Как ученый он получил признание мирового научного сообщества. Анатолий Викторович читал лекции в России, Украине, работал в 2007 г. в Колумбийском университете (Нью-Йорк, США), в 2007–2008 гг. стажировался в Центре славянских исследований университета Хоккайдо (Япония). Он состоял в экспертных советах Международной программы фонда Форда (1999–2002), программы INTAS (2000–2002) и Красноярского краевого фонда науки (2001–2002). В ОмГУ он был членом Ученого совета (1996–2007) и председателем экспертного совета конкурса грантов для молодых ученых (1999–2002).

К Ремнёву как к наставнику тянулись талантливые ученики. За свою не очень долгую жизнь он успел подготовить одного доктора и семь кандидатов исторических наук, одного кандидата юридических наук. Среди его стажеров – А. Масаэро (Италия), Д. Рейнбоу (США), Д. Нода (Япония), К. Бижигитов (Республика Казахстан).

Более десяти лет Ремнёв был близок империологическому направлению историографии с его возможностями сравнения России с другими имперскими системами. С 1996 г. он руководил семинаром «Российская империя XIX – начала XX в. в региональном измерении» (Владимир, Сестрорецк, Ярославль, 1996–1997), проектами «Империя и регион: российский вариант» (Нью-Йорк, Омск, Самара, 1997–2002) и «Власть и общество в политическом и этноконфессиональном пространстве России: история и современность» (Москва, Санкт-Петербург, 2000), международными летними школами в Саратове и Львове (2002–2006). Под его руководством вышли в свет межархивный справочник «Власть в Сибири XVI – начало XX вв.» (2003), серия книг «Окраины Российской империи» (2007–2008). Новым направлением деятельности Ремнёва стало изучение миграционной политики в геополитическом и национальном контекстах Азиатской России.

Этим сюжетам он посвятил ряд статей, опубликованных в России, Польше и подготовленных к печати в США и Японии.

Особо следует отметить межрегиональный семинар «Региональные процессы в имперской России». Он выделяется долговременным характером, высокой результативностью и главное, работоспособным, зрелым научным сообществом, продолжающим создавать новые формы и направления исследований. В 1999 г. благодаря А.В. Ремнёву удалось организовать «имперский» международный семинар и в Омске с участием Марка фон Хагена (Колумбийский университет, США), Джейн Бербанк (Мичиганский университет, США), Стивена Смита (Университет графства Эссекс, Великобритания), П.И. Савельева (ректора Самарского муниципального института управления) и других коллег. Избранный ракурс исследования имперской тематики, акцентированный на изучение механизмов, методов и технологий управления, обеспечивавших устойчивость и долговечность Российской империи, позволил выйти на новые направления исследований.

Несколько лет Анатолий Викторович был главным редактором журнала «Омский университет», членом редакционного совета журнала «Ab imperio», а также состоял в редколлегиях журналов «Омский краевед», «Научный вестник Омской академии МВД России» и интернет-журнала «Сибирская заимка».

С 1997 г. Анатолий Викторович был действительным членом Русского географического общества, членом общественного совета Архивного управления администрации Омской обл., членом научного совета Омского историко-краеведческого музея. В 2004 г. был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». С 2008 г. он состоял членом Общественной палаты Омской обл., где исполнял обязанности председателя комиссии по науке и образованию. Он участвовал в экспертизе символики Омской обл., выступал в прессе и на телевидении.

Среди важнейших работ Ремнёва – «Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в.» (1995), «Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков» (1997), «Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков» (2004), справочное издание «Власть в Сибири. XVI – начало XX в.» (в соавторстве с М. Акишиным) (2005), а также коллективная монография «Сибирь в составе Российской империи» (2007). В монографии «Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века)» (2010) им были подведены итоги 30-летней работы над историей Комитета министров. В 2005 г. к 50-летию Ремнёва коллеги подготовили сборник статей «Азиатская Россия: люди и структуры империи».

Анатолий Викторович Ремнёв, безусловно, относился к числу незаурядных личностей. Мы сохраним память о дорогом нашем товарище и замечательном ученом.

Друзья, коллеги, ученики

Памяти Семена Спиридоновича Хромова

6 апреля 2012 г. не стало видного советского и российского историка, доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии СССР Семена Спиридоновича Хромова. Его жизнь и деятельность были неразрывно связаны с важными вехами в судьбах нашего Отечества в XX в.

С.С. Хромов родился 16 февраля 1920 г. в деревне Куракино Дмитровского района Московской обл. Простой крестьянский паренек увлеченно учился в школе, в 1938 г. поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1936 г. он был избран членом Пленума райкома ВЛКСМ, с сентября 1939 г. состоял в рядах Коммунистической партии.

В начале Великой Отечественной войны Хромов пошел на фронт добровольцем: в августе–ноябре 1941 г. он, как и многие его однокурсники и друзья, боец истребительного батальона Красной Пресни, защищавшего Москву от натиска немецко-фашистских войск. С ноября 1941 г. по февраль 1942 г. Семен Спиридонович воевал в составе Западного и Северо-Западного фронтов. Будучи заместителем политрука отдельной роты противотанковых ружей 50-й отдельной стрелковой бригады 1-й Ударной армии, он выполнял трудную и ответственную задачу по укреплению боевого и морального духа солдат в один из тяжелейших периодов войны. Получив ранение, Хромов несколько месяцев пробыл в госпитале в Ярославле, а затем снова вернулся в

действующую армию. С мая 1942 г. по октябрь 1945 г. он воевал в составе Воронежского, Юго-Западного, Степного, 2-го Украинского, 1-го Белорусского фронтов, дошел до Берлина, а затем служил в Группе советских оккупационных войск в Германии. За это время молодой офицер был командиром разведки, командиром орудия, заместителем командира батареи по политчасти, парторгом батареи 75-го гвардейского минометного полка. Хромов был награжден многими знаками воинского отличия, в том числе орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над фашистской Германией» и др. Офицер запаса, он имел воинское звание полковника.

Осенью 1945 г. Хромов вернулся в свой родной университет, к лекциям и семинарам. В 1947 г. он успешно закончил обучение на историческом факультете, поступил в аспирантуру, одновременно начав работать старшим преподавателем. В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию «Деятельность Ф.Э. Дзержинского на транспорте», а в 1967 г. – уже докторскую диссертацию «Ф.Э. Дзержинский во главе металлопромышленности». В 1969 г. Хромову было присвоено звание профессора. В это же время в его работе начался новый этап: в 1966 г. он перешел в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС, в 1971 г. возглавил сектор истории.

Накопленный опыт научной и организаторской деятельности он использовал на посту директора Института истории СССР АН СССР (1979–1988). Под его руководством были изданы обобщающие научные труды, в том числе «История советского рабочего класса», «Гражданская война и военная интервенция в СССР», «Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС» и др. Несмотря на постоянную занятость в сфере организации исторической науки, Хромов находил время для научно-исследовательской работы: написал ряд научных монографий и статей, участвовал в создании коллективных трудов и документальных публикаций, подготовил 30 кандидатов и двух докторов наук.

Его многогранная деятельность (действительный член Международной славянской академии наук, образования и культуры, председатель Ученого совета Института истории СССР АН СССР, генеральный секретарь Международной комиссии по истории Октябрьской революции, заместитель председателя Национального комитета историков СССР, член Комитета по ленинским и государственным премиям СССР в области науки и техники при Совмине СССР, член ВАК при Совмине СССР, председатель комиссии по истории Ученого методического совета Министерства просвещения СССР, член Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР и др.) была отмечена правительственными наградами – орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1983 г. Семен Спиридонович стал лауреатом Государственной премии СССР, в 2002 г. был награжден медалью и дипломом Международного биографического центра – «2000 выдающихся ученых XXI в.» (Кембридж, Великобритания).

В 1990-х гг. Хромов много и внимательно изучал ставшие доступными архивные документы советской эпохи. Одним из итогов этой работы стала книга «По страницам личного архива Сталина», изданная в 2009 г. В ней автор попытался дополнить штрихи к портрету неоднозначной личности «вождя», основываясь в основном на впервые вводимых в научный оборот документах его архива. До самых последних дней Хромов продолжал свои научные изыскания, стремясь успеть сделать то, что не удалось в период его организационной работы.

Светлая память о Семене Спиридоновиче, ученом и организаторе науки, патриоте России, отзывчивом и открытом, остром на словцо, широком русском человеке, навсегда сохранится в сердцах знавших его людей.

Коллеги, друзья, ученики

СОДЕРЖАНИЕ

Смутное время в России начала XVII века

Морохин А.В., Кузнецов А.А. (Нижний Новгород) – К истории формирования нижегородского ополчения 1611–1612 гг.	3
Томенцев И.О. (Волгоград) – Смута в Понизовых городах в 1604–1614 гг.	11
Аракчеев В.А. (Псков) – Земская инициатива и фискальное принуждение в России в 1606 – 1616 гг.	22
Даннинг Ч. (США) – Террор как средство возмездия и наказания во время Смуты в России (1604–1607 гг.)	34
Лисейцев Д.В. – Временные границы Смуты	43
Опарина Т.А. – «Старые иноземцы» в эпоху Смуты	55
Козляков В.Н. (Рязань) – Московское и уездное дворянство поколения Смуты	64
Эскин Ю.М. – Пожарский и Шуйские. Отзвук трагедии 1610 г.	82

Статьи

Кривопапов А.А. – Царство Польское в стратегических взглядах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в середине 1840-х гг.	88
Александров Н.М. (Ярославль) – Сколько крестьянину надо земли? (К вопросу о норме крестьянского надела в пореформенной России)	100
Роднов М.И. (Уфа) – Земство Уфимской губернии и аграрная статистика	110
Быстрова Н.Е. – Из истории дипломатических отношений Советской России. 1917–1918 гг.	121
Листиков С.В. – «Русский след» в американской интервенции	139
Кедров Н.Г. (Санкт-Петербург) – Социальная идентичность крестьянства Русского Севера в 1930-е гг.	152
Киба Д.В. (Комсомольск-на-Амуре) – Художественная интеллигенция Дальнего Востока и власть в 1950–1960-х гг.: проблема взаимоотношений	161
Иванова А.С. – История торговой сети «Березка» в СССР (конец 1950-х–1980-е гг.)	172

Критика и библиография

Аверьянов К.А. – Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова.	186
Зубкова Е.Ю. – Х.Ф.Ян. Бедная Россия. Нищие и нуждающиеся в русской истории от Средневековья до современности.	188
Базанов С.Н. – Ю.А. Тихонов. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.)	190
Парсамов В.С. (Саратов) – А.Ю. Минаков. Русский консерватизм в первой четверти XIX в.	194
Соловьев К.А. – Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в.	197
Розенталь И.С. – Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1–2	199
Минаков А.С. (Орел) – Ф. Вчисло. Рассказы об императорской России. Жизнь и время Сергея Витте. 1849–1915	200
Гайда Ф.А. – О «дневнике Распутина»	203
Кострюков А.А. – С.В. Болотов. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е–1950-е гг.	205

Научная жизнь

Перхавко В.Б. – Дискуссия о российском крепостном праве и его последствиях.	209
Марченя П.П., Разин С.Ю. – Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».	217
Ватник Н.С. (Коломна) – Научно-практическая конференция «История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания»	219

Ульянова Г.Н. – «Аршином общим не измерить»? Семинар «Массовые источники для изучения социальной и экономической истории России, XVI–XXI вв.».....	222
Тихонов В.В. – Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды».....	224
Аверьянов К.А., Морозова Л.Е. (Москва), Марасанова В.М. (Ярославль) – II Всероссийская научная конференция «Смутное время: итоги и уроки».....	226
Юбилей И.М. Пушкаревой	229
Юбилей А.П. Павлова	231
Памяти А.В. Ремнёва	233
Памяти С.С. Хромова	234

РЕДАКЦИЯ

- Добычина Е.В., к.и.н.** – Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н.,
Мельникова Л.В., к.и.н. – Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. – Отдел Древней и Средневековой истории
Христофоров И.А., к.и.н. – Отдел историографии, источниковедения,
методов исторического исследования
Викторова Е.Н. – Заведующая редакцией
Мамонова Е.В. – Литературный редактор
Мац А.Г. – Младший редактор

Сдано в набор 10.06.2012

Подписано в печать 15.08.2012

Формат 70 × 100¹/₁₆

Печать офсетная

Усл. печ.л. 19,5

Усл.кр.-отг. 11,5 тыс.

Уч. изд.л. 27,0

Бум.л. 7,5

Тираж 751 экз.

Зак. 433

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 8-499-723-69-10

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6